МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИСТОРИКИ. ПОКОЛЕНИЯ. ВЗГЛЯДЫ

Материалы Всероссийской научной конференции
(Вологда, 19–21 октября 2017 г.)

ВОЛОГДА
2018

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
И90

Утверждено редакционно-издательским советом ВоГУ

Редколлегия:
д-р ист. наук, проф. М. А. Безнин (гл. редактор),
д-р ист. наук, проф. Т. М. Димони, канд. ист. наук, доц. Л. В. Изюмова,
д-р ист. наук, проф. А. В. Камкин,
канд. ист. наук, проф. С. Г. Карпов, И. Н. Кузнецов,
Л. С. Панов, И. В. Папин, канд. ист. наук, доц. И. В. Спасенкова

Рецензент
канд. ист. наук, доц., директор МОУ СОШ № 22 Р. А. Малахов

И90 **Историки. Поколения. Взгляды** : материалы Всероссийской научной конференции (Вологда, 19–21 октября 2017 г.) / М-во образ. и науки РФ, Вологод. гос. ун-т ; [гл. ред. М. А. Безнин]. – Вологда : ВоГУ, 2018. – 259 с. : ил.

ISBN 978-5-87851-782-9

В сборнике опубликованы статьи авторов, участвовавших во Всероссийской научной конференции «Историки. Поколения. Взгляды», г. Вологда, 19–21 октября 2017 г. В статьях рассматриваются проблемы археологических исследований Севера Европейской России, исторического и культурного развития региона в различные периоды, а также актуальные вопросы истории XX века и современности.

Сборник адресован научным работникам, студентам, преподавателям истории, краеведам.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-87851-782-9

© ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», 2018

Памяти

доктора исторических наук,
профессора ***П.А. Колесникова****,*

доктора исторических наук,
профессора ***А.В. Островского****,*

кандидата исторических наук,
доцента ***А.З. Цинмана****,*

кандидата исторических наук,
доцента ***А.Н. Башенькина***

посвящается

Содержание

Безнин М.А., Димони Т.М. Слово об ученых 7

Раздел 1. Археологические исследования на Севере Европейской части России

Васенина М.Г. Научные идеи А.Н. Башенькина и его вклад в изучение эпохи раннего железного века 14

Пантелеева Т.А. Антропологические исследования в Вологодской области: прошлое и настоящее 25

Папин И.В., Косорукова Н.В., Федоров А.С. Новые данные об эпохе бронзы в бассейне Суды (раскопки поселения Усть-Колпь-7) 33

Косорукова Н.В. Орудия охоты и рыболовства мезолитической стоянки Погостище 15 в бассейне озера Воже 39

Андрианова Л.С., Васильева Н.Б. Керамический комплекс стоянки Усть-Царева-2 в Тотемском районе Вологодской области 46

Зубов К.А. Новые находки средневековых могильников в Устюженском районе Вологодской области 52

Недомолкина Н.Г. Средневековые могильники верховий Кокшеньги 55

Кукушкин И.П. История Вологодской крепости после 1630 года 66

Адаменко О.Н. Археологические исследования крепостного рва г. Вологды в 2015–2016 годах 70

Федоров А.С. Новые исследования в охранной зоне Вологодского городища (г. Вологда, ул. Пролетарская, д. 1) 77

Кудряшов А.В., Калинин С.Б. А.Н. Башенькин и череповецкая археология 84

Раздел 2. История и культура русского государства и Европейского Севера XVI – начала XX вв.

Грязнов А.Л. Семейные архивы князей Шелешпальских и Угольских XV–XVII вв. 89

Гуслистова А.Н. Просопография и ее методы при исследовании Вологодского посада XVII в. 95

Порохина С.С. Вклады великокняжеской и царской семьи в Кирилло-Белозерский монастырь в XV–XVII вв. 101

Гагиева А.К. Историография и источники по крестьянской поземельной общине Коми края в XVIII – первой половине XIX вв. 106

Першина А.Б. История одного портрета. (Портрет художника В.В. Верещагина работы графика В.В. Матэ) 111

Овчинникова Н.А. Возрастной и социальный состав монашествующих в женских обителях Вологодской епархии в конце XIX – начале XX вв. 116

Ульянова Е.С. Взаимоотношения епархиальной и губернаторской власти во второй половине XIX века (по материалам Вологодской епархии) 122

Селянина А.В. Материалы Тенишевского архива как источник по истории вологодского крестьянства. 127

Гуторова Д.А. Генеральные планы Вологды: ретроспективный анализ. 132

Мясников В.П. Корни рода вологодских предводителей дворянства Касаткиных по документам Государственного архива Вологодской области. 137

Раздел 3. История России и регионов в XX–XXI вв.

Фурсов А.И. История и криптоистория 145

Островская С.П. Из воспоминаний А.В. Островского 152

Димони Т.М. А.В. Островский о сельском хозяйстве Европейской России второй половины XIX – начала XX века 154

Курицын А.И. Политическая программа правых на выборах в I и II Государственную думу 160

Саблин В.А. Продовольственный налог в северной деревне в 1921/22 г. 165

Жукова В.С. Повседневная жизнь крестьян Европейского Севера России в первой половине 1930-х гг. (на материалах дневника П.Г. Ананьина) 177

Гайкин В.А. История века через биографию дома 183

Ухов А.Е. Проблема преемственности идеологий самодержавия и коммунизма: системный подход. 186

Панов Л.С. Вологодское бюро краеведения (1930–1933 гг.) 193

Перебинос Ю.А. Гендерные аспекты карьеры в региональном партийно-советском аппарате в 1930-е годы (на материалах Европейского Севера России) 200

Ильина О.В. Регулирование правового положения семьи и брака в СССР в 1940-е гг. 205

Изюмова Л.В. Управленческая верхушка колхозов Европейского Севера России в 1930–1960-х гг.: численность, состав, социальные характеристики 209

Кузьминых А.Л. Интернированные немцы на Европейском Севере СССР (1945–1948 гг.) 213

Щекотова Ю.В. Организация лечебной работы в госпиталях Вологодской области в годы Великой Отечественной войны 220

Карпов С.Г. Участие профсоюзов Вологодской области в повышении эффективности общественного производства во второй половине 1950-х – 1960-х гг. 224

Шорохова И.В. Роль Петрозаводского университета в обеспечении экономики Карелии квалифицированными кадрами во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. 230

Баконов Е.Ю. Правовое и экономическое положение сельскохозяйственной протобуржуазии в Вологодской области в 1930–1950-е гг. 234

Шабарова Е.С. Гармонное дело в Кирилловском районе Вологодской области в 1930–1960-е гг. 241

Столетова А.С. История развития книгоиздания на Европейском Севере России в 1950–1960-е гг. (на примере Архангельской и Вологодской областей) 246

Коновалова Л.А. Доходы колхозов Северо-Запада РСФСР от продаж на колхозном рынке в середине 1960-х гг. 251

Слово об ученых

Всероссийская научная конференция «Историки. Поколения. Взгляды» посвящена памяти тех преподавателей и ученых Вологодского педагогического государственного университета (позже – Вологодского государственного университета), кому в 2017 году исполнились бы юбилейные даты: профессорам Петру Андреевичу Колесникову и Александру Владимировичу Островскому, доцентам Александру Николаевичу Башенькину и Абраму Залмановичу Цинману. Имена их широко известны на Европейском Севере России и за его пределами.

Петр Андреевич Колесников (1907–1996) относился к поколению историков, переживших трудные годы Гражданской и Великой Отечественной войн. В 1950-е годы он обратился к изучению российской провинции, северной деревни. Именно тогда были высказаны соображения о ценности экономического, социального, культурного наследия северных территорий страны. Профессор П.А. Колесников фактически сформировал научное направление по изучению северной деревни. В 1990-е годы оно превратилось в вологодскую школу аграрной истории России, возглавляемую профессором М.А. Безниным.

Петр Андреевич Колесников родился 3 октября 1907 г. в станице Старо-Щербиновской на Кубани. Учился в Ейске, затем занимался комсомольской и профсоюзной деятельностью, заведовал избой-читальней. В 1929 г. был призван в ряды РККА, в 1932 г. заведовал сельской образцовой начальной школой в Маловишерском районе Ленинградской области. В начале 1933 г. был избран председателем Маловишерского райкома союза учителей, а осенью того же года возглавил райком союза учителей в Устюжне и стал преподавать историю в школе крестьянской молодежи. С августа 1934 г. работал учителем в Харовском, а затем в Нюксенском районах.

В 1937 г. П.А. Колесников вернулся в Устюжну и до августа 1941 г. преподавал историю в сельскохозяйственном техникуме и географию в педагогическом училище. Заочно обучался в Вологодском учительском институте, окончил его с отличием. В августе 1941 г. Петр Андреевич был призван в ряды Красной армии, в годы Великой Отечественной войны служил в Вологде, Архангельске и Кеми, а с 1945 г. был офицером-воспитателем и старшим преподавателем Саратовского суворовского училища. В 1948 г. экстерном с отличием окончил исторический факультет Саратовского педагогического института.

С 1950 г. П.А Колесников работал завучем и преподавателем истории в средней школе в Устюжне, с 1957 г. возглавлял Устюженский РОНО. В 1957 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию по теме «Город Тотьма в XVII веке (к вопросу о социально-экономической истории русского поморского города)», написанную под руководством Н.В. Устюгова, в 1960 г. начал работу в Вологодском государственном педагогическом институте. В Вологде в полной мере развился его талант исследователя, педагога и организатора.

По инициативе Петра Андреевича были основаны Вологодское проблемное объединение по аграрной истории Европейского Севера (1967 г.) и Северное отделение Археографической комиссии АН СССР (1969 г.). В начале 1970-х гг. он выступил с инициативой воссоздания в ВГПИ кафедры истории СССР и стал ее первым заведующим. В 1972 г. защитил докторскую диссертацию по теме «Крестьянство и сельское хозяйство Европейского Севера России в XVI–XVIII вв.». В 1974 г. был утвержден в ученом звании профессора. В 1977 г. ему присвоено звание заслуженного деятеля науки РСФСР.

П.А. Колесников являлся инициатором и редактором многих авторитетных изданий: «Северный археографический сборник» (Вологда, 1970–1980), «Памятники письменности в музеях Вологодской области: каталог-путеводитель», «История северного крестьянства» (Архангельск, 1984–1985), а также автором более 150 научных публикаций. Монография Петра Андреевича «Северная деревня в XV – первой половине XIX века: к вопросу об эволюции аграрных отношений в российском государстве» (Вологда, 1976) вошла в число классических работ российского крестьяноведения XX века.

П.А. Колесников был удостоен многих правительственных наград, бронзовой медали ВДНХ СССР. Он являлся почетным членом Археографической комиссии РАН, почетным гражданином Вологды и Устюжны. В честь Петра Андреевича была учреждена ежегодная премия, которая вручается лучшим вологодским учителям, преподающим дисциплины гуманитарного цикла. В 2007 г., в год столетнего юбилея П.А. Колесникова, его имя присвоено одной из аудиторий исторического факультета нашего университета. Являясь организатором науки, работая в студенческой аудитории, беседуя с самыми разными людьми, Петр Андреевич всегда оставался простым, внимательным и располагающим к общению, что не могло не притягивать к нему тех, кто с ним встречался.

Александр Владимирович Островский (1947–2015) относился к более молодому поколению историков. Человек огромной работоспособ-

ности, высокой эрудиции, постоянного научного горения, он лишь несколько лет проработал в Вологодском пединституте. Дальнейшая его жизнь была связана с Ярославлем и Ленинградом. В течение научной деятельности профессор А.В. Островский занимался решением острых и полемичных научных проблем истории русских революций, политических переворотов, политических убийств, загадок выдающихся политических лидеров России.

Александр Владимирович родился в 1947 г. в деревне Улин Калининской области. В 1965 г. он окончил среднюю школу в городе Великие Луки, в 1970 г. – исторический факультет Псковского педагогического института, в 1974 г. – аспирантуру Ленинградского отделения Института истории АН СССР (научный руководитель В.С. Дякин).

А.В. Островский преподавал в Вологодском (1975–1980) и Ярославском (1980–1984) педагогических институтах. В 1977 г. защитил кандидатскую диссертацию «Третьеиюньский переворот 1907 года». В 1984–1997 гг. работал в Ленинградском электротехническом институте связи, в 1997–2001 гг. был заведующим кафедрой истории Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов. После 2001 г. продолжил преподавательскую карьеру в должности профессора кафедры истории и регионоведения гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. М.А. Бонч-Бруевича.

В 1982 г. в докторской диссертации «Капиталистическая перестройка сельскохозяйственного производства Европейской России в конце XIX – начале XX в.» А.В. Островский сделал попытку пересмотра сложившихся представлений об аграрном строе дореволюционной России. После того как диссертация по идеологическим мотивам была отправлена на переработку, в декабре 1983 г. представил новый ее вариант под названием «Зерновое производство Европейской России в конце XIX – начале XX в.». Он тоже не был принят. Только в 1989 г. защитил третий, еще более урезанный вариант, который лег в основу книги «Сельское хозяйство Европейского Севера России. 1861–1914 гг.», изданной в 1998 г.

А.В. Островский – автор более 150 научных публикаций. На протяжении пятнадцати лет Александр Владимирович работал над книгой, получившей название «Кто стоял за спиной Сталина? Тайны революционного подполья». В ней были сделаны акценты на малоизвестных публикациях, раскрыты связи Сталина с представителями грузинской и армянской аристократии. Кроме того, большую известность получили книги А.В. Островского «Солженицын: Прощание с мифом» (М., 2004), «1993: Расстрел

“Белого дома”» (М., 2008), «Кто поставил Горбачева?» (М., 2010), «Глупость или измена? Расследование гибели СССР» (М., 2011) и другие.

В 1992–2005 годах А.В. Островский редактировал альманах «Из глубины времен» (издано 13 выпусков).

Изучением аграрной истории Европейского Севера XIX века занимался и Абрам Залманович Цинман (1917–1994). Он был человеком огромного жизненного опыта, фронтовиком, приверженцем строгих и требовательных отношений со студентами.

Абрам Залманович родился 1 сентября 1917 г. в г. Городок Витебской губернии (ныне Республика Беларусь). После окончания школы работал в Ленинграде, в 1938 г. поступил на исторический факультет Ленинградского университета, где преподавали крупнейшие историки страны и складывались традиции ведущей школы отечественной исторической науки. Учеба была прервана началом Великой Отечественной войны. А.З. Цинман вступил в народное ополчение Ленинградского фронта и принял участие в ожесточенных боевых действиях на Ропшинском направлении в условиях наступления фашистов на Ленинград и начавшейся затем блокады города. Он воевал в составе взвода разведки, был ранен и в декабре 1941 г. демобилизован в звании гвардии рядового. За участие в военных действиях и работу в тылу Абрам Залманович был награжден орденами Отечественной войны II степени и Красной Звезды, медалями. Находился в блокадном Ленинграде до февраля 1942 г., когда университет был эвакуирован в Саратов. После окончания университета в 1944 и аспирантуры в 1947 г. А.З. Цинман приехал в Вологду. С этого времени и до 1984 г. работал в Вологодском государственном педагогическом институте ассистентом, старшим преподавателем, доцентом, заместителем декана. Когда в ВГПИ был восстановлен самостоятельный исторический факультет с пятилетним сроком обучения, Абрам Залманович стал его первым деканом (1971–1972 гг.). Удостоился званий «Отличник народного просвещения СССР и РСФСР» и «Ветеран труда».

Круг научных интересов А.З. Цинмана включал, главным образом, проблемы истории России и Вологодского края XIX века. В 1954 г. он защитил кандидатскую диссертацию по теме подготовки отмены крепостного права в Вологодской губернии. В дальнейшем он опубликовал научные работы «Кризис помещичьей системы хозяйства в Вологодской губернии в первой половине XIX века», «Подготовка отмены крепостного права в Вологодском губернском комитете», «Классовая борьба помещичьих крестьян Вологодской губернии в I-й половине XIX века» и др. Во время работы в вузе руководил научной деятельностью студентов,

в том числе кружком по изучению местного края. Активно участвовал в спортивной жизни факультета, вуза. А.З. Цинман был замечательным педагогом, его советы и личный пример благотворно сказались на становлении личности многих педагогов и профессионалов других сфер приложения интеллектуальных сил.

Александр Николаевич Башенькин (1957–2013) пришел в историческую науку в 80-е годы XX века, его деятельность была связана с изучением археологических памятников Вологодчины. Как историк нового поколения, он более мягко оценивал роль варягов в истории России, высказывал неклассические взгляды на процессы освоения территорий Европейского Севера. А.Н. Башенькин воспитал целую плеяду археологов: почти все, кто сегодня ведет раскопки в Вологде, являются его непосредственными учениками.

Александр Николаевич родился в поселке Чагода 17 октября 1957 г. в семье Николая Филипповича и Александры Петровны Башенькиных. С 1959 г. семья проживала в г. Пикалево Ленинградской области. Закончил Пикалевскую среднюю школу № 4. В 1975 г. поступил на исторический факультет Ленинградского государственного университета, уже в студенческие годы занимался славяно-русской и финно-угорской археологией. После окончания университета в 1980 г. Александр Николаевич начинает трудовую деятельность в Череповецком краеведческом музее. За 5 лет работы в музее был подготовлен каталог археологических памятников области, картотека археологических коллекций раскопок М.Е. Арсаковой, А.Я. Брюсова, Л.А. Голубевой, Н.В. Тухтиной. Археологической экспедицией Череповецкого краеведческого музея (АЭЧКМ) было начато сплошное обследование западных районов Вологодской области, Череповца и его окрестностей. Материалы раскопок 21 средневекового памятника у д. Никольское в Бабаевском районе, результаты анализа вновь выявленных памятников легли в основу кандидатской диссертации А.Н. Башенькина «Юго-западное Белозерье во второй половине I – начале II тысячелетия н.э.», где сделан вывод об их финно-угорской этнической принадлежности и охарактеризован этот микрорегион как центр судской веси.

С 1985 года Александр Николаевич работал в Вологодском государственном педагогическом институте (позднее – университете) на историческом факультете. Он преподавал курсы «Археология СССР», «Отечественная история с древнейших времен до конца XIV в.», «История Вологодского края», «Этнография», вел спецкурсы. Под руководством А.Н. Башенькина археологическую практику прошло более 600 студен-

тов исторического факультета. С 2001 года Александр Николаевич работал на кафедре социально-политических дисциплин, затем на кафедре теории, истории культуры и этнологии Вологодского государственного педагогического университета. Сфера научных интересов и достижений А.Н. Башенькина расширяется, к археологии средневековья добавляется изучение поселений и могильников железного века западных районов Вологодской области. Александр Николаевич является первооткрывателем могильников финно-угорского населения раннего железного века – «домиков мертвых», грунтовых могильников и курганов с захоронениями по обряду кремации. В его исследованиях более чем 50-ти объектов вопрос о «трудноуловимости» археологическими методами погребального обряда населения эпохи раннего железного века (в том числе населения дьяковской культуры на всей территории ее распространения) был решен. А.Н. Башенькин провел раскопки и на городищах раннего железного века у д. Бабушкино в Чагодощенском районе и д. Городок в Бокситогорском районе, а также продолжил изучение курганов и поселений культуры длинных курганов в бассейне Мологи. Александр Николаевич выявил более двух десятков неизвестных ранее курганных групп этой раннеславянской культуры, расширил ареал культуры на северо-восток. Под руководством А.Н. Башенькина впервые раскопано славянское поселение VI–VIII вв. н.э. Часть раскопанных курганов определена как наиболее ранние в целом в культуре длинных курганов. Александр Николаевич открыл и исследовал также насыпи культуры сопок, древнерусские поселения, курганные могильники и жальники.

С 1980-го по 2012-й годы А.Н. Башенькиным было открыто около 600 новых археологических памятников раннего железного века и средневековья Молого-Шекснинского междуречья, в том числе впервые проведены разведки и раскопки в местах современного проживания вепсов в Бабаевском и Бокситогорском районах. 1986–1996-е годы стали самыми масштабными по объемам работ не только в Вологодской области, но и на Северо-Западе: под руководством А.Н. Башенькина раскопки были проведены на 50 поселениях и могильниках раннего железного века – средневековья – древнерусского времени.

Александр Николаевич рекомендовал на получение Открытого листа более десятка учеников, в том числе А.В. Кудряшова, Н.В. Косорукову, А.М. Иванищева, М.В. Иванищеву, М.Г. Васенину, И.П. Кукушкина, О.Н. Адаменко. Более тысячи школьников и студентов прошли под руководством Александра Николаевича школу археологических разведок и экспедиций, именно он сумел привить любовь к археологии, к изучению

родного края, к научному поиску. Материалы исследований А.Н. Башенькина представляли исключительное значение для реконструкции общей панорамы взаимодействия финно-угорских, балтских и славянских культур в регионе. Публикации Александра Николаевича отличались новаторскими идеями, глубиной поставленных и решенных вопросов и заслуженно пользовались признанием среди специалистов. А.Н. Башенькин был составителем и редактором научных и краеведческих сборников и статей по археологической и исторической тематике, участвовал в работе археологических конференций, симпозиумов, съездов и конгрессов, активно занимался паспортизацией археологических памятников. В 1994 и 1996 годах стал организатором научной конференции «Археология Русского Севера».

На научном форуме «Историки. Поколения. Взгляды» участники не только вспомнили наших выдающихся ученых, обсудили их научное наследие. Конференция дала возможность продвинуться вперед в изучении истории Европейского Севера и России. Секции конференции были сформированы таким образом, чтобы продолжить и развить научные направления, у истоков которых стояли П.А. Колесников, А.В. Островский, А.З. Цинман и А.Н. Башенькин. С результатами представленных на научном форуме исследований и знакомит данный сборник статей.

зав. кафедрой отечественной истории ВоГУ
профессор М.А. Безнин,

профессор кафедры отечественной истории ВоГУ Т.М. Димони

Раздел 1

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА СЕВЕРЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ

М.Г. Васенина

НАУЧНЫЕ ИДЕИ А.Н. БАШЕНЬКИНА И ЕГО ВКЛАД В ИЗУЧЕНИЕ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Александр Николаевич Башенькин (17.10.1957 г. – 25.07.2017 г.) пришел работать на кафедру истории СССР (с 1992 г. – отечественной истории) Вологодского государственного педагогического института в 1985 году. На историческом факультете он прошел все вузовские ступени: ассистент кафедры, старший преподаватель, с 1993 г. – доцент. Преподавал курсы «Археология СССР», «Отечественная история с древнейших времен до конца XIV в.», «История Вологодского края», «Этнография», спецкурсы по археологии и краеведению, руководил дипломными и курсовыми работами по археологии. С 2001 по 2008 годы работал на кафедре социально-политических дисциплин, затем на кафедре теории, истории культуры и этнологии ВГПУ. Александр Николаевич был ярким представителем петербургской исторической и археологической школы. Идеи своих коллег и учителей из альма-матер – Ленинградского государственного университета – он доносил на лекциях, семинарах и практике. Вместе с Александром Николаевичем более тысячи студентов и школьников прошли полевую школу археологических экспедиций. Он сочетал в себе глубокое знание исторических фактов, событий, их оценки, любил и умел дискутировать с коллегами и студентами. Эрудированный, чуткий и внимательный педагог, учитель, наставник, друг и старший коллега для тех, кто был студентом и благодаря Александру Николаевичу стал историком или археологом. А.Н. Башенькин – первый профессиональный археолог Вологодской области, посвятивший изучению нашего края более 40 лет. Александр Николаевич был археологом во всех смыслах: преподаватель археологии, руководитель экспедиции, археолог-полевик, первооткрыватель сотен памятников и новых для Северо-Запада типов археологических объектов, исследователь, предлагавший неординарные научные идеи. Он был и археологом-музейщиком – за его плечами был опыт работы в Череповецком

краеведческом музее в качестве сотрудника отдела фондов, он стал идейным вдохновителем археологического музея – до сих пор единственного в Вологодской области. Был и редактором сборников и статей по археологии, организатором и участником археологических конференций, общественной и просветительской деятельности. Современная вологодская археология во многом выросла из его экспедиций, лекций и практических занятий, она взрастала на его научном поиске, его идеях.

Основной район полевых исследований А.Н. Башенькина охватывает большую часть запада Вологодской области – территорию Молого-Шекснинского междуречья, включающую бассейны р. Суды, Колпи, Лиди, Чагоды, Кобожи, Чагодощи, Мологи с более мелкими притоками. В современном административном делении это Череповецкий, Кадуйский, Бабаевский, Устюженский, Чагодощенский районы Вологодской области и частично Бокситогорский район Ленинградской области.

В полевых и научных исследованиях А.Н. Башенькина выделяются несколько крупных тем: археологические памятники раннего железного века; древности середины I тыс. н.э. (в том числе культура длинных курганов и финно-угорская культура); средневековая финно-угорская археология и археология веси-вепсов; древнерусские памятники. Одна из тем, которой он занимался на протяжении всей своей деятельности, это исследование памятников раннего железного века.

К началу 1980-х гг. на территории Молого-Шекснинского междуречья было известно пять городищ с сетчатой керамикой раннего железного века. На двух из них А.В. Никитиным были проведены раскопки – на городище у д. Куреваниха на р. Мологе (Устюженский район) и на Шогдинском городище на р. Суде (Бабаевский район). Исследователем памятники были отнесены к дьяковской культуре[1]. В монографии «Дьяковская культура» только бассейн верхней Мологи был включен в территорию археологической культуры; ее среднее течение, а также бассейн Суды находились вне пределов указанной культуры[2]. На тот момент в науке существовали дискуссионные точки зрения об этапах жизни на городищах, о принадлежности городищ балтскому, финно-угорскому или славянскому населению[3]. Неясен был погребальный обряд дьяковцев: на обширной территории культуры (а это Ярославская, Московская, Владимирская, Тверская, Смоленская области) в период до 1980-х гг. дважды были найдены остатки погребальных сооружений (на городище Березняки в Ярославской области и на городище близ Саввино-Сторожевского монастыря в Московской области)[4].

В результате сплошного обследования западных районов Вологодской и близлежащих районов Ленинградской области, проведенного в период с 1980 по 2000 гг., в Молого-Шекснинском междуречье было выявлено нескольких десятков новых селищ и семь городищ. С 1983 по 2008 гг. полевые работы были проведены на 12 памятниках, еще на 20 заложены шурфы (таблица 1). Полученные результаты утвердили А.Н. Башенькина в мысли о том, что р. Суда является северной границей распространения дьяковских городищ. Он считал, что городище у д. Городок на р. Чагоде (Бокситогорский район Ленинградской области), городища Никольское-XV, Шогдинское (Тырпец) и селище Пугино на Суде являются самыми северными выявленными и раскопанными поселенческими памятниками дьяковской культуры. На городище Никольское-XV на р. Суде (Бабаевский район) исследована кольцевая постройка столбовой конструкции диаметром около 30 м, шириной 4 м. Находки представлены грузиками «дьякова» типа, ножом, наконечником стрелы, кельтом, оселками, сетчатой керамикой. Датировка – вторая пол. I тыс. до н.э. – нач. I тыс. н.э. На городище у д. Городок только нижний культурный слой относится к раннему железному веку, здесь выявлены остатки двух наземных жилищ, датировка по материалам и радиоуглеродному анализу – рубеж эр. Классическое городище раннего железного века раскопано А.Н. Башенькиным у д. Бабушкино в Чагодощенском районе Вологодской области, на берегу Шум-реки (бассейн р. Кобожи). Городище расположено на холме высотой до 8 м, выявлены остатки сгоревших деревянных укреплений по краю верхней площадки, ров у подножия холма. Остатки наземных и заглубленных жилищ располагались по периметру площадки. Обнаружено более пятнадцати железных ножей с горбатой спинкой, в том числе единственный, по-видимому, для обширной территории дьяковской культуры сохранившийся полностью нож с костяной рукоятью, железный серп, шилья, наконечники стрел, рыболовные крючки, льячки, десятки разнообразных костяных предметов, включая орнаментированные ложечки и ножичек, грузики. Значительную часть материала составляют массовые находки – сетчатая и гладкостенная лепная керамика, кости домашних и диких животных. Найденный железный серп, свидетельствующий о земледелии, является древнейшим в Вологодской области. В центре площадки расчищены остатки культового деревянного сооружения, в котором помещался череп лося. Исключительной находкой является антропоморфная бляха, имеющая зауральское происхождение[5]. Городище датируется серединой I тысячелетия до н.э. – началом I тысячелетия н.э., принадлежит финно-

угорскому населению. «Граница культуры четко прослеживается по распространению городищ. К западу от Вепсовской возвышенности в бассейне рек Ладожского озера неизвестно ни одного городища раннего железного века, хотя эта территория хорошо изучена в археологическом отношении. К северу, в Белозерье, и к востоку, в бассейне Сухоны, также неизвестно ни одного городища… Таким образом, северной границей распространения городищ раннего железного века является река Суда. Исследования городищ показали, что по топографии, размерам, устройству они относятся к типам, распространенным в дьяковской культуре. Выявленные на городищах типы жилищ – полуземлянки, длинные кольцевые постройки, наземные срубные дома – также характерны для дьяковской культуры на разных её этапах. Керамический набор с сетчатой, штрихованной и лепной гладкостенной посудой близок дьяковскому. То же можно сказать о составе орудий труда, вооружения, бытовых предметов…»[6]. Вслед за мнением других исследователей[7] он придерживался той точки зрения, что культура, представленная на городищах и селищах Молого-Шекснинского междуречья, сформировалась на базе культуры ранней сетчатой керамики; этническая принадлежность в целом оценена как финно-угорская. А.Н. Башенькин отмечал, что все исследованные в Молого-Шекснинском междуречье городища и селища, за исключением Пугино на р. Суде в Кадуйском районе, содержат материалы древнее IV в. н.э., и соотносил их с т. н. раннедьяковскими памятниками. Для раннего этапа городищ и селищ Молого-Шекснинского междуречья (начало I тыс. до н.э. – сер. I тыс. до н.э.: Куреваниха-XIII, Куреваниха-XIV) характерна только сетчатая керамика, незначительное количество или отсутствие железных изделий, отсутствие грузиков «дьякова» типа. На некоторых поселениях (Усть-Белая-II, Куреваниха-XIV) найдены грузики милоградских типов, характерные для Поднепровья. А.Н. Башенькин полагал, что в этом прослеживается распространение юго-западных импульсов (балтских), первые из которых он относил ко времени около III в. до н.э.[8] Далее, на рубеже эр на отдельных городищах Молого-Шекснинского междуречья, таких как Никольское-XVII и Городок на р. Чагоде, несмотря на их удаленность, так же как и многих городищах основного ареала дьяковской культуры, фиксируется влияние населения, продвинувшегося сюда с юго-запада[9]. Для поселений второй половины I тысячелетия до н.э. – первых вв. н.э. характерно присутствие гладкостенной керамики наряду с сетчатой и штрихованной, увеличение количества железных предметов и незначительное количество изделий из цветных металлов (Бабушкино, Куреваниха-I, -IV, -XII). К середине

I тыс. н.э. жизнь на поселениях в бассейнах Чагоды – Мологи прекращается[10], к финно-угорским поселениям второй четверти I тыс. н.э. относится только Пугино на р. Суде[11].

Таблица 1

ПОСЕЛЕНИЯ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА МОЛОГО-ШЕКСНИНСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ, ИЗУЧАВШИЕСЯ РАСКОПКАМИ

№ п/п	Наименование памятника	Место-расположение	Тип	Автор раскопок	Годы раскопок
1	Куреваниха I (нижний слой)	р. Молога, при впадении р. Кать	городище	Никитин А.В.	1966
2	Шогдинское (Тырпец I)	р. Суда, Бабаевский район	городище	Никитин А.В.	1974
3	Никольское XV	р. Суда	городище	Башенькин А.Н.	1985
4	Куреваниха XIII	р. Молога, Устюженский район	городище	Васенина М.Г.	1993
5	Городок (нижний слой)	р. Чагода	городище	Башенькин А.Н.	1992
6	Бабушкино	бассейн р. Кобожи	городище	Башенькин А.Н.	1996–1997, 2000, 2003, 2005, 2006, 2007
7	Дом охотника	р. Большой Юг, Череповецкий район	селище	Башенькин А.Н.	1982
8	Пугино (нижний слой)	р. Суда, Кадуйский район	селище	Башенькин А.Н.	1985,1986, 1995
9	Усть-Белая II	р. Кобожа	селище	Башенькин А.Н.	1987, 1998, 2001–2002
10	Куреваниха IV	р. Молога, Устюженский район	селище	Башенькин А.Н.	2004, 2006
11	Куреваниха XIV	р. Молога, Устюженский район	селище	Башенькин А.Н.	2006, 2007

А.Н. Башенькин в археологии раннего железного века по праву считается первооткрывателем погребальных памятников финно-угорского населения. Напомним, что до его работ за пределами Молого-Шекснинского междуречья были обнаружены только два погребальных памятника этого периода. Погребальный обряд населения селищ и городищ раннего железного века считался трудноуловимым археологическими методами. Активные работы по поиску могильников раннего железного века начались после обнаружения первого могильника из них – Никольское-XVII на р. Суде. Он выявлен в 1983 г. при раскопках средневекового кургана и подтолкнул к поискам аналогичных памятников[12]. Далее за 40 лет работ А. Н. Башенькин нашел еще два десятка могильников

с кремациями изучаемой эпохи. В список раскопанных погребальных памятников вошли более десятка могильников сер. I тыс. до н.э. – нач. I тыс. н.э. (таблица 2). Могильники отличаются и типологически (грунтовые погребения, «домики мертвых», курганы), и по количеству погребальных объектов. Большинство из найденных грунтовых могильников не имели внешних видимых признаков и были найдены благодаря целеустремленности исследователя, поставившего себе цель – найти к каждому поселению раннего железного века сопутствующий могильник.

Таблица 2

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА МОЛОГО-ШЕКСНИНСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ, ОТКРЫТЫЕ И РАСКАПЫВАВШИЕСЯ А.Н. БАШЕНЬКИНЫМ

№ п/п	Наименование и месторасположение памятника	Тип	Дата	Объекты	Культурная принадлежность	Годы раскопок
1	Пугино, р. Суда	грунтовый могильник	кон. I тыс. до н.э. – XI в. н.э.	погребения по обряду кремации, кремационная яма, «домики мертвых»	финно-угорская культура	1985, 1986, 1995
2	Никольское XVII, р. Суда	грунтовый могильник	I половина I тыс. н.э.	погребения по обряду кремации	финно-угорская культура	1983-1984
3	Любахин V, р. Песь	грунтовый могильник	конец I тыс. до н.э. – начало I тыс. н.э.	погребения по обряду кремации, в том числе урновые		1989
4	Усть-Белая I, р. Кобожа	грунтовый могильник и курганная группа	III в. до н.э. – I половина I тыс. н.э.	погребения по обряду кремации: грунтовые коллективные и индивидуальные погребения, погребальные площадки, «домик мёртвых», курганы: кремации, коллективные и индивидуальные захоронения	финно-угорская культура	1986, 1987, 1988, 1989, 1999, 2000
5	Чагода I, р. Песь и Чагода	могильник	IV–III вв. до н.э. – IV–V вв. н.э	грунтовые погребения, «домики мертвых», курганы № 1-5 с погребениями по обряду кремации, остатками подкурганного «домика мертвых»		1987, 1993
6	Городок р. Чагода	погребение	конец I тыс. до н.э. – начало I тыс. н.э	погребение на городище по обряду кремации		1992

Окончание табл. 2

№ п/п	Наименование и месторасположение памятника	Тип	Дата	Объекты	Культурная принадлежность	Годы раскопок
7	Усть-Колоденка, р. Колпь	грунтовый могильник	конец I тыс. до н.э. – начало I тыс. н.э	грунтовые погребения, кремации		1994 (Васенина М.Г.)
8	Куреваниха XVII, р. Молога	«домик мертвых»	I в. до н.э. – II в. н.э	«домик мёртвых», кремации	финно-угорская культура	1990
9	Куреваниха XX, р. Молога	могильник	III в. до н.э. – I в. до н.э	грунтовые погребения, «домик мёртвых», погребения по обряду кремации	финно-угорская культура	1990
10	Куреваниха XXVI, р. Молога	«домик мёртвых»	конец I тыс. до н.э. – нач. I тыс. н.э.	«домик мёртвых»: кремации	финно-угорская культура	2005
11	Куреваниха XVIa, р. Молога	«домик мёртвых»	II – III вв. н.э.	«домик мёртвых»: погребения по обряду кремации	финно-угорская культура	1993
12	Куреваниха XIVa, р. Молога	могильник	конец I тыс. до н.э. – нач. I тыс. н.э.	погребальные сооружения и грунтовый могильник, кремации	финно-угорская культура	2006, 2007

Могильники, как и поселения, располагаются на высоких берегах, занимая самый край береговой полосы и находясь практически около обрыва. Могут быть приурочены к устью реки, ручейка, небольшой низине или находиться в глубине бора, на отдельных возвышенностях и грядах. В районе д. Куреваниха на р. Мологе А.Н. Башенькиным выявлено 8 могильников с кремациями, относящихся к располагавшимся вблизи городищам и селищам раннего железного века. Могильники Любахин-V на р. Песи, Пугино и Никольское-XVII на р. Суде также располагаются вблизи поселений. В целом могильники синхронны городищам и селищам, о которых упоминалось выше, и принадлежат местному финно-угорскому населению[13]. Все они содержат погребения по обряду кремации. Остатки сожжения (кремированные кости, инвентарь – бронзовые, железные, костяные предметы и т.д., горшки) сохранялись в общих погребальных сооружениях – «домиках мертвых», или на каких-то общих для коллектива пространствах, где происходило их постепенное накопление и последующее смешивание[14]. Все антропологические остатки из погребальных памятников Молого-Шекснинского междуречья были

представлены для исследований антропологам[15]. А.Н. Башенькин отмечает на всех могильниках раннего железного века наличие предметов, соотносимых с находками с городищ и селищ (сетчатая и гладкостенная керамика, топоры-кельты, ножи с горбатыми спинками, наконечники стрел, костяные предметы, точильные бруски подтреугольной формы и др.). Погребальный инвентарь могильников Молого-Шекснинского междуречья, по мнению исследователя, имеет следующие особенности: присутствие значительного количества предметов воинской культуры (наконечники стрел и дротиков, наконечники копий, топоры, кинжалы, поясные пряжки и накладки, детали конской упряжи); наличие зооморфных подвесок (в виде уточек, медведей, двухголовых коньков, птичек с раскрытыми крыльями); значительное количество бронзовых вещей имеет волго-камские корни; выделение круга «степных» вещей и собственно сооружение «домиков мертвых» и курганов. Очертив ареал распространения зооморфных изображений и сравнивая его с прикамским очагом «звериного стиля», он считал его самостоятельным и независимым от прикамского, но испытавшим влияние пришлого населения, видимо скотоводческого, с юго-востока, что выразилось, например, в появлении подвесок в виде двухголовых коньков и парящей птицы[16]. Уместно напомнить, что до работ А.Н. Башенькина история металлических зооморфных подвесок в нашем крае начиналась со средневековья – IX–X вв. н.э.

Новаторские идеи были высказаны Александром Николаевичем в отношении захоронений в «домиках мертвых» (могильники в районе д. Куреваниха, Чагода-I, Усть-Белая-I). «На основании известных в настоящее время материалов следует признать, что традиция погребения в наземных деревянных сооружениях появляется на севере лесной зоны Восточной Европы в раннем железном веке в результате привнесения «со стороны». В то же время захоронения на уровне древнего горизонта в деревянных сооружениях характерны для обширных регионов Сибири, Южного Зауралья, Алтая, Тувы, начиная по крайней мере с эпохи финальной бронзы и до эпохи средневековья включительно… Значительная часть погребального инвентаря в сооружениях представлена типами, неизвестными здесь в предшествующее время. Судя по находкам псалия и удил, погребения сожженных взнузданных коней также помещались в сооружения. Появление нового вида погребальных сооружений… свидетельствует о проникновении в бассейн Мологи не позднее III в. до н.э. хорошо вооруженного скотоводческого населения. Вторжение было достаточно многочисленным, т.к. памятники известны на большой территории, а традиция погребения в «домиках мертвых» в бассейне Мологи, не

прерываясь, сохраняется до IV в. н.э. Продвижение этого населения происходило с юго-востока, по Волге, а исходный район миграции находился, по-видимому, в Зауралье»[17]. Традиция совершения захоронений в «домиках мертвых», по мнению А.Н. Башенькина, возникает здесь в III–II до н.э., но наряду с ней продолжают существовать и грунтовые могильники.

Исследование курганов Чагода-I и Усть-Белая-I в конце 1980-х – начале 1990-х гг. само по себе было большим открытием, так как считалось, что самыми ранними курганами северо-западных областей лесной зоны Восточной Европы являются насыпи культуры длинных курганов второй четверти I тыс. н.э. Раскопки этих курганов показали их близость и порой идентичность материалам из грунтовых могильников и «домиков мертвых» и подтвердили идею исследователя о проникновении степного населения в начале нашей эры. Распространение курганного обряда он связывал исключительно с влиянием пришлого населения и датировал захоронения в насыпях II–IV вв. н.э.[18] «По-видимому, степное влияние на севере лесной зоны было гораздо более мощным, чем представлялось ранее. Следует также отметить, что в целом в современной литературе значение для севера лесной зоны Восточной Европы такого явления, как “великое переселение народов” явно недооценивается»[19].

Среди раскопанных могильников Молого-Шекснинского междуречья А.Н. Башенькин выделял не менее четырех отдельных групп: 1 – погребальные памятники в районе д. Куреваниха на р. Мологе; 2 – погребальные памятники на р. Суде и Колпи; 3 – могильник Чагода-I в месте слияния р. Песь и Чагода; 4 – могильник Усть-Белая-I на р. Кобоже. Различия как в инвентаре, так и в выявленных конструктивных особенностях погребальных пространств. А.Н. Башенькин предполагал, что одновременное существование трех погребальных традиций (помещение кремированных останков в грунтовые могильники, погребальные сооружения типа «домиков мертвых», захоронение в курганах) может свидетельствовать о смешанном составе населения. Часть погребений принадлежит местному финно-угорскому населению, другая – «населению, пришедшему по Волге с юго-востока»[20]. Распространение разных типов погребального обряда А.Н. Башенькин считал существенным отличием культуры раннего железного века Молого-Шекснинского междуречья от основного ареала дьяковской культуры.

Для полноты картины также отметим, что в материалах грунтовых могильников и погребальных сооружений, также как и на поселениях конца I тыс. до н.э., а затем в III–IV вв. н.э., прослеживается распростра-

нение вещей и элементов обряда с юго-запада, балтских, из Поднепровья и Подвинья. Между тем количество вещей «западного» происхождения в могильниках Молого-Шекснинского междуречья менее значительно, нежели «восточного», имеющего аналогии в рязано-окских и прикамских могильниках.

К V в. н.э. грунтовые могильники раннего железного века прекращают свое существование. Традиция использовать «домики мертвых» для сохранения кремированных останков на р. Мологе прекращается к IV в. н.э., дальнейшее развитие этой традиции прослежено А.Н. Башенькиным только на р. Суде (могильник Пугино).

«В процессе взаимодействия местного дьяковского и пришлого населения в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. формируется новая культура, отличная как от собственно дьяковской (позднедьяковской), так и от культур Среднего Поволжья, Прикамья и Южного Приуралья, хотя и сохраняются связи с указанными регионами»[21]. Благодаря исследованиям А.Н. Башенькина, лесная зона в раннем железном веке уже не выглядит местом проживания исключительно «архаических лесных культур» охотников и скотоводов, развивавшихся в сравнительно спокойной обстановке. Отдаленность территории Молого-Шекснинского междуречья стала одним из основных факторов сохранения таких редких и исключительных археологических памятников, как могильники раннего железного века. Изучение этих памятников показало, что регион в эпоху железного века находился в зоне интенсивных передвижений племен рубежа эр – начала н.э., здесь фиксируется сложная картина взаимодействия разноэтничных, разнокультурных компонентов.

---

[1] Никитин А. В. Работы в Вологодской области / А. В. Никитин // Археологические открытия 1966 г. М., 1967. С. 13; Никитин А. В. Вологодская и Каргопольская экспедиции / А. В. Никитин // Археологические открытия 1974 г. М., 1975. С. 27-28.

[2] Смирнов К. А. Дьяковская культура (Материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) / К. А. Смирнов // Дьяковская культура. М., 1974. С.76-80.

[3] Там же. С.76-89.

[4] Смирнов К. А. Погребальный обряд дьяковской культуры / К. А. Смирнов // Советская археология. 1990. № 2. С. 51-61.

[5] Башенькин А. Н. Антропо- и зооморфные изображения Молого-Шекснинского междуречья раннего железного века / А.Н. Башенькин, М.Г. Васенина // IN SITU: к 85-летию профессора А.Д. Столяра. СПб., 2006. С. 259.

[6] Башенькин А. Н. Молого-Шекснинское междуречье в железном веке и раннем средневековье : рукопись. Личный архив Башенькина А.Н.

[7] Розенфельдт И. Г. Керамика дьяковской культуры / И.Г. Розенфельдт // Дьяковская культура. М., 1974. С. 196.

[8] Башенькин А. Н. Усть-Бельский археологический комплекс на р. Кобоже. 20 лет исследований / А. Н. Башенькин, М. Г. Васенина // Чагодощенская земля: культура, история, люди. Материалы краеведческой конференции, п. Чагода, 9-10 января 2010 г. Вологда, 2004. С. 21.

[9] Башенькин А. Н. Городище и погребальный комплекс раннего железного века в верховьях р. Чагоды / А. Н. Башенькин, М. Г. Васенина // Археология: история и перспективы. Вторая межрегиональная конференция. Сборник статей. Ярославль, 2006. С. 57.

[10] Башенькин А. Н. Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н.э. I тыс. н.э. / А. Н. Башенькин // Славяно-русские древности. Проблемы истории Северо-Запада Руси. СПб., 1995. Вып. 3. С. 19.

[11] Башенькин А. Н. Древности Андоги и Суды / А. Н. Башенькин // Кадуй: Краеведческий альманах. Вологда, 2005. С. 89.

[12] Башенькин А. Н. Юго-западное Белозерье во второй половине I начале II тысячелетия н.э.: дис. на соискание уч. ст. к.и.н. / Александр Николаевич Башенькин. Л., 1986. С. 86-88.

[13] Башенькин А. Н. Культурно-исторические процессы… С. 7-15.

[14] Башенькин А. Н. «Домик мертвых» Куреваниха XX на р. Мологе / А. Н. Башенькин // Древности Русского Севера. Вологда, 1996. Вып. 1. С. 149.

[15] Клещенко Е. А. Кремации как исторический источник в изучении погребального обряда населения Молого-Шекснинского междуречья I тыс. н.э.: автореф. канд. ист. наук. / Екатерина Андреевна Клещенко. М., 2016. С. 1-26.

[16] Башенькин А. Н. Антропо- и зооморфные изображения… С. 258-259.

[17] Башенькин А. Н. Комплекс «домиков мертвых» у д. Куреваниха на р. Мологе / А.Н. Башенькин, М. Г. Васенина // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции: Междунар. науч.-практ. конф.: сб. науч. ст. и докл. П. Соловецкий (Архангельская обл.), 2006. С. 81.

[18] Башенькин А. Н. Культурно-исторические процессы… С. 15-18.

[19] Башенькин А. Н., рукопись.

[20] Башенькин А. Н. Культурно-исторические процессы… С. 18.

[21] Башенькин А. Н. Финны, угры, балты, славяне и скандинавы на Шексне и Мологе / А.Н. Башенькин // Труды по русской истории. Сборник статей в память о 60-летии Игоря Васильевича Дубова. М., 2007. С. 154-155.

Т.А. Пантелеева

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Данные этнографии, диалектологии, ономастики, археологии позволили установить, что в формировании современного русского населения Севера Европейской части России и Вологодчины в том числе участвовали компоненты различного этнического происхождения. Освоение региона было связано как с двумя потоками древнерусского продвижения, пролегавшими через территории Новгородской земли и Ростово-Суздальского княжества (так называемая «новгородская» и «низовая» колонизации), так и с местными субстратными финно-угорскими группами, которых летописи называют собирательно «чудью», «чудскими племенами». Подтверждением сложных процессов формирования населения должны были служить данные антропологии, но регион долгое время оставался «белым пятном» в данной области исследований.

Впервые вопрос о необходимости сбора антропологических данных на территории Вологодской губернии поднимается в статье известного философа, идеолога народничества Петра Лавровича Лаврова, напечатанной в «Вологодских Губернских Ведомостях» в 1868 г. Автор статьи, находившийся в ссылке, указывает на редкую возможность сбора антропологических материалов среди живого коренного населения финского происхождения (имеются в виду зырянские поселения)[1]. Полученные данные, по его мнению, в будущем позволили бы судить об изменениях «финского типа» во времени, определять, насколько пришлое население отличается от коренного.

В начале XX в. в Вологодской губернии вопросом изучения морфологических особенностей среди живого населения занимаются два ученых: Давид Алексеевич Золотарев и Ефим Михайлович Чепурковский. В программу исследований антропологов помимо анализа внешних данных был включен такой важный антропометрический признак, как головной индекс или черепной указатель (отношение наибольшей ширины черепной коробки к ее наибольшей длине) – показатель степени длинноголовости. Присутствие на территории Вологодской губернии в некоторых уездах антропологического типа, характеризующегося по величине головного указателя короткоголовостью, Чепурковский связывает с распространением населения из области кривичей, оттеснивших на восток древнее длинноголовое население курганного периода[2]. Золотарев, давая

описание одной из групп, в которую входили крестьяне Тотемского и Великоустюгского уездов, указывает следующие признаки населения: короткоголово, лоб средней величины, близок к широкому, лицо длинное, по указателю лицевому и носовому – среднелицы и средненосы, профиль носа большей частью прямой, слабо выступающий[3]. Оба ученых в своих работах отмечают малую изученность территории для более глубоких выводов по формированию антропологических типов, а также перспективность данного направления в будущем. Исследовательская работа будет продолжена, но намного позднее.

В 1991 г. на территории Вологодской области организуется Российско-Финляндская экспедиция с целью анализа особенностей становления и эволюции генофонда местного населения, сложившегося на базе взаимодействия славянских и финно-угорских компонентов. Всего было изучено 270 живущих взрослых мужчин и примерно столько же детей-школьников. Исследование велось по очень широкой программе. Общие выводы большинства исследований и более подробно одонтологическая часть программы представлены в статье Александра Александровича Зубова[4]. Результаты обработки материалов по большей части разделов (генетического, дерматоглифического, одонтологического, офтальмологического) дали положительный ответ на вопрос о наличии финского компонента в русском населении рассматриваемой территории, однако о стопроцентном совпадении мнений говорить все же нельзя. Так, на основании одонтологической исследовательской программы, связанной с «вологодскими материалами», Зубов приходит к заключению, что одонтологический материал подтверждает наличие очень существенной доли местного субстрата населения Вологодской области, однако трактовка характера этого субстрата не сводится к определению его роли в прямом взаимодействии двух компонентов, связанных с финнами и славянами. Сам по себе субстрат состоит из гетерохронных и гетероморфных элементов, которые придали ему «многослойный» облик. Очень большая часть этого политипического формирования, несомненно, принадлежит финским этносам, но какая-то доля может считаться органично присущей издревле и северным славянским популяциям, что, конечно, затрудняет количественную оценку финского и славянского компонентов при одонтологическом анализе. Отрицательный ответ на вопрос о присутствии финского компонента содержится в работе Ирины Михайловны Золотаревой, проводившей в составе Вологодской экспедиции сбор материала по расовой антропометрии и антропоскопии. Антрополог делает заключение, что генетические связи вологодских русских имеют корни

на юге и морфологически связаны с валдайским типом[5]. Таким образом, мнения участников экспедиции по поводу финно-угорского субстрата у вологодских русских не сводятся к единому суждению. В связи с этим становятся интересными выводы ученых, исследовательские программы которых связаны уже с палеоантропологическим материалом.

Археологические раскопки 2-й пол. XX в., наиболее активно проводимые в 80-х годах, позволили приступить к изучению средневековых антропологических серий, в основном из западных районов области. К настоящему времени опубликованы краниологические данные около полутора десятков различных серий. Однако почти все из них имеют очень небольшую численность, что не позволяет пока делать окончательные выводы о роли различных компонентов в процессах сложения антропологического состава местного населения, как в эпоху средневековья, так и в более поздние периоды. Тем не менее, анализ краниологических серий показал, что в формировании населения Вологодчины принимали участие группы местного субстратного финно-угорского населения, северные группы кривичей и жителей Новгородской земли различного этнического облика. При этом в первой половине II тысячелетия н.э. процессы смешения различных этнических групп, вероятно, не играли доминирующей роли в формировании антропологического состава населения края, морфологически достаточно неоднородного в этот период[6]. По крайней мере, как выглядели некоторые жители средневековых поселений на территории современных Кирилловского и Вашкинского районов, мы можем судить по работам Татьяны Сергеевны Балуевой, выполнившей реконструкции лица по черепу[7]. Антрополог работала с материалами из могильников Нефедьево (XI – нач. XIII вв.), Шульгино (XII–XIII вв.) в Кирилловском районе и Никольское III на Кеме (XI в.) в Вашкинском районе (рис. 1). Кроме того, Татьяной Сергеевной сделаны две скульптурные реконструкции (рис. 2): 1 – кривич из Никольского (XI в.), возраст 20–25 лет – среднепрофилированное высокое и среднеширокое лицо, средневыступающий нос; 2 – кривич из Нефедьево (XI–XII вв.), возраст 35–40 лет – более широкое лицо и менее сильно выступающий нос.

Следует отметить, что до этого подобные работы выполнялись лишь однажды – М.М. Герасимовым в 1955 г. были выполнены две скульптурные реконструкции по материалам раскопок А.Я. Брюсова неолитического могильника Караваиха в Кирилловском районе (рис. 3).

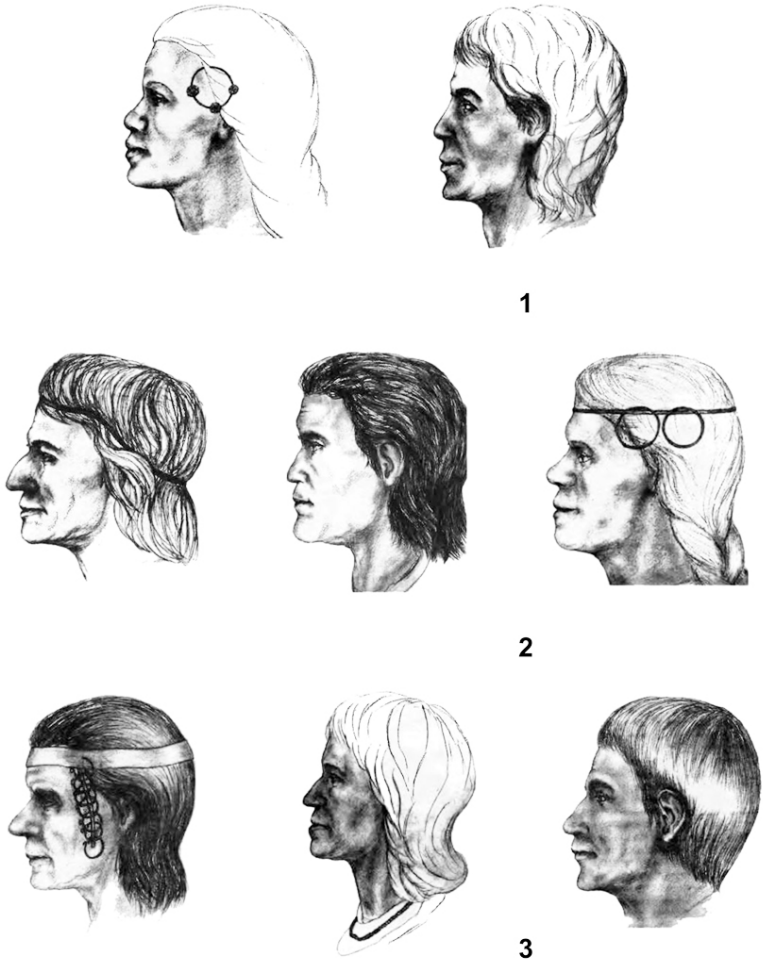


Рис. 1. Графические реконструкции по черепам мужчин и женщин из средневековых могильников с территории Вологодской области: 1 – могильник Никольское III (XI в.), женщина и мужчина; 2 – могильник Нефедьево I (XI–XIII вв.), мужчины и женщина; 3 – могильник Шуйгино (XII–XIII вв.), женщины и мужчина. Раскопки Н.А. Макарова (1981–1989 гг.). Автор Т.С. Балуева

Рис. 2. Скульптурные реконструкции по черепам мужчин из средневековых могильников: 1 – Никольское III (X в.); 2 – Нефедьево 1 (XI–XIII в.). Раскопки Н.А. Макарова, 1981 и 1986 гг. Автор Т.С. Балуева

Рис. 3. Скульптурные реконструкции
по черепам женщины и мужчины из могильника Караваиха (неолит)
Раскопки А.Я. Брюсова 1930–1950-е гг. Автор М.М. Герасимов

Исследования по вопросу формирования антропологических типов в средневековье были продолжены в связи с археологическими раскопками на территории города Вологды. Новые, значительные по объему палеоантропологические материалы происходят из двух памятников – т.н. «скудельницы» у Софийского собора (XIV–XVI вв., авторы раскопок – И.П. Кукушкин и И.В. Папин) и погребений средневекового кладбища в Парковом переулке (XIII в., автор раскопок – М.Л. Мокрушин). Результаты исследований антропологов представлены в материалах IX Конгресса этнографов и антропологов России (г. Петрозаводск, 2011 г.). В составе краниологической серии из Паркового переулка было выделено два морфологических комплекса, первый из которых сближается с группой из захоронения у Софийского собора. Соответственно можно говорить о вариантах единого антропологического типа, достаточно хорошо представленного в составе позднесредневекового населения г. Вологды. После проведения сравнительного анализа с краниологическими сериями сопредельных территорий антропологи приходят к следующим выводам:

1. Выявленные на позднесредневековых черепах из г. Вологды антропологические типы в целом не характерны, судя по имеющимся сейчас краниологическим данным, для русского населения более поздних эпох, в том числе русских Вологодской губернии XVIII – нач. XX вв.[8]

2. Один из отмеченных в составе серии из Паркового переулка морфологических комплексов (группа II) сближает часть населения Вологды с финноязычным населением Поволжья и Финляндии. Его присутствие на территории Вологодчины может быть связано как с сохранением местных субстратных групп населения, так и с колонизацией Русского Севера древнерусским населением, включавшим в себя значительный финноязычный компонент.

3. Второй антропологический тип, широко распространенный у позднесредневекового населения г. Вологды (группа I из Паркового пе-

реулка и серия близ Софийского собора), очень близок к чрезвычайно специфическому комплексу признаков, встречающемуся среди всего современного населения Евразии только у части прибалтийских и пермских финно-угров – карел, ижоры, коми-зырян (очень большая высота черепной коробки, мезобрахикрания (т.е. относительно равные размеры продольного и поперечного диаметров), лицевой скелет с немного ослабленной на верхнем уровне горизонтальной профилировкой при резко выступающих и высоких носовых костях).

Полученные данные по серии черепов из г. Вологды позволяют предполагать, что в древности антропологический тип, сохранившийся к настоящему времени лишь у части финноязычных народов, имел на Севере Восточной Европы широкую и непрерывную территорию распространения. Почти полное отсутствие палеоантропологических материалов из районов северо-запада России восточнее Онежского озера не позволяет сейчас уточнить время появления здесь населения с отмеченными специфическими антропологическими особенностями[9].

По материалам из могильника на Парковом переулке сделан также палеодемографический анализ. Отмеченный в целом для группы высокий процент смерти в старческом возрасте (50 и более лет) говорит об удовлетворительных условиях жизни древних вологжан[10].

Пониженные показатели практически всех индикаторов физиологического стресса на фоне значительной продолжительности жизни, свидетельствующей о высоком уровне здоровья и, возможно, меньшем воздействии негативных факторов у жителей средневековых поселений Вологодчины, подтверждают исследования Бужиловой Александры Петровны. Работы Александры Петровны и ее коллег представляют другой блок исследований палеоантропологов, реальным продуктом которого становятся «биоархеологические реконструкции». Примером данного направления исследований является работа с материалами мезолитического археологического комплекса Минино (I, II) на берегах реки Дмитриевки, впадающей в Кубенское озеро (раскопки С.Ю. Васильева, Н.А. Макарова, А.В. Суворова). Подводя итоги исследовательской программы, антропологи приходят к выводу, что мезолитическое население Минино – это в первую очередь группа охотников, промысловыми пищевыми видами для которых были наземные млекопитающие. Древние жители Минино демонстрируют полное отсутствие хронических заболеваний зубной и костной систем, и в первую очередь инфекционных. Практически нет случаев хронической анемии, признаков цинги. Исследованная выборка демонстрирует незначительный процент встречаемости

маркеров физиологического стресса, указывающих на преодоление острых лихорадочных заболеваний в детстве. Эта биологическая оценка сезонности негативных факторов среды лишь подтверждает особенности быта охотников, известных по данным этнографии, и приближает археологическую реконструкцию к более или менее объективной оценке фактов[11].

В направлении «биоархеологических реконструкций», связанных с изучением особенностей погребального обряда в настоящее время выполнена работа еще одного молодого московского ученого – Клещенко Екатерины Андреевны. В программе исследований антрополога были использованы остеологические материалы – кальцинированные кости (продукт погребального обряда – кремации) из 73 погребальных объектов 18 археологических памятников Молого-Шекснинского междуречья I тыс. н.э., большинство из которых располагаются в западных районах Вологодской области (раскопки А.Н. Башенькина). Использование современных методов судебно-медицинской экспертизы позволило антропологу прийти к следующим заключениям: «Особенность обряда проявилась в таких формах обращения с кремациями, как “парциальность” захоронения останков разных индивидов в границах единого погребального пространства и использование останков животных в ритуальных практиках. Неоднократные проникновения инокультурных влияний связаны, в первую очередь, с появлением могильников культуры псковских длинных курганов в V в. н.э. Пришедшие вместе с ними погребальные традиции (такие как индивидуальность захоронений, “целостность” останков) прижились на юго-западной окраине Молого-Шекснинского междуречья, частично переняв элементы местного ритуала, в то время как население северо-восточной части региона сохранило мировоззренческие взгляды на процедуру захоронения без изменений. Некоторое смешение элементов погребального обряда, материальной культуры населения территории заметнее к концу I тыс. н.э., однако принципиальная смена погребальных традиций связана с периодом распространения на Русском Севере погребального обряда ингумации, древнерусской культуры и христианизации местного населения уже в начале II тыс. н.э.»[12].

Как показали выводы ученых, проводимые с начала XX века исследования в области физической антропологии являются актуальными и в настоящее время для понимания сложнейших историко-культурных процессов, происходивших в регионе в различные временные периоды. Перспективными считаются, прежде всего, генетические исследования на палеоантропологическом материале, собранном в ходе многочисленных археологических работ на территории Вологодской области.

[1] Золотарев Д. А. Комментарий к статье П. Л. Лаврова «К вопросу об антропологических исследованиях Вологодской губернии» / Д. А. Золотарев // Издание Вологодского общества изучения северного края. Вологда, 1915. С. 3-4.
[2] Чепурковский Е. М. Об антропологическом изучении Вологодской губернии / Е.М. Чепурковский // Север. 1923. № 20. Кн. 3-4.
[3] Золотарев Д. А. Антропологические данные о великорусах побережья р. Сухоны и Северной Двины / Д. А. Золотарев // Ежегодник Русского Антропологического Общества при Императорском Петроградском Университете. Петроград, 1916. Т. VI. С. 49-79.
[4] Зубов А. А. О финском компоненте в антропологическом типе населения вологодской области (по данным Российско-Финляндской экспедиции 1991 г.) / А. А. Зубов // Этнографическое обозрение. 1995. № 2. С. 90-96.
[5] Zolotareva I.M. Somatological characterstics of the Vologda Russians among the anthropological types of the Northern Russians / I. M. Zolotareva // Physical anthropology and population genetics of Vologda Russians. Helsinki, 1993. P. 21.
[6] Хартанович В. И. К проблеме формирования антропологического состава населения Северо-Запада России (по антропологическим материалам из позднесредневековой Вологды) / В. И. Хартанович, И. Г. Широбоков, Т. А. Пантелеева // IX Конгресс этнографов и антропологов России: Тезисы докладов. Петрозаводск, 2011. С. 27-31.
[7] Балуева Т. С. Индивидуальные портреты восточных славян эпохи средневековья / Т. С. Балуева, Е. В. Веселовская, О. М. Григорьева, Г. В. Лебединская // Восточные славяне. Антропология и этническая история. М. : Научный мир, 1999. С. 170-184.
[8] Алексеев В. П. Краниология населения Восточной Европы. Краниологическое исследование / В.П. Алексеев. М. : Наука, 1969. 324 с.
[9] Хартанович В. И. и др. Указ. соч. С. 28.
[10] Пантелеева Т. А. Палеодемографический анализ по материалам погребений на территории памятника археологии «Вологодское городище», Парковый переулок г. Вологды (предварительные результаты) / Т. А. Пантелеева // Археология Севера. Череповец, 2015. Вып. 6. С. 182-187.
[11] Бужилова А. П. К вопросу о реконструкции образа жизни населения поздних эпох каменного века (по материалам археологического комплекса Минино на Кубенском озере) / А. П. Бужилова, А. В. Суворов, О. А. Крылоич // Краткие сообщения Института Археологии. 2008. № 222. С. 1-18.
[12] Клещенко Е. А. Кремации как исторический источник в изучении погребального обряда населения Молого-Шекснинского междуречья I тыс. н.э. : автореф. дис. на соиск. ученой степени канд. ист. наук. / Клещенко Екатерина Андреевна. М., 2016. С. 20-21.

И.В. Папин, Н.В. Косорукова, А.С. Федоров

НОВЫЕ ДАННЫЕ ОБ ЭПОХЕ БРОНЗЫ В БАССЕЙНЕ СУДЫ (РАСКОПКИ ПОСЕЛЕНИЯ УСТЬ-КОЛПЬ-7)

Река Суда является крупнейшим правым притоком р. Шексны и, в свою очередь, также принимает несколько притоков, из которых наиболее крупные – реки Колпь и Андога. Суда – одна из главных рек Вологодской области, протекает по территории Бабаевского, Кадуйского и Череповецкого районов, длина реки более 180 км. Суда с притоками сформировалась в древней, доледниковой котловине, поэтому площадь ее бассейна весьма велика – ок. 13,5 тыс. кв. км. В бассейне р. Суды ныне известны археологические памятники практически всех основных эпох (за исключением палеолита). Их изучение началось еще в XIX в., причем сначала внимание исследователей привлекали, как правило, курганы. Так, раскопки курганов на р. Суде во второй половине XIX в. связаны с именами И.А. Якубовича[1] и помещика А.В. Панина[2]. С целью поиска средневековых древностей в 1911 г. работы в бассейне р. Суды по заданию Императорской Археологической комиссии проводил студент Санкт-Петербургского университета Н.Ф. Лавров, который заложил траншею на ледниковом холме с названием Лотова Гора и обнаружил «городище» Круглое на р. Петух, недалеко от ее впадения в Суду[3]. К 1911 г. в бассейне рек Суды и Колпи было уже известно большое количество курганов и жальников, об этом свидетельствует перечисление их в сводке И.К. Романцева[4].

Обследование курганов в бассейне р. Суды и Колпи в 1929 г. осуществляли ленинградские археологи Г.П. Гроздилов и В.И. Равдоникас[5], в 1949 г. – краевед Б.М. Яковцевский. В 1960–1970-е гг. разведки, а также раскопки курганов и жальников продолжили московские археологи Н.В. Тухтина (раскопала более 50 курганов) и А.В. Никитин (раскопал более 300 курганов и жальников, а также сопку). В 1976 г. раскопки курганов на р. Колпи проводил вологодский археолог Н.В. Гуслистов[6].

В 1980–1990-е гг. исследование памятников эпох раннего железного века – раннего средневековья, оставленных финно-угорским населением, сопоставляемым с летописной весью и ее предшественниками, проводил вологодский археолог А.Н. Башенькин. Впервые были открыты и изучены городища, грунтовые могильники, «домики мертвых», также исследовались селища и курганы[7]. Уникальные материалы были получены при раскопках комплекса памятников Никольское и Пугино[8]. В 1994 г. М.Г. Ва-

сениной совместно с А.Н. Башенькиным были исследованы поселение и могильник Усть-Колоденка-1 на р. Колпь[9].

С 1987 г. средневековые памятники на Суде изучает череповецкий археолог А.В. Кудряшов, которым были открыты десятки новых памятников; наиболее важные среди исследованных им – поселение и могильник у пос. Кривец, комплексы памятников Ступолохта, Черный ручей-1–5, содержавшие интереснейшие материалы раннего средневековья, поселение и могильник Муриновская пристань[10] на р. Андоге, а также древнерусский город Луковец, который располагался в устье Суды при впадении ее в Шексну, а ныне затоплен водами Рыбинского водохранилища и представляет собой небольшой островок[11].

А.Н. Башенькиным и А.В. Кудряшовым были открыты также довольно многочисленные памятники каменного века, изучением которых с 1986 г. занимается череповецкий археолог Н.В. Косорукова (Кандакова). Ею также были открыты новые памятники эпохи камня и осуществлены раскопки мезолитических стоянок Лотова Гора[12], Лиственка-3А–В, -8[13], Усть-Колпь-1–2 и др. на р. Колпь, многослойных и многокомплексных памятников, содержащих материалы от мезолита до эпохи раннего металла Усть-Андога-1, Лиственка-1, Зеленый Берег-3 и др.

В первые два десятилетия XXI в. в данном регионе неоднократно проводились охранные исследования, в т.ч. в 2006 г. А.В. Суворовым и И.В. Папиным были осуществлены раскопки поселения эпохи раннего металла Смешково на р. Андоге, в 2016–2017 гг. А.С. Федоровым и И.В. Папиным проводились исследования объектов углежогного промысла.

Всего на сегодняшний день в бассейне реки Суды (с притоками) известно около сотни памятников археологии – стоянки, поселения, грунтовые могильники, курганы, жальники.

Таким образом, эпоха раннего металла стала приоткрываться в бассейне р. Суды несколько позднее, чем эпохи более поздние и более ранние. Находки энеолита и бронзового века были обнаружены, например, на многокомплексном поселении Никольское-XV (раскопки А.Н. Башенькина в 1982–1984 гг.) и упомянутых выше памятниках. Несколько памятников эпохи раннего металла обнаружено в нижнем течении р. Суды на участке от устья Колпи до устья Андоги, в т.ч. это еще не изученные раскопками поселения Круглое-1–2 и Усть-Андога-2, открытые А.В. Кудряшовым и Н.В. Косоруковой. Эти памятники расположены на невысоких пойменных террасах Суды, как и поселение Усть-Колпь-7, о котором пойдет речь далее.

Поселение Усть-Колпь-7 выявлено в ходе археологической разведки, проведенной под руководством Н.В. Косоруковой в мае-июне 2016 г. в зоне строительства высоковольтной линии электропередачи. Памятник расположен в 4 км от д. Усть-Колпь и в 6,2 км от д. Нижние Кадуйского района. Находка была неочевидной: поселение занимает достаточно неприметное место на краю пойменной террасы правого берега р. Суды между современным руслом реки и «старицей» – заросшим древним руслом. Ближайший приток Суды – ручей Большое Вербово – является левым притоком, и его устье расположено в 100 м ниже по течению.

В мае 2017 г. экспедицией под руководством авторов статьи были проведены охранные археологические раскопки на выявленном памятнике. В ходе работ была изучена западная половина территории поселения, а восточная размерами примерно 20х30 м осталась за пределами просеки ЛЭП. На прирусловом вале был размечен раскоп площадью 2100 кв. м, ориентированный по руслу реки. В дальнейшем для получения полного стратиграфического разреза прируслового вала в СВ углу раскопа сделана прирезка площадью 8 кв. м. Таким образом, общая площадь раскопа составила 2108 кв. м. Раскоп разбит на квадраты 2х2 м, объединенные в сектора в основном по 16 квадратов (в северной и западной линиях – по 12 квадратов, в СЗ углу раскопа сектор 33 – 9 квадратов). Между секторами оставлены бровки шириной по 0,5 м. В процессе раскопок использовался экскаватор для передвижения отвалов, им же произведена рекультивация раскопа после завершения работ.

В результате проведенных работ установлено, что поверхность прируслового вала, на которой располагается стоянка, распахивалась, причем в новейшее время. Об этом свидетельствуют зафиксированные при зачистках после снятия первого пласта в ряде секторов пахотные борозды. Также наличие пахотного горизонта подтверждается результатами почвенного исследования, проведенного в ходе раскопок[14]. По сообщениям местных жителей, еще в 1950-х гг. берега р. Суды были свободны от леса. Уточнить датировку пахотного слоя удалось и по находкам, происходящим из него, – нескольким железным предметам – детали от сельхозтехники, кованый гвоздь, инструмент для подсечки смолы (всего в коллекции 6 железных предметов XIX–XX вв.). Кроме того, собрано 135 мелких фрагментов позднесредневековой гончарной керамики того же времени. Находки новейшего времени обнаружены преимущественно в западной части раскопа, по верхушке вала, в основном за пределами собственно изучаемой стоянки.

Стратиграфия же прируслового вала, на которой расположена стоянка, и раскопа в целом следующая:

– дерн, слабогумусированный, мощностью до 5 см;

– тонкий слой светло-серого подзола, 2-3 см;

– серая однородная супесь (пахота), мощностью 10-15 см;

– серо-желтая супесь, мощность менее 5 см, не содержащая находок; слой залегает не по всей поверхности раскопа;

– темно-желтая супесь – культурный слой стоянки. Обнаружен не на всей поверхности раскопа, преимущественно в его восточной части – на наиболее возвышенных участках прируслового вала и на склонах под этими участками. Мощность его составила от 0,05 до 0,15 м; именно с этим слоем связано большинство находок кремневых орудий и лепной керамики;

– светло-серая супесь – до 5 см толщиной. Общая мощность вскрытых раскопом напластований составила от 0,4 до 1 м.

Исследователями отмечена многослойность супеси, формирующей прирусловый вал, и слабая окрашенность культурного слоя. В частности, с этим связны определенные трудности с фиксацией материковых отложений: культурный слой по цвету не всегда был уверенно отличим от нижележащих слоев песка. Обычно за геологический материк принимали ту прослойку супеси, которая уже не содержала артефактов и имела в своем составе ортзандовые прослойки («бурые» прослойки ожелезненного песка). Однако, как правило, археологический материк находился выше.

Очевидно, эта многослойность отражает этапы переработки рекой собственного русла. Время образования данных отложений удастся уточнить после проведения радиоуглеродного датирования образцов, взятых из гумусных прослоек. Однако уже сейчас можно констатировать, что образование их происходило после прекращения жизни на поселении эпохи бронзы, поскольку многослойные отложения перекрывают ту часть культурного слоя стоянки бронзового века, которая оказалась на северном (обращенном к реке) склоне прируслового вала. Также представляется очевидным и то, что концентрация находок эпохи бронзы именно на склоне вала при минимальной и «пятнами» окрашенности культурного слоя (сектор 2, сектор 6) означает, по-видимому, что культурный слой стоянки был частично переотложен.

Что касается полученной в ходе раскопок коллекции находок эпохи раннего металла, то она включает в себя несколько основных категорий.

В большом количестве (около 1700 ед.) найдены мелкие кальцинированные кости. Они располагались на значительной площади, иногда

образуя небольшие скопления. Датировка их эпохой раннего металла пока основывается только на совместном залегании с керамикой и кремневыми орудиями, однако, возможно, будет уточнена данными радиоуглеродного анализа.

Обнаружено и небольшое количество (меньше двух десятков) непережженных костей и зубов животных, в т.ч. зуб бобра, кабана (?). Кость имеет плохую сохранность, характерную для песчаных почв.

Сланцевые орудия. В коллекции представлены четырьмя экземплярами: это тесло, долото, заготовка орудия и топорик. На последнем стоит остановиться особо, это сверленый топорик фатьяновского типа. Относится к обушково-втульчатому типу с характерной имитацией литейного шва. Предмет был найден в небольшом углублении в стороне от основного пятна распространения находок. При расчистке ямы были обнаружены угольки, белый подзол, других артефактов не выявлено. Аналогии найденному на поселении Усть-Колпь-7 топорику находятся среди материалов Волосово-Даниловского и Мытищенского могильников.

Кремневые орудия. Всего в коллекции 80 единиц. В основном это кремневые скребки. Скребки преимущественно концевые, на отщепах, с крутой ретушью не очень высокого качества и реже на пластинах, всего их 37 ед. Вторыми по количеству являются пластины – 21 экз. Наиболее важными с точки зрения определения хронологии памятника являются кремневые наконечники (8 шт.). При первичном анализе коллекции выделены два их типа: наконечники стрел с выемкой в основании и наконечники дротиков ромбовидные. Все наконечники двусторонне-обработанные. В коллекции представлены также шесть нуклеусов и их осколков, достаточно произвольной формы, а также пять орудий других типов – проколка, нож и три комбинированных орудия. Также в коллекцию включены три ребристых скола. Ряд кремневых орудий имеет следы тепловой обработки кремня, повышающей его качества.

Отходы кремнеобработки представлены примерно 380 единицами – это мелкие отщепы-чешуйки, сколы и осколки кремня.

Что касается полученной в ходе раскопок коллекции лепной керамики, то это около тысячи фрагментов тонкостенной керамики, типологически датируемой бронзовым веком. Керамика по морфологическим признакам представлена двумя типами – тонкостенная, орнаментированная отпечатками зубчатого штампа, и более грубая, иногда с органическими примесями. Вся керамика, насколько можно судить по результатам предварительного анализа коллекции, не слишком качественного обжига, присутствуют как плоскодонные формы с невысоким прямым венчиком, так и посуда с округлым дном.

Таким образом, в ходе проведения раскопок выявлен культурный слой эпохи бронзы мощностью до 0,3 м, залегающий как на поверхности прируслового вала правого берега р. Суды, так и на склонах вала, обращенных и к реке, и к старице. Слабая окрашенность культурного слоя в целом характерна для стоянок, располагающихся на песчаном основании, характерной же особенностью изучаемой стоянки является наличие мощных линз слоя с находками на склоне, обращенном к реке. При этом некоторые из находок обнаруживаются под почти метровым слоем песчаных наносов. В то же время полное отсутствие находок в северных линиях квадратов раскопа демонстрирует достаточно сложный процесс археологизации слоя поселения бронзового века. Во время существования поселения северный его край неизбежно должен был размываться водой, при этом анализ стратиграфии памятника показывает, что преобладающим процессом было вымывание нижележащих пластов песка и «проседание» участков культурного слоя вместе с находками в процессе переработки берега рекой. После прекращения жизни на поселении на данном участке берега преобладали процессы замыва, что привело к «погребению» просевших участков под слоем наносов.

В ходе раскопок отобрано 11 проб для проведения радиоуглеродного датирования, что позволит уточнить хронологию памятника, предварительно же, по итогам проведенного полевого археологического исследования, поселение Усть-Колпь-7 может быть датировано II тыс. до н.э. – эпохой бронзы.

---

[1] Спирина Д. В. Археологическое изучение Вологодской области в XIX – первой половине XX века / Д. В. Спирина // Древности Русского Севера. Вологда, 1996. Вып. 1. С. 251.

[2] Тухтина Н. В. Об этническом составе населения бассейна реки Шексны в X-XII вв. / Н. В. Тухтина // Археологический сборник. Труды государственного исторического музея. Москва, 1966. Вып. 40. С. 125.

[3] Исследования Н. Ф. Лаврова в Череповецком уезде // Отчет Археологической комиссии за 1911 г. СПб., 1914. С. 68-69.

[4] Романцев И. С. О курганах, городищах и жальниках Новгородской губернии. Алфавитный указатель селений, при которых находятся археологические памятники, с кратким описанием последних / И. С. Романцев. Новгород, 1911. 129 с.

[5] Голубева Л. А. Славянские памятники на Белом озере / Л. А. Голубева // Сборник по археологии Вологодской области / под ред. А. Я. Брюсова. Вологда, 1961. С. 30.

[6] Башенькин А. Н. Каталог средневековых памятников на р. Суде и р. Колпь / А. Н. Башенькин. 1985. Архив музея археологии ЧерМО. Б/н.

[7] Башенькин А. Н. Древности Андоги и Суды / А. Н. Башенькин // Кадуй : краеведческий альманах. Вологда, 2005. С. 87-103.

[8] Башенькин А. Н. Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. / А. Н. Башенькин // Проблемы истории Северо-Запада Руси. СПб., 1995. С. 3-29 и др.
[9] Башенькин А. Н. Могильник раннего железного века Усть-Колоденка на реке Колпи / А. Н. Башенькин, М. Г. Васенина // Археология Севера. Череповец, 2005. Вып. 1. С. 55-63.
[10] Кудряшов А. В. Раскопки поселения и могильника Муриновская пристань в 2010 г. / А. В. Кудряшов // Археология Севера. Череповец, 2014. Вып. 5. С. 65-74 и др.
[11] Кудряшов А. В. Некоторые итоги исследования поселения Луковец в 1992–2002 гг. / А. В. Кудряшов // Археология Севера. Череповец, 2005. Вып. 1. С. 64-81.
[12] Косорукова Н. В. Лотова Гора древнейшая стоянка на территории Кадуйского района / Н. В. Косорукова // Кадуй. Краеведческий альманах. Вологда, 2005.
[13] Косорукова Н. В. Мезолитические памятники в бассейне Колпи / Н. В. Косорукова // Древности Русского Севера. Вологда, 1996. Вып.1. С. 35-42 и др.
[14] Исследования выполнены д.г.н. А. А. Гольевой, ведущим научным сотрудником ИГРАН, Москва.

Н.В. Косорукова

ОРУДИЯ ОХОТЫ И РЫБОЛОВСТВА МЕЗОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ ПОГОСТИЩЕ 15 В БАССЕЙНЕ ОЗЕРА ВОЖЕ

Стоянка Погостище 15 находится в бассейне оз. Воже на берегу р. Модлоны, на территории бывшей д. Погостище. Памятник расположен у подножия надпойменной террасы и начала болотистой низины, представляет собой торфяниковую стоянку. Под дерном залегает оторфованный слой мощностью, в среднем, около 1 м, содержащий предметы деревенского времени. Под ним находится сравнительно тонкий слой сапропеля мощностью 10–12 см, в котором обнаружены находки исключительно эпохи мезолита. За 2011–2016 гг. на памятнике раскопана площадь 360 кв. м. Площадь памятника не исчерпана, но в 2017 г. запланированное продолжение раскопок не состоялось по причине того, что в Модлоне (как и повсюду в лесной зоне Европейской части) все лето стоял очень высокий уровень воды, в связи с чем работы на памятнике осуществить было невозможно.

В числе находок из слоя сапропеля представлены изделия из кости, камня и дерева, кости животных и рыб, деревянные предметы со следами обработки и без нее. Радиоуглеродным и палинологическим методом находки из слоя сапропеля датированы серединой – второй половиной бореального периода[1].

В то время как в кремневом инвентаре преобладает нуклевидная группа (обломки кремня со следами снятий, нуклевидные обломки, нуклеусы, отщепы и др.), среди изделий из кости большинство составляют орудия охоты и рыболовства. Причем следует подчеркнуть, что в каменном инвентаре совсем не представлены наконечники стрел, а возможное функциональное использование ряда каменных изделий в качестве орудий охоты или рыболовства надо еще подтвердить трасологическими исследованиями. Таким образом, если бы стоянка Погостище 15 была не торфяниковым памятником, а суходольным и на ней бы не сохранялись предметы из органических материалов, то такое, казалось бы, бесспорное утверждение о том, что основные занятия обитателей стоянки – охота и рыболовство, было бы сложно подтвердить реальными фактами.

Орудия охоты и рыболовства представлены почти исключительно изделиями из кости (если не считать вкладышей из кремневых пластин и одного обломка наконечника стрелы из дерева). Среди них выделены следующие категории:

- наконечники стрел – 54 экз.;
- наконечники острог (зубчатые острия) – 6 экз.;
- наконечники копий и рогатин – 13 экз.;
- кинжалы – 3 экз.

Наконечники стрел наиболее многочисленны среди костяных орудий, правда, в указанное количество 54 экз. включено и 20 обломков. Последние представляют собой или короткие фрагменты стержней, или более длинные фрагменты стержня вместе с насадом, в редких случаях – это обломанные по нижнему концу изделия с сохранившимся острием; обломки наконечников без рабочего конца не позволяют точно определить тип изделия.

Изучение целых орудий и с сохранившимся боевым концом (острием) позволило выделить 7 типов.

1. С утолщенной биконической головкой (преобладают, 23 экз.), стержнем округлого сечения (диаметр варьируется на разных участках стержня) и пирамидальным, реже коническим насадом (рис. 1: *1, 2, 7, 9, 10, 14*). Изделия различаются по размерам и пропорциям головки и ее оформлению (более характерны головки удлиненные вытянутых пропорций, но также присутствуют головки короткие, как бы сжатые), длине изделия в целом (от довольно миниатюрных до более длинных – от 9 см до 24-25 см), а также некоторым другим особенностям. Выделяются следующие варианты: 1) с гладкой головкой без поясков и уступов (3 экз.) (рис. 1: *10, 14*); 2) с рельефным пояском в наиболее широкой части го-

ловки, подчеркнутым канавками (12) или без канавок (4) (рис. 1: *1, 2, 7, 9*); в пределах данного подтипа выделяется интересный вариант, когда верхний конец острия оттянут кверху и на самом конце оформлена еще как бы маленькая головка (2 экз.) (рис. 1: *2*); 3) с кольцевым уступом в сторону острия (4 экз). К данному типу – с биконической головкой – относится и единственное деревянное орудие, представленное обломком (рис. 1: *8*).

2. К первому типу примыкает одно массивное изделие с рабочим концом, напоминающим биконическую головку, только она значительно более длинная и массивная, расширяющаяся в середине, с прерывистой нарезкой в наиболее широкой части, стержень изделия утолщенный, диаметр его немного больше, чем в целом у наконечников первого типа (рис. 1: *6*).

3. С конической головкой с пояском или канавкой в основании головки (3 экз.), причем один из них имеет еще и неглубокий паз для вкладышей в нижней половине стержня (рис. 1: *3*).

4. Игловидный простой уплощенно-округлого сечения, с плоским сечением пера и округлым, несколько массивным сечением средней части орудия, насад конический (1 экз.) (рис. 1: *13*).

5. Игловидный с уплощенно-овальным сечением и рельефным ободком в нижней трети орудия (над насадом) (1 экз., украшен орнаментом в виде нескольких продольных рядов из коротких горизонтальных насечек, а сразу над рельефным ободком прочерчены короткие крестики в виде горизонтально лежащих римских цифр «X) (рис. 1: *12*).

6. Однокрылый с шипом на конце крыла и пазом со смолой и кремневыми вкладышами на противоположном крае (1 экз.) (рис. 1: *5*).

7. Однокрылый асимметричный с относительно коротким пером (длина пера составляет одну треть длины орудия) и уплощенно-овальным сечением, шип пера (или зубец) – короткий, выделен под прямым углом к стержню; это единственный наконечник, найденный в целом виде (рис. 1: *11*).

У двух довольно длинных наконечников острие обломано, их тип можно определить предположительно. Одно изделие, возможно, представляло игловидный наконечник с утолщением или выступом (рельефным ободком) в верхней части конического насада. От второго, более массивного наконечника, сохранился длинный стержень круглого сечения, с насадом и пазами длиной 3 см для вкладышей у верхнего обломанного конца со следами смолы и обломком вкладыша из микропластинки (рис. 1: *4*); острие, предположительно, могло иметь биконическую или коническую головку.

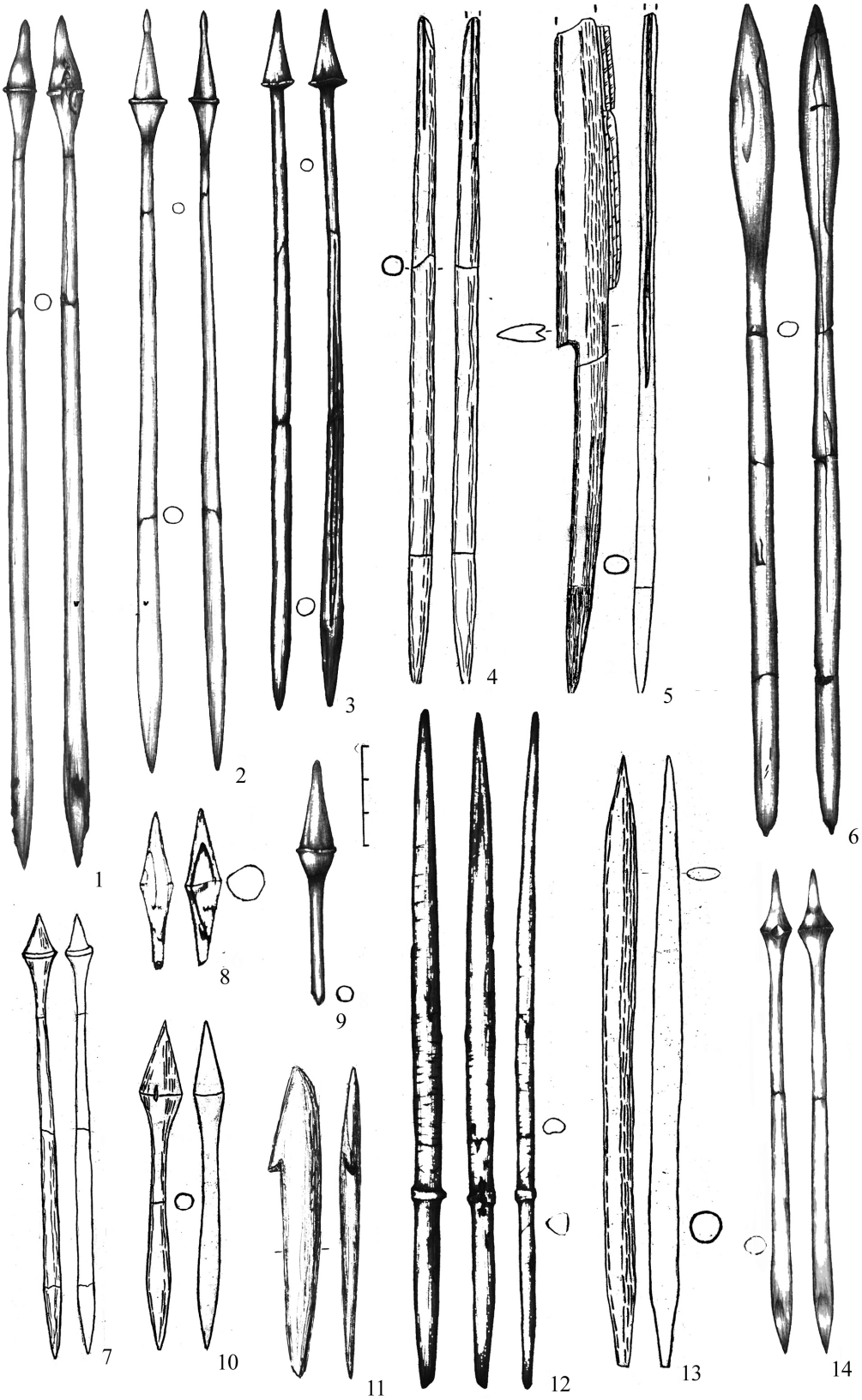


Рис. 1. Стоянка Погостище 15.
Наконечники стрел: 1 – 7, 9 – 14 – кость, 8 – дерево

На насадах некоторых наконечников сохранилось темное клеящее вещество, типа смолы, иногда с отпечатками древесных волокон, при помощи которого наконечник вставлялся и закреплялся в древке.

Наконечники острог или зубчатые острия (рис. 2: *5, 6, 8, 9*) подразделены на два основных типа и подтипы.

1. Однорядные мелкозубчатые с частыми, четко выделенными клювовидными зубцами, с уплощенным сечением – 2 экз., представлены обломками (рис. 2: *5*).

2. Однорядные редкозубчатые, с редко поставленными зубцами – 4 экз., орудия данного типа представлены несколькими подтипами:

2а) с четко выделенными подтреугольными зубцами, с уплощенным сечением – 1 экз., представлен обломком, сохранилось два редко поставленных относительно коротких зубца (рис. 2: *6*);

2б) с очень короткими зубцами – 1 экз., это целое орудие длиной 13,5 см с тремя едва намеченными зубцами, сечение уплощенное, конец заострен, на насаде прослежены следы обмотки; в центральной части орудия нанесен еле заметный орнамент из косых насечек (рис. 2: *9*);

2в) более массивные в сечении, с редкими, вероятно, относительно крупными зубцами – 2 экз.; у обоих орудий данного подтипа зубцы обломаны, и сами орудия также представлены обломками, у каждого прослежены обломки одного крупного клювовидного (?) зубца, поперечное сечение в одном случае подовальное, в другом – неправильно-овальной формы, так как одна сторона изделия вогнутая, на ней сохраняется естественная ложбинка от кости (рис. 2: *8*).

Наконечники копий и рогатин (рис. 2: *7, 10, 11*) подразделены на два типа.

1. Наконечники метательных копий – данные орудия сделаны из крупных костей, имеют массивное подовальное, подтреугольное или неправильно-овальное сечение и одну вогнутую сторону (естественная ложбинка на кости) – 3 экз. В их числе одно орудие почти целое, имеет уплощенное сечение, заточенный оформленный боевой ударный конец, слегка зауженный насад, одна сторона орудия – вогнутая с ложбинкой (рис. 2: *10*). Еще 2 орудия имеют более массивное сечение, представлены обломками, они имеют паз для вкладышей, в котором видны остатки смолы; одно орудие обломано с двух сторон, второе орудие представлено обломком нижнего конца (насада) с остатками смолы, насад имеет подтреугольную форму со скругленным концом (рис. 2: *7*).

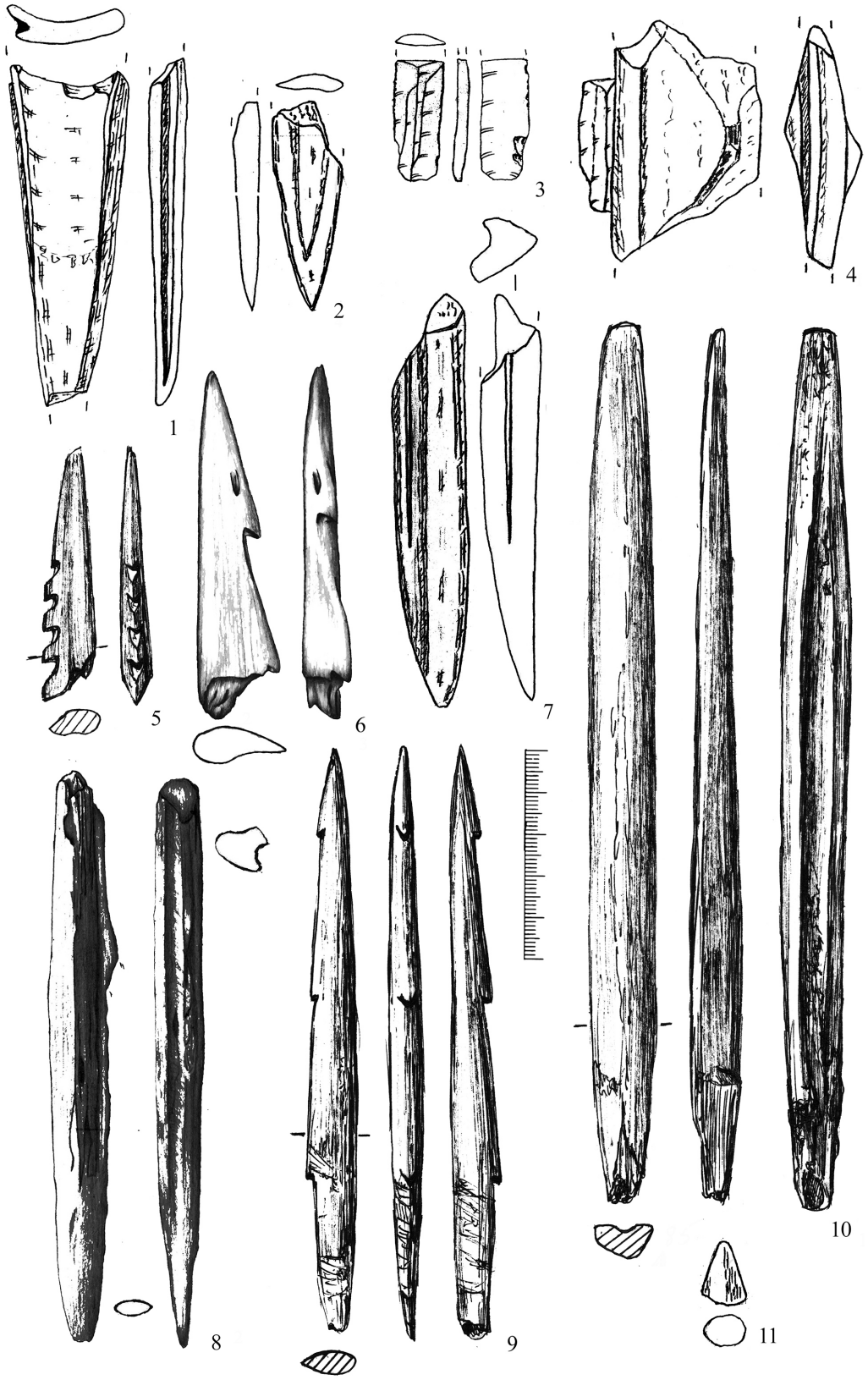


Рис. 2. Стоянка Погостище 15.
Костяные орудия: 1–2 – обломки кинжалов; 3 – пластинка-вкладыш; 4 – фрагмент кинжала с вкладышем, 5, 6, 8, 9 – зубчатые острия; 7, 10, 11 – наконечники копий и рогатин

2. Наконечники колющих орудий – рогатин – сделаны из массивных трубчатых расколотых пополам вдоль костей с удаленным эпифизом, имеют симметричный приостренно-скругленный конец, одна сторона орудия вогнутая (естественная ложбинка на кости) – 10 экз.; большинство орудий данного типа представлены короткими обломками рабочих концов (рис. 2: *11*).

Кинжалы (рис. 2: *1-4*) подразделены на три типа.

1. Прямые широкие обоюдоострые – 1 экз. Представлен коротким обломком относительно плоского широкого орудия, на обоих краях прослежены пазы с остатками смолы. В одном пазу сохранился довольно необычный вкладыш в виде массивной пластины из серого кремня с обломанным верхним концом и ярко выраженным ударным бугорком (рис. 2: *3-4*).

2. Прямые однолезвийные – 1 экз. Оба конца орудия обломаны, сохранившаяся часть изделия имеет подтреугольную в плане форму, уплощенное поперечное сечение и довольно длинный паз с остатками смолы, расположенный по всей длине одного края сохранившегося обломка (рис. 2: *1*).

3. Узкие колющие (стилеты) – 1 экз. Данное орудие представлено обломком, имеет уплощенно-овальное поперечное сечение и симметрично приостренный конец (рис. 2: *2*).

Орудия охоты и рыболовства со стоянки Погостище 15 находят широкие аналогии в мезолите лесной зоны от Прибалтики до Зауралья[2], при этом больше сходных черт прослеживается с изделиями из мезолитических памятников Волго-Окского междуречья и наиболее близко расположенной в территориальном плане культуры Веретье в бассейне оз. Лаче и, прежде всего, в материалах самой стоянки Веретье 1[3]. Так, на стоянке Веретье 1 среди костяных орудий, как и на Погостище 15, преобладают наконечники стрел, и в числе последних наиболее многочисленны наконечники с биконической головкой[4]. Очень близкую аналогию на стоянке Веретье 1 находит и однокрылый вкладышевый наконечник (тип 6)[5]. Однорядные мелкозубчатые острия с частыми зубцами известны на стоянках культуры Веретье, таких как Веретье 1, Нижнее Веретье, Сухое[6], в материалах бутовской культуры Волго-Окского междуречья, например, на стоянке Становое 4,[7] в памятниках среднего Зауралья, в т.ч. в Шигирском торфянике[8], а также в материалах Кундской культуры[9]. Аналогии можно привести и для остальных описанных категорий орудий охоты и рыболовства и выделенных типов.

Можно отметить и некоторые отличия или особенности костяных орудий охоты и рыболовства стоянки Погостище 15. Так, пока не уда-

лось найти аналогию наконечнику стрелы второго типа, представляющему собой массивное орудие с утяжеленным рабочим концом, напоминающим удлиненную массивную биконическую головку. Также удивление вызывает обломок широкого обоюдоострого прямого кинжала, точнее, не сам кинжал, а кремневый вкладыш, который сделан не из тонкой микропластины, а из более широкой пластины с неотсеченным массивным ударным бугорком.

---

[1] Косорукова Н. В. Торфяниковая стоянка Погостище 15 по данным археологии и междисциплинарных исследований / Н. В. Косорукова, М. А. Кулькова, Т. В. Сапелко. Археологические Вести. СПб., 2017. В печати.

[2] Жилин М. Г. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы / М.Г. Жилин. М., 2001. 328 с.; Савченко С. Н. Костяные наконечники стрел в мезолите Урала / С. Н. Савченко // Замятнинский сборник. Вып. 2. Предметы вооружения и искусства из кости в древних культурах северной Евразии / ред. Г.А. Хлопачев Г.А. СПб., 2011. С. 153-181.

[3] Ошибкина С. В. Мезолит Восточного Прионежья. Культура Веретье / С.В. Ошибкина. М., 2006. 322 с.

[4] Там же. С. 21.

[5] Ошибкина С. В. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья / С.В. Ошибкина. М., 1983. С. 120.

[6] Там же. С. 186-189, 206, 247.

[7] Жилин М. Г. Костяная индустрия…

[8] Савченко С. Н. Костяные зубчатые острия в каменном веке Среднего Зауралья / С.Н. Савченко, М. Г. Жилин // Северный Археологический конгресс IV. Екатеринбург Ханты-Мансийск, 2015. С. 97-99.

[9] Загорска И. Мезолит Латвии / И. Загорска, Ф. Загорскис // КСИА. М., 1977. № 149. С. 72.

Л.С. Андрианова, Н.Б. Васильева

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС СТОЯНКИ УСТЬ-ЦАРЕВА-2 В ТОТЕМСКОМ РАЙОНЕ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

В течение двух лет 2014–2015 гг. отряд Сухонско-Кубенской экспедиции под руководством Н.Б. Васильевой проводил археологические спасательные работы на стоянке Усть-Царева-2 в Тотемском районе Вологодской области. Стоянка находится на левом берегу р. Сухоны, в месте впадения в нее р. Царевы, на южной окраине бывшего поселка лесозаготовителей Усть-Царева. Этот памятник достаточно известен среди археологов. Историографический аспект её изучения изложен Н.Б. Васильевой в ряде публикаций[1].

Стоянка Усть-Царева-2 была открыта директором Тотемского краеведческого музея Н.А. Черницыным осенью 1927 г. После проведения лесосплавных работ на берегу р. Сухоны Н.А Черницын собрал небольшую коллекцию каменных орудий, керамики и нарисовал схему с указанием места памятника. В 1928–1929 гг. им проведены первые археологические исследования стоянки, было заложено семь траншей общей площадью около 85 кв. м. Среди находок серебряная фибула, железный нож, бронзовая подвеска, орудия из камня (наконечники стрел, копий, скребки, ножевые пластины, нуклеусы) и остатки глиняной посуды. В одной из траншей было выявлено пятно, интерпретированное как остатки ямы-землянки[2]. В выводах о датировке стоянки Н.А. Черницын объединил все имеющиеся находки в один комплекс эпохи неометалла: «…результаты наблюдений приводят к выводу о принадлежности фибулы и обломка железного ножа к той же культуре, к которой относятся орудия из кремня и вполне согласная с ними орнаментированная керамика...»[3]. «…Стоянка относится к Галичской культуре, характеризующейся употреблением железных, медных, бронзовых и каменных орудий»[4].

Уникальная для сухонского бассейна находка серебряной подковообразной фибулы с выемками для эмалей привлекла внимание московского археолога Н.А. Макарова, который в 1982 году провёл небольшие разведочные работы на памятнике. В ходе шурфовки прибрежной части стоянки был выявлен культурный слой мощностью до 0,35 м с находками штрихованной керамики; по всей видимости, именно с эти слоем и был связан комплекс металлических изделий, обнаруженный Н.А. Черницыным. Слой был датирован серединой – третьей четвертью I тыс. н.э. и связывался с прибалтийско-финским населением, заселявшим территорию края до прихода славян[5].

В последующие годы шло быстрое разрушение береговой линии, во многом связанное с использованием скоростных судов с водомётными движителями типа «Заря», что постепенно привело к утрате выявленных ранее культурных отложений эпохи бронзы, раннего железного века и раннего средневековья. В каталоге археологических памятников Тотемского района, по итогам разведочных работ, проведённых М.В. Иванищевой в 1990 году, поселение Усть-Царева-2 характеризуется как полностью разрушенное[6].

С 2010 года Сухонско-Кубенская экспедиции ведёт разведочные и раскопочные работы в устье р. Царевы. При осмотре стоянки Усть-Царева-2 в колее дороги и в осыпях берега р. Сухоны был выявлен немногочисленный подъёмный материал: отщепы, нуклевидный кусок, скребок, что позволяло надеяться на сохранность отдельных участков

культурного слоя. В 2014–2015 гг. сотрудниками Регионального центра дополнительного образования детей, в рамках историко-краеведческой экспедиции «Ловитва», были проведены аварийно-спасательные археологические работы (руководитель работ Н.Б. Васильева). Раскоп площадью 40 м² располагался на относительно ровном участке на самом краю обрыва; рядом прослеживались многочисленные заросшие ямы и бугры – последствия расчистки территории после нескольких пожаров.

В процессе работ получена большая коллекция каменного инвентаря: (около 15000 экз.), в основном дебитаж, значительную часть которого составляли мелкие отщепы и чешуйки, а также множество бифасов на разных стадиях изготовления, наконечники стрел, дротиков, скребки, перфораторы, шлифовальные плитки и т.д. Есть уникальные изделия: две кремнёвые фигурки (зооморфная и изделие неопределённого характера) и рубящее орудие из порфирита – первая подобная находка на территории Вологодской области.

В процессе раскопок обнаружено около полутора тысяч фрагментов керамики, значительную часть которых – до 70 % – составляют мелкие (до 4 см²) малоинформативные обломки; в статистику не вошли многочисленные фрагменты, представляющие собой непригодную для атрибуции керамическую крошку размерами менее 1 см². В ходе работ обнаружено десять развалов сосудов плохой сохранности, более 400 единичных фрагментов и несколько скоплений разнотипной керамики, из которой дополнительно выделено не менее 20 сосудов.

Планиграфическое и стратиграфическое распределение обломков посуды в толще культурных отложений свидетельствует об определённой переотложенности слоя. Фрагменты одного сосуда зачастую залегали на значительном удалении друг от друга, особенно по вертикали, поэтому описание и анализ глиняной посуды даётся не по горизонтам выборки, а целиком всей коллекции. Развалы сосудов представлены обломками пористой и гладкостенной посуды, большая часть которых залегала компактно. В целом, керамический материал, полученный в ходе раскопок поселения Усть-Царева-2 в 2015 году, предварительно можно разделить на несколько культурно-хронологических групп.

Первая группа – толстостенная пористая посуда с большим количеством органики в формовочной массе; черепок лёгкий, непрочный, нередко расслоившийся. Основная часть таких фрагментов обнаружена в верхних горизонтах выборки. Сосуды, скорее всего, были котловидной формы, имеют прямой, нередко орнаментированный венчик, округлое дно и слабо декорированные гребенчатым штампом стенки, орнаментированные в технике протаскивания или отступающей лопаточки (рис. 1: *1-4*).

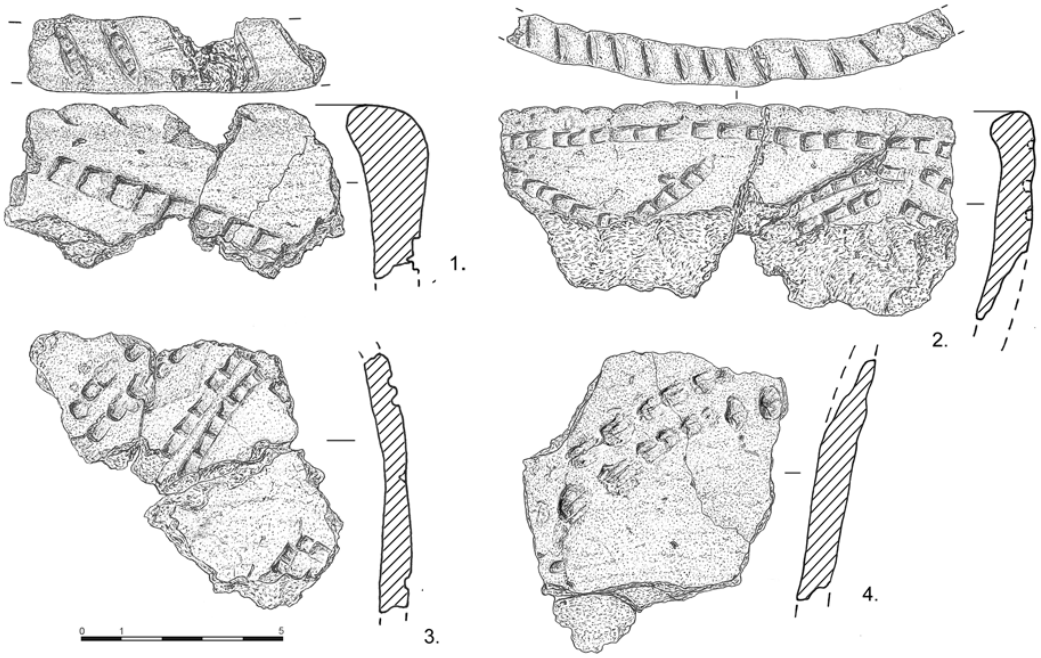


Рис. 1. Вологодская обл., Тотемский р/н. Стоянка Усть-Царева-2.
Пористая керамика, орнаментированная в технике
отступающей лопаточки или протаскивания

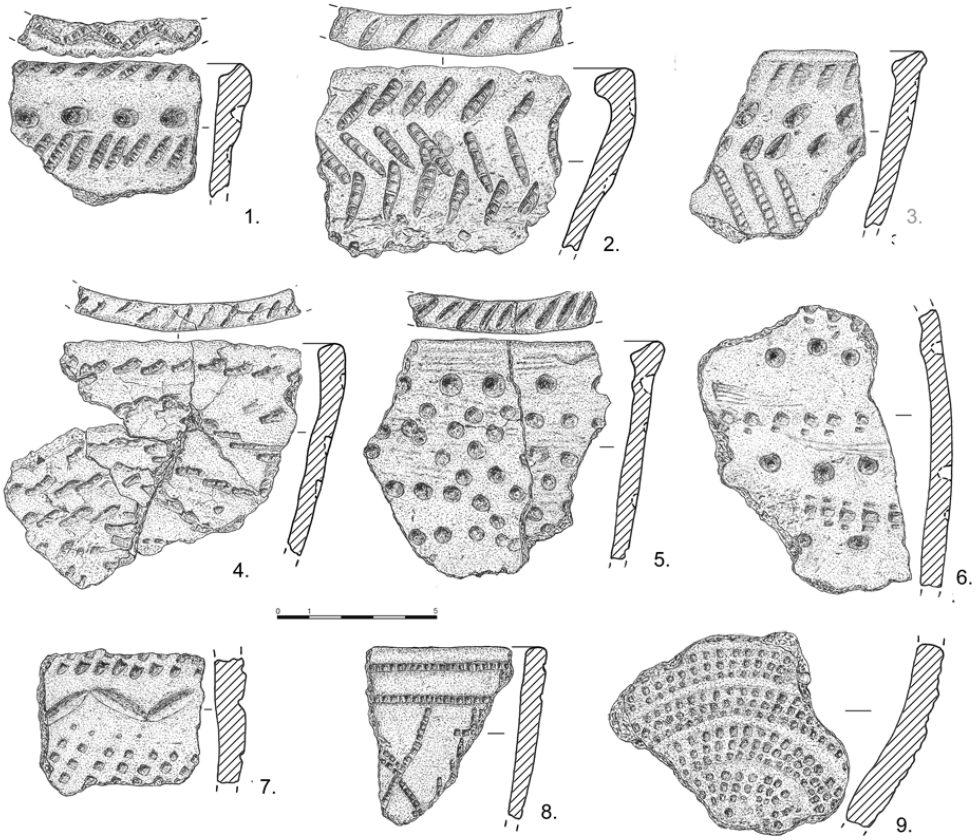


Рис. 2. Вологодская обл., Тотемский р/н. Стоянка Усть-Царева-2.
Комплекс энеолитической керамики с ямочной и гребенчатой орнаментацией (1–8)
и фрагмент ранненеолитической керамики (9)

Некоторые фрагменты изготовлены из глины со смешанными отощителями (органика и небольшая примесь песка), но по орнаменту и другим признакам они не отличаются от прочей керамики; по-видимому, изменение рецептуры теста вызвано контактами и заимствованиями. Подобная пористая посуда, характерная для позднего энеолита, на Европейском Северо-Востоке известна на памятниках чойновтинской культуры. Из ближайших памятников можно отметить энеолитическое поселение Потеряха-1, на Нижней Сухоне[7], где были найдены немногочисленные фрагменты пористой керамики с оттисками «гусеничного» штампа (техника протаскивания).

Вторая группа керамики представлена многочисленными фрагментами с гребенчатой и ямчатой орнаментацией (рис. 2: *1–8*). Формовочная масса включает в основном песок, незначительное количество мелкой дресвы, изредка примесь органики. Черепки плотные, лёгкие, иногда хорошо заглажены и даже подлощёны (рис. 2: *8*); толщина фрагментов преимущественно 0,5-0,9 см. Сосуды прямостенные, с округлым дном, края венчиков зачастую скошены внутрь, орнаментированы оттисками гладкого или гребенчатого штампа или гребенчатым зигзагом (рис. 2: *2, 7*). В небольшом количестве встречены венчики округлые, прямые, с наплывом внутри или небольшим карнизом снаружи; найден единичный фрагмент приострённого венчика. Гребенчатая орнаментация достаточно разнообразна: вертикальные, диагональные и наклонные полосы, горизонтальные и вертикальные зигзаги, ряды длинных или коротких гребенчатых оттисков (рис. 2: 2). Гребенчатый орнамент нередко дополнен или разделён рядами неглубоких и неровных овальных или подпрямоугольных ямок и ямчатых вдавлений (рис. 2: *3, 6*). На некоторых сосудах прослеживаются фигурные оттиски, нанесённые костяными орнаментирами (рис. 2: *6*). Несколько сосудов орнаментировано исключительно ямочными вдавлениями (рис. 2: *5*) или углом гладкого штампа, образующим подпрямоугольные ямки.

Технология изготовления посуды, а также орнаментация поверхности сосудов имеет определенное сходство с материалами памятников новоильинской культуры, которые отражают ранний этап в развитии энеолита Нижнего Прикамья и Вятского края. Похожий комплекс керамики был выявлен в 1991 году в ходе раскопок поселения Усть-Царева-8 на левом берегу Сухоны (раскопки М.В. Иванищевой), для которого получены две радиоуглеродные даты: 4500 (ГИН-7659) и 3780±70 (ГИН-7660)[8], что по аналогии позволяет датировать один из периодов существования поселения Усть-Царева-2 серединой III – началом II тыс. до н.э.

Несколько особняком стоит миниатюрный горшочек (сосуд № 1) с треугольными ямками (наколами) и примесью органики в тесте, неболь-

шой сосуд № 3, орнаментированный в технике отступающей гребёнки (имитация отступающей лопаточки), а также немногочисленные фрагменты тонкостенных сосудов с гребенчатой орнаментацией (рис. 2: *8*), заметно отличающиеся от основной массы посуды; скорее прослеживается отдалённое сходство с чужъяельской керамикой раннего и среднего этапов.

Неолитическая керамика на памятнике практически не представлена. Несколько фрагментов с оттисками длинного гребенчатого штампа, возможно, имеют отношение к неолитической керамике камского типа, но крайняя немногочисленность такой посуды не даёт возможность делать какие-либо выводы. Определённый интерес представляет единственный ранненеолитический сосуд с гребенчатой орнаментацией (рис. 2: *9*), окрашенный красной охрой, обнаруженный практически на материке, что, скорее всего, не случайно и указывает на ритуальный характер сосуда. Подобная керамика известна в поселении Вёкса (Верхняя Сухона) и Берёзовая Слободка-2-3 (Нижняя Сухона), где она датируется второй половиной V тыс. до н. э.[9]

Таким образом, в ходе раскопок стоянки Усть-Царевы-2 был не просто выявлен значительный участок сохранившегося культурного слоя, но и впервые зафиксированы находки энеолитического и ранненеолитического времени. По всей видимости, поселение эпохи энеолита (а возможно и раннего неолита) располагалось в глубине террасы, поэтому постепенное разрушение береговой линии, уничтожившее культурные напластования бронзового века – раннего средневековья, их не коснулось. Разнообразие посуды энеолитического времени указывает на несколько групп населения, осваивающих среднюю Сухону преимущественно с востока.

---

[1] Васильева Н.Б., 2012 «…В наше время приходится переносить самые неожиданные и тяжкие удары» (исследования Н.А. Черницыным Усть-Царевской стоянки в 1928-29 гг.) // Первобытные древности Евразии. К 60-летию Алексея Николаевича Сорокина. Москва: ИА РАН. С. 813-822.; Васильева Н.Б., 2014. Исследования провинциальными археологами памятников каменного века и эпохи раннего металла Вологодской области в 20–30-е годы XX века (работы М.Е. Арсаковой, Е.И. Праведникова, Н.А. Черницына) // Археология Севера. Материалы археологических чтений памяти Еремеева С.Т. 28-29 февраля 2012 года. Череповец. С. 149-169.

[2] Черницын Н.А. Архив ТММО. Д. 97. Л. 7.

[3] Черницын Н.А. Архив ТММО. Д. 97. Л. 6.

[4] Черницын Н.А. Новые исследования Усть-Царевской стоянки (раскопки 1929 г.) // Архив ТММО. Д. 158.

[5] Макаров Н.А., 1986. О некоторых комплексах середины – третьей четверти первого тысячелетия н.э. в юго-восточном Прионежье и на р. Сухоне // КСИА. Вып. 183. М. С. 23-32.

[6] Иванищева М.В., Спирина Д.В., 1997. Археологические памятники Тотемского района // Тотьма. Краеведческий альманах. Вологда: Русь.

[7] Иванищева М.В., 1996. Работы Сухонского отряда САЭ на средней и нижней Сухоне // Древности Русского Севера. Вып. 1. Вологда. С. 113-122.

[8] Иванищева М.В., 1996. Работы Сухонского отряда САЭ на средней и нижней Сухоне // Древности Русского Севера. Вып. 1. Вологда. С. 113-122.
[9] Иванищев А.М., Иванищева М.В., 2000. Тудозеро V – поселение позднего мезолита – раннего неолита в Южном Прионежье // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. 1. Тверь. С. 284–297. Недомолкина Н.Г., 2000. Неолитические комплексы поселений Вёкса, Вёкса III бассейна Верхней Сухоны и их хронология // Хронология неолита Восточной Европы. СПб. С. 57.

К.А. Зубов

НОВЫЕ НАХОДКИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ МОГИЛЬНИКОВ В УСТЮЖЕНСКОМ РАЙОНЕ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

На территории Устюженского района широко распространены курганно-жальничные могильники эпохи позднего средневековья. Первое упоминание о них имеется в хрестоматийном труде И.С. Романцева[1], где автор описал десять жальников. В.И. Равдоникас и Г.П. Гроздилов в 1929 г. исследовали могильники позднего средневековья на р. Мологе и Суде. В 1931 г. Н.И. Репников обследует жальник XIII–XVII вв. у деревень Логиново и Сокольники. В 1949 г. директор Устюженского краеведческого музея Б.М. Яковцевский изучал жальничный могильник из двадцати насыпей у д. Асташкино. В 1980 г. Н.В. Гуслистов обследовал жальники у деревень Логиново и Сокольники. В 1989 г. А.Н. Башенькин исследовал жальник у д. Антоново.[2]

Таким образом, к началу 2000-х гг. было открыто 12 курганно-жальничных могильников позднего средневековья, датируемых XIII–XVII вв. В ходе археологических разведок, проводившихся на территории Устюженского района в 2007–2016 гг., было открыто ещё четыре могильника.

1. Курганный могильник Асташкино-II. Первый могильник у д. Асташкино был открыт Н.В. Тухтиной в 1975 г. между деревнями Асташкино и Брянчиха. Ею было выявлено 20 насыпей, три из них были разрушены. Рядом с деревней Асташкино находится урочище «Могилы». В 2007 г. нам указал на него уроженец этой деревни Р.Н. Милавин. Урочище расположено в 0,8 км на северо-восток от д. Асташкино, на краю коренного берега р. Мараврушка. В нём выявлено три кургана с ровиками – кольцевыми канавками. Диаметр курганов 2-4 м, высота – 2-3 м. Во втором кургане грабительская яма. А.Н. Башенькиным в 2007 г. рядом с курганами был заложен разведочный шурф размерами 1х1 м, в котором обнаружены материалы мезолитического и позднесредневекового возраста. Памятник датирован VII–V тыс. до н.э. и XIII–XVI вв.

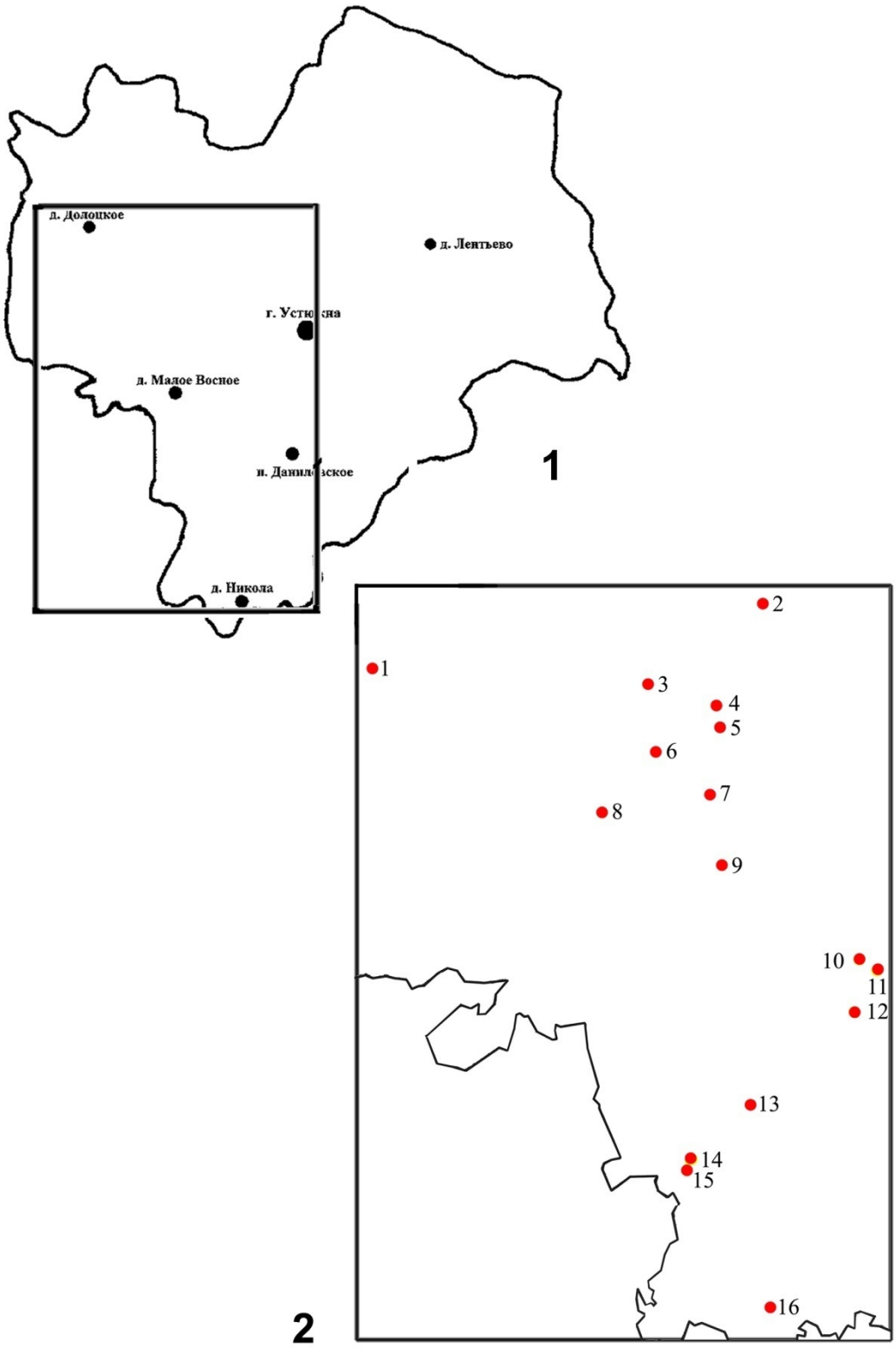


Рис. Схема Устюженского района:
прямоугольником выделен район концентрации могильников;
2 – расположение курганно-жальничных могильников: 1 – Новая деревня;
2 – Вешки; 3 – Логиново; 4 – Новинка; 5 – Марфино; 6 – Деревяга; 7 – Софронцево;
8 – Антоново; 9 – Темьянниково; 10 – Тимонино I; 11 – Тимонино II;
12 – Даниловское; 13 – Гряда; 14 – Асташкнино I;
15 – Асташкино II; 16 – Знаменское

2. Курганно-жальничный могильник Тимонино-I. Комплекс открыт автором статьи в 2008 г. Памятник находится в 3 км к востоку от д. Брилино, в 200 м на юго-восток от д. Тимонино и в 300 м на юго-запад от д. Вороново. Погребальный комплекс находится среди сенокосных полей в небольшом урочище площадью 4200 кв. м. С юго-запада урочище ограничено шоссейной дорогой, с юго-востока – грунтовой дорогой, с севера и запада – полем. Местное название урочища «Польские могилы». Один из местных жителей рассказал, что в детстве он с друзьями раскапывал здесь могилы, при этом они находили человеческие кости и глиняные сосуды. На территории урочища располагаются 47 выраженных в рельефе сооружений: жальничные могилы округлой формы и один курган с ровиком – кольцевой канавкой. Диаметр насыпей 1,6–5 м, высота – до 1 м, высота кургана – 2 м. Захоронения вытянуты в две цепочки с небольшим отклонением на северо-восток, одна цепочка расположена на северо-запад. Девять насыпей имеют следы грабительских ям. Предварительно памятник датирован XIII–XV вв.

3. Курганный могильник Тимонино-II. Комплекс открыт автором статьи в 2016 г. Он состоит из пяти курганов без ровиков, расположенных на окраине д. Вороново. В составе почти всех насыпей имеются камни, часть из которых, очевидно, перемещена с близлежащего поля. Один из курганов частично разрушен. Предположительно, курганы можно датировать XIII–XV вв.

4. Курганно-жальничный могильник Даниловское-I. Памятник открыт автором совместно с А.Н. Башенькиным и М.Г. Васениной при проведении археологического обследования трассы проектируемого газопровода к г. Устюжне с отводом к д. Дубровке Бабаевского района и д. Даниловское Устюженского района Вологодской области. Курганно-жальничный могильник находится в 0,9 км к северу от д. Даниловское, в 0,5 км к востоку от дороги Устюжна – Сандово. Расстояние до р. Ижины, расположенной севернее, – около 1,5 км. Могильник занимает возвышенность, поросшую смешанным лесом (ель, сосна, березы, ольха). От территории населенного пункта возвышенность отделена полями. Визуально зафиксировано 13 курганов и две жальничные могилы. Центральная часть могильника имеет небольшое округлое возвышение размерами 35х40 и высотой до 0,5 м, на нем размещаются курганы № 7–11. Насыпь курганов № 10–11 состоит из галечника и песчано-гравийной смеси, в полах курганов просматриваются булыжники. К северу, западу и востоку от центральной возвышенности поверхность могильника плавно понижается. На северо-восточной окраине расположены цепочкой курганы

№ 1–4, на южной – курганы № 14–15. Все курганные насыпи имеют округлую форму, диаметр от 2,7 до 4,4–4,8 м и высоту до 0,9 м, ровик – кольцевая канавка – прослеживается у кургана № 7. В нескольких курганах имеются заплывшие ямы. Две жальничные могилы зафиксированы в западной части могильника, расположены вплотную друг к другу, имеют меридиональную ориентировку, размеры 2,1х1,2 м, высоту 0,3 м. Между карьером и крайними насыпями – 60 м. Не исключено нахождение в составе могильника других жальничных могил и невысоких курганов, трудноопределимых визуально из-за густой кустарниковой растительности, а также грунтовых могил. Курганно-жальничный могильник Даниловское-I предварительно может быть датирован XI–XVI вв.

---

[1] Романцев И. С. О курганах, городищах и жальниках Новгородской губернии. Алфавитный указатель селений, при которых находятся археологические памятники, с кратким описанием последних / И. С. Романцев. Новгород, 1911. 129 с.

[2] Башенькин А. Н. Список археологических памятников Устюженского района : Машинописный текст / А. Н. Башенькин. Архив Устюженского краеведческого музея. Ф. 1. Оп. 2. Д. 45.

Н.Г. Недомолкина

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ МОГИЛЬНИКИ ВЕРХОВИЙ КОКШЕНЬГИ

Река Кокшеньга является притоком Устьи, правого притока Ваги. Бассейн верхней Кокшеньги практически совпадает с территорией современного Тарногского района и находится на водоразделе бассейнов р. Сухоны и Ваги. В древности эта территория являлась южной частью Заволочья, называемой Кокшеньгой. Только с XIV в. Кокшеньга упоминается в письменных источниках, а первое летописное упоминание о кокшенгских городках относится к 1453 г. Поэтому данные археологических исследований приобретают важное значение в изучении вопросов первоначального заселения и последующего историко-культурного развития этой территории.

Археологическое исследование Кокшеньгского края началось в начале XX в., в нем можно выделить два этапа. Первый – краеведческий, который характеризуется сбором сведений, основанных на письменных источниках (в первую очередь, летописях), летописях и данных опросов местных жителей.

Первые сведения о древних памятниках и находках Кокшеньги содержатся в работах Н.В. Глазова[1] и М.Б. Едемского[2]. Последний записывает рассказы и предания «досельных» времён и в 1905 г. предпринимает поездку по Спасским и Шевденицким городкам, местами проводя небольшие раскопки. Для анализа найденных материалов привлекались крупнейшие археологи своего времени. Так, профессор А.А. Спицин в статье «Древности Севера» сделал обзор вологодских материалов, в том числе кокшенгских, проанализировал их и определил перспективы исследования края[3].

В 1923–1925 гг. полевые исследования продолжил директор Тотемского музея Н.А. Черницын. Обследуя соседние с Тотьмой территории, он открывает ряд археологических памятников по берегам рек Уфтюги и Кокшеньги (участок к Спасам), осматривает городища. Результаты своих исследований он публикует в статье «Археологическая карта Тотемского района Вологодской области»[4]. Известные памятники включены в каталоги А.Я. Брюсова[5], М.Е. Фосс[6]. А.А. Угрюмов в книге «Кокшеньга» раннюю историю края рассматривает в отдельной главе[7].

На втором этапе (вторая пол. XX в.) изучение края продолжено профессиональными археологами. Обследованием древнерусских городищ в бассейне Ваги, в том числе Тарногского, Спаского, Ивасского, занимались А.В. Никитин[8], О.В. Овсянников[9]. В 1970-е гг. активные археологические работы в районе проводились Вологодской археологической экспедицией Вологодского музея-заповедника. Её руководитель, Н.В. Гуслистов, считал, что именно территория Тарногского района более перспективна для поисков памятников чуди заволочской[10]. По данным Н.В. Гуслистова, в бассейне р. Сухоны и Ваги с 1869 по 1977 гг. было выявлено свыше 20 памятников и групп вещей финно-угорского характера[11]. В 1979 г. он обследовал известные по краеведческой литературе городища и могильники, выявил и раскопал городище у д. Кремлёво и Второй Долговицкий могильник у д. Проневская. С 1981 г. И.Ф. Никитинский исследовал памятники средневековья XIV–XV вв. и этнографические кусты-рощи[12]. С 1990 г. исследования в Тарногском районе ведёт автор данной статьи[13]. Материалы кокшеньгских могильников публикует и использует в своих исторических реконструкциях Е.А. Рябинин[14].

В настоящее время на территории Тарногского района известно более 80 археологических памятников и местонахождений. К сожалению, большинство из них разрушено в результате природного, а в большей степени антропогенного воздействия.

В раннем средневековье территорию к востоку от Шексны и Белого озера занимают финно-угорские этносы. Чудь заволочская (или заволоц-

кая) – летописное название финно-угорского населения Заволочья, впервые упоминаемое в Повести временных лет. Однозначного мнения относительно этнического состава заволочской чуди среди исследователей нет, большинство из них считает, что она не составляла этнокультурного единства. Тем не менее, основной вывод о родстве или, по крайней мере, близости заволочской чуди к прибалтийским финнам разделяется почти всеми исследователями. Последнее не исключает присутствия в том же регионе иных этнических групп – саамов, волжских финнов и древних пермян[15]. Данные топонимики свидетельствуют о принадлежности заволоцкой чуди к прибалтийско-финской группе с языковыми отличиями от карел, а отчасти и от вепсов. Е.А. Рябинин, ссылаясь на работы А.К. Матвеева, пишет: «Язык чуди заволочской по своему словарному запасу значительно отличался от остальных прибалтийско-финских языков. Возможно, что он занимал как бы промежуточное положение между прибалтийско-финскими и волжско-финскими языками»[16]. Предполагается, что расселение разных этнических групп прибалтийских финнов в Заволочье происходило незадолго до русской колонизации, хотя новопоселенцы и успели создать на Севере свою специфическую топонимию. А.А. Угрюмов находит наследие веси и мери, древнейшей народности Севера – лопарей (саамов) в названиях кокшеньгских рек и речек, «гнезд» деревень и в просторечной лексике русского населения этих мест[17]. В Кокшеньге жили в старину и представители ряда других финно-угорских племен. На это указывал еще М.Б. Едемский: «Наряду с кличкою чудь держатся и такие, как мордва (д. Наумовская, Спасской вол.), зырь или зыряна, корела». Очевидно, эти группы осваивали относительно небольшие участки территории, оседая отдельными гнёздами. Сложность изучения проблемы чуди заволочской обусловлена малым количеством, плохой сохранностью и слабой изученностью археологических памятников конца I – начала II тысячелетия н.э. на территории Заволочья.

Известные на территории Тарногского района могильники Шухлиха (д. Едовинская) XII–XIV вв., Проневской (Первый Долговицкий) XII–XIV вв., Новгородовский XII–XIII вв., Ульяновский (деревня Кремлёво) XII–XIII вв. с бронзовыми и серебряными украшениями (таблица 1) часть исследователей определяет как древнерусские, но существуют мнения и о финно-угорской принадлежности погребённых.

Н.В. Гуслистов, так же как и Н.А. Черницын, полагал, что эти могильники оставлены местным финно-угорским населением, подвергшимся влиянию древнерусской колонизации.

Таблица 1

МОГИЛЬНИКИ XII–XIV ВВ. НАХОДКИ

Название могильника/вещи	Шухлиха	Новгородовский	Ульяновский (Кремлёво)	Проневской (Первый Долговицкий)
Гривна витая из проволок	+			
Гривна пластинчатая	+			
Гривна витая		+		
Фибула с язычком	+			
Застежка – фибула	+			
Бляха с узором	+			
Подвеска шумящая полая	+		+	+
Пронизка с утолщениями	+			
Пряжка прямоугольная	+			
Цепочка из колец	+			медные витые кольца разных размеров
Бронзовое украшение			+	
Сплав (кусок) бронзы		+		
Топор с круглым отверстием для рукоятки			+	топорик в виде конопатки
Серьга с подвеской стеклянной			+	
Бубенчики со звоном и прорезанными накрест отверстиями			+	+
Бубенчик «бутыльчатый»				+
Стеклянные бусы			+	
Железное копье			+	
Иголка довольно толстая с ушком			+	
Железный нож			+	
Птички с дырками, как будто сплетены из шнурков, медные				+
Пронизки				+
Серебряная цепочка с бляшкой				+
Звенья цепочки крупные по вершку из проволоки в виде цифры 8				+
Крестик нательный с ушком			+	
Фрагменты глиняной посуды			+	
Костяки		+	+	+
Кости кальцинированные		+	+	+

Почему нет единства в трактовке материалов? В XII–XIV вв. на Кокшеньге фиксируются два сосуществовавших обряда – кремация на стороне и захоронения по обряду трупоположения. Кремированные останки с углём и золой погребального костра ссыпались в небольшие круглые ямки, имевшие незначительную глубину, или сосуды (последнее – по Н.А. Черницину). Длительное бытование обряда кремации в XII–XIV вв. на соседних территориях наблюдается лишь у перми вычегодской[18]. Но кокшеньгский обряд, по мнению Е.А. Рябинина, существенно отличается от выявленного на памятниках перми вычегодской. Небольшие круглые ямки с сожжениями на реке Кокшеньге, очевидно, отражают древнюю ритуальную традицию, свойственную некоторым прибалтийско-финским и волжско-финским племенам второй половины I тысячелетия н.э., обитавшим к северу от Волги. Следовательно, население Кокшеньги не было родственно древнепермским племенам, но, как утверждает Е.А. Рябинин, оно не может прямолинейно сопоставляться и с весью, даже при признании значительного весского (или близкого к весскому) компонента в культуре западных групп чуди. К сожалению, новых могильников этого времени с трупосожжением в бассейне Кокшеньги не выявлено, и заключения сделаны по материалам раскопок 1920–30-х гг. В бассейне р. Сухоны в 2006–2008 гг. исследовано Селище Красное (Санное) эпохи позднего железного века или раннего средневековья, которое оставлено пермско-финской группой населения. Часть инвентаря была связана с ямками, заглублёнными в материк, что, по мнению исследователей, не исключает возможности их связи с погребальными сооружениями[19]. В публикации кратко перечисляются находки, информации о костном материале не приводится.

Н.А. Черницыну ещё удалось зафиксировать древние погребальные памятники, но непотревоженных погребений, совершенных по обряду трупоположения, уже в 1930-е гг. выявлено не было. По результатам раскопок финно-угорских могильников на территории Заволочья известно, что погребения совершались в довольно глубоких могилах, не имевших внешних признаков и погребальных конструкций. Имелись погребения в колодах. Наряду с западной представлена юго-восточная ориентировка умерших.

Связи Заволочья с Русью археологически засвидетельствованы уже на материалах наиболее ранних чудских памятников XI – нач. XII вв. В материальной культуре региона наиболее отчётливо выражено влияние, шедшее из Новгородской земли. С северо-западным импульсом связаны такие изделия, как полые коньковые подвески, бронзовые цилинд-

рические пронизки с рельефным узором. К локальным этнокультурным элементам относятся фибулы с сомкнутыми головками. С середины XII в. в летописях появляются первые упоминания о действиях ростовских князей, связанные с Заволочьем.

Вторая группа могильников – Второй Проневский (Второй Долговицкий), Игнатовский, Раменьгский, Якинский, Тиуновский, изученные Н.В. Гуслистовым и И.Ф. Никитинским, датируются XIV–XV вв.[20]

Таблица 2

МОГИЛЬНИКИ XIV–XV ВВ. НАХОДКИ

Название могильника/вещи	Второй Долговицкий	Тиуновский
Железные ножи	+	+
Наконечники стрел, копья	+	+
Височное кольцо		+
Серьга в виде знака с бусиной		+
Керамика	+	+
Крестик нательный	+	+
Перстень		+
Клык-подвеска	+	
Кресало и кремень	+	
Железная кольцеобразная фибула	+	
Железные предметы	+	+
Свинцово-оловянистая подвеска	+	
Костяки	+	+

Могильники расположены на высоких местах. В погребальной обрядности преобладает западная ориентировка умерших. Хотя, по мнению И.Ф. Никитинского, ориентировку погребённых на запад, а ногами на восток, на сакральный центр, нельзя признать христианской. В расположении могил наблюдается рядность и веерность. Важным элементом обрядности следует считать наличие следов ритуалов, связанных с огнём. В конструкциях могил прослеживаются полки и плечики. Для могил были характерны наземные конструкции, опущенные в грунт. Наблюдается обеднение инвентаря и увеличение вещей новгородского происхождения. Основные находки представлены ножами, наконечниками стрел, керамикой (таблица 2). В XIII–XIV вв. начинается распространение некоторых элементов христианства. Об этом свидетельствуют наличие в бассейне Кокшеньги захоронений с нагрудными крестами. По мнению И.Ф. Никитинского, христианство проникает сюда позднее, в первой трети XV в.[21] Данные могильники принадлежат формирующейся локальной этнической группе русского населения – кокшарам.

В 1998 г. автор исследовала памятники археологии в Озерецком поселении Тарногского района. В результате разведок был выявлен могильник в д. Михайловская. Он получил название Кузнечиха – по второму названию деревни. Могильник занимал верхнюю площадку и юго-восточный склон мыса останца в 500 м к северу от реки Кокшеньги. Река в данной местности делает крутой изгиб и меняет направление север-юг на восток-запад. Площадь могильника около 100 кв. метров. К сожалению, он практически разрушен различными жилищными и хозяйственными постройками. В 40–50-х гг. прошлого века на склоне были сооружены ямы для хранения картофеля. На момент открытия на склоне стояли два погреба. Верхняя площадка была занята жилым домом и огородами. По сведениям местных жителей, человеческие кости встречались при выкапывании всех ям. Было сделано несколько зачисток в местах таких находок. Наиболее информативный материал получен в зачистке 1, расположенной в 4 м от юго-восточного угла дома. Под культивированным слоем мощностью 40-60 см выявлен гумусированный гравийный песок и тлен дерева (рис. 1). Ниже на глубине -50 см от дневной поверхности найден горшок и фрагменты керамики (рис. 2), на глубине -70 – челюсть лося, на глубине -90 – -105см – челюсть подростка, переотложенные позвонки и железный предмет, очевидно костыль. По находкам могильник можно датировать XIV–XV вв. и отнести ко второй группе могильников, оставленных древнерусским населением.

В 2000 г. обследовано состояние памятника Игнатовская (Подкуст) Верховского поселения. На территории памятника распахана большая площадь. На перекопанных грядах собрана коллекция керамики, также найдены фрагменты человеческих черепов, ребер. Это позволяет предположить, что в границах могильника потревожены погребения.

Разведочными работами на территории трассы магистрального газопровода Нюксеница – Северодвинск – Архангельск были выявлены памятники каменного века. В 2006 г. автором на них проводились раскопочные работы. Памятник Медвежье 1 расположен на правом берегу р. Кокшеньги в месте пересечения реки трассой газопровода, в 2,7 км к юго-западу от д. Феофилатовская и в 1 км к северо-востоку от д. Ермолаевская (Чуломатки) Тарногского района Шевденицкого поселения. Местность представляет собой прирусловый вал р. Кокшеньги шириной 90–100 м, ограниченный с востока старицей р. Кокшеньги, ныне полностью заболоченной. Памятник располагался на высоте 2-3 м над уровнем воды. К северу наблюдается небольшое повышение. До прокладки газопровода поверхность памятника была занята смешанным лесом, который

был нарушен на участке шириной 100 м. В районе памятника наблюдаются большие разрушения. По площади памятника по направлению юго-восток – северо-запад проложены линия ЛЭП и первая нитка газопровода. При выборке сектора 5 в квадратах линии А были выявлены два пятна, которые проявились после выборки переотложенной верхней почвы. Ориентированы по линии северо-запад – юго-восток. Верхние пятна – № 1 размером 0,9х1,6 м и № 2 размером 0,9х1,6 м соответствовали ямам, заглубленным в материк. В раскоп вошла часть конструкций. К сожалению, их полной формы не удалось проследить, так как участок к западу от сектора 5 разрушен на большую глубину, чем уровень ям. В западной стенке сектора прослежены разрезы ям. Их глубина 0,6 м. В заполнении ям найден тлен дерева и переотложенный слой. Под ямами наблюдается подсыпка из серо-коричневой супеси мощностью от 4 до 24 см (1 яма) (рис. 3). Мы имеем очень мало информации, чтобы сделать точное заключение о происхождении и функциональном назначении ям. Интерес представляет находка небольшого железного зубильца 1,3х6,5 см (рис. 4, 1). Сектор 6 западной стенкой стыкуется с 5 сектором. При выборке верхнего переотложенного грунта в секторе найдена бронзовая фитильная трубка, орнаментированная линиями поясков (рис. 4, 2). Данная находка имеет аналогии на памятниках Вологодской области, в частности в древнем Белоозере, где датируется XI–XII вв.[22]. Находки фитильной трубки и зубила дают основание предполагать о существовании на этом участке не только стоянки каменного века, но и средневекового могильника, который получил название Медвежье 1а, также разрушенного при прокладке газопровода.

Таким образом, в настоящее время на территории Тарногского района известно 10 средневековых могильников и восемь местонахождений шумящих подвесок и различных бронзовых, железных орудий и предметов у д. Едовинская, Филимоновская, Нижнее Паунинская, Проневская, Игунинская, Чумалатки, Игумновская, Тарногский Городок. По времени функционирования выделяется две группы могильников – XII–XIV и XIV–XV вв., первые из которых связаны с финно-угорским населением, вторые – с локальной русской этнической группой – кокшарами. Результатом славяно-финно-угорского симбиоза являлись сложившиеся в конце XII–XIV вв. группы довольно независимого и относительно самостоятельного населения, упоминаемые в Летописях «двиняне», «важане», «пинегжане», «вычегжане» и др. Этноним «кокшары» по письменным источникам также достаточно древний[23].

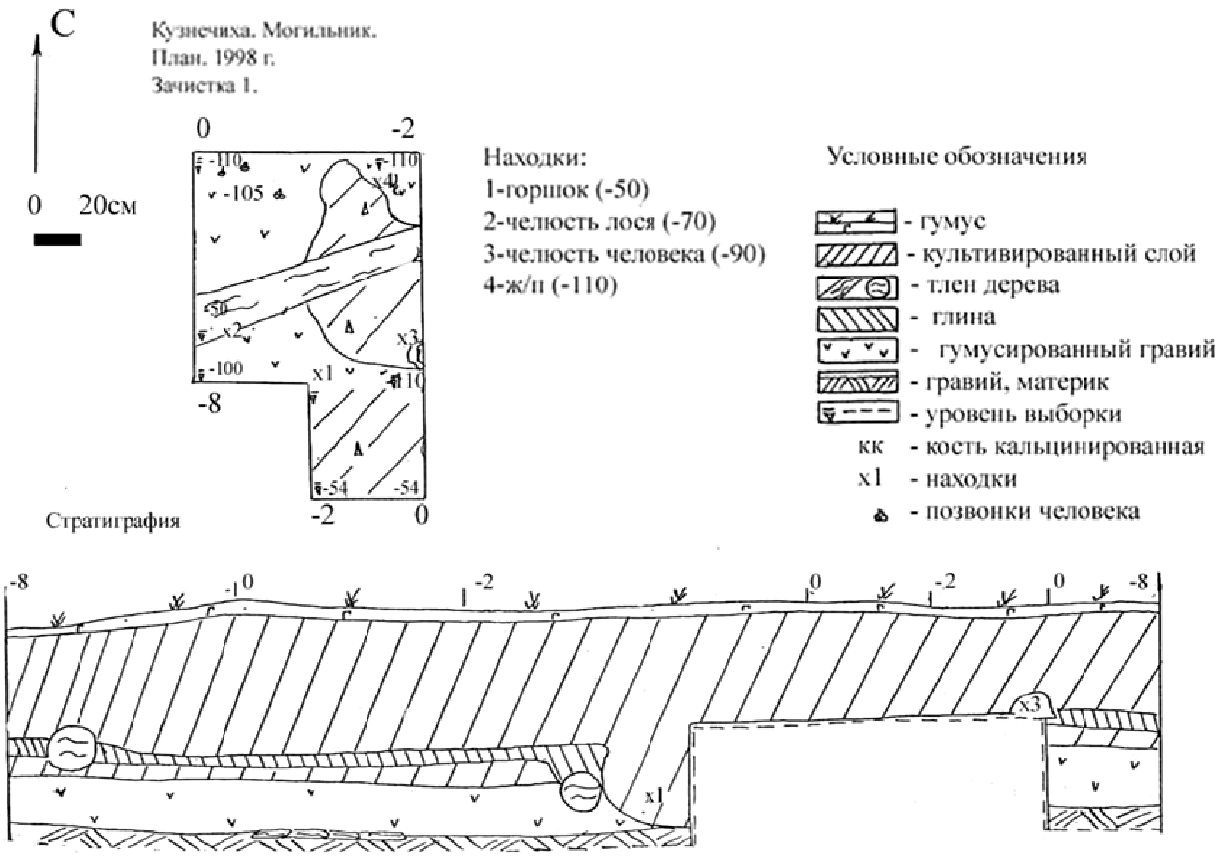


Рис. 1. Могильник Кузнечиха.
План зачистки 1, стратиграфия

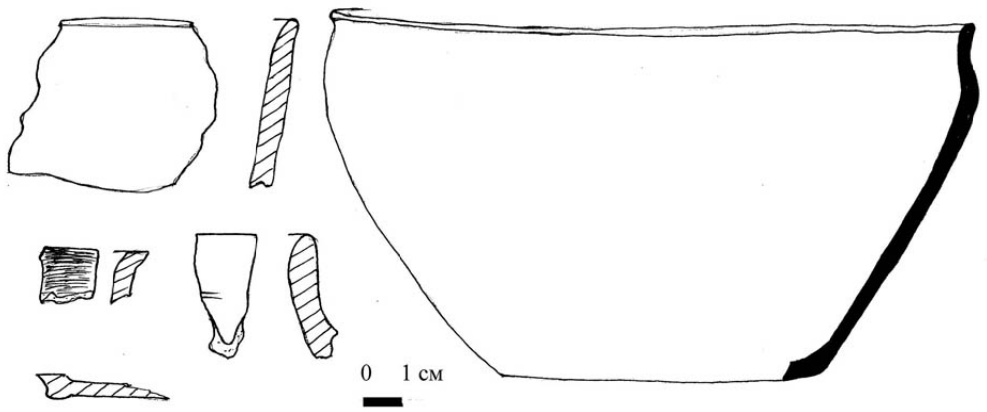


Рис. 2. Могильник Кузнечиха.
Находки. Керамика. Глина

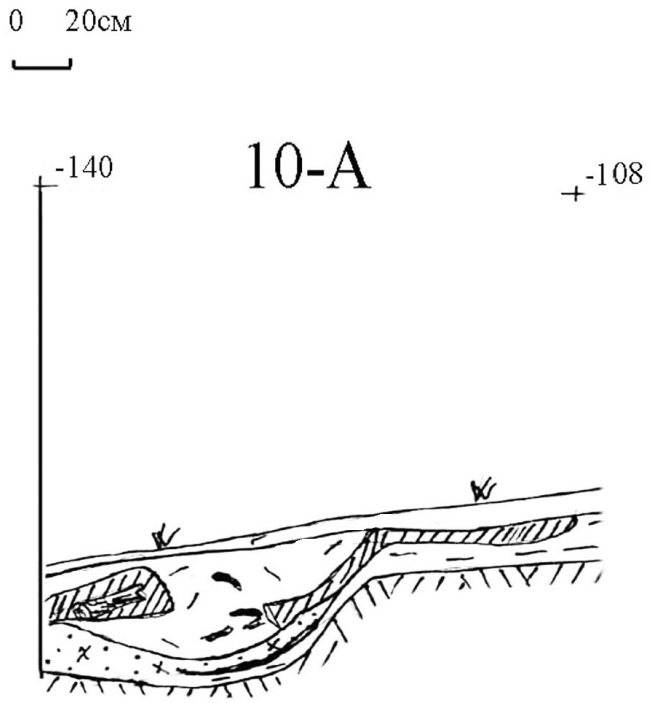


Рис. 3. Медвежье 1. Разрез ямы 1

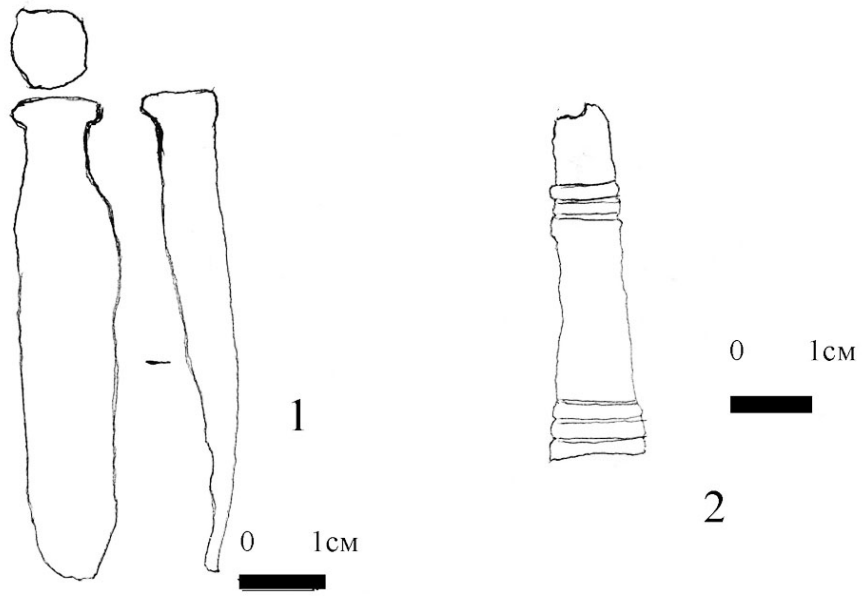


Рис. 4. Медвежье 1а. Местонахождение. Находки.
1 – зубило, 2 – фитильная трубка. 1 – железо, 2 – бронза

Регион Кокшеньги перспективен для поисков новых памятников археологии, но вряд ли приходится ждать хорошей сохранности объектов на территории, подверженной ныне активному антропогенному воздействию.

[1] Глазов Н. В. Записки о древностях Вологодской губернии по Вельскому и Тотемскому уездам / Н. В. Глазов // Отчет Археологической комиссии за 1911 г. СПб., 1914. С. 69–70.
[2] Едемский М. Б. Кокшенгская старина / М. Б. Едемский // Записки Русского отделения Императорского русского археологического общества. СПб., 1906. Т. VII. Вып. 1–3. С. 92.
[3] Спицын А. А. Древности Севера Вологодской, Архангельской, Северо-Двинской губерний и области Коми / А. А. Спицын // Доклады научного общества по изучению местного края при Тотемском музее. Тотьма, 1926. Вып. IV. С. 6.
[4] Черницын Н.А. Археологическая карта Тотемского района Вологодской области / Н. А. Черницын // КСИИМК. М.; Л., 1950. Вып. XXXV. С. 143-148.
[5] Брюсов А. Я. История Древней Карелии / А. Я. Брюсов. М., 1940.
[6] Фосс М. Е. Древнейшая история Севера Европейской части СССР / М. Е. Фосс // МИА. 1952. № 29. С. 258.
[7] Угрюмов А. А. Кокшеньга / А. А. Угрюмов. Архангельск, 1992.
[8] Никитин А. В. Отчет об археологических разведках по р. Сухоне в 1958 г. / А.В. Никитин. Архив ВГМЗ. Б/н.
[9] Овсянников О. В. Укрепленные усадьбы XIV–XV вв. как памятники оборонного зодчества Русского Севера / О. В. Овсянников // КСИА. 19. Вып. 172. С. 97-104.
[10] Гуслистов Н. В. Развитие археологических исследований на территории Вологодской области // Историография и источниковедение истории северного крестьянства СССР. Северный археографический сборник. Вологда, 1978. Вып. 4.
[11] Гуслистов Н. В. Марьинский могильник / Н. В. Гуслистов // Вопросы финно-угроведения : тезисы докладов XVI ВКФУ. Сыктывкар, 1979. Ч. II. С. 7.
[12] Никитинский И. Ф. Исследования археологических памятников XIV–XV вв. на верхней Кокшеньге / И. Ф. Никитинский // Древности Русского Севера. Вологда, 1996. Вып 1. С. 212-218.
[13] Недомолкина Н. Г. Древности Тарногского края / Н. Г. Недомолкина // Тарнога (Кокшеньгский край) : краеведческий сборник : к 560-летию Тарногского Городка. Вологда : Б-Принт, 2013. С. 25-41.
[14] Рябинин Е. А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси / Е. А. Рябинин. СПб., 1997. С. 139.
[15] Рябинин Е. А. К этнической истории Русского Севера (чудь заволочская и славяне) / Е. А. Рябинин // Русский Север. К проблеме локальных групп. СПб., 1995. С. 19.
[16] Там же.
[17] Угрюмов А. А. Указ. соч.
[18] Рябинин Е. А. К этнической истории… С. 30.
[19] Иванищева М. В. В поисках чуди заволочской: средневековые древности Тотемского края / М. В. Иванищева // История и археология Русского Севера. Вологда, 2012. С. 44.
[20] Никитинский И. Ф. Исследования… С. 216.
[21] Там же. С. 217.
[22] Захаров С. Д. Древнее Белоозеро / С. Д. Захаров. М., 2004.
[23] Берштам Т. А. К вопросу этнонима «Кокшара» / Т. А. Берштам // Тарнога (Кокшеньгский край) : краеведческий сборник : к 560-летию Тарногского Городка. Вологда, 2013. С. 226.

И.П. Кукушкин

ИСТОРИЯ ВОЛОГОДСКОЙ КРЕПОСТИ ПОСЛЕ 1630 ГОДА

Вологодская крепость второй пол. XVI–XVII вв. – уникальный историко-археологический памятник. Истории крепости периодов ее строительства и реконструкций, археологическим исследованиям памятника посвящен ряд публикаций[1]. Слабо освещенным периодом истории крепости является время после 1630-х годов, связанное с потерей крепостью ее значимости как фортификационного объекта, а в технико-эксплуатационном отношении – с постепенным разрушением и руинированием.

Кратко о строительных периодах крепости. В 1565–1571 гг. при Иване Грозном в Вологде начинает возводиться грандиозная каменная крепость. Но строительство в камне было приостановлено, и укрепления достраивались в дереве. В эпоху Смуты, в 1608–1609 гг. и после разорения Вологды в 1612 г. крепость модернизируется. На каменных основаниях времени Ивана Грозного сооружаются новые деревянные надстройки, из дерева же возводятся башни и стены на остальных участках. В 1631 г. осуществляется капитальная перестройка крепости.

Фактически отстроенная заново в 1631 г., крепость простояла всего несколько лет. Пожары 1636 и 1641 гг. полностью уничтожили деревянные сооружения на каменных основаниях юго-восточной стороны крепости и значительную часть деревянных стен и башен. И у нас нет данных о том, что крепость после этого восстанавливалась. Принимаемые меры для ее сохранения ограничивались констатацией фактов разрушения укреплений и бюрократической перепиской, создававших видимость деятельности вологодских воевод и московских дьяков по упрочению обороноспособности города. При возникновении военной опасности состояние укреплений вызывало обеспокоенность властей, которая пропадала после устранения опасности.

В 1651–1652 гг. в связи с паводками произошло обрушение берегов р. Золотухи. Вологодский воевода Милославский отписывался в Москву о возможности разрушения проездных башен: «От Благовещенской башни до реки Золотухи поперег толко с сажень; а от Пятницких проезжих ворот до реки Золотухи толко сажени с две; а от Никольских проезжих ворот до реки Золотухи сажень с пят … воротам и башне впредь чают большие порухи». На отписке стоит помета московского чиновника, чтобы берега были укреплены силами и за счет средств вологжан, «чтобы впредь болши того порухи не было»[2].

Через пять лет, в Сметной книге Вологды 1657 г., составленной при вологодском воеводе Алексее Павловиче Еропкине, фиксируются относительно сохранившимися только отдельные участки деревянных стен и башни по юго-западной стороне крепости и отрезок каменно-деревянных укреплений по северо-западной. Каменные основания стен и башен по юго-восточной стороне к этому времени осыпались, своды нескольких башен провалились, деревянные стены и башни в северной части северо-западной стороны крепости и вдоль р. Вологды полностью отсутствовали, «в рове чеснок огнил, и надолобы все огнили и обвалились, а тайники прежние засыпались»[3]. Вооружение крепости, за исключением полуторной пищали на Пятницкой башне, было снято и хранилось в каменных палатах, которые сильно изветшали, о чем было отписано государю[4].

В 1660 году русская армия потерпела ряд серьезных поражений в русско-польской войне, ситуация в стране становилась крайне тревожной. Назначенный воеводой в Вологду Никита Константинович Стрешнев, приходившийся родственником жене царя Михаила Федоровича, в конце 1660 г. писал царю, что «жить на Вологде опасно, потому что города и острога и никаких городовых крепостей и пушек и пороху и мушкетов нет». К концу года обстановка на военном фронте стабилизировалась и 1 января 1661 г. царь Алексей Михайлович издает указ, что угроза стране миновала, «польских и литовских людей побили», поэтому крепостное строительство и ремонты могут быть отложены до особого распоряжения[5].

В 1670–1671 гг. крестьянская война под предводительством Степана Разина всколыхнула страну. Власти вновь забеспокоились об обороне. В 1670 г. вологодский воевода Константин Устинович Нащокин отписывался царю о подмыве рекой Вологдой прибрежного городового вала (по р. Вологде), угрозе разрушения каменной палаты, в которой хранилась «зелейная и пушечная казна» и даже Софийского собора. 8 декабря 1671 г. царским указом в Вологду был направлен Борис Марков, который должен был конструкции вологодской крепости «поделать и укрепить». Но весной 1671 г. восстание Степана Разина было подавлено. В это же время осуществлялось каменное строительство Гостиного двора в Архангельске – единственном морском порту Московского государства. И в связи с нехваткой квалифицированных работников на все объекты мастеровые были отправлены в Архангельск, а не в Вологду[6].

В составленной в 1678 г. Описи городов о Вологде сообщается: «Город каменный, по городу 12 башен, башни и стены повалились», деревянного города и башен на протяжении 586 сажен уже нет, «около города надолбы, и во рву обруб сгнил весь и повалился»[7].

По писцовой книге Вологды 1685–1686 гг. с юго-восточной стороны крепости как проездные ворота еще функционировали Никольская и Пятницкая башни, в одной из глухих башен хранились винные запасы – «а ставят в ней кружечного двора головы вино для береженья». Другие каменные башни и стены находились в руинированном состоянии. Оставшиеся деревянные и каменно-деревянные башни и стены с юго-западной и южной части северо-западной стороны изветшали, «кровли и мосты на них изгнили и обвалились». Служившие арсеналом каменные палаты «разсыпались и погребы завалились», поэтому вооружение было перенесено на хранение в Благовещенскую церковь, располагавшуюся близ Софийского собора[8].

Очевидно, что после 1630-х годов состояние вологодской крепости не было первоочередной заботой центральной власти, регулировавшей политику в области строительства и поддержания крепостных сооружений. Это обусловлено тем, что явной угрозы нападения на Вологду не было. Город развивался как торговый, экономический центр, его военно-оборонительное значение отошло на второй план. Точка в возможности существования крепости как оборонительного сооружения была поставлена при Петре I. В 1724 г. был утвержден аншталт (штат) крепостей, которые следовало содержать, – вологодская крепость не вошла в перечень этих укреплений, и ее участь была предрешена.

Независимо от технического состояния крепость охранялась как государственное имущество. Однако камень, заготовленный еще при Иване Грозном для сооружения крепости, потихоньку разбирался для нужд городского строительства. В 1661 г. царь Алексей Михайлович указывает вологодскому воеводе, чтобы каменные и бутовые крепостные запасы, увезенные для полатного и церковного строительства, были возвращены и без особого распоряжения никому не выдавались[9].

Но со временем потребности каменного городского строительства определили покрытие дефицита строительного камня не только за счет складированных каменных запасов, но и разборки построек эпохи Грозного. Из камня бывших палат, в которых хранилась «царская казна» и складировалось оружие, достраивались стены архиерейского дома при архиепископе Симоне в 1671–1675 гг. Частично из этих материалов был выстроен и Воскресенский собор в 1772–1776 гг.[10].

В XVIII в. почти вся крепость превращается в руины. В 1780 г. ее так описывает первый историк города Вологды А.А. Засецкий: «По большим развалинам и воротам видимо бывший каменной замок, которого с восточной и западной сторон бывало стена каменная с башнями и

огромными от реки Золотухи двоими через некоторое расстояние воротами, кои хотя обветшав, но и по сие время еще не совсем развалились; а от полудни была рублена стена же и с башнями деревянная, которая по давности от времени совсем погнила и упразднилась… а кругом оных стен имеются каналы, и как видимо позавалились и засорились»[11].

Дольше всех простояла западная угловая, Пречистенская башня. Надо полагать, что это произошло благодаря ее хозяйственному использованию. Чертеж башни, выполненный губернским архитектором Иваном Фохтом перед ее сносом в начале 1820-х годов, – единственное известное на сегодняшний день натурное изображение вологодских крепостных укреплений. На чертеже башня названа Пороховой[12]. Можно предположить, что в ней какое-то время размещалась часть арсенала.

В первых десятилетиях XIX в. при благоустройстве города руины крепости были разобраны, рвы по большей части засыпаны. По периметру крепости при генерал-губернаторе Н.П. Брусилове в 1822–1823 гг. разбили бульвары. Участки каменных башен юго-восточной стены по регулярному плану г. Вологды 1784 г. попадали в планируемую застройку, поэтому крепостные фундаменты использовались при возведении новых зданий.

В настоящее время наземных архитектурных фрагментов крепости не сохранилось. Визуально фиксируемыми следами ее существования служат: река Золотуха – крепостной ров с юго-восточной стороны крепости; пруды и, возможно, земляная насыпь в парке ВРЗ – остатки рвов и крепостного вала северо-западной стороны бывших фортификаций. Поэтому исключительное значение для исследования вологодской крепости имеют материалы археологических работ.

---

[1] Кукушкин И.П. История и этапы исследования Вологодской крепости втор. пол. XVI–XVII вв. / И. П. Кукушкин // Археология Севера. Череповец, 2014. Вып. 5. С. 75-87; Кукушкин И.П. Археологические исследования Вологодской крепости второй половины XVI–XVII вв. / И. П. Кукушкин // Монументальное зодчество Древней Руси и Восточной Европы эпохи Средневековья. Тр. Гос. Эрмитажа. СПб., 2017. Т. 86. С. 316-324.

[2] Отписка воеводы Милославского о подмыве крепости // Север. 1924. № 1 (5). С. 31-32.

[3] Описание Вологодской крепости в сметной книге 1657 года // Север. 1924. № 1 (5). С. 27-31.

[4] РГАДА. Ф. 210.Оп. 6. Ед. хр. 38. Л. 311-315.

[5] Царская грамота на Вологду об ослаблении меры обороны, принятых по случаю измены гетмана Юрия Хмельницкого и Заднепровских городов // Акты археографической экспедиции. СПб., 1836. Т. 4. С. 168-169.

[6] Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. СПб., 1857. Т. 1. С. 293-294; Память из Пушкарского в Новгородский приказ о постройке в Вологде каменных

проезжих ворот и башен и о возведении окологороднаго земляного вала // Дополнения к актам историческим. СПб., 1857. Т. 6. С. 169-170.
[7] Дополнения к актам историческим. СПб., 1875. Т. 9. С. 219, 229-230.
[8] Писцовая книга Вологды 1685–1686 годов // Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII века. М., 2008. С. 172-177.
[9] Царская грамота на Вологду об ослаблении меры обороны, принятых по случаю измены гетмана Юрия Хмельницкого и Заднепровских городов // Акты археографической экспедиции. СПб., 1836. Т. 4. С. 168-169.
[10] Степановский И. Вологодская старина / И. Степановский. Вологда, 1890. С. 72; Фалин Н.В. Вологодская крепость в XVII веке / Н. В. Фалин // Север. 1924. № 1 (5). С. 9.
[11] Засецкий А.А. Историческия и топографическия известия по древности о России и частно о городе Вологде / А. А. Засецкий. М., 1780. С. 57.
[12] РГИА. Ф. 1488. Оп. 1. Д. 577. Л. 1.

О.Н. Адаменко

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КРЕПОСТНОГО РВА г. ВОЛОГДЫ В 2015–2016 ГОДАХ

Участок по адресу: г. Вологда, ул. Лермонтова, 4 расположен на правом берегу современного обрыва р. Золотухи, известной как крепостной ров времени Ивана Грозного. В 2009 г. данный участок, как и основная часть территории крепости середины XVI в., получил статус выявленного объекта культурного наследия (памятника археологии)[1]. В июле – декабре 2016 г. сотрудниками ООО «Старый город» О.Н. Адаменко (руководитель), А.Ю. Кашинцевым, А.А. Аникиной, Р.П. Биланчуком, С.А. Согласовым, Ю.В. Солтус и др. был выполнен масштабный комплекс археологических работ, предваряющий застройку участка согласно плану реконструкции квартала. Дендрохронологическая датировка полученных в ходе исследования спилов проведена Ю.М. Жаворонковым.

Участок неправильной формы имел площадь 1089 кв. м, глубина выемки грунта по проекту составила 4-4,5 м. Цель проведения работ на участке – выявление археологических предметов и сохранившихся участков культурного слоя[2]. Также в задачи исследования входило установление мощности и датировки перемешанного культурного слоя, определение стратиграфии заполнения «оплывшего» крепостного рва, уточнение границ памятника и др.[3] Особый научный интерес представлял поиск остатков крепостного рва сер. XVI в., фрагментов оборонительных сооружений и слоя этого времени. Еще до начала работ было очевидно, что эти остатки могли сохраниться только в наиболее удаленном от р. Золотухи углу участка, в нижних предматериковых горизонтах. По данным

письменных источников XVII в., известно, что стенки рва постоянно обрушались, на его дне находились «чеснок» и «надолбы», которые к 1657 г. «все огнили и обвалились»[4].

Выбор методики работ на участке (археологическое наблюдение) был обоснован анализом стратиграфической ситуации берегов р. Золотухи (работы О.Н. Адаменко, А.Ю. Кашинцева, И.П. Кукушкина, И.В. Папина разных лет)[5], письменными, фото- и картографическими источниками. Так, археологические работы 2015 г., выполненные в ходе благоустройства Пречистенской набережной, показали, что большая часть береговых склонов Золотухи сформирована в новейшее время. Первый максимально полный разрез склона р. Золотухи был осуществлен при сооружении новых лестничных спусков к устью реки (напротив д. 1 и 3 по ул. Лермонтова)[6].

Историческая реконструкция Золотушной набережной показывает, что уровень улицы был значительно изменен в XX в.: имевшийся сильный «прогиб» в районе Рыбнорядского моста, а также плавный спуск к р. Вологде (вероятно, соответствующий т.н. «Булдакову звозу» начала XVIII в.) были снивелированы[7]. На исторических фотографиях зафиксирована топография обследуемого участка: на значительном понижении от основного уровня улицы и дворовой части одного из корпусов Гостиных рядов, в низине – «пойме» р. Золотухи того времени, располагались хозяйственные постройки (амбары, сараи и др.). В начале XX в. участок на ул. Лермонтова, 4 описывается в городской прессе так: «Все пространство, занимаемое двором <дома Кузнецовой>, представляет собою сплошное болото грязи глубиною по колена и больше. Не только человеку, но и лошади часто становится невозможно выбраться из этой грязи…»[8]. М.В. Фехнер характеризует этот склон Золотухи как «место свалки дореволюционных лет»[9]. Засыпка склона происходила и при каменном строительстве вокруг участка – комплекса башен и зданий у Каменного моста в кон. XVIII – XIX вв., здания «Вологдалеспрома» в 1966–1968 гг., а также при сооружении Рыбнорядского моста (1863, 1938, 1966 гг.).

Таким образом, участок на ул. Лермонтова, 4 был сформирован в результате естественной деформации (оползней) восточной стороны крепостного рва в XVII–XIX вв., в ходе строительства каменных зданий в кон. XVIII – XX вв., при переустройстве моста и благоустройстве территории. Согласно планам города кон. XVIII в. и фотографиям XX в.[10], на участке существовала вероятность обнаружения следов хозяйственной застройки.

В результате проведенных в 2016 г. археологических работ территорию обследуемого объекта можно условно разделить на пять участков, отражающих разные этапы его хозяйственного освоения.

Участок № 1 выделяется в нижней части склона, расположен вдоль р. Золотухи. Здесь выполнено семь зачисток на технологическом проезде для установки шпунтов. В зачистке № 2 был выявлен завал колотого кирпича, бетонный блок, железная проволока и др. предметы XX в., относившиеся к изученной позднее постройке. В зачистке № 4 зафиксирован участок деревянных свай берегоукрепления (дендродата – кон. XIX в.).

Участок № 2 включает северо-восточный сегмент объекта, приближенный к Рыбнорядскому мосту. Слой здесь полностью сформирован из песчано-глиняной смеси, завезенной при переустройстве моста в 1966 г. В данном слое выявлены остатки кирпичной постройки, произведена ее фиксация на трех уровнях, собраны находки, зафиксированы детали и коммуникации, исследован фундамент, архитекторами выполнены обмеры помещений. На картах и планах кон. XVIII – нач. XX в. данной постройки нет, на фотографии и квартальном плане 1930-х гг. она отражена. В постройке было два помещения – пятиугольное с элементами пяты сводчатого потолка и прямоугольное. В первом помещении выявлено три дверных и три оконных проема, частично заложенных кирпичом, вторая комната, наполовину разрушенная, имела один оконный проем. Часть стен и внутренняя часть постройки «прорезана» сваями из забетонированных железных труб – укреплениями склона, произведенными в сер. 1990-х гг. Внутренние стены покрыты масляной краской, зафиксирована проводка с изоляцией 1930-х гг., вмонтированные трубы коммуникаций, «продух» с обрубком бревна. Среди находок – вещи XX в. Старожилы г. Вологды указывают на расположение здесь керосиновой лавки, в 1958 г. – мастерской по ремонту самоваров, в 1966 г. – подсобного помещения для строителей моста. Стратиграфия стенок котлована и внутреннее заполнение комнат показывает одновременность процесса разрушения постройки и засыпки ее грунтом. Аналоги постройки: кривоугольное здание пристройки здания на ул. Мира, 14, кирпичная керосиновая лавка в пойме Золотухи у Винтеровского моста.

Участок № 3, наиболее перспективный для обнаружения остатков крепостных сооружений XVI в., находится на максимальном удалении от р. Золотухи, примыкает к ул. Лермонтова. Известны две графические реконструкции вологодской крепости сер. XVI в.[11], и на обеих территория обследуемого участка приходится на внутреннее пространство крепостного рва, что можно было проверить в ходе работ. Для отслеживания

стратиграфической ситуации здесь проводились горизонтальные и вертикальные зачистки, шурфовка слоя. Шурф № 1 был заложен в промежуточном горизонте, глубина шурфа – 2 м, датировка отложений по материалам – XVIII–XIX вв. Находки – чернолощеная курительная трубка с личиной, красноглиняная поливная керамика, пробки от винных бутылок и аптекарских флаконов, фаянс, свинцовые пломбы XIX в. и др.

В стенке котлована вдоль ул. Лермонтова зафиксирована важная для понимания топографической ситуации стратиграфия склона оплывшего рва, отражающая этапы его заполнения: 1) ниспадающая засыпка слоя песчано-глиняной смеси сер. 1960-х гг.; 2) темно-серая супесь с линзами песка, колотого кирпича 1950-х гг. – этот слой частично засыпал низ кирпичной постройки, у стены которой обнаружена монета этого времени; 3) слой со щепой XVIII–XIX вв.; 4) самый нижний предматериковый слой, исследованный шурфом № 2, содержит материалы XIX в. с незначительным количеством предметов, бытовавших в XVII–XVIII вв.

На участке 3 в предматериковом горизонте зафиксированы следующие объекты: свайное поле из параллельных рядов заостренных бревен (дендродата – кон. XVIII в.), скопление разрозненных валунов, скопление досок кон. XIX в.

Участок № 4 располагается в центральной части обследуемой территории. Здесь в восточной стенке раскрыт сруб размером 1,2х1,6 м в виде технологического колодца с дощатым дном, датируется нач. XX в. В колодце обнаружено скопление винных бутылок, фарфора, флаконов от бальзама, серебряных монет, рубашечных пуговиц и др. Яма, вероятно, имеет прямую связь с находившимся рядом рестораном «Пассаж».

Ниже – под колодцем и в новом профиле склона был зафиксирован тонкий слой темно-серой супеси (0,2-0,3 м), выявленный ранее (в 2016 г.) в траншее и по характеру залегания схожий с обследованным в раскопе у Дома офицеров[12]. Отмечено плавное понижение слоя к руслу Золотухи. Для его изучения был заложен шурф № 4. В нем обнаружены разрозненные бревна, керамика, белоглиняная курительная трубка «голландского» типа; находки XIX–XX вв. в слое отсутствовали. Ввиду сохранности данного горизонта, с целью уточнения времени и особенностей его формирования было принято решение исследовать его раскопом.

Раскоп № 42[13] площадью 64 кв. м был заложен в ноябре, для проведения работ был сооружен обогреваемый и освещаемый павильон[14]. Методически были выбраны раскопки по слоям, ямы и понижения склона исследовались как отдельные объекты, в центре раскопа оставлена бров-

ка. В ходе раскопок были последовательно изучены шесть основных слоев, шесть ям и аморфных мульд, комплекс траншей.

На уровне первых четырех слоев в гумусированных горизонтах найдены хаотично расположенные бревна, колья, а также линия частокола вдоль северо-западной стенки раскопа. В северной части раскопа расчищены нижние венцы бревенчатой постройки № 1, рядом с ней – кирпичная кладка из большемерного кирпича без связующего раствора. Обширная яма № 3 раскрыта в центральной части раскопа, она содержала фрагменты колотого кирпича, органические материалы, вероятно от кожевенного производства. Слой ямы примыкал к траншее, идущей параллельно руслу Золотухи. Следующие слои – свита единовременных, ниспадающих в разных направлениях отложений из мешаных суглинков – находились ниже уровня проектной отметки котлована. На материке в границах траншей под полуистлевшими бревнами зафиксированы группы ложных незаостренных свай, впущенных в материк и имеющих наклон в сторону Золотухи (дендродаты – 1720-е, 1780-е гг.). Общая мощность слоя в раскопе составила 0,8-2,2 м.

Находки в раскопе – нательный крест желтого металла, монеты, ножи, ножницы (одни – с инкрустацией), пуговицы, ременные пряжки, булавка типа «пусс-йеппи», конские подковы и др., массовый материал – крепежный инструмент, керамика, кости животных. В целом комплекс может быть датирован в широких рамках XVIII в. Часть вещей появилась, очевидно, ранее, но продолжала бытовать в указанное время.

Участок № 5 примыкает к одноэтажному зданию по ул. Каменный мост, 6-а. Слой данного участка сформирован из ниспадающих перемешанных суглинков (строительных отвалов) кон. XIX – нач. XXI в. Вдоль технологического проезда на уровне нижней проектной отметки был зафиксирован угол бревенчатого сруба со следами пожара (в т.ч. и расплавленным стеклом), с засыпкой колотым кирпичом. Поэтапная расчистка позволила зафиксировать эпицентр пожара, уничтожившего амбар. Сруб представлял собой нижние венцы и пол хозпостройки, сооруженной из бревен вторичного использования (с бессистемными пазами), с внутренней перегородкой, размерами 9,5х6,5 м. Вероятное назначение – амбар для хранения товаров близлежащих торговых лавок кон. XIX – нач. XX в.

На его полу, в слое песка было обнаружено асинхронное массовому материалу и дендродате сруба скопление красноглиняных курительных трубок «турецкого» типа: всего 70 экземпляров, учитывая фрагментированные. Трубки, клейменые арабской вязью, позднего варианта, в основ-

ном типа «тахта-чубук», XIX в. В скоплении также найдены янтарные кольца-бусины (возможно, накладки на мундштук), пробка Химтреста, оплавленное цветное стекло, агитфарфор. Другие находки в амбаре – донца от бочек, монета-подвеска из полушки 1730-х гг., керамика, винные бутылки, дверная фурнитура. Под западным углом сруба найдена монета 1857 г.

В шурфе № 3 под северным углом сруба выявлена конструкция берегоукрепления из Г-образных «ступенчатых» элементов (бревно с отверстием, в которое забита прямоугольная свая) (дендродата – кон. XIX в.).

Таким образом, в 2015–2016 гг. внутри рва восточной стены крепости г. Вологды сер. XVI в. были проведены археологические исследования, позволившие изучить стратиграфическую ситуацию на участке, уточнить топографию этой части города в XVI–XX вв., получить материалы, характеризующие материальную и духовную культуру вологжан. Установлено, что обследованный участок имеет особенную структуру слоя, отразившую активное «освоение» низинных участков в центральной части города. Подобную ситуацию с мощными напластованиями новейшего времени можно наблюдать на протяжении всего русла Золотухи, а также в местах других засыпанных ручьев и малых рек Вологды. Наращивание слоя в низине у Золотухи происходило постепенно, резко ускорившись в последнее столетие. В XVIII в. предпринимается первая попытка «сужения» рва в связи со строительством Гостиных рядов и расширением дворового пространства за ними: сооружаются бревенчатые срубы на фальшсваях, сверху формируется городской слой, ограниченный по краю тонкой изгородью. В XIX в. массивные бревенчатые амбары «сдвигают» ближе к Золотухе, превентивно защищая их от обрушения на склоне специальными подземными конструкциями. В связи с активностью близлежащих торговых лавок к концу XIX в. под склон смещаются насыщенные органикой слои. XX век отразился на участке находками времени работы городской поликлиники, строительством и расширением площадки кафе «Лукоморье», укреплением склона под ним, отдельными коммуникациями. Работы 2016 г. позволили изучить процесс археологизации поздних объектов и слоев, заполнивших крепостной ров.

В результате собраны коллекции находок ресторанной тематики XIX – нач. XX в., нумизматики XVII – сер. XX в., красноглиняных курительных трубок XIX в., разновременной керамики и остеологии. Отдельные находки могли бытовать и ранее, в XVI–XVII вв., но слой данного времени не выявлен. Достоверно ранних материалов и закрытых ком-

плексов, современных строительству крепостного рва, не обнаружено, за исключением тонкой дубовой сваи из слоя XVIII в. (образец оказался «условно пригоден» для датирования, дендродата – сер. XVI в.). На участке обнаружен и большемерный кирпич, возможно, перемещенный в XVIII в. с места разборки крепостных стен и башен. Полученные результаты позволяют положительно оценить точность обмеров крепостных сооружений в источниках XVII в., а также согласиться с существующими реконструкциями крепости, согласно которым обследованный участок полностью находится «внутри» рва.

При планировании любых земляных работ вдоль русла р. Золотухи важно предусмотреть возможность полномасштабных археологических работ с целью уточнения и изучения границ памятника археологии «Культурный слой города Вологды в границах крепости XVI века».

---

[1] Паспорт выявленного объекта археологического наследия памятника археологии «Культурный слой города Вологды в границах крепости XVI века» / сост. Н.Б. Васильева, И.В. Папин. Вологда, 2009. Архив АУК ВО «Вологдареставрация». Отдел учета.

[2] Положение о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации : утверждено постановлением Бюро Отделения историко-филологических наук РАН от 27.11.2013 № 85. Раздел 4.

[3] Краткий научно-технический отчет о проведенных археологических исследованиях (наблюдениях) на земельном участке по адресу г. Вологда, ул. Лермонтова, 4 / ООО «Старый город»; исп. Адаменко О. Н. Вологда, 2017. 5 с. Архив АУК ВО «Вологдареставрация», отдел учета.

[4] Фалин Н. В. Вологодская крепость в XVII веке / Н. В. Фалин // Север. 1924. № 1(5). С. 30-32.

[5] Отчёт о НИР «Определение границ памятника археологии «Культурный слой города Вологды в границах крепости XVI в.» / АУК ВО «Вологдареставрация»; исп. И. П. Кукушкин. Вологда, 2011. Архив АУК ВО «Вологдареставрация», отдел учета.

[6] Адаменко О. Н. Отчёт по результатам археологических исследований в г. Вологде в 2015 г. (Пречистенская наб. от ул. Зосимовской до ул. Лермонтова, пр. Победы, 30, пр. Победы, 32-а. / О. Н. Адаменко. Вологда, 2016. 43 с. Архив ИА РАН. Р-1.

[7] Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII в. / сост. И. В. Пугач (отв. ред.), М. С. Черкасова. М. : Кругъ, 2008. Т. 2. С. 67.

[8] Нас просят обратить внимание… // Вологодская жизнь. 1908. № 11 (8 октября). С. 1.

[9] Фехнер М. В. Вологда / М. В. Фехнер. М.: Госстройиздат, 1958. 215 с. С. 202.

[10] Геоинформационная система. Город Вологда в XVIII – начале XXI в.: планировка, застройка, топонимика, объекты культурного наследия [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Режим доступа: http://historymaps35.ru. Загл. с экрана; Фотографии сообщества «Улицы старой Вологды»: альбомы «Золотуха и Копанка», «Лермонтова ул.» [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Режим доступа: https://vk.com/album-74287107_204716510; https://vk.com/album-74287107_200939046. Загл. с экрана.

[11] Фалин Н. В. Указ. соч. – На вклейке между стр. 32 и 33; Кукушкин И. П. Вологодская крепость второй половины XVI – XVII века / И. П. Кукушкин. Вологда: Древности Севера, 2016. С. 4.

[12] Отчёт о НИР «Определение границ…».
[13] Нумерация раскопов на территории г. Вологды, продолжающаяся с начала проведения археологических работ в городе.
[14] Краткий научно-технический отчет о проведенных археологических исследованиях (раскопках) на земельном участке по адресу г. Вологда, ул. Лермонтова, 4 / ООО «Старый город»; исп. Адаменко О. Н. Вологда, 2016. 4 с. Архив АУК ВО «Вологдареставрация», отдел учета.

А.С. Федоров

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОХРАННОЙ ЗОНЕ ВОЛОГОДСКОГО ГОРОДИЩА (г. Вологда, ул. Пролетарская, д. 1)

Археологическим отрядом экспедиции НП «НИЦ “Древности”» под руководством А.С. Федорова в мае 2017 г. проведено обследование земельного участка в г. Вологде по ул. Пролетарской, д. 1. Участок расположен в охранной зоне объекта культурного наследия федерального значения (памятника археологии) «Городище XII–XV вв. – место основания г. Вологды»[1].

Округа исследуемого участка изучена достаточно хорошо. Однако имеющаяся информация не позволяет однозначно судить о наличии и границах распространения культурного слоя на данной территории.

В 1975 г. А.В. Никитиным были проведены разведочные работы на участке по ул. Ударников, д. 16 (расположен в 100 м к юго-западу от исследуемого участка). В ходе работ было установлено, что культурный слой на участке находится в основном в переотложенном виде. По находкам чернолощеной и сероглиняной керамики автор датирует слой периодом не ранее XVII в.[2]

В 2016 г. И.В. Папиным и Н.Б. Васильевой проведены археологические раскопки на участке по ул. Пролетарской, д. 5а (примыкает к исследуемому участку с востока). В ходе работ был обнаружен объект, который исследователями интерпретируется как ров Вологодского городища. Наиболее ранние культурные напластования на участке датируются периодом XIV–XV вв.[3]

Также в 2016 г. А.Ю. Кашинцевым осуществлен надзор за прокладкой траншеи по ул. Ударников, д. 13 а-б (расположен в 175 м к югу от исследуемого участка). В ходе работ установлено, что мощность культурных отложений, относящихся к первоначальному освоению террито-

рии, составляет 0,2-0,25 м. Основываясь на полученных материалах, археолог датирует их временем не ранее нач. – сер. XV в[4].

В 2017 г. на участке по ул. Пролетарской, д. 11 (расположен в 200 м к югу от исследуемого) И.П. Кукушкин проводил археологическую разведку. По итогам работ археолог сделал заключение, что «…участок не представляет археологического интереса. Эта территория, примыкающая к Вологодской крепости, в старину была заболочена. Ее хозяйственное использование под огороды следует отнести к концу XVIII – началу XIX вв. Найдено несколько деталей керамической посуды средневекового времени». Однако, по мнению исследователя, они явно принесены сюда с других участков в более позднее время[5].

Исследуемый участок по ул. Пролетарской, д. 1 имеет относительно ровную поверхность. Рельеф понижается с юга на север на 0,8 м, высота его составляет 117-118 м в Балтийской системе. Раскопом изучено 140 кв. м, столько же – в ходе археологического наблюдения на участке. Ранее здесь располагался жилой дом, от которого сохранился ленточно-бетонный фундамент шириной ок. 0,6 м и глубиной более 2-х м (заглублен в материк).

В ходе проведенных археологических исследований выявлено, что культурный слой на участке имеет разнородный характер. Так, в границах территории, ограниченной ленточно-бетонным фундаментом, культурный слой состоит из трех горизонтов:

- верхнего, мощностью около 1 м, представленного новейшими техногенными отложениями (ПГС, шлак, колотый кирпич), отложившегося в ходе строительства и эксплуатации выявленного фундамента;

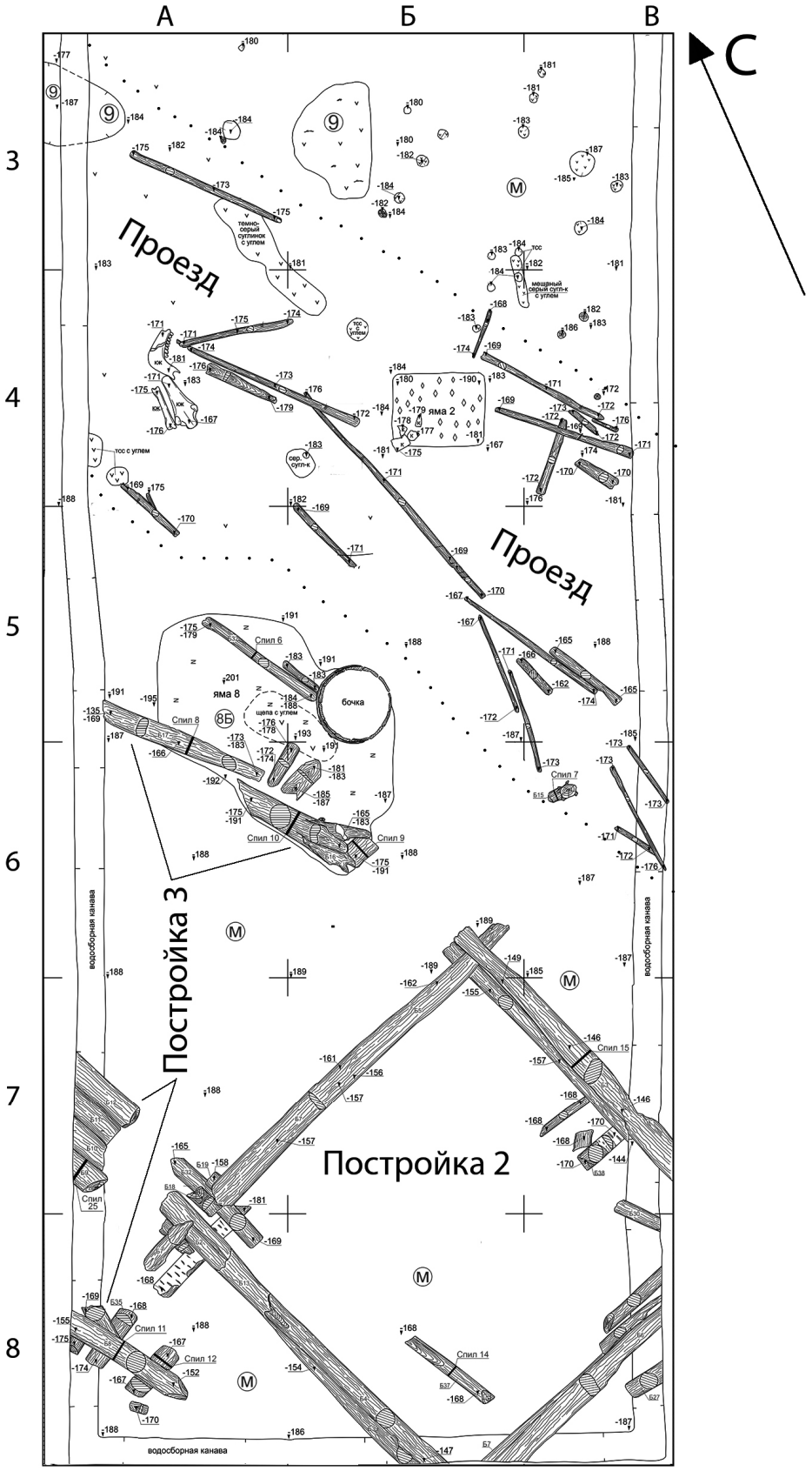
- мешаного культурного слоя (темная серая гумусированная супесь с пятнами серого суглинка), мощностью около 0,5 м, содержащего в большом количестве современные предметы (оконное стекло, кругло-проволочные гвозди, фаянс/фарфор и пр.);

- нижнего – влажного культурного слоя, в котором сохраняются деревянные конструкции и другие органические материалы, мощностью около 0,6-0,7 м.

За пределами фундамента культурный слой состоит из двух горизонтов:

- верхнего, мощностью около 1 м, аналогичного верхнему горизонту внутри фундамента;

- нижнего (темная серая гумусированная супесь с пятнами серого суглинка, древесным тленом, колотым кирпичом), сильно перемешанного; мощностью от 0,5 м в северной части участка до 1,1 метра – в южной.



Ул. Пролетарская. д. 1.
Сводный план строительных горизонтов 1-3

Особый интерес для исследования представлял, разумеется, влажный культурный слой. В границах фундамента был заложен раскоп размерами 16х12 м. Раскоп ориентирован по фундаменту – длинной осью по оси северо-северо-запад – юго-юго-восток. Юго-восточная четверть раскопа выходила за пределы фундамента – культурный слой на этом участке сохранился в переотложенном виде и был исследован в ходе археологического наблюдения.

Верхний горизонт техногенных отложений и переотложенного культурного слоя снимался механизированным способом до глубины -130/-140 см от поверхности. В нижней части переотложенного слоя обнаружены находки, связанные с железоделательным промыслом: две крицы и заготовка кованого изделия, а также два фрагмента стенок «рейнского» сосуда, фрагменты муравленых изразцов, два костяных кочедыка, пиленые роги, кости. По комплексу сопутствующих материалов слой обнаружения находок можно датировать периодом XVI–XVII вв.

В ходе дальнейших раскопок изучено четыре строительных горизонта.

Четвертый строительный горизонт. Обследована постройка 1, ориентированная по сторонам света, сохранилась в виде полусгнившего бревна западной стены и небольшого участка полового настила. Постройка выявлена в юго-западной четверти раскопа на глубине -130/-140 см от поверхности. Реконструируемый диаметр бревна – не менее 0,2 м, в длину сохранилось на 3,4 м, южный конец огнил, северный конец уничтожен фундаментом. В слое постройки обнаружены индивидуальные находки: два нательных креста, монета-«чешуйка», ножи, верхняя часть ангобированного сосуда-кубышки, бусина синего стекла, оселок, донце керамического сосуда с клеймом, два пиленых рога. По сопутствующему керамическому материалу слой темной серой гумусированной супеси с углем и древесным тленом, в котором находилась постройка, датируется XVI в. Судя по наличию среди находок значительного количества фрагментов фаянсовой посуды и оконного стекла слой имеет перекопы, не фиксируемые в плане. По стандартному для городского слоя заполнению – фрагментированная керамика и кости животных – постройка имела бытовое назначение.

Третий строительный горизонт. Постройка 2 выявлена в юго-западной четверти раскопа, непосредственно под постройкой 1, на глубине -145/-150 см от поверхности. Постройка ориентирована по направлению северо-запад – юго-восток. Между конструкциями имеется прослойка темной серо-коричневый супеси с углем и древесным тленом,

мощностью до 0,1 м. На глубине около -150 см в постройке 2 расчищена забутовка из мешаного светло-серого суглинка, мощностью до 0,1 м – гидроизолирующий слой. В центральной части постройки, на забутовке, зафиксировано пятно рыжей обмазки с очажными камнями (подпрямоугольной формы, размерами 0,7х0,6 м, толщиной до 0,1 м) – следы очага. Под слоем гидроизоляции залегает коричневый оторфованный слой – перегнившая щепа – горизонт строительства постройки.

Сруб рублен в чашу «с остатком», длина стены «изнутри» 3,5 м, диаметр бревен около 0,2-0,25 м. Сохранность бревен плохая, относительно сохранилась лишь сердцевина бревен. Сруб сохранился на 2 венца. Под углами и в средней части стен имеются подкладки. По результатам дендрохронологического анализа спилы с бревен постройки, имеющие подкоровые кольца, датируются 1453–1454 гг.[6] Все бревна стен еловые. Среди подложек имеется одно сосновое бревно.

Из слоев строительства и функционирования постройки 2 получены индивидуальные находки: фрагменты пиленого рога и кости; пружинный механизм, корпус цилиндрического замка и ключ (тип 2В по Б.А. Колчину[7]); ледоходный шип; две пряжки и две накладки поясного набора; костяная игла, монетовидная подвеска, два щитковидных перстня, свинцовый грузик, ножи и оселки. Отдельную группу находок представляют два предмета из камня: обломок кремневой ножевидной пластины и обломок сланцевого шлифованного «фатьяновского» топора. Массовый материал представлен красноглиняной керамикой, в основном фрагментами горшков, в значительно меньшем количестве имеются фрагменты мисок и крышек. По типологическим признакам керамику из слоев, связанных с постройкой 2, можно датировать XV в. В большом количестве имеются фрагментированные кости животных. Назначение постройки – бытовое.

Второй строительный горизонт. Бревна (вероятно, разобранная постройка 3), образующие отдельные комплексы (см. рисунок): бревно с подложками, настил, скопление бревен над крупной материковой ямой (заполнена щепой) и столбовое бревно. Все бревна конструкции выявлены в юго-западной четверти раскопа, на глубине -155/-160 см и глубже от современной поверхности. В целом разрозненные бревна ориентированы по тому же направлению, что и постройка 2 – северо-запад – юго-восток. Бревна постройки 3 располагаются за пределами постройки 2, при строительстве которой, очевидно, была разобрана более ранняя третья.

Комплексы бревен постройки 3 находятся в слое хорошо сохранившейся спрессованной щепы и на границе щепы и коричневого оторфованного слоя (перегнившая щепа – горизонт строительства постройки 3).

По результатам дендрохронологического анализа бревна постройки 3 датируются периодом с 1370-х по 1380-е гг. Учитывая плохую сохранность внешних слоев древесины (большое количество годичных колец не сохранилось), можно предположить, что постройка 3 была возведена в 90-х годах XIV в. Среди бревен постройки 3 имеются два из лиственных пород. Возможно, они были срублены при подготовке участка под строительство.

Из слоя постройки 3 получены индивидуальные находки: ложновитая серповидная подвеска, нож, рыболовный крючок, крупная треугольная накладка (на крышку сундука?), плоский квадратный свинцовый грузик весом 11 г. Массовый материал представлен небольшим количеством фрагментированной керамики и костями животных. По типологическим признакам керамику из слоя, связанного с постройкой 3, можно датировать периодом XIV – пер. пол. XV вв.

Первый строительный горизонт. Наиболее древним из исследованных объектов является мощение проезда, зафиксированное в центральной части раскопа. Оно ориентировано по направлению северо-запад – юго-восток. От современной поверхности объект залегает на глубине -165/-180 см.

От проезда сохранились жерди, служившие основанием для бревенчатой мостовой (?). Жерди имеют длину от 0,5 до 2,4 м, диаметр до 0,1 м, уложены по направлению проезда. Реконструируемая ширина проезда – от 2,7 до 3 м. В границах полосы проезда материковый светло-серый суглинок имеет следы вдавливаний вышележащего серого суглинка с углем. Это произошло при перемешивании верхнего горизонта почвенного слоя в ходе эксплуатации проезда. Учитывая археологизацию жердей в предматериковом слое – мешаном светло-сером и сером материковом суглинке, можно предположить, что мощеный проезд на данном участке существовал до или одновременно с появлением здесь городской застройки. Подтверждением этому служит датировка пробы на радиоуглеродный анализ (Le-11581[8]– 820±25 лет), полученная с одной из жердей – 1172–1222 гг. При датировке объекта нужно учесть особенность пробы – сердцевина бревна, т.к. внешние кольца не сохранились. Таким образом, устройство проезда, вероятно, произошло во второй половине – конце XIII в. С участка, занятого проездом, получена индивидуальная находка – костяная рукоять с циркульным орнаментом.

Вероятно, обнаруженный проезд являлся частью дороги, ведущей за пределы Вологодского городища в северо-западном направлении, которую использовали в кон. XIII–XIV вв. При сооружении первой на участ-

ке постройки проезд, с которого предварительно сняли поперечные бревна, был засыпан слоем щепы, позднее перемешавшейся с серым материковым суглинком.

На материке фиксируются следы от частоколов. В большом количестве они сгруппированы вдоль проезда – две полосы бессистемных частокольных ямок шириной около одного метра. Вероятно, это следы многих частоколов, располагавшихся вдоль проезда, что говорит о достаточно длительном времени существования последнего.

Особенностью палеорельефа исследованного раскопом участка является понижение уровня с севера на юг – порядка 25 см. Деревянные конструкции сохранились именно в южной части раскопа. Можно предположить, что в южном направлении от раскопа находится локальное понижение, в котором скапливаются грунтовые воды, обеспечивающие сохранность влажного культурного слоя.

Таким образом, на территории участка по ул. Пролетарской, д. 1 не позднее XIV в. существовала городская застройка, выходящая далеко за пределы городских укреплений – посад.

К сожалению, вопрос об охране культурного слоя за пределами вологодского городища пока остается открытым.

---

[1] Говоря о расположении участка в охранной зоне памятника, необходимо учитывать, что под государственную охрану попадает лишь территория ОКН «Городище XII–XV вв. место основания г. Вологды». Культурный слой, находящийся за пределами данной территории, не имеет достаточной степени охраны.

[2] Никитин А.В. Отчет о раскопках в Вологодской области за 1975 год, охранные раскопки в Вологде / А. В. Никитин. Архив ИА РАН. Р-1. № 5773. С. 41.

[3] Краткий отчет об археологических раскопках в г. Вологде в 2017 году / НП НИЦ «Древности»; исп. Н. Б. Васильева, И. В. Папин. Вологда, 2017. 4 с. Архив НИЦ «Древности».

[4] Краткий отчет о выполнении НИР в области археологии по договору от 16.06.2016 г. «Археологические исследования на территории г. Вологды на участке по адресу: ул. Ударников, 13а-13б» / НП НИЦ «Древности»; исп. А.Ю. Кашинцев. Вологда, 2016. Архив НИЦ «Древности».

[5] Вологодские археологи ищут следы посадов Вологодского городища / Комитет по охране объектов культурного наследия Вологодской области. Электрон. дан. Режим доступа: http://vologda-oblast.ru/novosti/novosti_organov_vlasti/vologodskie_arkheologi_ishchut_sledy_posadov_vologodskogo_gorodishcha/. Загл. с экрана.

[6] Дендрохронологический анализ спилов выполнен директором вологодского филиала ООО «Здоровый лес» Ю.М. Жаворонковым.

[7] Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (продукция и технология) / Б. А. Колчин // МИА. М., 1959. № 65. С. 82.

[8] Радиоуглеродный анализ проведен в Лаборатории археологической технологии Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург).

А.В. Кудряшов, С.Б. Калинин

А.Н. БАШЕНЬКИН И ЧЕРЕПОВЕЦКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Приезд А.Н. Башенькина в г. Череповец

Череповецкий краеведческий музей в начале 80-х гг. XX в. был одним из старейших музеев Вологодской области и Северо-Запада СССР. Основанный в начале XX века, к этому времени он имел многолетние традиции сотрудничества со столичным археологами – М.Е. Арсаковой (1920-е гг.), А.Я. Брюсовым (1940–1950-е гг.), Л.А. Голубевой (1960–1970-е гг.), Н.В. Тухтиной (1960–1980-е гг.). Результатом этого сотрудничества была концентрация в фондах музея значительных коллекций археологических материалов. Фонды археологии в 1940–1970-е гг. быстро пополнялись и в результате сборов материалов с памятников археологии Вологодской области череповецкими краеведами А.А. Алексеевой, К.К. Морозовым, белозерским краеведом и писателем В.В. Гарновским и другими. При этом к началу 1980-х годов в музее ощущалась острая нехватка профессионального археолога. Все это и определило выбор выпускника кафедры археологии Ленинградского государственного университета А.Н. Башенькина, избравшего музей в г. Череповце в качестве места работы. Коллектив музея во главе с директором Т.И. Сергеевой встретил молодого археолога очень доброжелательно.

В 1980–1981 гг. семья Башенькиных обживалась в промышленном городе, а сам он осваивал действительно обширные коллекции археологических материалов и данные архивов. В 1981 г. были проведены и первые разведки, в которых приняли участие череповецкие и вологодские школьники, студенты, молодые учителя и краеведы. Полевой сезон начался ранней весной 1981 года с обследования территории и окрестностей г. Череповца, далее последовали работы на р. Шексна, Суда, Колпь, Большой Юг. Были осмотрены места, откуда массово поступали находки, а также уже известные памятники археологии. Было открыто несколько десятков археологических памятников. При обследовании затопленного села Луковец в Рыбинском водохранилище выяснилось, что он не только является местом сбора подъемного материала эпохи средневековья, но и содержит влажный культурный слой, сохраняющий дерево и другую органику.

Работы Череповецкого краеведческого музея в первой половине 80-х гг. XX в.

Основные работы археологической экспедиции Череповецкого краеведческого музея (АЭЧКМ) под руководством А.Н. Башенькина в эти годы развернулись в юго-западном Белозерье. В район обследования попали среднее течение р. Шексны, р. Суда с притоком Колпь, позднее – бассейны рек Чагоды и Чагодощи и среднего течения р. Мологи. Эта территория станет на всю жизнь местом научных интересов, местом приложения сил и энергии талантливого ученого-археолога. Первые раскопки АЭЧКМ прошли на средневековом Усть-Староарапском могильнике на р. Колпи и на поселении раннего железного века – средневековья «Дом охотника» на р. Большой Юг. Далее А.Н. Башенькин перенес основные археологические раскопки на р. Суду, в Бабаевский район, где раскопки памятников у с. Никольского продолжались несколько лет. Объектом изучения стали грунтовые могильники раннего железного века, курганы эпохи раннего средневековья и древнерусского времени, городище раннего железного века и средневековые поселения. В 1984 г. силами школьников школы № 28 и училища № 37 г. Череповца впервые на Суде была раскопана сопковидная насыпь диаметром более 20 м, высотой около 4 м, которая дала великолепные финно-угорские материалы IX–X вв. В этом же году работы стали проводится и в бассейне р. Чагоды. В местности «Варшавский шлюз» был раскопан первый в Вологодской области «длинный» курган середины I тыс. н.э. Осенью этого же года экспедиция во главе с А.Н. Башенькиным обследовала палеолитическое местонахождение на р. Сухоне, открытое участником экспедиции А.М. Иванищевым. Здесь, кроме найденного им кремневого орудия, экспедиция обнаружила кости ископаемых животных.

А.Н. Башенькин быстро собрал вокруг себя актив людей, неравнодушных к археологии. Это были в основном череповчане – краеведы, студенты, учителя и преподаватели вузов, работники музея, а также вологжане – главным образом, студенты. В экспедиции в эти годы работали будущие череповецкие и вологодские археологи, музейщики, преподаватели истории – А.В. Кудряшов, С.Т. Еремеев, С.Б. Калинин, А.М. Иванищев, М.В. Иванищева, Н.В. Косорукова, М.В. Терехова и другие. Под руководством А.Н. Башенькина они получили и теоретические и практические археологические знания, которыми с ними бескорыстно делился Александр Николаевич, получали бесценный опыт полевой работы.

1985 г. был годом продолжения археологических раскопок поселений и могильников у с. Никольское и широких археологических разве-

док, в том числе на берегах рек Чагоды, Мологи и их притоков. Были найдены новые памятники раннего железного века – раннего средневековья, ставшие в будущем объектами исследований: могильники Чагода-I, курганы и могильник Усть-Белая-I, -IV.

Итогом этого периода деятельности экспедиции АЭЧКМ было значительное пополнение фондов археологии Череповецкого музея. Новые коллекции содержали значительное количество древнего оружия, орудий и инструментов, деталей костюмов и украшений, предметов языческого и христианского культов, предметов быта и многих других категорий находок. По результатам работ экспедиций устраивались музейные выставки и экспозиции, которые охотно посещались горожанами и жителями области. Итогом этого периода для самого А.Н. Башенькина была блестящая защита на кафедре археологии ЛГУ кандидатской диссертации по теме: «Юго-западное Белозерье во второй половине I – начале II тысячелетия н.э.». Александру Николаевичу присваивается степень кандидата исторических наук.

Сотрудничество А.Н. Башенькина с Череповецким музеем (музейным объединением) в 80–90-е гг. XX в.

В конце 1985 г. А.Н. Башенькин переезжает в г. Вологду и приступает к работе в Вологодском государственном педагогическом институте в качестве старшего преподавателя, затем доцента кафедры истории СССР (позднее – кафедры отечественной истории). К 1986 г. работы А.Н. Башенькина в районе с. Никольского на финно-угорских средневековых памятниках завершены; на р. Суде они продолжаются в местечке Пугино в Кадуйском районе, где изучается раскопками могильник и поселение I тыс. до н.э. – I тыс. н.э., а также в бассейнах рек Мологи и Чагодощи. В 1986–1987 гг. теперь уже Северорусской археологической экспедицией под руководством Александра Николаевича исследуются Усть-Бельский археологический комплекс на р. Кобоже и могильник Чагода на р. Чагоде. Основной костяк Северорусской экспедиции составили вологодские студенты-историки, но тесные связи с череповецким музеем школьными педагогами продолжаются. В экспедиции на раскопках могильников Пугино и Чагода работают ученики школы № 28, музейные сотрудники. Череповецкий музей финансирует часть полевых работ, большие коллекции новых археологических материалов по-прежнему поступают в фонды Череповецкого музея. Следует отметить, что 80–90-е гг. XX в. и для Северорусской экспедиции и для ее руководителя были очень плодотворными. Исследуются важные и научно значимые не

только для территории Вологодской области, но и для всего северо-запада памятники археологии: могильники и погребальные сооружения типа «домиков мертвых» с погребениями по обряду кремациями раннего железного века и средневековья, курганы финно-угорского населения первой половины – середины I тыс. н.э.; курганы и поселения культуры длинных курганов; сопки и сопковидные насыпи в Вологодской и Ленинградской областях; городища и поселения раннего железного века – средневековья; древнерусские курганы. В научном плане Александр Николаевич развивал темы взаимодействия культур: развитие культуры финно-угорского населения раннего железного века и взаимодействие его в середине 1 тыс. н.э. с населением культуры длинных курганов; развитие финно-угорской культуры в I тыс. н.э. – начале II тыс. н.э.; пути и время освоения территории области населением культуры длинных курганов, пути и время древнерусской колонизации нынешних западных районов Вологодской области.

В 1986 г. участники первых экспедиций АЭЧКМ, дипломированные выпускники Вологодского государственного педагогического института А.М. Иванищев, М.В. Иванищева, А.В. Кудряшов, выпускница Ленинградского государственного университета Н.В. Кандакова (Косорукова) получили рекомендации А.Н. Башенькина на Открытые листы и начали проводить самостоятельные полевые исследования. Выделились отдельные отряды, для которых определены были районы проведения первоначальных разведок. Для своих теперь уже коллег-археологов Александр Николаевич ставил максимальную задачу: сплошное обследование западных районов области в археологическом отношении, выявление памятников, которые мало представлены в археологической «картине» области, поиск и выявление перспективных, прежде всего в научном плане, объектов для раскопок. В 1986–1987 гг. в Череповецком музее (затем в музейном объединении) сформировались и начали работать археологические экспедиции, которые были отрядами Северорусской экспедиции, а в настоящее время ведут самостоятельные исследования.

А.Н. Башенькин и развитие вологодской археологической школы

В 90-е годы XX в. и в начале XXI в. в Вологодской области формируется школа археологии. Кроме археологов, получивших открытые листы в 80-е годы XX в., открытые листы получают и другие ученики Александра Николаевича – И.П. Кукушкин, Е.А. Кукушкина, Н.Б. Смирнова (Васильева), М.Г. Васенина. Растут масштабы археологических исследований: осуществляются раскопки в г. Вологде, Вологодском, Грязовец-

ком, Сокольском и других районах. Ежегодно открываются десятки новых памятников археологии, они ставятся на первичный учет благодаря действовавшей государственной программе «Свод памятников истории и культуры РСФСР». В правилах А.Н. Башенькина было обязательное посещение мест раскопок, которые ведутся его учениками, с целью оказания методической и организационной помощи. Практически все памятники, которые были раскопаны в Вологодской области, им посещались.

А.Н. Башенькин как настоящий ученый был немыслим без научного общения – он был участником общероссийских, международных конференций, съездов, симпозиумов. В целях организации профессионального научного общения вологодских археологов со столичными и региональными коллегами он инициировал организацию и проведение региональных конференций «Древности Русского Севера» в Вологде (1996 и 1997 гг.) и «Еремеевские чтения» на базе Музея археологии в Череповце. Каждые два года, начиная с 2004-го, «Еремеевские чтения» собирают археологов Вологодской области, а также коллег из Карелии, Санкт-Петербурга, Москвы и других городов. Региональные конференции стали хорошей школой для повышения квалификации и роста профессионализма археологов Вологодской области.

Необходимые качества ученого – обширные профессиональные знания, полученные в университете и развитые в годы работы, воля, интуиция, целеустремленность, умение проникнуть в суть явления, неординарность в решении проблем – позволили Александру Николаевичу реализовать свои профессиональные и жизненные планы, связанные изучением древностей Севера. И одно из его самых важных достижений как археолога – становление на Вологодчине, в том числе в Череповецком музее, собственной школы археологов.

Раздел 2

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА РУССКОГО ГОСУДАРСТВА И ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА XVI – начала XX вв.

А.Л. Грязнов

СЕМЕЙНЫЕ АРХИВЫ КНЯЗЕЙ ШЕЛЕШПАЛЬСКИХ И УГОЛЬСКИХ XV–XVII вв.[1]

Состав, время появления и интенсивность накопления семейных архивов русских феодалов XV–XVII вв. напрямую зависели от социального статуса, материальной обеспеченности и служебной карьеры их владельцев. Соответственно реконструкция состава и истории семейного архива конкретного рода или семьи помогает более детально изучить не только историю землевладения этого рода, но и проследить родственные, деловые и социальные связи его отдельных представителей. Традиционно основной массив информации о составе семейных архивов светских землевладельцев черпается из документов, связанных с монастырским землевладением. Связано это в первую очередь с практически полной утратой архивов светских архивов за древнейший период и тем, что часть документов из них еще в XVI в. попала в монастырские собрания и в их составе сохранилась до наших дней. За XVII в. семейные архивы светских землевладельцев сохранились более полно[2].

Основную долю сохранившихся текстуально документов, связанных с семейными архивами, составляет владельческая документация на вотчины и поместья. О массиве хозяйственной документации, практически не отложившейся в архивных фондах, свидетельствует архив стольника А.И. Безобразова[3]. О другой части семейных архивов XV–XVI вв. сравнительно полное представление можно составить только в отдельных случаях. В первую очередь это материалы с биографическими сведениями о предках и родственниках, из которых черпалась информация для поминальных записей. К таким материалам близки по содержанию систематизированная генеалогическая информация и примыкавшие к ней местнические дела и сведения о служебных назначениях[4].

Древнейший актовый материал, в том числе и документы, входившие первоначально в состав владельческих архивов светских землевла-

дельцев, уже сравнительно давно введены в научный оборот[5]. Частные акты, сохранившиеся в составе родословных дел конца XVII в. были изданы А.И. Юшковым[6]. Однако истинный размер частных архивов стал виден в результате исследований А.В. Антонова, который систематизировал информацию о более чем четырех тысячах актов из семейных архивов нескольких сотен дворянских родов [7] и опубликовал почти 1500 вновь обнаруженных актов[8]. Всего же, по расчетам А.В. Антонова, сохранившиеся тексты составляют 1/1000 долю от былого массива частных архивов XV – начала XVII вв.[9]

Среди выявленных А.В. Антоновым актов есть два документа, относящихся к землевладению младшей ветви князей Шелешпальских – князей Угольских. Эти документы – прямое свидетельство существования у князей Шелешпальских владельческих архивов, в которых на протяжении полутора столетий хранились акты, связанные с родовым землевладением. Сохранившиеся источники позволяют более полно реконструировать состав этих архивов и прояснить их судьбу.

Одна из ветвей Шелешпальских в XVII–XIX вв. владела поместьем в Галичском уезде. В первой половине XIX в. часть этого поместья через брак перешла во владение рода Сухотиных. Так владельческий архив этой ветви Шелешпальских влился в архив Сухотиных и в его составе затем был включен в фонд 1455 (Государственные и частные поместно-вотчинные архивы XVI–XIX вв.) РГАДА. Самый ранний документ этого архива – выпись из писцовых и межевых книг на поместье Семена Степановича Шелешпальского 1639 г. К XVII в. относится еще ряд документов, связанных с этой семьей[10].

К 1630-м гг. относится дело, отложившееся в столбцах Поместного приказа по Пошехонью, в котором были скопированы два акта, относящихся к родовому землевладению семьи князя Василия Федоровича Шелешпальского. Это деловая 1570/71 г. его отца и дяди и духовная грамота его прапрапрадеда, родоначальника князей Угольских – князя Дмитрия Ивановича[11]. Духовную предка Василий Федорович предъявил и писцам, описывавшим Пошехонский уезд в 1626–1631 гг., причем в писцовой книге указан год составления духовной – 6973[12], тогда как в экземпляре из столбцов Поместного приказа указан только год явки духовной ростовскому архиепископу – 6978. Из владельческого архива этой же семьи, видимо, происходит деловая князей Федора и Осипа Константиновичей Угольских 1540/41 г. Акт сохранился в подлиннике и был опубликован в АЮ[13]. Противни еще двух документов этой семьи сохранились в составе монастырских собраний. Это полюбовная разъезжая князей Ивана, Фе-

дора и Осипа Угольских с властями Павло-Обнорского монастыря 1540/41 г. и меновная князя Федора Федоровича Шелешпальского с властями Кирилло-Белозерского монастыря[14]. В общей сложности с линией Угольских-Шелешпальских, к которой относился Василий Федорович, связано пять сохранившихся текстов актов XV–XVI вв.

Кроме владельческой документации, в архиве князя Василия Федоровича хранились и другие материалы. Об этом, в частности, можно судить по его местническому делу с Ф.Б. Глебовым. В 1642 г., находясь на службе в Крапивне, Василий Шелешпальский отказался принять сотенный список из рук второго воеводы Федора Глебова, мотивируя это тем, что ему «от Федора Глебова быть по отечеству невместно»[15]. Следовательно, Василий Федорович располагал какими-то генеалогическими и местническими материалами. Не только о заботе о памяти предков, но и о тщательном учете ближайших родственников, в том числе и по женской линии, свидетельствует запись рода Василия Федоровича Шелешпальского в синодике Корнилиево-Комельского монастыря[16]. В общей сложности здесь упомянуто 82 персоналии (больше половины без княжеского титула), из которых 25 были младенцами. Еще одна синодичная запись, составленная, по всей видимости, в середине XVI в. обнаруживается в синодике Спасо-Прилуцкого монастыря[17] и относится, скорее всего, к семье деда Василия Федоровича князя Федора Константиновича.

С землевладением младшей линии князей Угольских-Шелешпальских связано еще три документа. Они сохранились в архиве Кирилло-Белозерского монастыря, поскольку касаются перехода родовой вотчины Угольских в состав монастырских владений. Это закладные княгини Марфы Шелешпальской с сыном Богданом на треть с. Воздвиженского и половину с. Покровского и запись о примирении с ней Ивана Губарева по вопросу выкупа вотчины[18].

По землевладению старшей линии Угольских текстуально сохранились только два документа. Данная кн. Ивана Васильевича 1534/35 г. в составе копийной книги Павло-Обнорского монастыря и мировая кн. Федора Михайловича 1563/64 г. – в составе архива Корнилиево-Комельского монастыря[19]. Другие документы этой ветви Угольских неизвестны.

Все известные акты XVI в., относящиеся к родовому землевладению старшей ветви Шелешпальских, связаны со старшей линией – детьми и внуками князя Андрея Юрьевича. Его старший сын Иван Голова заключил предварительное соглашение со своим соседом князем Семеном Ухтомским о размежевании вотчин (1505–1508 гг.), но, по всей видимости,

не успел реализовать задуманное, поскольку новую договоренность в 1508/09 г. оформлял уже его сын Василий[20]. Дальнейшая судьба вотчин этой семьи связана с сестрой Василия княгиней Марией, вышедшей замуж за кн. Ивана Дябринского и унаследовавшей родовую вотчину. В несколько приемов она передала с. Крутое и тянувшие к нему деревни в Павло-Обнорский монастырь[21].

Дядя Василия и Марии Головиных-Шелешпальских кн. Семен Андреевич в первой трети XVI в. владел большей частью Шелешпала. В 1517/18 г. он провел межевание с кн. Ахметеком Согорских своих владений на юге Шелешпала[22]. Поскольку Семен Андреевич умер бездетным, то часть вотчин по его завещанию перешла в монастыри (с. Кукобой – в Корнилиево-Комельский, и сц. Инжевар – в Павло-Обнорский). Однако в писцовой книге Пошехонского уезда 1626–1631 гг. указано, что родовую вотчину князей Шелешпальских – с. Всехсвятское – Семен Андреевич подарил своим двоюродным братьям: «что он дал братьям своим княж Офонасевым детям князю Ивану да князю Данилу, да княж Федоровым детям князю Ивану да князю Василью Шелешпальским»[23].

Если следов владельческой документации за первую половину XVI в. для этой ветви Шелешпальских практически неизвестно, то другая часть семейного архива, в которой систематизировались биографические сведения о родственниках, дошла до нас в более полном виде. В составленном в 1622 г. по указанию кн. Михаила Ивановича Шелешпальского синодике были помещены не только пространные перечни с именами представителей рода Шелешпальских и других Белозерских князей, но и семейный Летописец, в котором были указаны даты и обстоятельства смерти трех десятков его предков и ближайших родственников. Древнейшая часть летописца относится к концу XV – началу XVI в. Второй пласт информации Летописца связан с получением с. Всехсвятского кн. Василием Федоровичем, в семье которого он и стал последовательно пополняться в следующие сто лет[24].

Прямых указаний на то, что у Шелешпальских старшей ветви существовали какие-то свои родословные росписи, нет, но Федор Андреевич Шелешпальский вместе с другими старшими представителями рода Белозерских князей в 1649 г. участвовал в местническом деле против кн. Никифора Белосельского[25]. Представители Вадбольских, Ухтомских и Шелешпальских оспаривали его принадлежность к роду Белозерских князей и опирались в своих претензиях на Государев родословец, список которого у кого-то из них, очевидно, был[26].

Отрывочность сведений о составе семейных архивов князей Шелешпальских не позволяет в полной мере их реконструировать. Тем не менее, даже по таким отрывочным сведениям можно наметить их общие контуры. В состав архивов входили самые разнообразные документы. В первую очередь акты, причем очень ранние, хранившиеся вплоть до XVII в. Их последующая утрата, судя по всему, связана с бездетной смертью их владельцев и утратой большей части родовых вотчин. Коммеморативные практики, судя по всему, затухают по тем же причинам. Во всяком случае пока не обнаруживается сведений о продолжении ведения Летописца с поминаниями Шелешпальских, но еще красноречивее об утрате значительной части семейных архивов свидетельствует родословная роспись Шелешпальских, включенная в Бархатную книгу. В ней оказалась пропущена ветвь Калитиных-Шелешпальских XVI в., многие представители которой были записаны в Летописце. Крайне неполны оказались в родословной росписи и сведения о Шелешпальских, живших в XVII в. и известных по другим источникам.

Литература

Антонов А.В. Частные архивы русских феодалов XV – начала XVII в. / А.В. Антонов // Русский дипломатарий. – Москва, 2002. – Вып. 8.

Антонов А.В. Частные архивы русских феодалов XV – начала XVII века. Дополнение / А.В. Антонов // Очерки феодальной России. – Москва; Санкт-Петербург, 2013. – Вып. 17.

Грязнов А.Л. «Память творити… и монастырь кормити». Родовая память князей Шелешпальских в XV–XVII вв. / А.Л. Грязнов // Православный монастырский мир: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. Ю. Ю. Иерусалимского. – Ярославль, 2017.

Грязнов А.Л. Генеалогия князей Белосельских в XV – начале XVII вв. / А.Л. Грязнов // Управление социально-экономическим развитием территорий: оперативное реагирование на текущие и стратегические вызовы. Материалы научно-практической конференции (Вологда, 26 декабря 2016 г.). – Вологда, 2017.

Грязнов А.Л. Родовое землевладение князей Шелешпальских в XV–XVI вв. / А.Л. Грязнов // Историческая география. – 2014. – № 2.

Каштанов С.М. Белозерско-пошехонские князья и другие вкладчики Павлова Обнорского монастыря / С.М. Каштанов // История и культура Ростовской земли 2005. – Ростов, 2006.

Каштанов С.М. Из истории русского средневекового источника. Акты X–XVI вв. / С.М. Каштанов. – Москва, 1996.

Эскин Ю.М. Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. / Ю.М. Эскин. – Москва, 2009.

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Родовое землевладение Белозерских князей в XV–XVI вв.» № 17-01-00073.
[2] Морозов Б.Н. Частные архивы русских феодалов XVII в.: дис. канд. ист. наук. М., 1984.
[3] Архив стольника Андрея Ильича Безобразова. Ч. 1. М., 2012; Ч. 2. М., 2013.
[4] Эскин Ю.М. Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. М., 2009. С. 63-74.
[5] АСЭИ. Т. I-III; АФЗХ. Ч. 1-4; АРГ.
[6] Юшков А.И. Акты XIII-XVII вв. представленные *в* Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Ч. 1. М., 1898.
[7] Антонов А.В. Частные архивы русских феодалов XV – начала XVII в. // Русский дипломатарий. Вып. 8. М., 2002; Антонов А.В. Частные архивы русских феодалов XV – начала XVII века. Дополнение // Очерки феодальной России. Вып. 17. М.; СПб., 2013. С. 440-489.
[8] АСЗ. Т. 1-4. М., 1998-2008.
[9] Антонов А.В. Частные архивы русских феодалов XV – начала XVII в. С. 7.
[10] РГАДА. Ф. 1455. Оп. 2. Д. 7059-7065.
[11] АСЗ. Т. 1. № 301-302. С. 293-295.
[12] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 12574. Л. 1625.
[13] АЮ. № 256. С. 278.
[14] Каштанов С.М. Из истории русского средневекового источника. Акты X–XVI вв. М., 1996. № 9. С. 150-151; АЮ. № 106. С. 139-141.
[15] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Ст. 176. Л. 269.
[16] ВОКМ. 2008. Л. 74-75.
[17] ВОКМ. 2013. Л. 240 об.
[18] ОР РНБ. ОСРК. Q.IV.113а. Л. 595-602 об., 607 об.-608 об.
[19] Каштанов С.М. Из истории русского средневекового источника. Акты X–XVI вв. № 6. С. 146; ГАВО. Ф. 520. Оп. 1. Д. 114. Л. 18 об. – 19 об.
[20] АЮ. № 146. С. 164.
[21] Каштанов С.М. Белозерско-пошехонские князья и другие вкладчики Павлова Обнорского монастыря // История и культура Ростовской земли 2005. Ростов, 2006. С. 243-247; Грязнов А.Л. Родовое землевладение князей Шелешпальских в XV–XVI вв. // Историческая география. 2014. № 2. С. 115-123.
[22] АЮ. № 147. С. 165.
[23] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 12574. Л. 1302 об.
[24] Грязнов А.Л. «Память творити… и монастырь кормити». Родовая память князей Шелешпальских в XV – XVII вв. // Православный монастырский мир: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. Ю. Ю. Иерусалимского. Ярославль, 2017. С. 200-215.
[25] Грязнов А.Л. Генеалогия князей Белосельских в XV – начале XVII вв. // Управление социально-экономическим развитием территорий: оперативное реагирование на текущие и стратегические вызовы. Материалы научно-практической конференции (Вологда, 26 декабря 2016 г.). Вологда, 2017. С. 18-19.
[26] Известен Родословец кн. А.И. Вадбальского (СПБИИ РАН. Колл. 115. Д. 106), но он, по всей видимости, относится к несколько более позднему времени.

А.Н. Гуслистова

ПРОСОПОГРАФИЯ И ЕЕ МЕТОДЫ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ВОЛОГОДСКОГО ПОСАДА XVII В.

Просопография – это специальная историческая дисциплина, изучающая биографии исторических лиц, относящихся к определённой эпохе или местности или объединенных общими политическими, социальными или религиозными признаками.

Просопография, с одной стороны, может выступать как ИССЛЕДОВАНИЕ общих характеристик определенной группы людей – в данном случае посадских людей Вологды, а с другой – выступать как МЕТОД создания коллективных биографий на основании формализации источников.

На самом деле создание коллективной биографии любой группы лиц (будь то купечество, дворянство или крестьянство) требует большого количества данных, которые можно обобщить и классифицировать, и на основании этой классификации вывести определенные закономерности. Однако применительно XVII в. и более раннего времени мы сталкиваемся с проблемой узости источниковой базы, которая не дает большого количества фактического материала про того или иного человека, особенно из непривилегированных сословий. И тогда можно обратиться к просопографии как к методу, который помогает исследовать массовые источники с помощью ряда формализованных однотипных вопросов о возрасте, браке и семье, социальном происхождении, месте жительства, роде деятельности интересующего круга лиц. При наличии разновременных источников ответы на эти вопросы рассматриваются в динамике.

Таким образом, просопография выступает и как направление исторической науки, и как метод или инструмент для решения более общих исторических вопросов локальной истории, генеалогии.

Важной традицией для современного просопографического исследования общества Московской Руси XV–XVII вв. является линия исследований, идущая от работ начала XX в. В первую очередь это справочники Н.П. Лихачева и С.Б. Веселовского по дьякам и подьячим и боярским родам XIV–XVI вв.[1] С 1980-х гг. просопографический подход в отечественной науке получает новый импульс. Создаются «коллективные портреты» отдельных социальных групп (просопографические базы данных по декабристам, рабочему классу начала XX в., по материалам Всероссийской партийной переписи 1922 г., по высшему командному составу

советских Вооруженных сил и героям периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.), разрабатывается терминологическая и теоретическая базы просопографии[2].

В новейшей историографии создаются информационно-поисковые полнотекстовые системы: «Боярские списки XVIII века»[3]. Биографии нескольких тысяч новгородских землевладельцев начала XVII в. обобщены в единую информационную базу и выложены в открытый доступ А.А. Селиным[4]. Просопографическое исследование дьяков и подьячих XIV – первой трети XVI в. осуществлено А.Ю. Савосичевым[5], словарь-справочник «Приказы Московского государства XVI–XVII вв.» содержит массив информации по деятелям приказной бюрократии[6], «Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири» посвящен купеческому сословию Нового времени[7].

Важной вехой в историографии Вологодской области стал краеведческий словарь «Вологда XII – начало XX в.», где вторая часть книги посвящена биографиям исторических персонажей[8]. Однако персоналиям XVII в., в отличие от более позднего времени, там отводится буквально несколько страниц. На самом деле Вологда в XVII в. являлась одним из крупнейших экономических центров Московского государства. Ключевое географическое положение в начальной точке Сухоно-Двинского водного пути сделало город не только значительным промышленным центром, огромной перевалочной базой, но и оптовым рынком, на котором формировались новые партии товаров, уходившие затем в различных направлениях, в том числе за рубеж. Для регулярного осуществления торговых операций в Вологде размещались представительства крупных отечественных купцов, монастырей и нескольких западноевропейских компаний. Вследствие всех этих факторов город рос территориально, количество жителей по данным писцовых и переписных книг увеличивалось.

За XVII – начало XVIII в. на данный момент опубликованы все сохранившиеся описания, которых в общей сложности семь: дозорная книга 1617 г., писцовая 1627 г., переписные 1646/47, 1677/78, 1686/87, 1687 и 1711/12 гг. Они равномерно охватывают все хронологические периоды, позволяя проследить биографии всех поколений вологжан, живших в XVII в. Благодаря наличию комплексной публикации источников возникает возможность составить ряд однотипных вопросов при изучении каждого из них, ответы на которые в итоге дадут нам общую картину коллективной биографии вологодского посада XVII в. и реальную возможность для создания масштабных баз по персоналиям горожан Раннего Нового времени.

В российской исторической науке предпринимались работы по изучению количественного состава населения русских городов XVII в. по данным писцовых и переписных книг, исследовались и демографические показатели города, также изучались группы горожан с точки зрения профессиональных и социальных сторон – купцы, дворовладельцы, ремесленники. Однако в целом городское тягловое население XVII в. как основной элемент русского города, его общие и различные качественные характеристики детально не изучались. А между тем, изучив как отдельные элементы посадской общины (людей), так и их объединения (семью, род, посад), мы сможем лучше понять более сложно структурированные элементы российского общества и государства – города, сословия, классы, городскую инфраструктуру, сможем изучать общество не только с точки зрения вертикальных срезов (аристократия, дворянство, купечество, крестьянство), но и горизонтальных связей (жители одной улицы, члены одного прихода, жители одного города, уезда, губернии и т.д.).

По приблизительным подсчетам в опубликованных кадастрах упоминается от 8 до 10 тыс. вологжан, живших в XVII в. Значение систематизации сведений вологодских кадастров гораздо шире простой формализации сведений источников. В руках исследователей появится новый инструмент, с помощью которого будет возможно решение самых разноплановых задач.

Например, при изучении дворов посадских районов средневековой Вологды, в частности улиц Петровской и Никольской, было выявлено, что часть семей жила в своих дворах на протяжении 100 с лишним лет! В Никольской улице это были семьи Кастиных (основатель Якунка Кастя), Драницыных (основатель Олешка Драницын), Сычуговых (основатель Василий Сычугов). В Петровской – Неподставовых (Неподстаевых), Матаргиных, Обуховских, Чюдиновых, Глушковых (Глушаевых) и Свешниковых, Носковых и Григорьевых[9]. А вот история заселения Новинок показала обратный результат: территория на Нижнем посаде в районе церквей Петра и Павла и Федора Стратилата (современный Советский проспект) стала местом компактного размещения дворов иностранцев, вследствие удобного расположения на берегу реки Вологды[10]. Наряду с жилыми домами здесь располагались многочисленные хозяйственные и складские помещения, а также пристани, поэтому немногочисленные посадские дворы не выдерживали конкуренции с более зажиточными филиалами иностранных компаний.

Еще один пример. Российская историография традиционно приписывает происхождение одного из сподвижников Петра I – Алексея Васильевича Макарова – Вологде. По данным Н.И. Павленко, он был сыном вологодского подьячего съезжей избы – Василия Макарова[11]. Действительно, в переписной книге 1678 г. есть упоминание о дворе подьячего съезжей избы Василия Макарьева сына[12]. Однако предыдущий земельный кадастр 1646 г. фиксирует совершенно другое имя – подьячим съезжей избы числится Иван Степанов[13]. Другими словами, В. Макарьев не был коренным вологжанином, и время его службы в Вологде было явно ограниченно. Об этом свидетельствует и справочная запись в труде С.Б. Веселовского о том, что В. Макарьев являлся дьяком Каменного приказа с 1683 г. и дьяком приказа Большой Казны с 1686 по 1687 гг.[14] При таком явном и быстром повышении (за пять лет) от подьячего вологодской избы до дьяка московского приказа он явно не мог оставить сына служить простым писарем в Вологде. Поэтому, даже если Алексей Макаров и родился в Вологде, то вряд ли прожил здесь долгое время и совершенно точно не был коренным вологжанином. А его вологодское происхождение уже во второй половине XVIII в. было по-своему объяснено И.И. Голиковым.

Таким образом, помимо формализованных данных, путем сравнительного анализа разновременных кадастровых документов появляется возможность выявить людей, незафиксированных по каким-либо причинам в одном из кадастров, узнать плотность населения в отдельных городских районах (слободах, сороках), изучить изменение топографии города (наименования улиц, переулков, мостов), проследить этапы формирования дворовладений торгово-семейных компаний, а при наличии упоминания в документации по купле/продаже – частоту смены владельческой принадлежности двора.

В дальнейшем просопографическая база данных может быть использована для выявления социальной мобильности посадских людей (социальное происхождение и положение, изменение социального статуса на протяжении нескольких поколений, наличие собственности), топографической мобильности (изменение места проживания внутри города), формирования и бытования фамилий, демографических показателей (общее количество жителей, степень их укорененности, продолжительность жизни, семейные связи, миграция), семейно-родственных отношений (брачные стратегии), образовательных и профессиональных характеристик (образование, грамотность, профессия, область и виды деятельно-

сти, карьера), общественной роли (государственные и земские службы, благотворительность, общественная активность).

Литература

Бородкин Л. И. Структурный анализ таблиц сопряженности. По материалам обработки анкет делегатов съездов Советов / Л. И. Бородкин, А. К. Соколов // Комплексные методы в изучении истории с древнейших времен до наших дней. – Москва, 1985.

Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. / С. Б. Веселовский. – Москва, 1975.

Военный Энциклопедический словарь. – Москва, 1983.

Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь. Т. 1-2. – Москва, 1988.

Гуслистова А.Н. Петровская улица г. Вологды в XVII – начале XVIII в.: история и реконструкция / А.Н. Гуслистова // Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием «Чтения, посвященные памяти д.и.н. профессора Ю.К. Некрасова (1935–2006)». 22-23 мая 2017 года. В печати.

Гуслистова А.Н. Немецкая слобода: дворы иностранных купцов в Вологде в XVII – начале XVIII в. / А.Н. Гуслистова // Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием «Чтения к 80-летию со дня рождения д.и.н. профессора Ю.К. Некрасова (1935–2006)». 22-23 мая 2015 года. – Вологда, 2016. – С. 86-89.

Декабристы. Биографический справочник. – Москва, 1988.

Дробижев В. З. Рабочий класс Советской России в первый год пролетарской диктатуры / В. З. Дробижев и др. – Москва, 1974.

Комлева Е.В. Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири / Е.В. Комлева, В.П. Зиновьев, О.Д. Журавель. – Томск, 2015.

Коновалов Ф.Я. Вологда XII – начало XX века: Краеведческий словарь / Ф.Я. Коновалов, А.С. Панов, К.В. Уваров. – Архангельск, 1993.

Лисейцев Д. Приказы Московского государства XVI–XVII вв. Словарь-справочник / Д. Лисейцев, Н. Рогожин, Ю. Эскин. – Москва, 2015.

Лихачев Н.П. Разрядные дьяки XVI в.: Опыт исторического исследования / Н.П. Лихачев. – Санкт-Петербург, 1888.

Павленко Н.И. Соратники Петра. ЖЗЛ / Н.И. Павленко, О. Дроздова, И. Колкина. – Москва, 2001. – С. 300.

Павлов Б.С. Молодой рабочий вчера и сегодня: опыт историко-социологического исследования молодых рабочих 30-х и 70-х годов / Б.С. Павлов, Л.Н. Коган. – Москва, 1976.

Савосичев А.Ю. Дьяки и подъячие XIV – первой трети XVI вв.: происхождение и социальные связи. Опыт просопографического исследования / А.Ю. Савосичев. – Орел, 2013.

[1] Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975; Лихачев Н.П. Разрядные дьяки XVI в.: Опыт исторического исследования. СПб., 1888.
[2] Декабристы. Биографический справочник. М., 1988; Бородкин Л. И., Соколов А. К. Структурный анализ таблиц сопряженности. По материалам обработки анкет делегатов съездов Советов // Комплексные методы в изучении истории с древнейших времен до наших дней. М., 1985; Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь. Т. 1-2, М., 1988. Военный Энциклопедический словарь. М., 1983; Дробижев В. 3. и др. Рабочий класс Советской России в первый год пролетарской диктатуры. М., 1974; Павлов Б.С., Коган Л.Н. Молодой рабочий вчера и сегодня: опыт историко-социологического исследования молодых рабочих 30-х и 70-х годов. М., 1976.
[3] http://zaharov.csu.ru/bspisok.pl) (последнее обновление 18.01.2017 г.)
[4] Селин А. Просопографическая база данных «Новгородские и псковские служилые люди начала XVII в.» [Электронный ресурс] http://sh.spb.hse.ru/data/2015/12/15/1134339266/Gentry.rar
[5] Савосичев А.Ю. Дьяки и подъячие XIV – первой трети XVI вв.: происхождение и социальные связи. Опыт просопографического исследования. Орел, 2013.
[6] Лисейцев Д., Рогожин Н., Эскин Ю. Приказы Московского государства XVI–XVII вв. Словарь-справочник. М., 2015.
[7] Комлева Е.В., Зиновьев В.П., Журавель О.Д. Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири. Томск, 2015.
[8] Коновалов Ф.Я., Панов А.С., Уваров К.В. Вологда XII – начало XX века: Краеведческий словарь. Архангельск, 1993.
[9] Гуслистова А.Н. Петровская улица г. Вологды в XVII – начале XVIII в.: история и реконструкция // Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием «Чтения, посвященные памяти д.и.н. профессора Ю.К. Некрасова (1935–2006)». 22-23 мая 2017 года. В печати.
[10] Гуслистова А.Н.Немецкая слобода: дворы иностранных купцов в Вологде в XVII – начале XVIII в. // Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием «Чтения к 80-летию со дня рождения д.и.н. профессора Ю.К. Некрасова (1935–2006)». 22-23 мая 2015 года. Вологда, 2016. С. 86-89.
[11] Павленко Н.И., Дроздова О., Колкина И. Соратники Петра. ЖЗЛ. М., 2001. С. 300. Павленко процитировал И. И. Голикова, который в свою очередь писал о молодом вологодском писце, которого Петр I увидел в 1693 г, во время своего первого приезда в Вологду; Коновалов Ф.Я., Панов А.С., Уваров К.В. Вологда… С. 202.
[12] Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII века. В 2-х томах. / Т. 1. Писцовые и переписные книги Вологды XVII века. Подготовка к изданию – И.В. Пугач, М.С. Черкасова. М., 2008. С. 88.
[13] Там же. С. 13.
[14] Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 311.

С.С. Порохина

ВКЛАДЫ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКОЙ И ЦАРСКОЙ СЕМЬИ В КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ в XV–XVII вв.

Период XV–XVII вв. в государственном развитии России связан с кардинальными социально-политическими изменениями. С одной стороны, преодоление удельной раздробленности и формирование единого централизованного государства привели к ликвидации политических привилегий русской аристократии. С другой стороны, это период превращения ряда монастырей в крупных феодалов-собственников, которые играли важную роль как в политической, так и в социально-экономической жизни Московской Руси[1]. Одним из таковых был Кирилло-Белозерский монастырь, чья история на протяжении многих столетий была тесно связана с правящим московским домом.

Статус русских монастырей определялся многими параметрами, одним из которых была величина его земельных владений. Вотчина Кирилло-Белозерского монастыря формировалась на протяжении XV–XVII вв. Значительный вклад в развитие монастыря как крупного земельного собственника внесли великие князья и цари.

Так, Иван III в 1485 г. дал по своим братьям Юрию и Андрею 16 деревень, 9 починков и 4 пустоши, которые располагались в нескольких десятках километров южнее от монастыря. Все владения передавались с лугами, мысами, пожнями – на поминок по всему роду[2].

Василий III пожаловал Кирилло-Белозерскому монастырю село Кабаново в Углецком уезде в 1525 г., а также обменял сельцо Феодосьин Городок на деревню Шидьяр.

Значительный земельный вклад сделал Иван Грозный, в 1569 г. он пожаловал село Рогомжь с деревнями, сельцо Никольское, село Мегру, погосты на Словенском Волоку, село Вилгощское и Сретенское с деревнями в Бежецком Верху, в 1577 г. – пожню Великоселье и сельцо Куность с деревнями, а в 1583 г. сельцо Спасское в Ростовском уезде, сельцо Пирогово в Московском уезде и сельца Бабинское, Санниково и Воздвиженское в Романовском уезде[3].

Кроме прямых земельных пожалований московские государи предоставляли монастырю значительные привилегии. Например, жалованная грамота великого князя Василия Васильевича Темного освобождала монастырские власти от торговых пошлин: если игумен Трифон с брати-

ей купят что-либо на монастырский обиход или что продадут – «с того пошлин не иметь». При Иване Грозном монастырь получил льготы на рыбную ловлю на Белом озере (1539 г.), на покупку воска на местные свечи (1567 г.), на лес (1560 г.), рыбную ловлю на море и реке Унбе (1578 г.), а также грамоту на беспошлинную торговлю (1577 г.)[4].

Кирилло-Белозерский монастырь как архитектурный комплекс формировался на протяжении XV–XVII вв. Его облик во многом сложился благодаря покровительству и денежным вкладам великокняжеской и царской семьи.

Первым из великих князей, сделавших крупный вклад в монастырское строительство, был Василий III. На средства, данные им, были построены церковь Архангела Гавриила с приделом Константина и Елены в 1531–1534 гг. и церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи с приделом преп. Кирилла Белозерского. Строительство этих церквей связано с рождением долгожданного наследника – Ивана IV[5].

На вклад самого Ивана IV на территории Ивановского Малого или Горнего монастыря в 1560 г. была возведена церковь преподобного Сергия Радонежского, первое упоминание о которой содержится в монастырской описи 1601 г. Благодаря вкладам сыновей Ивана Грозного – Ивана и Федора – в 1569–1572 гг. была построена церковь преподобного Иоанна Лествичника над Святыми вратами, с приделами, которые были освящены во имя преподобных Иоанна Лествичника и Феодора Стратилата[6].

Значительные вклады от царской семьи поступали на украшение главного храма Кирилло-Белозерского монастыря – Успенского собора. Так Царские врата в соборе и в храме преп. Кирилла были сделаны по повелению царя Михаила Федоровича[7].

Грандиозное строительство в монастыре происходило во время правления Алексея Михайловича. В 1653 г. по его распоряжению было начато строительство Нового города, благодаря чему монастырь значительно расширил территорию и стал самой мощной крепостью на Русском Севере. Строили Новый город почти 30 лет, а вклад Алексея Михайловича на возведение крепостных стен и башен составил огромную по тому времени сумму в 45 тыс. рублей[8].

К середине XVII в., по мнению настоятеля Кирилло-Белозерского монастыря – архимандрита Варлаама, обитель имела одно из самых крупных собраний драгоценных предметов церковного быта в России[9].

Важной формой накопления этих ценностей были вклады представителей царской семьи, которые передавали в монастырь богато украшенные

священнические облачения, иконы и киоты, книги, драгоценную церковную утварь и др., что оказало влияние на внутреннее убранство храмов.

Достоверные сведения о вкладах царской семьи начинают появляться только с середины XVI века, когда были заведены монастырские вкладные и даяльные книги[10].

Монастырская казна со времени игуменства Афанасия (1539–1551 гг.) и до второй половины XVII в. получила огромные суммы и множество ценных предметов. Во многом процесс поступления этих вкладов в Кириллов монастырь отражал как религиозные настроения высшего русского общества, так и острую социально-политическую борьбу.

Самым щедрым вкладчиком среди царей был Иван Грозный, особенно участились его вклады после смерти первой жены Анастасии. За предшествующее время монастырь получил от царя всего 370 рублей, 1000 четей ржи и несколько ризничих вещей. В 1560 г. он дал по своему племяннику князю Василию Юрьевичу 50 рублей, по царице Анастасии 500 рублей, в 1563 году по сыну Василию Ивановичу – 100 рублей и 200 рублей за здравие княгини – инокини Евдокии Старицкой[11].

После учреждения опричнины в 1565 г. Иван Грозный не только укрепляет Вологду, но и строит себе кельи в Кирилло-Белозерском монастыре, постоянно посылая с этой целью туда вклады. В 1567 г. он с царицей Марией и сыновьями Федором и Иваном сделал вклад – золотые потир, блюдце, звезду, копье, ложицу, 4 атласных покрова на раку чудотворца Кирилла и 200 рублей[12].

В 1569 г., когда царская семья была в Кирилловом монастыре, Иван Грозный пожаловал три образа, обложенных серебром, кроме этого братии выдали 500 рублей. Позже царь прислал по великой княгине Марии 500 рублей, а «за себя» серебряный кубок для церковного вина и серебряную чару.

В феврале 1571 г. Иван IV пожаловал в Кириллов монастырь 100 пудов меда и деньги на содержание подворья, принадлежавшего Кириллову монастырю в Москве, в 1572 г. 2000 рублей, чтобы братия молилась за здравие его и его семьи[13].

Кроме этого были сделаны 4 вклада по опальным аристократам. Всего за первую дачу монастырская казна получила 870 рублей, за вторую – 900 рублей, третью – 1683 рубля и четвертую – 1300 рублей.

Не менее щедрые вклады делали дети Ивана Грозного. В 1570 г. князь Иван Иванович дал в свою келью образ, деньги на кельи – 200 рублей и 1000 рублей «себе на кормы заздравные». В это же время Федор Иванович дал образ для своей кельи, 600 рублей на кельи и на кормы.

В последнее десятилетие своего правления царь жертвовал деньги на поминовение опальных лиц, обвиненных им же в государственных преступлениях. Его вклады в это время превысили 10 тысяч рублей. Наиболее крупные – в мае 1580 г. 2500 рублей по князю Андрею Палецкому, а в 1581 г. по своему сыну Ивану 2000 рублей[14].

Кроме этого Грозный прислал в монастырь драгоценные облачения (ризы, стихарь, поручи, епитрахиль и пр.)[15]на сумму 6000 рублей[16]. Общая стоимость всех вкладов, пожалованных Грозным в монастырь, составила примерно 28 тысяч рублей.

Последующие поступления от царей и членов семьи уступали по своим размерам вкладам Грозного примерно в пять раз. После смерти Ивана IV больше всего вкладов в монастырь поступало от его сына Федора Ивановича и Бориса Годунова. Первый дал по отцу 1300 рублей, затем еще 300 рублей и по дочери Феодосье 500 рублей. В царствование Федора монастырь получил от него 2183 рубля.

Значительными были вклады Бориса Годунова. В 1598 г. он дал по Федору Ивановичу 1119 рублей, в 1601 г. – 500 рублей. Всего, за довольно короткое время правления, монастырь получил от него 2276 рублей. Однако иноки утверждали, что «Борис ненавидел святое место», т.е. делая пожертвования, он в то же время брал из монастырской казны еще более существенные суммы на государственные потребности.

В целом, до второй четверти XVII века монастырь получил от представителей царского рода 34 645 рублей. Из всех царей наиболее содействовал укреплению монастырской казны Иван Грозный. Поступления от его преемников стали уже укоренившимся обычаем.

После литовского разорения при царе Михаиле Федоровиче они не отличались обилием. Исключением является вклад Алексея Михайловича – 45 тысяч рублей на строительство монастырской крепости[17].

Таким образом, московские государи, члены царской семьи внесли огромный вклад в развитие Кирилло-Белозерского монастыря. Их вклады охватили практически все аспекты монастырской жизни и способствовали превращению обители в крупный духовный, культурный и экономический центр Русского Севера, который по мощи и влиянию, наряду с Троице-Сергиевым и Соловецким, входил в число самых крупных монастырей Русского государства. Благодаря покровительству политической элиты он стал хранителем сотен и тысяч памятников древнерусского искусства.

Однако судьба многих ценных вкладных предметов церковного обихода, в том числе и от царской семьи, была трагична. Как показывают архивные источники, на протяжении XVIII – первой половины XIX в. они посте-

пенно исчезали из обители. На этот факт обратили внимание архимандрит Варлаам, который составил описание древностей и редких вещей Кирилло-Белозерского монастыря в 1859 г.,[18] и профессор Н. В. Покровский, который в 1911 г. опубликовал опись вещей, вывезенных из Кирилло-Белозерского монастыря в 1785 г. в Московскую синодальную контору[19].

---

[1] Зимин, А.А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI в.) / А.А. Зимин. Москва, 1977. 356 с.

[2] Дебольский, Н.Н. Из актов и грамот Кирилло-Белозерского монастыря / Н.Н. Дебольский // Вестник археологии и истории. 1900. Вып. 13. С. 80.

[3] Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года / З.В. Дмитриева, М.Н. Шаромазов. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 1998. Л. 426-430.

[4] Там же. Л. 432-438.

[5] Варлаам, архим. Описание историко-археологических древностей и редких вещей, находящихся в Кирилло-Белозерском монастыре / архим. Варлаам // ЧОИДР. 1859. Кн. 3. С. 1-3.

[6] Никольский, Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397–1625). Т. 1, Вып. 2. Санкт-Петербург, 1910. С. 159-163, 165-172, 250-256.

[7] Варлаам, архим. Описание историко-археологических древностей и редких вещей, находящихся в Кирилло-Белозерском монастыре / архим. Варлаам // ЧОИДР. 1859. Кн. 3. С. 25-27.

[8] ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 2992. Опись Кирилло-Белозерского монастыря, 1773. Л. 17.

[9] Варлаам, архим. Описание историко-археологических древностей и редких вещей, находящихся в Кирилло-Белозерском монастыре / архим. Варлаам // ЧОИДР. 1859. Кн. 3. С. 3-4.

[10] Алексеев А. И. Первая редакция вкладной книги Кириллова Белозерского монастыря (1560-е гг.) // Вестник церковной истории. М., 2010. № 3/4. С. 17.

[11] Никольский, Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397–1625). Т. 1, Вып. 2. СПб., 1910. С. 159-163.

[12] ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 2992. Опись Кирилло-Белозерского монастыря, 1773. Л. 46.

[13] ОР РНБ. Ф. 351. Оп. 1. Ч. 2. Д. 87/1325. Л. 1-789. Вкладная книга Кирилло-Белозерского монастыря с приписками до 1775 г. Л.11-16 об.

[14] Никольский, Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397–1625). Т. 1, Вып. 2. СПб., 1910. С. 165-170.

[15] ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 2953. Опись Кирилло-Белозерского монастыря, 1773. Л. 343, 361.

[16] ОР РНБ. Ф. 351. Оп. 1. Ч. 2. Д. 87/1325. Л. 11-16 об.

[17] Никольский, Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397–1625). Т. 1, Вып. 2. СПб., 1910. С. 170-172.

[18] Варлаам, архимандрит. Описание историко-археологических древностей и редких вещей, находящихся в Кирилло-Белозерском монастыре // ЧОИДР. 1859. Кн. 3. С. 84-86.

[19] Опись отправленным в 1785-м году в Москву в Московскую Святейшего Правительствующего Синода Контору из Кириллова Белозерского монастыря ризничным украшенным разными драгоценными каменьями и жемчугом вещам // ВАИ. Санкт-Петербург, 1911. Вып. 21. 2-я паг. С. 89-248.

А.К. Гагиева

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ ПО КРЕСТЬЯНСКОЙ ПОЗЕМЕЛЬНОЙ ОБЩИНЕ КОМИ КРАЯ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ.

Как неоднократно указывал Петр Андреевич Колесников, «актуальность изучения истории и практики хозяйственного освоения Европейского Севера России и его регионов неоспорима. Без изучения истории крестьянства Севера России невозможно увидеть весь ряд крупномасштабных проблем истории, в том числе и таких, как развитие производительных сил, вклад народных масс нашей страны в мировую и отечественную культуру». Эти слова в полной мере относятся и к изучению крестьянской поземельной общины одного из регионов Севера России – Коми края в XVIII – первой половине XIX вв.

Следует отметить, что до сих пор нет специальных работ как по историографии вопроса, так и по истории крестьянской общины в XVIII – первой половине XIX вв. Цель данного сообщения представить историографический анализ литературы и показать основные источниковедческие комплексы по данной проблеме.

Все имеющиеся по теме работы можно условно разделить на четыре больших этапа. Первый – исследования, проведенные до 1917 г., второй – работы, вышедшие в 1918–1979 гг., третий – научные труды 80–90-х гг. прошлого века и четвертый – современные исследования. Каждый из них представлен не только работами выдающихся ученых, но и интересными подходами и заключениями. Формирование их определялось комплексом разноплановых явлений, наблюдавшихся в указанные отрезки времени. Они несли в себе многообразие подходов к исследованию истории общины, что дало возможность конструировать крестьянскую организацию с точки зрения сегодняшнего дня и способствовало содержательному анализу исторического опыта.

Данная периодизация достаточно традиционна для современной исторической науки и в определенной мере соответствует исследовательским историческим циклам.

Первый блок представлен в основном работами по выявлению и описанию тех или иных явлений в жизни крестьянства Коми края в досоветский период. Это работы ученых-путешественников, этнографов, писателей. Здесь представлены интересные зарисовки событий жизни населения Коми края, а также богатый этнографический материал, посвя-

щенный крестьянской поземельной общине. Речь идет об этнографических зарисовках и исторических исследованиях М.М. Богословского, В. Большакова, И. Красноперова[1]. В настоящее время эти данные могут выступать в роли исторических источников, содержащих важную информацию по истории крестьянской поземельной организации на территории Коми края в изучаемый период.

Особенностями историографии первого этапа стали следующие: возникло изучение истории крестьянства Севера и крестьянской организации в качестве самостоятельного объекта исследования, а также появилась литература научного и научно-практического характера; стало формироваться теоретическое обоснование значимости деятельности крестьянского управления в вопросах землевладения и землепользования как основы успешного развития страны; ярко выраженная практическая направленность исследований, тесное переплетение теории и практики в публикациях того времени.

Второй этап – литература, вышедшая в 1918–1988 гг. Он, пожалуй, самый плодотворный в историографии изучения истории крестьянства и ее поземельной организации. Он делится на несколько подэтапов: 20–30-е гг., 50–70-е гг., 80–90-е гг. Каждый из них отмечен интересными подходами, новыми архивными комплексами и интересными исследовательскими задачами.

Систематическое накопление конкретного материала по истории крестьянства и крестьянской организации в дооктябрьский период началось в 20-е гг. прошлого века. Это произошло благодаря усилиям местных краеведов и членов исторической секции Общества изучения Коми края. И хотя публикации краеведов носили исключительно очерковый характер, в 30-х гг. вышли две обобщающие работы по истории Коми края, где были представлены материалы и по истории общины. Это работы Н.И. Ульянова «Очерки истории народа коми-зырян» и В.М. Подорова «Очерки по истории коми (зырян и пермяков)»[2]. Являясь обобщающими, данные работы носили исключительно конъюнктурный характер и не стали заметным явлением в изучении истории культуры Коми края.

В послевоенный период изучение истории крестьянства Коми края дооктябрьского периода было сосредоточено в отделе языка, литературы, истории и этнографии Коми филиала Академии наук СССР. В поле зрения ученых Я.Н. Безносикова, Л.Н. Жеребцова, Л.П. Лашука, Л.С. Грибовой и других находился целый ряд проблем истории Коми края. Силами первых профессионалов историков появились «Очерки по истории Коми АССР» и «История Коми АССР»[3]. Обе работы создава-

лись коллективными усилиями ученых Института истории АН СССР, Коми филиала АН СССР, Коми государственного педагогического института. Их авторами были ведущие специалисты истории страны А.А. Зимин, С.Б. Бахрушин, а также ставшие впоследствии известными в республике учеными – Т.И. Беленкина, Л.Н. Жеребцов, Л.И. Сурина и др. Здесь, в систематизированном виде, была представлена история Коми края, как в дооктябрьский, так и в советский периоды. В это время выходят первые историографические работы, где обобщаются итоги изучения истории республики Коми. Речь идет о работах Л.П. Лашука «Некоторые итоги изучения истории народа коми за годы Советской власти»[4]. В 1970 г. в сборнике «Вопросы аграрной истории Европейского Севера России» появилась программная статья Я.Н. Безносикова и В.Н. Давыдова, где впервые был представлен историографический обзор изучения истории Коми республики до 60-х гг. XX в. Был подведен определенный итог и намечены основные направления дальнейших научных разработок. В первую очередь, это – изучение истории крестьянства, становления государственной власти и управления, национально-государственное строительство. В контексте решения проблем истории дооктябрьского периода (истории вхождения Коми края в состав Русского государства, становления феодальных и капиталистических отношений, крестьянское движение и других) рассматривались вопросы формирования и развития крестьянских общин. Речь идет о работах Д.Д. Балуевой, Л.Н. Жеребцова и других[5]. При этом задача конкретного изучения крестьянской поземельной общины поставлена не была. Особенностью вышедших работ этого периода явилось то, что в исследованиях по истории были использованы преимущественно архивные исторические источники, но ряд проблем не рассматривался вообще, что в немалой степени было вызвано цензурными ограничениями и ограниченным доступом к архивным материалам.

В 70–90-е гг. прошлого века проблемами советской историографии стало изучение дореволюционной истории крестьянства, истории земств, городов, населенных пунктов и другие. Было написано большое количество работ, авторами которых являлись Ю.В. Гагарин, О.Е. Бондаренко, С.В. Вайровская и другие. Толчком к исследованию вопросов крестьянского управления и землепользования, обычного права, организации крестьянского мироустройства и других послужило создание Вологодского проблемного объединения по изучению проблем аграрной истории Европейского Севера СССР. Именно здесь были сформулированы новые задачи и перспективы, представлены инновационные, по тому времени,

проекты. В Вологде была сформирована школа ученых-аграрников, которые и сегодня успешно работают по избранной тематике. Это А.В. Камкин, В.А. Саблин, М.А. Безнин и другие. В этот исторический период наблюдалось формирование научных групп и направлений по изучению истории крестьянства Севера и Коми края, усилилось внимание ученых к истории крестьянских сообществ дооктябрьского периода, расширился и углубился спектр исследования проблем, связанных с управлением крестьянскими организациями и др. Примером этому может служить сборник «Вопросы аграрной истории Европейского Севера СССР», целиком посвященный проблемам северной общины. Сборник открывался программной статьей Петра Андреевича «Основные этапы развития северной общины»[6].

На четвертом этапе исследование истории крестьянства и общины вышло на новый уровень. Этому способствовал выход обобщающего труда «История Коми с древнейших времен до конца XX века. В двух томах»[7]. В первом томе, на основе анализа вышедшей литературы и вновь вводимых в оборот исторических источников, более детально показаны формы взаимодействия власти и крестьянских организаций, земельного крестьянского обеспечения и роли крестьянских организаций в регулировании хозяйственных взаимоотношений, фискальные и иные вопросы. Новый обобщающий труд отражал основные этапы развития Коми края. Он также активизировал интерес научной общественности к вышеназванным проблемам.

В настоящее время историки сделали значительный шаг вперед в исследовании проблемы. Многие работы – статьи, брошюры, кандидатские диссертации – послужили основой для подготовки обобщающего труда «История Коми с древнейших времен до современности»[8]. Здесь на основе принципа историзма, аналитического подхода и проблемно-хронологического метода был дан комплексный анализ истории крестьянства Коми края в дооктябрьский период, раскрыты проблемы исторического прошлого как с современных позиций, так и с точки зрения очевидцев событий. Большую роль в организации исследований вопросов истории крестьянской общины досоветского периода играли научные конференции, организованные Северным проблемным объединением по изучению крестьянства СССР и лично Петром Андреевичем Колесниковым. Такие исследователи, как М.А. Мацук, А.К. Гагиева, О.Е. Бондаренко, И.Л. Жеребцов и другие, успешно и плодотворно работают в сфере изучения истории крестьянства на территории Коми края. Опубликованные ими работы, созданные в рамках различных проектов, интересны не

только специалистам, но и самому широкому кругу исторической общественности.

Сегодня продолжается активное переосмысление накопленного исторического материала, поиск новых подходов при решении проблем изучения крестьянской поземельной общины. Например, изучение вопросов повседневной жизни крестьянского сословия, участие в модернизационных процессах, взаимодействие общины и власти, значение крестьянского управления и др. Не последнюю роль при этом играет источниковая база.

Я не буду останавливаться подробно на источниковой основе исследуемой проблемы, т.к. она блестяще проанализирована в работе П.А. Колесникова. Отмечу лишь, что сегодня настало время рассмотреть известные архивные комплексы в свете новых проблем[9]. Например, взаимодействие крестьянских «пограничных» сообществ на территории Коми края (речь идет о взаимодействии между соседними общинами, между крестьянскими организациями и частными лицами, взаимоотношения с местной и верховной властью) и другие.

Таким образом, наследие Петра Андреевича Колесникова, его личный вклад в дело формирования научной школы, открытия архивных комплексов, титаническая научно-организационная деятельность позволяют говорить о нем как о выдающемся организаторе исторической науки на Европейском Севере России в 1960–1980-е годы.

---

[1] Богословский М.М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVIII в. М., 1909. Т. 1; В. Большаков М.А. Община у зырян // Живая старина. СПб, 1906. Вып. 1-4; И. Красноперов. Зырянская община на Севере России // Землевладение. М., 1908. Кн. 2.

[2] Ульянов Н.И. Очерки истории народа коми-зырян. М.; Л., 1931; Подоров В.М. Очерки по истории коми (зырян и пермяков). Коми госиздат, 1933. Т. 1-2.

[3] Очерки по истории Коми АССР. Сыктывкар, 1956, Т. 1, Сыктывкар, 1962, Т. 2; История Коми АССР. Сыктывкар, 1978.

[4] Лашук Л.П. Некоторые итоги изучения истории народа коми за годы Советской власти. Труды Коми филиала АН СССР. Т. 6. Сыктывкар, 1958.

[5] Балуева Д.Д. Из истории земельных отношений в Коми крае в XVIII веке // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1958. Вып. 4; Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. X – начало XX в. М.: Наука, 1982. 223 с.

[6] Вопросы аграрной истории Европейского Севера СССР. Вып. 6, 1976.

[7] История Коми с древнейших времен до конца XX века. В двух томах. Сыктывкар, Т. 1. 2002; Сыктывкар, Т. 2. 2004.

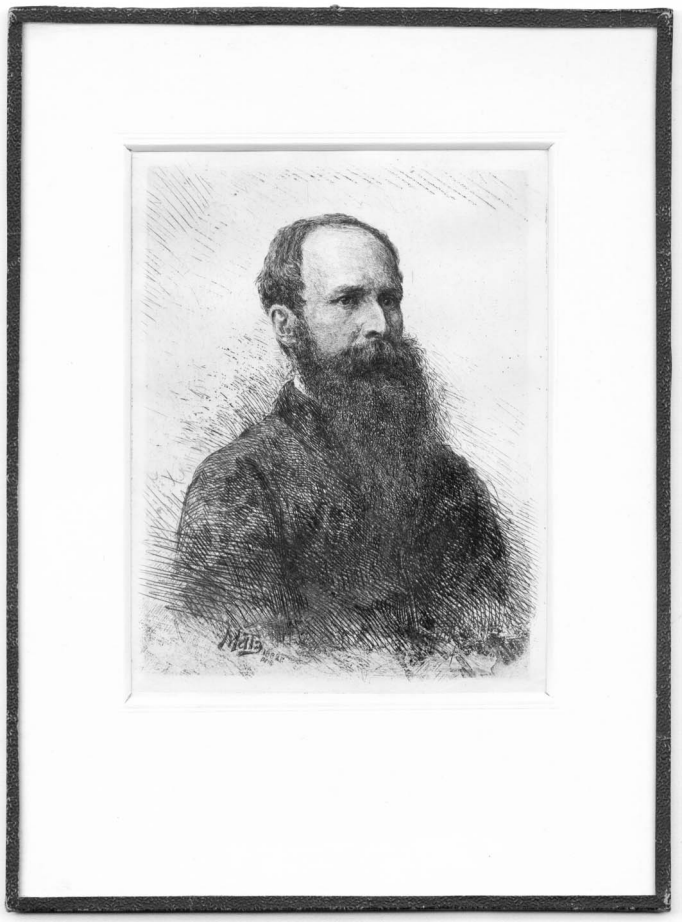
[8] История Коми с древнейших времен до современности. Сыктывкар, Анбур, 2011. Т. 1.

[9] Колесников П.А. Северная Русь (Архивные источники по истории Европейского Севера России. XVIII век). Вологда, 1976. 416 с.

А.Б. Першина

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПОРТРЕТА
(Портрет художника В.В. Верещагина работы графика В.В. Матэ)

Портрет русского живописца Василия Васильевича Верещагина работы известного графика, его тезки, Василия Васильевича Матэ поступил на хранение в Государственный архив Вологодской области от держателя личного фонда писателя К.И. Коничева в 1971 году. 28 ноября 2014 года документ внесен в региональный Реестр уникальных документов Вологодской области и находится на общем хранении архивных документов.



Портрет выполнен в технике офорта на бумаге размером 17,7х 13,8 см (основа) и 16,8х13,1 см (изображение), оформлен в раму со стеклом. В левом нижнем углу на изобразительном поле выгравирована авторская надпись «Матэ 1882 г. paris». Гравюра была приложена к первому выпуску журнала «Вестник изящных искусств» за 1883 год, издававшемуся при поддержке Императорской академии художеств. Портрет не реставрировался, физическое состояние – удовлетворительное.

Графическая техника офорт представляет собой разновидность гравюры на металле и является одной из техник станковой графики глубокой печати, позволяющей получать оттиски с печатных форм.

Согласно документальным источникам с оригинального портрета В.В. Верещагина было сделано 5 оттисков. Первые оттиски были изготовлены с большой доски, на которых голова фигуры обращена вниз; во вторых – голова почти стерта; третьи оттиски были сделаны с уменьшенной доски (часть доски, где была голова, почти вся отрезана); четвертые имели подпись: «Матэ 1882 г. paris». В последних, пятых, оттисках – левое плечо заштриховано и закруглено. Пятый вариант был также приложен к журналу «Вестник изящных искусств» за 1883 год.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что представленный портрет художника В.В. Верещагина является четвертым оттиском с оригинального изображения. Более того, надпись, сделанная на портрете, позволяет знать время и место создания рисунка.

В.В. Верещагин неоднократно приезжал во Францию и одно время даже жил в Париже. Еще в самом начале творческого пути его манила эта страна, где, по словам живописца, «царил настоящий простор для свободно мыслящего художника». Впервые в Париж Верещагин приехал в 1861 году для работы над росписью фронтона русской церкви. Вторая поездка произошла через три года. В 1864 году он поступает в Парижскую академию художеств. Далее поездки в мировую «мекку» искусств, коей в середине XIX века являлся Париж, становятся регулярными[1].

Судя по воспоминаниям современников и биографическим публикациям, в 1876 году после поездки в Индию В.В. Верещагин поселяется в предместье Парижа Мезон-Лаффитт на улице Клебер, 48, где устраивает художественную мастерскую, поражавшую современников своими размерами и оснащенностью. В.Н. Третьякова в письме к своим детям отмечала: «Я при всей своей фантазии не могла представить себе такой величины комнату, сбоку громаднейшее окно. …А на летнюю работу придумал он вагон величиной с большой крестьянский дом, который двигается по рельсам на площадке, имеющей форму цирка, окруженной забором. Такая мастерская для художника есть рай и последняя мечта на земле»[2].

Судя по фотографиям 1880-х гг. мастерская действительно имела грандиозный вид и была заполнена редкими диковинами, привезенными из многочисленных путешествий и «служебных командировок». Звериные шкуры, кашмирские ковры, индийская мебель, тибетские маски божеств, чашка из человеческого черепа, кабан из черного мрамора, все-

возможные этнические костюмы, непальские украшения из драгоценных металлов, чучела птиц и животных, экзотические растения, оружие и обмундирование, собранное художником с полей сражений, и многое другое составляло незабываемый интерьер мастерской и использовалось в качестве предметного ряда на презентациях выставок[3].

Мезон-Лаффитт, находясь в стороне от шумного Парижа, был местом уединенным и в этом смысле вполне отвечал требованиям художника. Однако для немногих, но «всегда жданных» гостей двери мастерской были всегда открыты. В Мезон-Лаффитт бывали братья Стасовы, И.С. Тургенев, Третьяковы, часто заезжал живописец Ю.Я. Леман[4]. Вполне возможно в гостях у В.В. Верещагина был и график В.В. Матэ.

После участия в Русско-турецкой войне (1877–1878), в ходе которой получает тяжелое ранение и переживает гибель брата Сергея, Василий Васильевич вновь возвращается во Францию и начинает работу над так называемой «Балканской серией», основой для которой послужили этюды и коллекция подлинных предметов, привезенных из Болгарии. «Балканская серия», явившаяся, по мнению критиков, кульминацией творчества В.В. Верещагина, на протяжении 1881–1891 гг. демонстрировалась во многих городах Европы и Америки и вызвала огромный интерес к художнику во всем мире. Только в 1882 году Верещагин получил предложения об устройстве выставок в Париже, Берлине, Гамбурге, Дрездене, Дюссельдорфе, Брюсселе и Будапеште[5].

По воспоминаниям очевидцев «Балканская» выставка демонстрировалась в сопровождении музыки в залах без дневного света: картины располагались на черных стенах, при ярком электрическом освещении. А. Бенуа впоследствии записал: «Памятно как … ломились на выставку Верещагина и какое чудовищное, и огорошивающее впечатление производили его пестрые и кровавые картины». Эффект от верещагинских экспозиций был действительно необычайно сильным; для многих это было потрясение, оставшееся в памяти на всю жизнь[6].

Не исключено, что В.В. Матэ также стал свидетелем этого яркого события в парижской художественной жизни, что явно или косвенно послужило толчком для написания данного портрета.

Если история жизни и творчества великого русского баталиста В.В. Верещагина изучена и известна достаточно широкому сообществу специалистов, то с творческой биографией графика В.В. Матэ знаком более узкий круг почитателей изящных искусств.

Василий Васильевич Матэ (Маттэ) родился в Пруссии в 1856 году близ г. Вержболова (ныне территория современной Латвии), детство

провел в имении отца в Любани (близ Петербурга), воспитывался в приюте реформаторского прихода столицы. Художественное образование получил сначала в Рисовальной школе при Обществе поощрения художеств (1870–1875), а затем в гравировальном классе Петербургской академии художеств (1875–1880). Как и Верещагина, Матэ с Парижем и его художественной школой многое связывало. В 1880 г. Петербургская академия художеств отправила молодого и талантливого графика на один год в столицу Франции «для совершенствования в гравировании». На средства, выделенные великим князем Владимиром Александровичем, Матэ изучал гравюру Германии, Голландии и Англии. За работы, присланные им из-за границы на всероссийскую выставку в Москве, в 1882 году совет Академии нашел возможным продлить срок его пребывания во Франции еще на три года. Таким образом, доподлинно известно, что два художника были в одно время в Париже и наверняка встречались. Именно здесь был задуман и создан графический портрет В.В. Верещагина[7].

На портрете В.В. Верещагин изображен погрудно, его фигура обращена к зрителям с поворотом в $^3/_4$ вправо. Взгляд художника уставший и одновременно уверенный устремлен в даль[8]. В 1882 году В.В. Верещагину исполнилось сорок лет, он признанный мастер не только батальных произведений, но и тонкий психолог-живописец «человеческих трагедий» на фоне войны. По меткому замечанию И.Н. Крамского, «Верещагин не просто только художник, а нечто большее».

Однако ежедневный труд и нервное напряжение, коими сопровождалась работа над «Балканской серией» и ее презентация, отняли много душевных и физических сил. В 1882 году В.В. Верещагин в письме литературному и театральному критику В.В. Стасову отмечал: «Не думайте, что все пройденное было лишь как с гуся вода: все, все оставило следы. Силенки в 40 лет сильно опустились, цель жизни утерялась». Творческое и моральное обновление художник находит в путешествии. Осенью того же года его опять манит загадочный Восток, и он уезжает в Индию, а затем в Сирию и Палестину.

Таким образом, можно предположить, что портрет, если он писался с натуры, был создан в промежуток с января по ноябрь 1882 года.

Как отмечают исследователи, творчество В.В. Матэ знаменует одновременно и вершину, и заключительный этап в развитии русской репродукционной гравюры. За свою жизнь В.В. Матэ выполнил огромное количество репродукционных листов, только в офорте их насчитывается 278. Но наибольших успехов он достиг в области черно-белой ксилогра-

фии, виртуозно имитируя живописные и графические оригиналы. Так писал о художнике реставратор и искусствовед И.Э. Грабарь: «Особенным успехом пользовались его факсимиле карандашных рисунков, технику которых он передавал изумительно, имитируя до иллюзии не только штрих, но и притирки пальцем и растушевкой, характер свинцового карандаша, итальянского или сангины». Сам же В.В. Матэ относился к работе гравера творчески и не сводил ее лишь к повторению оригинала. «Гравер не есть скучный копиист, а создатель нового мира образов, где картину художника он переводит на свой язык, придает новые оттенки», – отмечал график.

В 1884 году В.В. Матэ был приглашен преподавателем ксилографии и офорта в Центральное училище технического рисования барона Штиглица в Петербурге. В 1894 году избран действительным членом вновь преобразованной Академии художеств и вслед за тем определен профессором на должность преподавателя гравирования[9]. Однако время репродукционной гравюры постепенно проходило. Она не выдерживала конкуренции с фотомеханическими способами печати, стремительно развивавшимися в России в 1890-е годы.

С 1899 года В.В. Матэ окончательно переходит с ксилографии на технику офорта, которая, по его мнению, «давала большие возможности для творческой интерпретации оригинала». Лучшими его работами в этой области справедливо считаются портреты. Причем по глубине трактовки образов и виртуозному исполнению специалисты выделяют изображения М.П. Беляева и П.М. Третьякова (1894, с известного портрета И. Е. Репина). Умер В.В. Матэ в 1917 году в Петрограде.

После себя Василий Васильевич оставил множество талантливых учеников. Разным граверным техникам В.В. Матэ обучал таких выдающихся живописцев, как И.Е. Репин, В.А. Серов, И. И. Левитан, Б.М. Кустодиев, К.А. Сомов, Е.Е. Лансер, Л.С. Бакст и др.

Надо отметить, что графическая портретная галерея В.В. Матэ весьма обширна. Среди них выделяются портреты И.К. Айвазовского, М.П. Мусорского, И.Н. Крамского, А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, Н.С. Лескова, А.Г. Рубинштейна, а также большой посмертный портрет нефтепромышленника Л.Э. Нобеля[10]. Среди них достойное место занимает и портрет В.В. Верещагина 1882 года.

Известно, что творческая судьба еще раз соединит Верещагина и Матэ, и произойдет это в 1894–1895 гг. во время работы над иллюстрациями к «Воспоминаниям» нашего земляка[11].

В результате изучения различных источников как документального, так и мемуарного характера можно предположить, что графический портрет В.В. Верещагина был сделан В.В. Матэ в мастерской художника на улице Клебер, 48, парижского предместья Мезон-Лаффитт с января по ноябрь 1882 года.

---

[1] Верещагины. России славу умножая… Альбом. СПб., 2008. С. 37.
[2] Босоногова Л.В. Усадьба В.В. Верещагина в Мезон-Лаффитт близ Парижа // Череповец. Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1999. С. 334.
[3] Там же. С. 333, 334.
[4] Там же. С. 336.
[5] Коничев К.И. «Повесть о Верещагине». Лениздат, 1956. С. 222, 241.
[6] Верещагины. России славу умножая… Альбом. С-Пб., 2008. С. 42.
[7] Энциклопедический словарь. Изд. Брокгауз, Эфрон. Т. XVIII-а. СПб., 1896. С. 813.
[8] Портретное искусство Северо-Запада России в контексте русской провинциальной и европейской культур XVII – начала XX в. / под ред. М.Е. Даен. Вологда, 2006. С. 90-91.
[9] Энциклопедический словарь. Изд. Брокгауз, Эфрон. Т. XVIII-а. СПб., 1896. С. 814.
[10] Там же.
[11] В 1894-1895 гг. вышли в свет литературные труды В.В. Верещагина, в частности «На войне в Азии и Европе. Воспоминания художника В.В. Верещагина».

Н.А. Овчинникова

ВОЗРАСТНОЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ МОНАШЕСТВУЮЩИХ В ЖЕНСКИХ ОБИТЕЛЯХ ВОЛОГОДСКОЙ ЕПАРХИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Монастыри как духовные центры, как хранители историко-культурных ценностей играли немаловажную роль в развитии регионов дореволюционной России. Их история всегда представляла интерес как для современных, так и для дореволюционных исследователей. Судьбы женских обителей и их насельниц выделяются среди общей монастырской истории и формируют отдельное направление для изучения, особенно в свете начавшегося возрождения монастырской жизни в настоящий период.

Историография монастырской жизни достаточно обширна, имеются отдельные исследования по ней[1]. Среди современных исследователей монашеской жизни указанного периода можно назвать Е.Б. Емченко, П.Н. Зырянова, А.В. Камкина, Е. Пащенко, А.В. Штепу и т.д.[2] Все они рассматривают различные аспекты монашеской жизни, в том числе и в женских обителях.

В отличие от истории создания и деятельности женских обителей Вологодской епархии, социальный состав монастырей, жизнь внутри них менее изучены в историографии. В данной статье рассматриваются социальные категории населения в женских обителях Вологодской епархии, их численный и возрастной составы. Последний аспект рассмотрен подробно, выделены возрастные группы при поступлении в монастырь и постриге, приведено их соотношение. Хронологические рамки данного исследования включают конец XIX – начало XX вв., так как именно в этот период происходит большой численный рост женских монастырей и их насельниц, несколько меняется их социальная структура.

Источником для проведения настоящего исследования стали ведомости о монашествующих за 1890–1915 гг. Их появление связано с монастырской реформой Петра I 1722 г. Источник состоит из трех частей, в данной работе была использована вторая, которая представляет послужные списки настоятелей, монашествующих и послушников. Здесь указываются имя, духовная должность, возраст, образование, описание жизни до пострига, достижения и награды, личные качества монахов. Основным методом работы стал статистический. Содержание документов было тщательно проанализировано и систематизировано.

В начале XX в. в Вологодской епархии насчитывалось 30 монастырей и пустыней, из них 6 – женских[3]. Наиболее древнюю историю из них имели Успенский Горний монастырь в г. Вологде и Иоанно-Предтеченский в г. Великом Устюге. В конце XIX – начале XX вв. в епархии появились новые женские обители: Крестовоздвиженская (1894, Яренский уезд), Арсениево-Комельская (1904, Грязовецкий уезд), Знаменско-Филипповская Яиковская (1908, Великоустюгский уезд), Троицкая Гледенская (1912, Великоустюгский уезд)[4]. Этот процесс был связан с увеличением числа женских общин, образование которых было упрощено после выхода определения Синода от 9 мая 1881 г.[5] В соответствии с ним не требовалось высочайшего разрешения на учреждение общин и монастырей, которые не просили пособия от казны. Три новых монастыря, появившихся в Вологодской епархии, кроме Арсениево-Комельского, являлись заштатными.

Количество монахинь и послушниц обителей Вологодской епархии увеличилось со 112 в 1890 г. до 421 в 1915 г., из них монахинь с 39 до 93 (см. таблицу 1). Число трудниц также возросло более чем в 2 раза, так в Успенском Горнем с 43 человек в 1890 г. до 121 в 1915 г., в Иоанно-Предтеченском с 81 в 1890 г. до 289 в 1915 г. Для сравнения по всей России с 1840 по 1913 гг. число монашествующих мужского пола увеличилось на 221,2%, а женского на 712,1%[6].

Таблица 1

ЧИСЛЕННОСТЬ МОНАХИНЬ И ПОСЛУШНИЦ В МОНАСТЫРЯХ ВОЛОГОДСКОЙ ЕПАРХИИ за 1890–1915 гг.

Год	Монастыри						
	Успенский Горний (г. Вологда)	Иоанно-Предтеченский (г. Великий Устюг)	Крестовоздвиженский (Яренский уезд)	Арсениево-Комельский (Грязовецкий уезд)	Знаменско-Филипповский Яиковский (Великоустюгский уезд)	Троицкий Гледенский (Великоустюгский уезд)	ИТОГО
Численность (чел.)							
1890	77	35	-	-	-	-	112
1895	69	32	11	-	-	-	112
1900	71	48	27	-	-	-	146
1905	78	136	42	13	-	-	269
1910	68	190	84	20	11	-	373
1915	63	191	115	22	10	20	421

Составлено по: ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 16268, 16361, 16488, 16597, 16745, 16902, 17106, 17426, 17662, 17771, 17897, 18003, 18146, 18214, 18366, 18484, 18678, 18722, 18874, 19011, 19211, 19376, 19521, 19701.

Как видно из таблицы, больше всего монашествующих находилось в Великоустюгском уезде, обители которого являлись духовным пристанищем для крестьянок северо-востока Вологодской губернии. Рядом с губернским городом находились только Горний Успенский и Арсениево-Комельский монастыри, которые были в первую очередь штатными и не могли принять большой объем монашествующих, а во-вторых, находились ближе к Центральной России, где имелось большее число обителей. Увеличение количества монашествующих женщин связано с несколькими факторами. К началу XX в. наблюдается общий рост населения губернии с 1863 по 1914 гг. на 80%[7]. После ряда реформ 1860-х гг. были ослаблены сословные рамки, что позволило сделать монашество более доступным для крестьян, представлявших основную массу населения. Вероятно, немаловажную роль сыграли и духовные потребности женщин.

Говоря о возрастном составе женских обителей, необходимо отметить, что в конце XIX – начале XX вв. основную часть монашествующих составляли женщины в возрасте старше 50 лет (см. Таблица 2).

Таблица 2

ВОЗРАСТНЫЕ ГРУППЫ МОНАШЕСТВУЮЩИХ В ЖЕНСКИХ ОБИТЕЛЯХ ВОЛОГОДСКОЙ ЕПАРХИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Год	1890		1900		1906		1915	
Возрастная группа	абс.	в %	абс.	в %	абс.	в %	абс.	в %
40–50 лет	5	11	12	27	14	24	20	25
51–60 лет	13	35	17	38	25	43	33	41
61–70 лет	11	30	10	22	11	19	17	21
71–80 лет	7	19	5	11	6	10	7	9
81–90 лет	2	5	1	2	2	4	3	4
Всего	38	100	45	100	58	100	80	100

Составлено по: ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 16268, 16361, 16488, 16597, 16745, 16902, 17106, 17426, 17662, 17771, 17897, 18003, 18146, 18214, 18366, 18484, 18678, 18722, 18874, 19011, 19211, 19376, 19521, 19701.

С 1890 по 1915 гг. отмечаются некоторые изменения в соотношении возрастных групп. Так, увеличивается число женщин в возрасте от 40 до 50 лет, а от 60 до 80 лет снижается. Таким образом, происходит омоложение монашеского состава обителей, связанное с притоком насельниц именно среднего возраста.

Анализ возраста насельниц при поступлении в обитель показывает, что приходили в основном женщины от 20 до 30 лет (см. Таблицу 3), меньше – от 11 до 20 лет и от 30 до 40 лет. С нашей точки зрения, главная причина этого заключается в том, что после реформ 1860-х гг. женщина этого возраста получила больше свободы в выборе своей дальнейшей судьбы. Также в условиях модернизации страны женские обители начали притягивать к себе личностей, не сумевших реализовать себя в этом процессе или ищущие пути, возможности для этого.

Таблица 3

ВОЗРАСТНОЙ СОСТАВ НАСЕЛЬНИЦ И МОНАШЕСТВУЮЩИХ ЖЕНСКИХ ОБИТЕЛЕЙ ВОЛОГОДСКОЙ ЕПАРХИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Возраст при поступлении в монастырь						
Возраст	с 7 до 10 лет	с 11 до 20 лет	с 21 до 30 лет	с 31 до 40 лет	с 41 до 50 лет	с 51 до 60 лет
Человек	6	22	45	26	14	5
Возраст при постриге						
Возраст	с 34 до 40 лет	с 41 до 50 лет	с 51 до 60 лет	с 61 до 70 лет	с 71 до 80 лет	
Человек	12	80	30	5	3	

Составлено по: ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 16268, 16361, 16488, 16597, 16745, 16902, 17106, 17426, 17662, 17771, 17897, 18003, 18146, 18214, 18366, 18484, 18678, 18722, 18874, 19011, 19211, 19376, 19521, 19701.

Постригали в монашество послушниц одного и того же монастыря, за редким исключением. Так было легче поддерживать традиции обители. Возраст женщин при постриге в большинстве случаев составлял от 40 до 50 лет, меньше – от 50 до 60 лет. Верхняя граница 40 лет была связана с церковным законодательством, позволявшим постриг с 40 лет[8].

Основное число монахинь составляли крестьянки, причем процент их с 1890 по 1915 гг. увеличился с 50 до 78 (см. таблицу 4). Число представительниц других социальных групп, таких как дворяне, купцы, мещане, было значительно ниже. На 1890 г. дворяне составляли от общего количества насельниц 10%, на 1915 – 1%, купцы – 8%, на 1915 – 2%, мещане – 29%, на 1915 – 9%. Очевидно, что социальный статус монашествующих снижается. Освободившееся место начинают заполнять представительницы крестьянства. Причины этого процесса, с нашей точки зрения, следующие. Сказывалось влияние реформ 1860-х гг., сделавших монастыри более открытыми для крестьянства. С появлением в конце XIX века новых веяний в экономической, политической жизни престиж монашества в дворянской среде падает, появляются другие возможности для реализации своих интересов. Для крестьян монастырь, наоборот, был местом, обеспечивающий жильем и продуктами питания, особенно в пореформенный период.

Таблица 4

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ МОНАШЕСТВУЮЩИХ В ЖЕНСКИХ ОБИТЕЛЯХ ВОЛОГОДСКОЙ ЕПАРХИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Социальная категория	Год							
	1890		1900		1906		1915	
	абс.	в %	абс.	в %	абс.	в %	абс.	в %
Дворяне	4	10	2	4	1	2	1	1
Купцы	3	8	3	7	3	5	2	2
Мещане	11	29	8	18	7	12	7	9
Крестьяне	19	50	29	65	41	71	62	78
Духовенство	1	3	3	6	6	10	8	10
Итого	38	100	45	100	58	100	80	100

Составлено по: ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 16268, 16361, 16488, 16597, 16745, 16902, 17106, 17426, 17662, 17771, 17897, 18003, 18146, 18214, 18366, 18484, 18678, 18722, 18874, 19011, 19211, 19376, 19521, 19701.

Таким образом, к началу XX в. в нашем крае учреждаются новые женские монастыри, возрастает общая численность монахинь и послушниц, меняется их возрастной и социальный состав. Происходит «омоложение» состава монашествующих, увеличивается доля женщин среднего возраста, представляющих в массе своей крестьянство. Одной из причин

таких процессов являются реформы 1860-х гг., позволившие сделать монастыри более открытыми для крестьян. В то же время в среде дворянского сословия престиж монашества падает. Повлиял и общий рост численности населения к началу XX в.

Анализ ведомостей о монашествующих показывает, что в составе женских обителей к началу XX в. происходили качественные изменения. Хотя они и не носили кардинальный характер, но являлись существенными для общецерковной жизни епархии. Социально-экономические и политические сдвиги в России начала XX в. не могли не сказываться и на таком, на первый взгляд, статичном институте, как монашество.

---

[1] Нечаева М.Ю. Православные монастыри и монашество синодального периода: традиции изучения // Научный диалог. Вып. № 12 (60). Екатеринбург, 2016. С. 302–319.

[2] См. напр.: Виноградов В.М. Социальный состав Горицкого Воскресенского девичьего монастыря 1855–1919 // Ферапонтовский сборник. М.; Ферапонтово, 1999. Вып. 9. С. 152–156; Емченко Е.Б. Православные женские общины в России в последней трети XVIII – начале XIX века // Вестник церковной истории. № 1. М., 2006. С. 151–161; Зырянов П.Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. М., 2002. 320 с.; С. 95–102; Пащенко Е. Очерки из жизни православных северных женских монастырей середины XIX – начала XX вв. Архангельск, 2007. 277 с.

[3] Камкин А.В. Из истории монастырского учредительства // Православные традиции на Европейском Севере России в XVIII–XX вв. Вологда, 2007. С. 100.

[4] Государственный архив Вологодской области. Ф. 496. Оп. 1. Д. 19701. Л. 511, 530 об., 558 об.

[5] Емченко Е.Б. Указ. соч. С. 159.

[6] Штепа А.В. Монашество в социальной региональной структуре Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Калужской епархии) [Электронный ресурс] // URL: http://tksu.ru/kasoprs/Lists/VI/Attachments/18/%D0%A8%D1%82%D0%B5%D0%BF%D0%B0%20%D0%90.%D0%92.%20%D0%92%D1%8B%D1%81%D1%82%D1%83%D0%BF%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5.pdf (дата обращения: 16.10.2017).

[7] Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1813 – 1913). Статистические очерки [Электронный ресурс] // Исторические материалы. URL: istmat.info/node/72 (дата обращения: 16.10.2017).

[8] Емченко Е.Б. Указ. соч. С. 159.

Е.С. Ульянова

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЕПАРХИАЛЬНОЙ И ГУБЕРНАТОРСКОЙ ВЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ВОЛОГОДСКОЙ ЕПАРХИИ)

Проблема взаимоотношений Церкви и государства всегда заслуживала внимания исследователей. В отечественной историографии – дореволюционной и современной – сложилась вполне определённая точка зрения по этому вопросу. Синодальный период рассматривается как время, при котором Церковь тесно слилась с государством, и государство господствовало над Церковью, сделав её орудием своей политики.

В XIX в. столкновения между епархиальными властями и губернаторами вообще происходили довольно часто. Губернаторы видели в епархиальных архиереях чиновников по «ведомству православного исповедания»[1].

Исследователь истории Русской православной церкви С. Римский отмечал, что положение епархиального владыки по сравнению с любым губернатором, а тем более – генерал-губернатором, было неравным. Считалось вполне допустимым, если в отчёте или рапорте губернатора содержались оценки деятельности епархиального владыки, тогда как никто из архиереев не мог и помыслить, чтобы в официальной переписке оценивать действия светской администрации, а тем более жаловаться на губернатора в Синод[2].

В рассматриваемый период в Вологодской епархии каких-либо случаев откровенного произвола светской власти по отношению к епархиальной администрации или громких конфликтов между губернаторами и архиереями нами выявлено не было.

В изучаемый период (1866–1906 гг.) Вологодскую епархию последовательно возглавляли шесть архиереев. Вологодские губернаторы за данный период сменились десять раз (таблица 1).

Как видно из анализа таблицы 1, для второй половины XIX в. была характерна частая смена не только епархиальной, но и губернской администрации. Причём губернаторы менялись так часто, что власть вологодского владыки на их фоне выглядит более стабильным институтом.

Так, за время архиерейства архиепископа Феодосия (Шаповаленко) во главе губернии сменилось 5 губернаторов. Епископ Алексий (Соболев) управлял епархией 11 лет, и за это время во главе губернии побывали 4 губернатора.

Таблица 1

ВОЛОГОДСКИЕ ГУБЕРНАТОРЫ И ВОЛОГОДСКИЕ ЕПИСКОПЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

Губернатор	Архиерей
Хоминский Станислав Фаддеевич 1861–1878	Павел (Доброхотов) 1866–1869
	Палладий (Раев) 1869–1873
Хоминский Станислав Фаддеевич 1861–1878 Михаил Петрович Дараган 1878–1879 Черкасов Леонид Иванович 1880–1882 Александр Николаевич Мосолов 9 июня 1882 – 3 декабря 1882 Кормилицын Михаил Николаевич 1882–1892	Феодосий (Шаповаленко) 1873–1883
Кормилицын Михаил Николаевич 1882–1892 Владимир Захарович Коленко 1892–1894	Израиль (Никулицкий) 1883–1894
Владимир Захарович Коленко 1892 – 1894	Антоний (Флоренсов) 1894–1895
Иосиф Яковлевич Дунин-Барковский 1894–1898 Александр Александрович Мусин-Пушкин 1898–1900 Леонид Михайлович Князев 29 января 1901–1902 Александр Александрович Лодыженский 1902–1906	Алексий (Соболев) 1895–1906

Источник: ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 16577.

В среднем губернаторы не задерживались в Вологодской губернии более 2-3 лет. Относительно долгим пребыванием на посту губернатора отличились Хоминский Станислав Фаддеевич (1861–1878), возглавлявший губернию 17 лет, и Кормилицын Михаил Николаевич (1882–1892), возглавлявший губернию 10 лет.

Губернаторство Кормилицына Михаила Николаевича и архиерейство епископа Израиля (Никулицына) хронологически почти совпало. Поэтому данный период можно выделить как относительно стабильный, при котором и владыка, и губернатор не менялись.

В период губернаторства Хоминского Станислава Фаддеевича (1861–1878) сменилось 4 архиерея – Христофор (Эммаусский, 1856–1866), Павел (Доброхотов, 1866–1869), Палладий (Раев, 1869–1873), Феодосий (Шаповаленко, 1873–1883).

Сотрудничество и взаимное общение губернатора и архиерея нельзя назвать тесным и частым. Так, поставив перед собой задачу определить полный повседневный объём канцелярской работы вологодского епископа, нами был проанализирован журнал резолюций епископа Антония (Флоренсова) за 1894 год[3]. Данный журнал вёлся с момента прибытия епископа Антония в Вологду – с 12 июля по 31 декабря 1894 г. (таблица 2).

Таблица 2

ПЕРЕЧЕНЬ НАИМЕНОВАНИЙ ДЕЛ, ЗАНЕСЁННЫХ В ЖУРНАЛ РЕЗОЛЮЦИЙ ЕПИСКОПА АНТОНИЯ ЗА 1894 Г. (ИЮЛЬ – ДЕКАБРЬ)

№	Наименование документа	Количество
1.	Журналы Вологодской Духовной консистории	428 (24 %)
2.	Журналы духовных учебных заведений епархии	201 (11, 5 %)
3.	Журналы различных епархиальных организаций	91 (5 %)
4.	Переписка со Св. синодом	75 (4 %)
5.	Переписка с вологодским губернатором	**20 (1 %)**
6.	Различные прошения	463 (27 %)
7.	Дела о посвящениях и рукоположениях	68 (4 %)
8.	Доклады и рапорты подчинённого духовенства	385 (22 %)
9.	Переписка с земской и городской администрацией	7
10.	Переписка с епископами	10
11.	Доверенности эконому Вологодского Архиерейского дома	6

Источник: ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 16577.

Как показывает анализ данного журнала, дела, полученные от губернатора и адресованные губернатору, составляют всего 1 %.

Содержание переписки губернатора, как правило, было информационным и касалось серьёзных государственных событий. Так, 21 октября темой отношения вологодского губернатора стало уведомление о смерти императора Александра III[4]. В отношении от 4 ноября губернатор сообщал о том, что в день погребения почившего императора будут организованы поминальные обеды, и просил распорядиться о назначении священников для совершения перед обедом литии.

Совместную деятельность губернская и епархиальная власть вели в деятельности по борьбе с сектантством и раскольничеством, в моменты форс-мажорных событий в жизни губернии (например, при эпидемии холеры).

Светская и духовная власть были едины и в борьбе с активизировавшимся на рубеже веков революционным движением. Архиерейство епископа Алексия пришлось на время подъёма революционно-освободительного движения и первой русской революции. В это время было невозможно оставаться в стороне от событий общественно-политической жизни России, и епископы не могли быть только в роли наблюдателей, им приходилось самим принимать в ней активное участие. Степень и направленность такого соучастия находились в зависимости как от личных политических воззрений, так и от ситуации в стране и регионе. События, захватившие Россию на рубеже XIX–XX вв., подталкивали епархиальную и губернскую администрацию к сплочению и совместным действиям в тех случаях, когда, по их мнению, возникала угроза для государства.

Так, по воспоминаниям инспектора Вологодской духовной семинарии Н. Ильинского, епископ Алексий (Соболев) «в годы «освободительного» движения терялся и как будто не знал какого курса ему держаться» и «всецело следовал взглядом тогдашнего губернатора Князева»[5].

В дневниках Н. Ильинского сохранились воспоминания о «беспорядках» в Вологодской духовной семинарии, произошедших в ноябре 1901 года. Эти волнения семинаристов были настолько значительны, что епископу Алексию пришлось телеграфировать о них в Святейший синод. Синодом было принято решение распустить семинаристов, а семинарию на неопределённое время закрыть.

Н. Ильинский вспоминал о совместном посещении семинарии епископом Алексием и губернатором Л.М. Князевым в эти дни.

В ходе данного визита всю вину за случившееся в семинарии губернатор возложил на ректора. Епископ Алексий же не встал на защиту своих подчинённых, чем очень расстроил семинарскую корпорацию.

Архиерей явно не желал конфликтовать с губернской администрацией и в оценке произошедших «беспорядков» держался в фарватере мнений губернатора Л.М. Князева. Можно было бы легко объяснить такое поведение епископа Алексия по отношению к губернатору конформизмом. Однако жизненный путь епископа Алексия не позволяет назвать его архиереем-приспособленцем, ревнующем лишь о собственном благополучии. Думается, что для владыки Алексия, как и для многих других церковных и государственных деятелей, такое сотрудничество и согласие воспринималось как нормальный и единственно возможный способ взаимодействия Церкви и государства, обеспечивающий единство в деятельности на благо страны и народа. Это единство обуславливалось са-

кральной фигурой главы государства – православного царя, «епископа внешних дел Церкви», канонического блюстителя церковных интересов.

Исследователь С. Фирсов отмечает, что «воспитанные в духе безропотного послушания воле обер-прокурора, православные иерархи не имели опыта и традиций противостояния светской власти»[6].

Совместным полем деятельности для власти светской и духовной была деятельность по борьбе с расколом. В ходе организации Православного Церковного братства по борьбе с расколом и распространению влияния Церкви в 1885 году епископ Израиль отправлял проект Устава Православного братства губернатору для ознакомления и получения его отзыва о нём[7].

Важно отметить, что губернатор Станислав Фаддеевич Хоминский (1861–1878) по национальности был поляком, а по вероисповеданию – католиком. При этом он не только был губернатором в государстве, где господствующей религией было православие, но и губернаторствовал в такой губернии, в которой Православие имело особые древнейшие культурно-исторические традиции. Из этого следует, что от государственного служащего – губернатора – требовалось одно: верное служение Престолу и Отечеству и признание Православной Церкви как единственно возможной господствующей государственной идеологии. Взаимоотношения светской и церковной власти строились по общегосударственному бюрократическому «протоколу». Для губернатора епархиальный архиерей был не столько пастырем и учителем веры, сколько чиновником и церковным управленцем, общению с которым обязывает служба.

Независимо от своего вероисповедания губернатор как первое лицо губернии присутствовал на архиерейских службах, встречал вновь прибывших на Вологодскую кафедру епископов. Архиерей в свою очередь присутствовал, согласно протоколу, на всех значимых мероприятиях губернской жизни – открытие земства, окружного суда или учебного заведения. То есть, в рассматриваемый период губернатор и архиерей своими взаимоотношениями представляли наглядный союз.

Подведём итог. В Вологодской епархии в рассматриваемый период взаимоотношения между губернаторами и архиереями развивались в духе сотрудничества.

В синодальный период как таковой системы «симфонии» властей не существовало. «Симфония» властей, на наш взгляд, подразумевает в первую очередь невмешательство светской и церковной властей в дела друг друга и взаимное уважение компетенций, когда государство не вмешивается в управление Церковью, и Церковь ничего не пытается на-

вязывать государству. Но пример взаимоотношений губернатора и епископа в Вологодской губернии позволяет говорить о состоянии, близком к этой «симфонии».

---

[1] Смолич И.К. История Русской Церкви: 1700–1917: в 2 частях. М.: Валаамский монастырь, 1997. Ч. 1. С. 298-299.
[2] Римский С.В. Российская церковь в эпоху великих реформ, 1999. С. 75.
[3] Государственный архив Вологодской области (далее ГАВО). Ф. 496. Оп. 1. Д. 16577.
[4] ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 16577. Л.79.
[5] ГАВО. Воспоминания Н. Ильинского. Л. 317.
[6] Фирсов С. Церковь в империи. Очерки из церковной истории эпохи императора Николая II. СПб., 2007. С. 16.
[7] ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 15681.

А.В. Селянина

МАТЕРИАЛЫ ТЕНИШЕВСКОГО АРХИВА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ВОЛОГОДСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА

Этнографическое бюро было создано русским фабрикантом и меценатом князем В.Н. Тенишевым (1843–1903) в 1897 году в Санкт-Петербурге и активно работало до 1901 г. Основной целью его была организация и проведение массового сбора сведений о русском крестьянстве по специальной программе, которая называлась «Программа этнографических сведений о крестьянах Центральной России, составленная князем В.Н. Тенишевым».

Создателем «Бюро» являлся Вячеслав Николаевич Тенишев (1844–1903). Князь, инженер-путеец, предприниматель и меценат, он был известен как автор многих социальных проектов. Разрабатывая свою программу, В.Н. Тенишев, в отличие от своих предшественников, уделил основное внимание социальной и социально-экономической стороне крестьянской жизни, стремясь выяснить современное положение и потребности крестьянства. В.Н. Тенишев видел цель своего предприятия в издании переработанных материалов «об обычном порядке жизни» русских крестьян[1].

Деятельность «Этнографического бюро» была хорошо организована и поставлена на коммерческую основу. Владельцем и главным научным руководителем программы был сам князь В.Н. Тенишев. Основной работой по организации деятельности занимался заведующий бюро. На этой должности, в свое время, побывали такие этнографы, как А.А. Чарушин

и С.В. Максимов. Помимо этого, в бюро имелись штатные и внештатные сотрудники. Штатные жили в Петербурге, ежедневно приходили на работу в бюро и были квалифицированными этнографами. В их число, кроме А.А. Чарушина и С.В. Максимова, входили знаток народной медицины Г. Попов, этнограф П. Кашинский и др. Штатные сотрудники занимались подбором корреспондентов на местах, рассылали через епархиальные и народные училища, местные статистические комитеты и по другим каналам составленную В.Н. Тенишевым «Программу», руководили работой с корреспондентами, принимали сами рукописи, оценивали их содержательную сторону, проводили первичную обработку и систематизацию присланного материала, редактировали тексты, передавали их на перепечатку.

Внештатные сотрудники или корреспонденты – это люди, заключившие с «Этнографическим бюро» договор на выполнение работ по сбору этнографических сведений в той местности, в которой они проживали. В основном это были учителя, священнослужители, семинаристы, студенты и небольшое количество образованных крестьян. Этим занималось около 350 человек из 23 губерний Европейской России.

Для качественного опроса населения корреспондентам рассылалась «Программа этнографических сведений о крестьянах Центральной России» и точные инструкции о том, как нужно собирать материалы. Она создавалась при участии смоленских краеведов В.Н. Добровольского и А.Ф. Булгакова. Второй вариант программы был издан в 1897 году, а третий, уточненный и дополненный, в следующем. Всего в программу включен 491 пункт, разбитый на 2500 вопросов[2]. Она охватывала все стороны жизни крестьян вплоть до общинного землевладения и юридических обычаев. Программа требовала от корреспондентов достоверности информации, изложения наблюдений за жизнью, точной записи рассказов крестьян, их отзывов на различные события. По возможности полученные данные должны были подкрепляться документами: брачными договорами, расписками, копиями судебных решений. Материалы, которые отправлялись «Бюро», должны были быть строго пронумерованы в соответствии с программой. Особое внимание обращалось на то, что сведения должны быть получены в формате непринужденной беседы[3].

«Этнографическое бюро» закончило деятельность по сбору материалов в конце 1900 года. Сведений, поступивших из 23 губерний, было так много, что они позволили бы в достаточно полном объеме воссоздать целостную картину жизни русских крестьян конца XIX века. К сожалению, в 1903 году князь Тенишев умер, поэтому его работа «Быт великорусских крестьян-землепашцев» осталась незавершенной.

На основе материалов, полученных «Этнографическим бюро» были написаны книги: Максимов С.В. «Нечистая, неведомая и крестная сила» (1903); Попов Г. «Русская народно-бытовая медицина» (1903). В 1907 году сыном князя, В.В. Тенишевым, была издана книга «Правосудие в русском крестьянском быту, свод данных, добытых этнографическими материалами покойного князя В.Н. Тенишева» (1907). Остальная часть собранных «Этнографическим бюро» материалов осталась неопубликованной и хранилась в Русском этнографическом музее. В начале 2000-х годов начала свое действие программа по публикации части материалов. К 2011 году опубликовано было 7 томов.

Т. 1 : Костромская и Тверская губернии / сост.: И. И. Шангина, Е. Л. Мадлевская. – 2004. – 568 с.

Т. 2 : Ярославская губерния, часть 1 : Пошехонский уезд / авт.-сост. Е. Г. Холодная. – 2006. – 608 с. : ил., портр.

Т. 2 : Ярославская губерния, часть 2 : Даниловский, Любимский, Романово-Борисоглебский, Ростовский и Ярославский уезды / авт.-сост. Е. Г. Холодная. – 2006. – 552 с. : ил.

Т. 3 : Калужская губерния / авт.-сост.: И. И. Шангина. – 2005. – 648 с. : ил.

Т. 4 : Нижегородская губерния / авт.-сост. И. И. Шангина. – 2006. – 412 с. : ил., портр.

Т. 5 : Вологодская губерния, часть 1 : Вельский и Вологодский уезды / авт.-сост. Т. А. Зимина. – 2007. – 624 с. : ил.

Т. 5 : Вологодская губерния, часть 2 : Грязовецкий и Кадниковский уезды / авт.-сост.: Е. Л. Мадлевская, Е. Г. Холодная. – 2007. – 840 с. : ил.

Т. 5 : Вологодская губерния, часть 3 : Никольский и Сольвычегодский уезды / авт.-сост.: Д. А. Баранов, О. Г. Баранова. – 2007. – 684 с. : ил.

Т. 5 : Вологодская губерния, часть 4 : Тотемский, Устьсысольский, Устюгский и Яренский уезды / авт.-сост.: Т. А. Зимина, О. Н. Фонякова. – 2008. – 808 с. : ил.

Т. 6 : Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии / сост. Д. А. Баранов [и др.]. – 2008. – 600 с. : ил., портр.

Т. 7 : Новгородская губерния, часть 1 : Белозерский, Боровичский, Демянский, Кирилловский и Новгородский уезды / сост. О. Г. Баранова [и др.]. – 2011. – 504 с. : ил.

Т. 7 : Новгородская губерния, часть 2 : Череповецкий уезд / сост.: И. И. Шангина, Т. А. Зимина. – 2009. – 624 с. : ил.

Т. 7 : Новгородская губерния, часть 3 : Череповецкий уезд / сост.: Т. А. Зимина, О. Н. Фонякова. – 2009. – 592 с. : ил.

Т. 7 : Новгородская губерния, часть 4 : Тихвинский уезд, комментарии и указатели / сост. О. Г. Баранова [и др.]. – 2011. – 512 с. : ил.

Работа корреспондентов была оплачиваемой. Стоимость рукописи зависела от качества информации и точного соблюдения всех правил оформления. Одна оригинальная рукопись могла стоить от 15 до 30 рублей за текст, включавший в себя 35000 букв, копии с документов оценивались суммой от 5 до 10 рублей с одного печатного листа. Гонорары высылались авторам незамедлительно после принятия рукописи. Учитывая масштабы работ, содержание «Этнографического бюро» обошлось князю в сумму около 200 000 рублей – достаточно большие деньги для рубежа XIX–XX вв. Данная форма работы не была новой для Российской империи, но новшеством стала как раз коммерческая форма организации труда.

Что касаемо Вологодской губернии, основными респондентами по ней были представители духовенства, люди, получившие образование в духовной семинарии, в основном это были мужчины. Среди предоставивших данные присутствуют представители интеллигенции: учителя, врачи, ветеринары, а также и деятели культуры: историк-краевед, владелец книжных магазинов, меценат и другие.

Материалы по Вологодской губернии опубликованы в 4 томах и могут являться источником по вопросам культуры, быта, общественных отношений, традиций, образования, религии, экономики и многим другим, так как ответы опрашиваемых обширны и затрагивают самые разные аспекты жизни крестьянина последней трети XIX века.

Каждый том снабжен вступительной статьей, комментариями, указателем географических названий, встречающихся в тексте, тематическим указателем в соответствии с рубрикацией «Программы» В.Н. Тенишева, списком корреспондентов с указанием их профессии, места жительства и местности, в которой собиралась информация. В результате деятельности «Этнографического бюро» был собран комплекс материалов, отражавших самые различные аспекты крестьянской жизни: социальную организацию, хозяйственную деятельность, имущественные и правовые отношения, социальные и семейно-брачные отношения, обряды жизненного цикла. Корреспонденты информировали о структуре сельской общины и управлении ею через выборные должности и сельские сходы, показывали, как она осуществляла свои основные функции. Современные исследователи могут найти здесь ответы на многие интересующие их вопросы о жизни русского общества последней трети XIX века.

Литература

1. Программа этнографических сведений о крестьянах Центральной России, составленная князем В.Н. Тенишевым на основании соображений, изложенных в его книге «Деятельность человека» СПб., 1897. Изд. второе, исправленное и дополненное // Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро князя В.Н. Тенишева (На примере Владимирской губернии) / авт.-сост: Б.М. Фирсов, И.Г. Киселева. СПб., 1993. 472 с.

2. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Т. 5: Вологодская губерния / [составители: Т. А. Зимина, И. И. Шангина]. Ч. 1, Вельский и Вологодский уезды. – 2007. – 624 с.

3. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Т. 5: Вологодская губерния / [составители: Е. Л. Мадлевская, Е. Г. Холодная]. Ч. 2, Грязовецкий и Кадниковский уезды. – 2007. – 840 с.

4. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Т. 5: Вологодская губерния / [составители: Д. А. Баранов, О. Г. Баранова]. Ч. 3, Никольский и Сольвычегодский уезды. – 2007. – 684 с.

5. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Т. 5: Вологодская губерния / [составители: Т. А. Зимина, О. Н. Фонякова]. Ч. 4, Тотемский, Устьсысольский, Устюгский и Яренский уезды. – 2008. – 807 с.

6. Токарев С.А. История русской этнографии (Дооктябрьский период). М., 1966. – 453 с.

---

[1] Токарев С.А. История русской этнографии (Дооктябрьский период). М., 1966. С. 400.

[2] Токарев С.А. История русской этнографии (Дооктябрьский период). М., 1966. С. 403.

[3] Программа этнографических сведений о крестьянах Центральной России, составленная князем В.Н. Тенишевым на основании соображений, изложенных в его книге «Деятельность человека» СПб., 1897. Изд. второе, исправленное и дополненное // Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро князя В.Н. Тенишева (На примере Владимирской губернии) / авт.-сост: Б.М. Фирсов, И.Г. Киселева. СПб., 1993. С. 363-364.

Д.А. Гуторова

ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ПЛАНЫ ВОЛОГДЫ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Город Вологда имеет почти тысячелетнюю историю. Он никогда не подвергался тотальной перестройке. Все его районы сформировались в процессе исторического развития, поэтому очень важно рассмотреть историю городской планировки. Именно генеральные планы дают комплексное представление о том, как шло развитие города и формирование его территории.

Генеральный план – это основной градостроительный документ, определяющий перспективы развития города на длительный срок. Подготовка генерального плана поселения, генерального плана городского округа может осуществляться применительно к отдельным населенным пунктам, входящим в состав поселения, городского округа, с последующим внесением в генеральный план изменений, относящихся к другим частям территорий поселения, городского округа. Подготовка генерального плана и внесение в генеральный план изменений в части установления или изменения границы населенного пункта могут также осуществляться применительно к отдельным населенным пунктам, входящим в состав поселения, городского округа[1].

В 1763 г. был издан указ «О сделании всем городам, их строению и улицам специальных планов по каждой губерние особо»[2]. В результате этого указа провели топографическую съемку Вологды и составили план существующего города. На основе этого плана в 1780 г. был составлен проектный план губернскому городу Вологде. План представили на рассмотрение комиссии для устройства Петербурга, Москвы и других городов России. 24 февраля 1781 г. план губернскому городу Вологде был утвержден Екатериной II[3].

При составлении плана Вологды в 1780 г. соблюдалась определенная преемственность в планировке и застройке города. Сохранились каменные стены и башни кремля времён Ивана Грозного. Восточная стена проходила по Гостинодворской площади, а часть западной стены располагалась по Петербургской улице. По Большой Дворянской и Петербургской улицам шли крепостные рвы от реки Золотухи до реки Вологды.

Композиционным центром города была принята территория кремля с собором Софии. Соборная площадь сохранялась как административная площадь кремля: на его территории предусматривалось организовать ад-

министративный и торговый центр города. Здесь были запроектированы кварталы для присутственных мест и прочих казенных и публичных каменных строений. Два квартала вдоль восточной стены кремля (по улице Мира) отводились для каменных домов с лавками.

Криволинейные улицы старого города были ликвидированы. Улицы Вологды образовали четкую прямоугольную систему, пересекаемую тремя радиальными улицами. Центральная улица – Пятницкая (Мальцева) – замыкается Софийским собором. Восточная радиальная улица идет от Соборной площади по Большой Благовещенской улице и Глинковской набережной (ул. Мира). Петербургская улица (ул. Ленинградская) стала западной радиальной улицей. По новому плану магистральными становились Рощенская, Новинковская, Парадная Гостинодворская, Громовская, Константиновская, Мостовая и Еремеевская улицы. Последние две соединялись с Соборной площадью мостом через р. Вологду[4].

Город делился на три территориально-административные единицы – городские участки, границами которых служили реки Золотуха и Вологда. В каждом участке было выстроено каменное здание полицейской и пожарной частей – каланча, на верхней площадке которой круглые сутки стоял дежурный. Каланча первого участка находилась на углу современных улиц Козленской и Пушкинской (здание не сохранилось), второго участка – на берегу р. Вологды в самом начале Малой Архангельской улицы (ныне – Маяковского; здание сильно перестроено), третьего участка – на углу Большой Архангельской (Чернышевского) и Леонтьевской (Горького) улиц[5].

Городским административным центром была Сенная площадь (ныне пл. Революции). На ней находилось здание городской думы, четыре храма и несколько гостиниц. На Плац-Парадной площади (Кировский сквер) сложился губернский центр. Здесь был дом губернатора, мужская гимназия, реальное училище, духовная семинария. Губернские присутственные места, располагавшиеся ранее в этом районе, в середине XIX века получили новое здание по Покровской (С. Орлова) улице на берегу р. Вологды (нынешнее здание ВоГУ, корпус № 7).

С именем П.Т. Бортникова связано создание нового архитектурного облика Вологды конца XVIII в. До него (после учреждения наместничества) был выстроен только «дворец с домовой церковью» для генерал-губернатора А.П. Мельгунова. Бортникову сразу пришлось заняться составлением проектов и наблюдением за строительством[6].

Перенесение утвержденного плана в натуру началось с 1786 г., но развернулось только после 1789 г. и велось в последующие годы усилен-

ным темпом. К середине 1790-х годов центр города совершенно преобразился: был создан ансамбль торговых сооружений у Каменного моста и закончена застройка Плац-парадной площади. Увеличилось количество каменных жилых домов. К 1794 г. из общего числа 1 559 домов все 34 каменных и 279 деревянных отвечали требованиям генерального плана. Некоторые здания были закончены уже после смерти Бортникова, умершего 8 октября 1791 г.[7] 26 декабря 1806 г. губернским архитектором назначен Иван Андреевич Фохт. Он работал губернским архитектором в Вологде около 20 лет, но с перерывом примерно в 3 года.

В 1820-х и 1830-х гг. были проведены значительные работы по благоустройству: засыпаны многочисленные болота и пруды, и на площадях, предусмотренных на этих местах, отведены участки под застройку. По южной и западной границам бывшего детинца устроены широкие бульвары (современные Октябрьская и Ленинградская ул.), на Сенной площади разбит сад.

В 1869 г. был составлен «план настоящего расположения губернского города Вологды и предполагаемого урегулирования и распространения». На основе его был создан «план вновь проектируемого расположения Вологды», который и был утвержден в 1871 г.[8] В черту города вошла теперь вся застройка, вытянувшаяся по левому берегу р. Вологды около Архангелогородской дороги. На местах осушения топей и на пустырях были отведены участки под строительство; во Фрязиновой слободе появились дополнительные проезды и улицы. Около р. Золотухи по обе стороны Каменного моста были запроектированы новые кварталы.

Несколько лет после революции 1917 г. город застраивался по Генеральному плану 1871 г., но уже в 1923 г. застройка выходит за пределы городской черты. В усадьбе Ковырино начинается строительство посёлка-сада «Октябрьский», и в 1926 г. его территория включается в городскую черту[9]. А развернувшееся в 1934–1938 гг. промышленное строительство (судоремонтные мастерские, Льнокомбинат) поставило вопрос о составлении нового проекта планировки города.

В 1938–1939 гг. Ленинградское отделение «Гипрогора» (Государственного института проектирования городов, авторы – архитекторы Ю.М. Киловатов и А.Г. Николаев) разработало новый генеральный план города Вологды, предусматривающий дальнейшее развитие города с численностью населения в 240 тыс. жителей, который 31 марта 1941 г. был рассмотрен и одобрен коллегией Наркомата коммунального хозяйства РСФСР и направлен на утверждение СНК РСФСР, но развернувшиеся военные действия с Германией задержали его утверждение[10].

Данный генеральный план предусматривал территориальное развитие города в южном и юго-западном направлениях, за железной дорогой, с освоением незастроенных территорий в сторону Октябрьского посёлка, совхоза Осаново и посёлка Льнокомбината[11].

Основными городскими центрами становились:

а) Общегородской, в составе новой площади с домом Советов у кремля и существующих: Советской (Кировский сквер) и Революции;

б) Заречного района: у излучины реки Вологды, напротив речного вокзала;

в) Южного района: на пересечении главной кольцевой магистрали с магистралью на продолжении набережной Свободы (ул. Мира)[12].

В соответствии с указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 15 июня 1942 г. в Вологде было образовано три административных района: Сталинский, Октябрьский и Молотовский, с подчинением исполкомов этих районов непосредственно исполкому Вологодского городского совета депутатов трудящихся[13].

Несмотря на то что из-за войны данный план так и не был утвержден, застройка города велась по указанному проекту.

В 1961–1962 гг. «Ленгипрогор» (автор архитектор А.Г. Николаев) разработал новый проект планировки и застройки г. Вологды, который был утвержден Советом министров РСФСР 19 февраля 1964 г. Этот проект имел ту же расчетную численность населения, что и генеральный план 1939 г. Но вскоре потребовался его пересмотр, вызванный бурным ростом города и строительством двух крупных заводов: Государственного подшипникового завода № 23 и намечаемого трубного завода с промышленной станцией железной дороги. Кроме того, резко увеличилось население города в связи с пуском заводов машиностроительной и легкой промышленности, реконструкцией и расширением существующих промышленных предприятий и транспорта[14].

В 1972 г. «Ленгипрогор» (автор – архитектор З.И. Костко) составил новый генеральный план развития города – на 1980 год и на 25 лет. Численность населения на расчетный срок принята в 400 тыс. человек. План, одобренный Вологодским горисполкомом и облисполкомом, утвержден Советом министров РСФСР 8 октября 1976 г.

Сложившаяся планировка города, построенного по плану 1781 г., была сохранена. Не изменился общегородской центр с его архитектурными и историческими памятниками, расположенными на обоих берегах реки Вологды. В состав общегородского центра была включена территория кремля Ивана Грозного XVI века, улицы Жданова и Пушкинская до

улицы Герцена, площадь Революции, улица Ленина, Советская площадь, Советский проспект с площадью речного вокзала.

Генеральный план предусматривал дальнейший рост промышленности города как за счет строительства новых предприятий, так и за счет реконструкции существующих. Предусматривалось строительство и реконструкция предприятий легкой и пищевой промышленности, промышленности строительных материалов, заводов железобетонных изделий и конструкций и домостроительных комбинатов.

Застройка города по новому генеральному плану должна была идти в южном и западном направлениях с созданием четырех планировочных районов. Центральный район расположился на правом берегу реки Вологды, между рекой и железной дорогой; Заречный – на левом берегу реки Вологды; Южный – к югу от железной дороги с поселками льнокомбината, Завокзального, Медуницыно и Октябрьского; Западный – к западу от железной дороги с поселками Григорьевское, Лукьяново, Ершово и Слобода[15].

Общественный центр города остался на территории исторически сложившегося центра. В нем разместились административные здания, театры, музеи, выставочные залы, библиотеки, торговый центр, универмаги, магазины, рестораны.

Река Вологда с ансамблями, сложившимися на ее берегах, осталась главной композиционной осью. Кремль и Софийский собор с колокольней являются основной высотной доминантой города, кремль – центром композиционного ядра.

Улица Мира осталась главной улицей города. На ней были построены два девятиэтажных дома, предусматривалось возведение десяти- и двенадцатиэтажных домов.

Были предусмотрены территории для строительства больниц, высших и средних специальных учебных заведений, стадионов, общественных центров в промышленных районах. Центральный парк культуры и отдыха намечалось развернуть на пойме реки Вологды, включая территорию парка Мира, здесь же были размещены пляжи, лодочная станция и другие парковые сооружения[16].

Сравнивая все проекты планировки города, как дореволюционные, так и советских времен, можно отметить тот факт, что во всех планах главным центром города всегда оставалась Кремлевская площадь с Софийским собором, являясь при этом композиционным центром и высотной доминантой Вологды. Также можно отметить то, что в территорию центра включалась не только площадь, но территория кремля времен Ивана Грозного.

Таким образом, в генеральных проектах прослеживается определенная тенденция к сохранению исторического центра с его застройкой и исторических районов (Заречье, Верхний Посад, Нижний Посад).

---

[1] Генеральные планы [Электронный ресурс] / ОАО Российский институт градостроительства и инвестиционного развития. Режим доступа: http://www.giprogor.ru/ru/taxonomy/term/3
[2] Полное собрание законов Российской империи 1. Т. 16, № 11883.
[3] ГАВО. Ф. 4722. Оп. 1. Д. 5. Л. 17.
[4] План губернскому городу Вологде [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://nason.ru/plangorodu/
[5] Стариков Е.А. Вологда в конце XIX – начале XX века (Заметки о населении, городском хозяйстве и быте) [Электронный ресурс] / Е. Стариков. Режим доступа: http:// www. booksite.ru/fulltext/1vo/log/da/10.htm
[6] Фехнер М. В. Вологда / М. В. Фехнер. М., 1958.
[7] Там же.
[8] Там же.
[9] Соколов В. И. Вологда: История строительства и благоустройства города [Путеводитель для туристов] / В.И. Соколов. Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1977.
[10] ГАВО. Ф. 4722. Оп. 1. Д. 5. Л. 18.
[11] Там же. Л. 104.
[12] Там же. Л. 105.
[13] Там же. Д. 13. Л. 19.
[14] Соколов В. И. Вологда: История строительства и благоустройства города [Путеводитель для туристов] / В.И. Соколов. Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1977.
[15] Там же.
[16] Там же.

В.П. Мясников

КОРНИ РОДА ВОЛОГОДСКИХ ПРЕДВОДИТЕЛЕЙ ДВОРЯНСТВА КАСАТКИНЫХ ПО ДОКУМЕНТАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Среди вологодских (в широком смысле слова) предводителей дворянства второй половины XIX в. заметное место занимают представители рода Касаткиных. Александр Михайлович Касаткин возглавлял дворянство Кадниковского уезда в течение 16 лет: часть трёхлетия с 1850 г. и трёхлетия с 1853 (благодаря отвлечению значительных сил дворянства службой в рядах созданного во время Крымской войны 1853–1856 гг. Государственного подвижного ополчения превратилось в четырёхлетие),

1857, 1860, 1863 и 1866 гг. (с 1852 по 1869 гг.). За службу в пору предводительства удостоился орденов: Святой Анны 3-й степени (26 марта 1857 г.), Святого Станислава 2-й степени (30 июня 1862 г.), Святого Владимира 4-й степени, Святого Станислава 2-й степени с императорскою короною (16 июля 1865 г.), Святой Анны 2-й степени (12 июля 1868 г.), Святой Анны 2-й степени с императорскою короною (3 февраля 1870 г.)[1].

А.М. Касаткина есть все основания причислять к видным местным деятелям времён Великих реформ Александра II. Душой кадниковского общества он предстаёт в опубликованной в «Вологодских губернских ведомостях» за 1864 г. большой заметке об обеде, данном в его честь, по подписке, в предвкушении земской реформы, в Кадниковском общественном собрании 25 марта, в день Благовещения Пресвятой Богородицы. В частности, в заметке сказано: «Несмотря на то, что городок наш и мал, и далек от обеих столиц, важность общественных интересов и у нас, вдали на Севере, проявляется общим сочувствием и выражается единодушным порывом благодарности тем честным деятелям, которые и своим умом, и своим безупречным служением истине и правде представляют пример и залог благосостояния среды, на которую распространяется их благотворное влияние. Пользуясь благодетельными реформами Царя-Освободителя, общество наше не задумалось долго искать достойного исполнителя Монаршей воли; оно смело вверило свои надежды, выгоды и интересы всеми любимому и уважаемому предводителю нашему Александру Михайловичу Касаткину. Его полезная деятельность, его неутомимые труды, его многостороннее знание, его правда и уважение к истине ручались за нашу общую пользу, за наше общее благосостояние, и надежды наши вполне оправдались. Недаром же в это трудное переходное время, А. М. избран, на четвертое трехлетие представителем нашего дворянства. Глубоко чувствуя его благотворное влияние на общество, мы дворяне и чиновники Кадниковского уезда, 25 марта единодушно согласились выразить достойному представителю нашему благодарность, которою переполнены наши сердца»[2].

Иной взгляд на А.М. Касаткина содержится в воспоминаниях общественного деятеля Л.Ф. Пантелеева и в работе А.З. Цинмана. Так, Л.Ф. Пантелеев писал: «Если вам придется встретить Александра Михайловича Касаткина, прислушайтесь – чистый якобинец, когда заговорит о правительстве: у него, видите ли, отняли крестьян, да еще заставили землю им дать; и хотя он отвел им болота, но кричит, что его ограбили»[3]; «Консерваторы, с А.М. Касаткиным во главе, утверждали, что надел крестьян землею – это транспроприация, что редакционные комис-

сии, сплошь состоящие из *красных* (выделено в публикации. – *В. М.*), именно ее и добивается (так в публикации. – *В. М.*), т.е. прямого грабежа помещиков…»[4]. Как о члене Вологодского дворянского губернского комитета по устройству быта помещичьих крестьян об А.М. Касаткине у А.З. Цинмана читаем: «Наиболее типичным представителем «большинства» Вологодского дворянского комитета был кадниковский уездный предводитель дворянства Касаткин. Касаткин усиленной эксплуатацией крестьян, как отмечает вологодский губернатор, сумел «удвоить или утроить доставшееся ему имение от отца». Боязнь не найти вольнонаемных крестьян для обрабатывания земель приводила к тому, что он выступал противником реформы. «Под влиянием Касаткина находился и губернский предводитель дворянства Баграков»[5].

Следом за отцом Александром Михайловичем Касаткиным предводителем дворянства стал сын Владимир. Владимир Александрович Касаткин находился во главе дворянства Вологодского уезда вторую половину трёхлетия с 1884-го, трёхлетие с 1887-го, бóльшую часть трёхлетия с 1890-го и менее года в трёхлетие с 1893 г. (с 1885 по 1892 гг. и в 1893 г.) и во главе дворянства всей Вологодской губернии последний год трёхлетия с 1890-го и два года в трёхлетие с 1893 г. как исправляющий должность губернского предводителя дворянства, и трёхлетие с 1896-го, и бóльшую часть трёхлетия с 1899 г. как занимающий эту должность (с 1892 по 1893-й и с 1893 по 1901 гг.). Служба по дворянским выборам В.А. Касаткина была отмечена орденами: Святого Станислава 2-й степени (30 августа 1887 г.), Святой Анны 2-й степени (30 августа 1892 г.) и Святого Владимира 4-й (17 декабря 1894 г.) и 3-й (6 декабря 1895 г.) степеней – и чинами: статского советника (15 ноября 1894 г. утверждён с 29 августа 1894 г.) и действительного статского советника (6 декабря 1899 г.). С деятельностью в качестве предводителя дворянства совмещал руководство Вологодской губернской земской управой (занимал должность председателя управы трёхлетие с 1891-го и часть трёхлетия с 1894 г. до 1896 г.)[6].

Солидное общественное положение Александра Михайловича и его сына Владимира Александровича Касаткиных в местном мире способно вызвать определённые иллюзии касательно социального статуса их ближайших предшественников в роду. Но вопреки возможным ожиданиям в случае с ними, с отцом Александра Михайловича и дедом Владимира Александровича Михайлом Матвеевичем и дедом первого и прадедом последнего Матвеем Ивановичем Касаткиными, в свете выявленных доку-

ментов нет возможности даже говорить о принадлежности к дворянскому сословию от рождения, как, впрочем, и о вологодском происхождении.

Вологодскій губернскій предводитель дворянства,
статскій совѣтникъ,
Владиміръ Александровичъ Касаткинъ.
ФОТОТИПІЯ А. И. ВИЛЬБОРГЪ С.П.Б. МѢЩ. 19.

(опубл. в: Дворянский адрес-календарь на 1897 год /
изд. Н.В. Шапошникова. С.-Петербург, 1896)

В дворянскую родословную книгу Вологодской губернии «род фамилии Косаткина» удостоился внесения по представлении Матвеем Ивановичем Касаткиным или, как видим в документах того времени, Матвеем Ивановым сыном Косаткиным патента на чин прапорщика, обер-офицерский военный чин низшего класса, и копии послужного списка, засвидетельствованной в Вологодском губернском правлении, в соответствии с журнальным определением дворянского депутатского собрания от 19 января 1814 г. По силе предъявленных документов на основании ст. 78 Жалованной грамоты на права, вольности и преимущества благородному Российскому дворянству от 21 апреля 1785 г. записали во 2-ю часть книги[7]. Статья же 78 гласит: «Во вторую часть родословной книги внесут роды военнаго дворянства по алфавиту». Под статьёй приведено толкование: «Военное дворянство не иные суть роды, как те, о коих в

имянном указе блаженной и вечнодостойной памяти Государя Императора ПЕТРА ПЕРВАГО 1721 года Генваря 16 дня узаконено сими словами: Все Обер-Офицеры, которые произошли не из дворянства, оные и их дети и их потомки суть дворяне, и надлежит им дать патенты на дворянство»[8].

Социальный облик Матвея Ивановича Касаткина достаточно чётко обрисован со ссылкой на копию его послужного списка в протоколе Вологодского дворянского депутатского собрания о внесении «рода фамилии Косаткина» в дворянскую родословную книгу от 19 января 1814 г.: «…в службу он вступил из семинарии Святотроицкой Сергиевой лавры в Московскую межевую канцелярию копеистом 1767, апреля 26. В Вологодскую межевую кантору произведен подканцеляристом 1770. Переславля Залесскаго межевою канторою произведен канцеляристом 1772. Межевою канцеляриею переименован из канцеляристов в помошники 1772. Оною ж произведен в должность землемера 1779. Переведен из Тверской межевой канторы в Вологодскую губернию уездным землемером 1780, июня 11. Правительствующаго Сената Межевою експедициею произведен от армии прапорщиком 1785, марта 18. Подпорутчиком 1792, декабря 14. Переименован из подпорутчиков в коллежские протоколисты 1797, апреля 22. Правительствующаго Сената Межевым департаментом произведен титулярным советником с заслугою одного года 1797, декабря 31. По состоявшемуся штату из уездных землемеров выбыл 1800, мая 1. Правительствующим Сенатом определен Вологодской губернии в город Кадников камисаром 1800, августа 8. Выбыл 1801, сентября 18. Правительствующаго Сената Межевым департаментом определен Вологодской губернии в город Тотьму уездным землемером 1802, генваря 28»[9]. В приведённом фрагменте М.И. Касаткин предстаёт небольшого веса чиновником из семинаристов.

Спустя менее года после принятия Вологодским дворянским депутатским собранием по объявлению Матвея Ивановича Касаткина решения о внесении в дворянскую родословную книгу «рода фамилии Косаткина» в то собрание вошло от него новое объявление. М.И. Касаткин ввиду того, что по предъявленным доказательствам состоялось внесение его в дворянскую родословную книгу с выдачей грамоты на дворянство и у него был только один сын титулярный советник Михаил, рождённый ещё до получения им обер-офицерского чина, прибегнув к п. 19 ст. 92 Жалованной грамоты на права, вольности и преимущества благородному Российскому дворянству от 21 апреля 1785 г., просил о внесении в дворянскую родословную книгу сына и «род ево»[10]. В п. 19 ст. 92 сказано: «В табели о рангах 1722 года Генваря 24 дня в 15 пункте узаконено сими

словами: Воинским чинам, которые дослужатся до Обер-Офицерства не из дворян, то когда кто получит вышеписанной чин, оной суть дворянин и его дети, которые родятся в Обер-Офицерстве; а ежели не будет в то время детей, а есть прежде, и отец будет битьчилом, тогда дворянство давать и тем только одному сыну, о котором отец будет просить; прочие же чины как гражданские, так и придворные, которые в рангах не из дворян, оных дети не суть дворяне»[11]. Вследствие внесения М.И. Касаткина в дворянскую родословную книгу, во 2-ю часть, и во уважение его прошения в декабре (журнал датирован 10 декабря, протокол – 7) 1814 г. Вологодское дворянское депутатское собрание определило «взнесть» сына его в дворянскую родословную книгу, во 2-ю часть[12]. Вскоре, 9 марта 1817 г., вследствие объявления самого Михайлы Матвеевича Касаткина (или, в духе того времени, Михайлы Матвеева сына Касаткина, или Косаткина) собрание, на основании приложенного к объявлению патента на полученный им незадолго перед этим в качестве награды при отставке чин коллежского асессора, гражданский чин VIII класса по Табели о рангах, приняло решение о внесении его в 3-ю часть дворянской родословной книги, о чём и появился соответствующий протокол[13]. В Жалованной грамоте на права, вольности и преимущества благородному Российскому дворянству от 21 апреля 1785 г. 3-й части дворянской родословной книги посвящена ст. 79: «В третью часть родословной книги внесут роды осьмикласнаго дворянства по алфавиту». Статья снабжена толкованием: «Осмикласное дворянство не иные суть роды, как те, о коих в табели о рангах блаженной и вечнодостойной памяти Государя Императора ПЕТРА ПЕРВАГО 1722 года Генваря 24 дня в 11 пункте узаконено сими словами: Все служители Российские или чужестранные, которые осьми первых рангов находятся или действительно были, имеют оных законные дети и потомки в вечныя времена лучшему старшему дворянству во всяких достоинствах и авантажах равно почтены быть, хотя бы они и низкой породы были, и прежде от коронованных глав никогда в дворянское достоинство произведены или гербом снабдены не были»[14].

Как видим, род Касаткиных в круг представительных местных дворянских родов вошёл довольно поздно, уже под конец существования дворянской империи в России. Выход на первый план в дворянском мире Вологодской губернии представителей этого рода в середине XIX в. выступает ярким свидетельством того, что с течением времени родовой состав верхнего слоя дворянства Вологодской губернии претерпевал определённые изменения, отражавшие, в частности, процесс размывания старого дворянства новым (вчерашними семинаристами и др.).

[1] Для полноты картины укажем: Александр Михайлович Касаткин родился около 1817 г. Получил образование в Морском кадетском корпусе, куда поступил в кадеты 18 апреля 1832 г. Во время обучения 31 декабря 1833 г. стал гардемарином, а 16 декабря 1834 г. – унтер-офицером. Из корпуса выпущен мичманом 21 декабря 1835 г. Состоя на военно-морской службе, 30 марта 1841 г. удостоился производства в чин лейтенанта. 2 декабря 1842 г. по прошению уволен в отставку по домашним обстоятельствам с награждением чином капитан-лейтенанта. В бытность на военно-морской службе сделал три шестимесячные кампании в Балтийском море. Вернулся на службу уже только вследствие принятия обязанностей по должности кадниковского уездного предводителя дворянства по статусу кандидата на эту должность в июле 1852 г. (утверждён 26 августа 1852 г.). В годы подготовки отмены крепостничества входил в состав Вологодского дворянского губернского комитета по устройству быта помещичьих крестьян по выбору дворянства (член по Кадниковскому уезду) с 21 октября 1858 г. по 21 апреля 1859 г., в связи с чем во исполнение именного указа, данного Правительствующему сенату 17 апреля 1861 г., и получил серебряную медаль «За труды по освобождению крестьян». По должности кадниковского уездного предводителя дворянства председательствовал в уездном мировом съезде. Как председатель уездного мирового съезда 6 января 1867 г. награждён серебряным знаком отличия «За введение Положения 26 Июня 1863 года» (имеется в виду высочайше утверждённое 26 июня 1863 г. «Положение о крестьянах, водворенных на землях имений Государевых, дворцовых и удельных»). С высот предводительства свергнут (на наш взгляд, слово отражает суть произошедшего) в 1869 г. (ему на смену пришёл Александр Александрович Межаков, представитель одного из знаковых местных родов – рода Межаковых). Впоследствии входил в круг почётных мировых судей по Вологодскому (трёхлетия с 1873, 1882, 1885 и 1888 гг. и часть трёхлетия с 1891 г.) и Кадниковскому (трёхлетие с 1873 г.) уездам.
Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф. 14. Оп. 2. Д. 16. Л. 311–314; Ф. 15. Оп. 1. Д. 700. Л. 4 об., 7–9 об., 16; Ф. 31. Оп. 1. Д. 1186. Л. 252–252 об., 271–275, 278–279, 330, 333–337, 363, 408; Ф. 85. Оп. 1. Д. 10. Л. 257–260; Д. 16. Л. 147–152; Ф. 686. Оп. 1. Д. 1. Л. 2; Вологодские губернские ведомости (далее – ВГВ). 1852. № 39. Отд. 2. Ч. офиц. С. 369; 1858. № 40. Ч. неофиц. С. 371; 1861. № 25. Отд. 1. С. 223; 1862. № 29. Ч. офиц. С. 197; 1865. № 36. С. 331; 1868. № 34. С. 343–344; 1870. № 24. С. 238; 1873. № 38. С. 2; 1876. № 51. С. 2; № 62. С. 1; 1883. № 15. С. 2; 1885. № 28. С. 5; 1886. № 15. С. 1; 1888. № 33. С. 6; 1889. № 13. С. 2; 1891. № 31. С. 5; 1892. № 8. С. 2; 1894. № 8. С. 2; Очерк истории Морского кадетского корпуса с приложением списка воспитанников за 100 лет / сост. Ф. Веселаго. Санктпетербург, 1852. С. 98 (2-я паг.).
[2] ВГВ. 1864. № 18. Неофиц. ч. С. 60.
[3] Пантелеев Л. Ф. Воспоминания / [вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. А. Рейсера]. [Москва; Ленинград], 1958. С. 305.
[4] Пантелеев Л. Ф. Из недавнего прошлого Вологды. (Писано в конце прошлого года) // Известия Вологодского Общества изучения Северного Края. Вып. 4. Вологда, 1917. С. 33.
[5] Цинман А. З. Подготовка отмены крепостного права в Вологодском губернском комитете // Вологодский край. Вып. 3. [Вологда], 1962. С. 292.
[6] ГАВО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 1354. Л. 1–54; ВГВ. 1892. № 6. С. 2; № 37. С. 2; 1895. № 1. С. 2; № 11. С. 4; № 20. С. 1; № 50. С. 3; 1896. № 25. С. 2; 1899. № 269. С. 1.
[7] ГАВО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 5. Л. 15, 16–17, 47 об., 212.
[8] [Указы, манифесты и другие правительственные постановления, объявленные из Государственной Военной коллегии. За 1785 год. В Санктпетербурге, 1786]. № 29.
[9] ГАВО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 5. Л. 16–16 об.

[10] ГАВО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 5. Л. 47 об.–48, 212–212 об.
[11] [Указы, манифесты и другие правительственные постановления, объявленные из Государственной Военной коллегии. За 1785 год. В Санктпетербурге, 1786]. № 29.
[12] ГАВО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 5. Л. 47 об.–48, 212–212 об.
[13] ГАВО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 5. Л. 94 об., 310 об.
[14] [Указы, манифесты и другие правительственные постановления, объявленные из Государственной Военной коллегии. За 1785 год. В Санктпетербурге, 1786]. № 29.

Раздел 3

ИСТОРИЯ РОССИИ И РЕГИОНОВ в XX–XXI вв.

А.И. Фурсов

ИСТОРИЯ И КРИПТОИСТОРИЯ

1

Наша конференция посвящена четырём историкам. Я лично знал одного из них – Александра Владимировича Островского – и сотрудничал с ним. Полагаю, А.В. Островский работал в очень интересном и важном направлении, точнее, сразу в нескольких, которые можно объединить в две сферы.

Во-первых, это история хозяйства России в XIX – начале XX в. В 1998 г. А.В. Островский опубликовал работу «Сельское хозяйство Европейской России», основой которой стала его докторская диссертация. За «Сельским хозяйством…» последовали «Зерновое производство Европейской России в конце XIX – начале XX в.» и «Животноводство Европейской России». Этот триптих в свою очередь стал основой фундаментального труда «Российская деревня на историческом перепутье. Конец XIX – начало XX в.».

В «Российской деревне…» автор вышел за рамки истории хозяйства в узком смысле этого слова и исследовал более широкую проблему – капитализм в пореформенной русской деревне. В монографии на основе огромного эмпирического материала показана реальная картина пореформенной деревни, с одной стороны, и полная неадекватность вульгарно-марксистских и сменивших их после 1991 г. столь же убогих вульгарно-либеральных схем, тщетно пытающихся реанимировать приказавшую долго жить на Западе ещё на рубеже 1960–1970-х годов теорию модернизации. Вопреки вульгарным марксистам А.В. Островский показывает, что капиталистический уклад в русской деревне был мизерным, что процессы социального разложения и разрушения опережали процессы формирования нового. Вопреки вульгарно-либеральным писаниям А.В. Островский показывает провал аграрной модернизации в России; в своё время он и С.А. Нефёдов в статьях подвергли убедительной критике ра-

боту Б.Н. Миронова, который уже многолетне и многотомно пытается доказать успешность модернизации дореволюционной России. Впрочем, на мой взгляд, схема «успешная модернизация России» «снимается» одним вопросом: если такая успешная, то откуда и почему революция? Я уже не говорю о том, что успехом в данном случае оказывается зависимость от иностранного капитала, толкающая к утрате суверенитета.

А.В. Островский большое внимание уделял аграрному перенаселению, что, однако, на мой взгляд, не делает его приверженцем неомальтузианства. В целом его подход вполне марксистский.

А.В. Островский шёл к завершению «сельскохозяйственной трилогии» полтора десятка лет, а если отсчёт вести от докторской диссертации (1990 г.), то четверть века. Однако было бы ошибкой полагать, что всё это время он занимался только сельскохозяйственной проблематикой, отнюдь нет. Александр Владимирович работал как небольшой, но очень эффективный институт в одном лице – и по количеству работ, и, самое главное, по их качеству. За 12 лет он написал 7 блестящих работ, 5 из которых опубликованы. Это: «Кто стоял за спиной Сталина» (вышла тремя изданиями); «Солженицын: прощание с мифом», «Расстрел “Белого дома”. Чёрный октябрь 1993 года» (два издания); «Кто поставил Горбачёва?», «Глупость или измена? Расследование гибели СССР».

Все указанные книги, кроме «1993 год…» – по 600–800 страниц. Но самое главное – жанр, в котором они написаны. Конечно же, это исторические исследования высочайшего уровня научности. В то же время читаются эти работы как политический детектив, автор одновременно и историк, но в ещё большей степени следователь по особо важным историческим делам, приглашающий читателя к участию в расследовании. Блестящее владение фактическим материалом, в том числе добытым лично, великолепная дедукция, строгий анализ и отличная литературная форма – всё это делает работы А.В. Островского выдающимися.

Александр Владимирович не успел опубликовать не только «Русскую деревню», но и ещё две крупные работы: «Самодержавие или конституция» и «История денег в России».

Особый интерес А.В. Островский проявлял к человеческому фактору в истории. Его, как и главного героя (тоже историка по профессии) повести Ю. Трифонова «Другая жизнь», интересовали родственные и личные связи, их роль в исторических событиях. Указанный интерес нашёл отражение и в альманахе «Из глубины времён», который издавался в 1992–2014 гг. (вышло 14 выпусков) и бессменным редактором которого был А.В. Островский, и в проведении конференции «Элита России: де-

ловые и родственные связи», и в организации «Творческой группы по изучению элиты российского общества XIX – начала XX в.», и во многом другом.

Кроме монографий, у А.В. Островского – немалое количество статей, тематика которых столь же широка, как и тематика его книг. Здесь и сельское хозяйство, и социально-политическая история, и элита России начала XX в., и революционное движение (включая Октябрьскую революцию), и многое другое.

Если кто-то решил, что этим наследие А.В. Островского исчерпывается, то он ошибается. За те же 12 лет, когда были написаны толстенные монографии, историк подготовил и опубликовал 5 (!) учебных пособий, справочников и учебников. Это «Универсальный справочник по истории России», «История цивилизации», «История средств связи», «История отечественной связи» и «История мировой и отечественной связи».

2

И вот здесь возникает вопрос: а что общего у историка А.В. Островского и средств связи? Понятно, у связи и средств связи есть история, но как это соотносится с тематикой Александра Владимировича? Ответ прост: с 2007 г. А.В. Островский профессорствовал в Санкт-Петербургском университете телекоммуникаций и помимо истории преподавал там профильный для вуза курс по истории связи. До этого в течение длительного отрезка времени А.В. Островский заведовал кафедрой истории в Санкт-Петербургском гуманитарном университете профсоюзов, откуда был уволен с нарушением закона после конфликта с ректором А.С. Запесоцким. Продемонстрировав не только принципиальный, но и бойцовский характер, А.В. Островский выиграл суд, был восстановлен в должности, после чего перешёл на работу в Университет телекоммуникаций.

Здесь вслед первому вопросу возникает второй: почему известный выдающийся историк преподавал, например, не на истфаке Санкт-Петербургского университета, а в высших учебных заведениях иного профессионального профиля? Я слышал выступления Александра Владимировича, свидетельствую: он был не только блестящим учёным, но и превосходным лектором, умевшим выступать перед любой аудиторией. И тем не менее – университеты профсоюзов и телекоммуникаций. Дело не в том, что это как-то принижает А.В. Островского или указанные вузы – последние вполне достойные учреждения, но первоклассный историк должен работать в главных для своей профессии структурах. Дело в дру-

гом – в расточительном пренебрежении к талантам; эта российская традиция ещё более усилилась после 1991 г. в связи с общим падением уровня профессионализма и идеологизацией – теперь уже антикоммунистической, антисоветской – значительных сегментов обществоведческой науки РФ. Причём гонителями советскости и марксизма очень часто становились вчерашние неистовые ревнители идеологической чистоты с партбилетами в кармане.

А.В. Островский, естественно, не принадлежал к такого сорта публике и брезгливо относился к ней. В том, что касалось принципиальных вопросов, будь то научных или гражданских, Александр Владимирович был довольно резким, позицию свою не скрывал и отстаивал жёстко, как это и должно настоящему учёному и гражданину. Эта принципиальность распространялась и на начальство, и на тех коллег по историческому цеху, которые в угоду начальству, моде или пожеланиям грантодателей занимаются конъюнктурной подтасовкой фактов и цифр, опускаясь до околонаучного жульничества. Кроме того, А.В. Островский не был «стайным человеком», не был «человеком свиты». Он не искал места в иерархии, не заглядывал в рот начальству, не участвовал в «ритуальных плясках» вокруг «вожаков-бабуинов» научных стай, не делал «ку», был самодостаточным, а это редко прощается, причём не только начальством, но и иными коллегами. Время, однако, всё расставляет по своим местам. Начальственные бездари с их «трудами», которые никто не читает (да и написаны они нередко «околонаучной обслугой»), исчезают в глубине времён, тогда как роль и значение настоящих учёных лишь растёт со временем. Это неудивительно: люди такого калибра нередко обгоняют своё время.

3

Приведу лишь один пример. Не так давно несколько англо-американских университетов в сотрудничестве с некоторыми англо-американскими спецслужбами (по инициативе последних) приступили к разработке новой исторической специальности – *investigativehistorian* («историк-расследователь»). Насколько мне известно, уже появился первый учебник. Речь идёт о подготовке специалиста, умело комбинирующего анализ прямых свидетельств с косвенными; анализ событий – с выявлением базовых тенденций (ведь говорил же шеф ЦРУ А. Даллес, что человека можно запутать фактами, но если он видит и понимает тенденции, то всё становится на свои места); анализ структур – с исследованием процессов. Но ведь, собственно, этим и занимался А.В. Островский. Его

работы о Сталине и Горбачёве, Солженицыне, об октябрьском расстреле 1993 г. – из этой области. Я знаю ещё нескольких исследователей такого «профиля», не случайно к ним проявлен такой интерес из-за океана.

Историк-расследователь переводит исследование из сферы явлений в сферу сущностей, из истории – в криптоисторию, т.е. в ту зону, которую тщательно оберегают «сильные мира сего», поскольку реальная власть – это тайная власть, а вовсе не то, что изучают политологи: согласитесь, есть разница между настоящим очагом и тем, что нарисован на холсте, чтобы скрыть потайную дверцу в мир реальной истории, т.е. криптоистории.

Эйнштейн восклицал: что может быть практичнее хорошей теории? Действительно, теоретический анализ социальных систем с точки зрения второго (главного, реального) контура их власти позволяет вскрыть их уязвимые точки, места сокрытия их «кощеевой смерти». Этим тоже занимается криптоистория как *investigativehistory*. Только один пример.

В 2003 г. под руководством К. Литару в США стартовал проект GDELT. Его участники, используя современные методы математико-статистического анализа, на основе огромного эмпирического материала («больших данных» – BigData) анализировали вероятность исторических изменений для основных стран современного мира (США, Великобритания, Франция, Германия, Россия, Китай, Япония) в 1801–2005 гг. Вероятная статистическая последовательность исторических событий должна была выявить закономерности («необходимости»), вероятности и случайности в развитии анализируемых Больших систем; при этом особое внимание уделялось фазам кризисов, трансформаций.

Это понятно: в условиях разбалансировки системы (реформы, кризис, война, революция) в ней, как правило, нарастают колебательно-хаотические процессы. Это, в свою очередь, приоткрывает, а иногда просто открывает систему для внешнего воздействия. Нередко этому способствует то, что власти пытаются решить проблемы с помощью привлечения внешних источников, а следовательно, – внешних сил (Россия при Николае II, СССР при Горбачёве). В результате система приобретает сверхнормальную, избыточную для неё открытость, которая не контролируется ею. Вследствие этого она начинает развиваться не только, а со временем и не столько по собственным закономерностям, сколько по внешним, чужим. Внешняя сила сначала становится «посторонним притягивающим фактором», а затем, интериоризируясь, перестаёт быть только внешним, а превращается во внутренне-внешний. В этом случае, как заметил О. Маркеев, происходит мощное вторжение в систему извне, совершенно чуждая системе сила использует её как поле для самореализации.

Этот эффект «Чужого» очень важен. Под его воздействием в системе начинают происходить события и процессы или возникать явления, вероятность которых для данной системы в её нормальном, «чистом» виде крайне мала, а потому внутреннему наблюдателю они кажутся случайными. А далее «случайности» нарастают: согласно теории Бромли, любое явление, чья вероятность мала, раз возникнув, порождает цепочку явлений одной с ним природы, расшатывая норму системы, а вместе с ней и систему. Если же вдобавок мы имеем дело с явлениями, наведёнными «внутренне-внешними» факторами, то ситуация внешне начинает представляться нарастающей чередой невероятных событий.

Заинтересованные игроки камуфлируют такого рода событийные блоки двояким, причём противоположным образом. Одни пытаются представить их совершенно объективными и закономерными для данной системы, якобы заложенными в неё как возможность, потенция, реализующаяся в определённых условиях. На самом деле перед нами действительно нечто объективное и закономерное, но продиктованное вторгшейся в данную систему чужой или даже чуждой ей силой.

Другая форма камуфляжа – напротив, представление случившегося как цепи случайностей, т.е. отрицание закономерного характера «невероятности». Данной форме камуфляжа, сокрытия реального хода и кода событий, их причинно-следственной связи есть что противопоставить. Во-первых, это теория псевдослучайных закономерностей/последовательностей математика В. Воеводского. Данная теория – одно из практических приложений его теории ошибок; согласно этой теории-приложению, разработанной, в частности, на эмпирическом материале и примере рынка, немало из того, что заинтересованные лица и (или) структуры пытаются представить в качестве случайного, хаотического, на самом деле есть скрытая форма управления (например, управление хаосом). Во-вторых, ещё более мощное средство определения случайностей – адекватная теория. Как известно, эволюция крупных сложных систем необратима, и если исследователь выявил законы, регулярности и тенденции развития той или иной системы, на «крючок» псевдообъективностей или псевдослучайностей его уже не поймать. Так стирается грань между историей как тем, что пытаются изобразить как «реальность», и криптоисторией, т.е. тем, как было на самом деле. Прорваться сквозь «реальность» к всамделишности – вот задача историка. Без владения теорией и методологией социально-исторического анализа, т.е. на основе одной лишь эмпирики и эмпирических обобщений, это невозможно.

Литература

1. Островский А.В. Глупость или измена? Расследование гибели СССР [Текст] / А.В. Островский. – Москва: Крымский мост-9Д. Форум, 2011. – 863 с.

2. Островский А.В. Животноводство Европейской России [Текст] / А.В. Островский. – Санкт-Петербург: Полторак, 2014. – 441 с.

3. Островский А.В. Зерновое производство Европейской России в конце XIX – начале XX в. [Текст] / А.В. Островский. – Санкт-Петербург: Полторак, 2013. – 416 с.

4. Островский А.В. История мировой и отечественной связи [Текст]: учеб. пособие / А.В. Островский. – Санкт-Петербург: СПбГУТ, 2011. – 312 с.

5. Островский А.В. История отечественной связи [Текст]: учеб. пособие / А.В. Островский. – Санкт-Петербург: СПбГУТ, 2010. – 160 с.

6. Островский А.В. История средств связи [Текст]: учеб. пособие / А.В. Островский. – Санкт-Петербург: СПбГУТ, 2009. – 168 с.

7. Островский А.В. История цивилизации [Текст]: учебник / А.В. Островский. – Санкт-Петербург: Издательство В.А. Михайлова, 2000. – 359 с.

8. Островский А.В. Кто поставил Горбачёва? [Текст] / А.В. Островский. – Москва: Алгоритм-Эксмо, 2010. – 544 с.

9. Островский А.В. Кто стоял за спиной Сталина? [Текст] / А.В. Островский. – Санкт-Петербург: Нева; Олма-Пресс, 2002. – 639 с.

10. Островский А.В. Кто стоял за спиной Сталина? [Текст] / А.В. Островский. – Санкт-Петербург: Нева; Олма-Пресс, 2003. – 639 с.

11. Островский А.В. Кто стоял за спиной Сталина? [Текст] / А.В. Островский. – 2-е изд. – Москва: Центрполиграф; Санкт-Петербург: МиМ Дельта, 2004. – 639 с.

12. Островский А.В. Российская деревня на историческом перепутье. Конец XIX – начало XX в. [Текст] / А.В. Островский. – Москва: Товарищество научных изданий КМК, 2016. – 431 с.

13. Островский А.В. Сельское хозяйство Европейской России, 1861–1914 [Текст] / А.В. Островский. – Санкт-Петербург: Нестор, 1998. –354 с.

14. Островский А.В. Солженицын: прощание с мифом [Текст] / А.В. Островский. – Москва: Яуза: Пресском, 2004. – 733 с.

15. Островский А.В. Универсальный справочник по истории России: с табл., схем. и слов. [Текст] / А.В. Островский. – Санкт-Петербург: Паритет, 2000. – 384 с.

16. Островский А.В. Расстрел «Белого дома». Чёрный октябрь 1993 года [Текст] / А.В. Островский. – Москва: Яуза: Эксмо, 2008. – 639 с.

17. Островский А.В. Расстрел «Белого дома». Чёрный октябрь 1993 года [Текст] / А.В. Островский. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Книжный мир, 2014. – 639 с.

С.П. Островская

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ А.В. ОСТРОВСКОГО

На протяжении нескольких лет Александр Владимирович обращался к написанию воспоминаний. К сожалению, они так и остались незаконченными. В данной статье на суд читателя представляется отрывок из воспоминаний А.В. Островского под названием:

«Судьба историка:
исповедь “лишнего человека”»

Нет на свете печальней измены,
Чем измена себе самому.
Н. Заболоцкий

Все люди, как люди, поедут дорогой,
А я пронесусь стороной.
В. Корнилов

Полвека назад один провинциальный журналист, узнав о моем желании стать историком, дал мне совет: «Выберете любую другую профессию, а историей занимайтесь на досуге. Вы не будете ни от кого зависеть и сможете быть честным».

Я возмутился: «Разве все историки – лжецы?» и, желая уязвить говорившего, добавил: «Наверное, и среди журналистов есть честные люди».

«У журналистов, – отреагировал на это мой собеседник, – есть шутка: если в статье 20% правды, она считается объективной, 40% – критической, 60% – дискуссионной, 80% – это уже очернительство, 100% – злостная клевета».

Тогда я еще не знал, что профессия историка, как и профессия журналиста, относится к числу древнейших.

Но уже тогда я стал понимать, что правда пробивает себе дорогу в борьбе с ложью, что эта борьба требует жертв и идет с переменным успехом. Мои настроения того времени нашли отражение в стихотворении «Еретик»

Опять костер перед собором
И обратив к народу лик,
Немым призывом и укором
Горит упрямый еретик.
Толпа голодная, босая,

Крича проклятия слова,
С какой-то яростью бросает
В костер церковные дрова.
Но лишь успеет отклубиться,
Рассеяться кровавый дым,
Еретика его убийцы
Готовы объявить святым.
А те, кто слепо, кто беспечно,
В костер подбрасывал дрова,
Теперь неистово лепечут
Благоговейные слова.
Ну, а пока елей в народе,
Молитвы и мольбы пока
На площади костер разводят
Для нового еретика.

Именно тогда я дал обет: стать историком и докопаться до той правды, которую от нас скрывали. Докопаться, во что бы то ни стало.

Моё желание осуществилось. Я действительно стал историком. Защитил кандидатскую и докторскую диссертации. У меня есть статьи и книги.

Однако никто меня не «отлучал от церкви» и не выводил на эшафот.

Может быть, я изменил обету своей юности? Мне кажется, нет.

Может быть, мне удалось дожить до того времени, когда появилась возможность писать и говорить все, что знаешь и думаешь? Тоже нет.

В чем же тогда дело? А дело в том, что вместо кавалерийской атаки на ложь я избрал Путь компромиссов.

Компромиссы – опасная вещь.

Вспомните роман Булата Окуджавы «Свидание с Бонапартом».

Когда летом 1812 г. армия Наполеона вторглась в Россию и многие помещики из приграничных губерний стали покидать свои имения, один из них, Николай Опочинин, не последовал со всеми. Он остался в своей усадьбе, надеясь, что Наполеон сделает в ней остановку. И тогда он, Опочинин, генерал-майор в отставке, подожжет свой дом и погубит французского императора. Однако армия Наполеона прошла мимо имения генерала. И он, собиравшийся ценой компромисса совершить подвиг, остался в глазах всех, кто его знал, не героем, а предателем.

Другой пример. Повесть Василя Быкова «Сотников». Великая Отечественная война. В руки фашистов попадают два партизана: капитан

Сотников и старшина Яшка Рыбак. Сотников отвергает предложение о сотрудничестве и обрекает себя на смерть. Яшка Рыбак считает это глупостью. Он принимает предложение. Его расчет: получить оружие и вернуться к товарищам. Однако прежде, чем дать ему в руки винтовку, немцы предлагают принять участие в казни командира. Какая разница, размышляет Рыбак, кто будет участвовать в ней, Сотников все равно обречен. Однако когда тело Сотникова повисло в петле, а Яшку Рыбака затолкнули в колонну полицаев, он вдруг понял, назад ему пути уже нет.

Что мне удалось сделать в своей жизни?

Насколько велика оказалась цена, которую пришлось заплатить за то, чтобы посвятить себя служению Клио?

Обо всем этом я хочу рассказать в книге «Судьба историка: записки “лишнего человека”». Это будет книга не только обо мне, но и том непростом времени, в которое мне пришлось жить.

Я несколько раз брался за нее и всякий раз бросал. В советские времена меня удерживало от этого опасение, что она может оказаться доносом на других. А затем стала заедать текучка.

Долгое время я успокаивал себя тем, что на старости лет, оказавшись не у дел, напишу воспоминания и о себе, и о своем времени. И, хотя старость уже наступила и дел меньше не стало, чувствую, как прошлое незаметно растворяется в памяти. Забываются имена, даты, уходят «запахи и звуки».

Т.М. Димони

А.В. ОСТРОВСКИЙ О СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

В течение научной жизни А.В. Островский многократно обращался к изучению истории сельского хозяйства России. Этот интерес сформировался, в том числе, под влиянием тематики кафедры истории СССР Вологодского государственного педагогического института, куда после аспирантуры приехал работать Александр Владимирович. Так как в кандидатской диссертации он изучал проблемы политического развития страны начала XX века, то и в случае с сельским хозяйством его исследовательский интерес был сосредоточен на периоде конца XIX – начала XX века. Серьезно продвинуло А.В. Островского в исследовании сельского хозяйства Европейского Севера участие совместно с другими ис-

ториками Вологды и Москвы в подготовке второго тома «Истории северного крестьянства», который вышел в 1985 г.[1]

В публикациях, подготовленных во время работы в ВГПИ, А.В. Островский продемонстрировал основные черты своего исследовательского метода, который ярко проявился в дальнейшем. Это – высокая историографическая эрудиция, тщательный источниковый поиск, доскональный анализ источников, стремление привести как можно более точные данные по всем вопросам, составление серьезных статистических выкладок, позволяющих прийти к фундаментальному историческому выводу. Например, в статье «О статистике пахотных угодий в Европейской России (1899–1917)»[2] (опубликована в период работы А.В. Островского в ВГПИ, в 1980 г.) он обратился к ранее почти неиспользуемым источникам – ежегодным сведениям о площади пашни и площади посевов, собираемым МВД в конце XIX века и отложившимся в РГИА (тогда ЦГИА), фонде 1290. А.В. Островский установил истоки возникновения этого документа, описал роль директора ЦСК Н.А. Тройницкого в его появлении, выяснил периодичность собирания сведений – они оказались ежегодными. Далее он подробно описал, как производился сбор сведений, когда рассылались ведомости для внесения данных о посевах и пашне. Отдельно А.В. Островский разобрал «Наставление» для сбора сведений, подготовленное ЦСК, показав серьезную регламентацию сбора данных. Отдельно А.В. Островский рассмотрел, как трактовалось понятие «пашня» – МВД понимало под этим термином площади под посевами и сенокосами. Кроме того, А.В. Островский выявил, что сведения, собираемые МВД, не оставались совсем неизвестными для современников и частично были опубликованы. В статье приведены также обширные статистические сведения о площади посева губерний Европейской России, площади пашни крестьянской и частновладельческой, площади земли под паром и др.

Тщательная работа с источниками привела А.В. Островского к идеям о возможности применения новых методик, в частности отвечающих на вопрос о степени расслоения деревенского общества конца XIX – начала XX века. Одной из статей, посвященных этому вопросу, была публикация «Динамика процесса раскрестьянивания в Европейской России конца XIX – начала XX века» (1992 г.)[3]. А.В. Островский предложил для характеристики перемен внутри крестьянства использовать материалы военно-конских переписей, в ходе которых крестьянские хозяйства группировались по двум показателям: по общему количеству и по количеству только рабочих лошадей. Эти обследования велись государством

с 1870-х годов, а с 1888 года обследованные хозяйства стали группировать по степени их обеспеченности лошадьми. А.В. Островский обратил внимание на то, что сведения о количестве лошадей имелись по большинству губерний Европейской России, что делало их уникальным источником для изучения социально-экономической истории пореформенного российского крестьянства. Так как ведение крестьянского хозяйства без лошади, по мнению А.В. Островского, было невозможно, то безлошадные крестьяне в своей массе представляли собой сельский пролетариат, частично процессом пролетаризации были охвачены и однолошадные хозяйства. Критерием «достаточности» лошадей А.В. Островский считал 2-3 крестьянские лошади на хозяйство, хозяйства же, имевшие 4-5 лошадей, обладали значительным потенциалом и, по его предположению, уже могли прибегать к сезонному найму. И лишь в хозяйствах многолошадных (в 2 раза превосходивших потенциал средних хозяйств) найм рабочей силы мог приобрести постоянный характер и оттеснить на второй план труд семейных работников.

В соответствии с данными военно-конских переписей А.В. Островский ориентировочно определил степень расслоения крестьянства Европейской России и охарактеризовал динамику этого процесса на рубеже XIX–XX веков. По получившимся данным на 1888–1891 годы на территории 48 губерний Европейской России насчитывалось 10 млн крестьянских дворов, из них 27,3% являлись безлошадными, 28,6% однолошадными, 32,7% имели по 2-3 лошади, 6% – по 4-5 лошадей и только 3,4% принадлежали к многолошадным.

Из проведенного изучения источника А.В. Островский делает концептуальный вывод – степень обуржуазивания крестьянских хозяйств не превышала 11,4% от всех существовавших в Европейской России, а в действительности была еще ниже. Что касается тех крестьян, которые могли претендовать на звание гроссбауэра, то их численность не превышала незначительную социальную величину – 3,4%. Причем в северных губерниях этот показатель опускался до 0,8%. По мнению же В.И. Ленина, высказанному в работе «Развитие капитализма в России», подчеркнул А.В. Островский, сельская буржуазия составляла к концу 19 века около 20% всего крестьянства.

Таким образом, делал вывод А.В. Островский, в марксистской литературе степень обуржуазивания крестьянства, степень социальной дифференциации внутри него, а следовательно, степень развития капитализма в сельском хозяйстве к исходу XIX века завышалась в несколько раз. Это был очень смелый и полемичный вывод, так как в начале

1990-х гг. еще вполне устоявшимся было историографическое утверждение о существовании объективных предпосылок социалистической революции 1917 г. в связи со значительной степенью развития капитализма в деревне. Кроме того, А.В. Островский высказал важнейшее предположение о том, что особенности России требовали особых форм и методов первоначального накопления, форм и методов раскрестьянивания, чем в странах «первого эшелона» капитализма. В дальнейшем проблему особенностей первоначального накопления капитала в России советского времени рассматривали М.А. Безнин и Т.М. Димони[4], многие их идеи родились благодаря работам А.В. Островского.

Дальнейшие исследования сельского хозяйства Европейской России А.В. Островским были связаны с подготовкой докторской диссертации. Как известно, ее защита продвигалась непросто, подходы А.В. Островского оспаривались. В конце концов, докторская диссертация «Сельскохозяйственное производство Европейского Севера России 1861–1914 гг.» была защищена в 1988 году, а в 1998 году ее основные идеи были опубликованы в виде монографии «Сельское хозяйство Европейского Севера России в 1861–1914 гг.»[5]. В работе А.В. Островский обратился к рассмотрению обширного комплекса проблем развития сельского хозяйства: начиная от территории и административно-территориального деления, природно-климатических условий, средств сообщения, условий ведения хозяйства до подробнейшей характеристики земледелия и животноводства Европейского Севера России (пахотных угодий, систем земледелия, агротехники, поголовья скота, кормовой базы, продуктивности животноводства, проблем доходности и товарности). Важнейшей частью работы была оценка итогов капиталистической перестройки сельского хозяйства, включая динамику социального расслоения и социальные отношения.

В результате исследования А.В. Островский пришел к выводу о низком уровне капиталистической перестройки сельского хозяйства северных губерний, что было связано с природно-климатическими условиями, под влиянием которых увеличивались производственные издержки и росла неконкурентоспособность по сравнению с другими регионами. Сам А.В. Островский в одном из интервью говорил: «На мой взгляд, значение моей диссертации выходит за рамки названного региона. На материалах Европейского Севера я сделал попытку посмотреть, как на практике действует закон стоимости. Посчитав затраты на хлеб, мясо и молоко, я обнаружил, что до революции на Европейском Севере с капиталистической точки зрения было убыточно не только земледелие, но и животноводство, иначе говоря, не только хлеб, но и молоко крестьянин

продавал ниже себестоимости… Стоимость любого товара включает в себя три элемента: постоянный капитал, переменный капитал и то, что называют прибавочной стоимостью. Капиталистически организованное производство не может существовать, если цена опускается ниже себестоимости (постоянный и переменный капитал), а мелкое крестьянское хозяйство – может, так как крестьянин платит заработную плату (переменный капитал) самому себе… Свободный обмен существует только на бумаге. На практике цену определяет тот, у кого есть возможность ее диктовать…. До революции город был сильнее деревни. Поэтому он диктовал ей свои цены. Это напоминало отношения, которые складывались между метрополией и колонией»[6]. В целом по Европейскому Северу к началу XX века, по подсчетам А.В. Островского, товарность животноводства не превышала 33%, а общая товарность сельского хозяйства составляла максимум 18%. Это значит, подчеркивал А.В. Островский, что уровень капиталистической перестройки сельского хозяйства оставался еще на стадии превращения натурально-потребительского хозяйства в товарное, и превращение было далеко от своего завершения[7].

Дальнейшие исследования сельского хозяйства А.В. Островский проводил, в частности, в связи с крупной полемикой по вопросу «Процветала ли Россия накануне Первой мировой войны?», развернувшейся в начале XXI века. Данная полемика шла в связи с многочисленными публикациями известного историка д. и. н., профессора Б.Н. Миронова[8]. В публикациях 1990–2000-х годов Б.Н. Миронов предпринял попытку доказать, что дореволюционная Россия процветала, а революция 1917 года имела случайный характер. По мнению А.В. Островского, деятельность Б.Н. Миронова была «социальным заказом, цель которого списать на революцию и советскую власть ту экономическую катастрофу, которую пережила наша страна в годы так называемых горбачевских и ельцинских реформ»[9].

Так как аграрная история для рубежа XIX–XX веков являлась магистральной частью истории России, А.В. Островский в ходе полемики значительно расширил привлекаемый для ее анализа материал. Результатом этой работы стали монографии «Зерновое производство Европейской России в конце XIX – начале XX века» (СПб, 2013) и «Животноводство Европейской России в конце XIX – начале XX века» (СПб., 2014). Материал этих монографий был обобщен в работе «Российская деревня на историческом перепутье: конец XIX – начало XX в.» (М., 2016). Книги подготовлены на огромном источниковом материале, как статистиче-

ского, так и аналитического характера. Многие источники впервые в таком полном виде вовлечены в научный оборот.

Главным выводом, изложенным в книгах, стал вывод об исчерпанности возможностей экстенсивного развития сельского хозяйства России (исчерпан свободный земельный фонд, наблюдался кризис господствующей переложно-залежной системы земледелия, низкий уровень развития животноводства, а значит, возможности удобрения земли). Все это сопровождалось увеличением хлебного экспорта, нехваткой хлеба для населения и прокорма скота (А.В. Островский доказал, что производство хлеба сохранялось фактически на одном уровне, наращивания производства не было). Все это приводило к разорению крестьянских хозяйств, составлявших основу дореволюционного земледелия в России. Важнейшим выводом было то, что товарное производство для большинства хозяйств являлось убыточным. Снижение цен на хлеб на мировом рынке требовало от правительства поиска выхода из ситуации, который в конечном счете был найден в увеличении эксплуатации крестьян. Волна крестьянского движения 1905–1906 гг. давала основание предполагать, что рост эксплуатации деревни приблизился к своей критической черте и кризис становился неминуемым в недалеком будущем[10].

Все эти размышления, исследования, глубокое знание политических процессов привели А.В. Островского к заключению о том, что Россия перед Первой мировой войной переживала системный кризис, который характеризовался ломкой старой системы (феодализма) и рождением новой (капитализма). Однако капитал в аграрном секторе экономики играл не столько созидательную, сколько разрушительную роль. Происходило разорение одних и обогащение других крестьянских хозяйств, однако богатеющие крестьяне предпочитали вкладывать деньги не в сельское хозяйство, а в торговлю, ростовщичество, промышленность (в связи с существовавшими ножницами цен на продукцию сельского хозяйства). Провал столыпинских реформ, в том числе главной из них – аграрной, означал, что устранить те противоречия, которые привели к революционному кризису 1905–1907 годов, правительству не удалось.

Таким образом, для А.В. Островского изучение аграрной подсистемы страны второй половины XIX – начала XX века стало путем получения крупнейшего вывода – об уровне развития экономики России и причинах революционных событий начала XX века, которые были результатом глубоких и системных противоречий в социально-экономическом устройстве страны и неспособности правительства справиться с этим вызовом.

[1] История северного крестьянства. Т. 2. Крестьянство Европейского Севера в период капитализма / гл. ред. Ю.А. Поляков. Архангельск, 1985.
[2] Островский А.В. О статистике пахотных угодий в Европейской России (1899–1917) / А.В. Островский // Историография и источниковедение истории северного крестьянства СССР. Северный археографический сборник. Вологда, 1980. С. 35–49.
[3] Островский А.В. Динамика процесса раскрестьянивания в Европейской России конца 19 – начала 20 века / А.В. Островский // Крестьянское хозяйство: история и современность. Материалы Всероссийской научной конференции. Вологда, 1992. Ч. 1. С. 69- 84.
[4] Безнин М.А. Аграрный строй России 1930–1980-х годов / М.А. Безнин, Т.М. Димони. М., 2014; Безнин М.А. Капитализация в российской деревне 1930–1980-х годов / М.А. Безнин, Т.М. Димони. М., 2009; Безнин М.А. Завершение раскрестьянивания в России (вторая половина XX века) / М.А. Безнин, Т.М. Димони // Россия в XX веке: реформы и революции. М., 2002. С. 632-643 и др.
[5] Островский А.В. Сельское хозяйство Европейского Севера России в 1861–1914 гг. / А.В. Островский. СПб., 1998.
[6] Историк Островский // Новый Петербургъ. 2007. № 27. (www.newspb.org)
[7] Островский А.В. Сельское хозяйство Европейского Севера России 1861–1914 гг. С. 211.
[8] Речь идет, в частности, о работах Б.Н. Миронова «Благосостояние населения и революции в имперской России» (2010, 2012), «Страсти по революции» (2013).
[9] Островский А.В. «Процветала ли Россия накануне Первой мировой войны?». СПб., 2016. С. 2.
[10] О нарастании социального протеста крестьян в периоды резкого усиления эксплуатации в советский период писала Т.М. Димони: см. Димони Т.М. Социальный протест в колхозной деревне 1945–1960 гг. (на материалах Европейского Севера России) / Т.М. Димони. Автореферат дис. к.и.н. Вологда, 1996; Димони Т.М. Социальный протест в колхозной деревне 1945–1960 гг. (на материалах Европейского Севера России) / Т.М. Димони. Диссертация…к.и.н. Вологда, 1996.

А.И. Курицын

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА ПРАВЫХ НА ВЫБОРАХ В I И II ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ

Учреждение Государственной думы в Российской империи стало началом формирования в России избирательной системы и позволило политическим партиям яснее сформулировать свои программные требования. Для правых партий это стало фактически отправной точкой организованной политической деятельности. Именно в это время салонные кружки монархистов постепенно трансформируются в массовые организации, а их неясно очерченные воззрения превращаются в политические программы. Крупнейшей организацией черносотенцев являлся Союз русского народа, вокруг него и произошло объединение монархистов во время выборов в I и II Думу.

Важнейшим программным положением Союза русского народа было признание монархии как единственно разумной и правильной формы государственного устройства. Более того, в качестве истинного монархического устройства признавалось лишь самодержавие, причем, по мнению правых, «оно не может, однако, перейти в форму какой-либо сделки, или договора между народом и верховной властью с целью ограничения последней»[1].

Важно также отметить, что для правых неограниченная власть монарха являлась важнейшим условием развития государства и общества, ключевым фактором сохранения национального самосознания и культурных традиций, в частности отмечалось, что «самодержавный государь есть высшая правда, закон и сила»[2].

Появление Манифеста 17 октября 1905 г. поставило правых в сложное и неоднозначное положение. Будучи проявлением царской воли, он был обязателен к исполнению для каждого монархиста, однако статьи Манифеста, касающиеся того, что отныне любой закон должен был предварительно получить одобрение «Государственной думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного»[3] контроля за исполнительной властью, не могли понравиться черносотенцам, ратующим за неограниченную монархию.

В своей агитации правые подчёркивали, однако, что Манифест 17 октября ни в коем случае не ограничивает власть императора, самодержавие должно оставаться «незыблемым, каким было и встарь, и должно всегда оставаться таковым для блага и процветания России»[4]. Признавая известные положения Манифеста, в частности особо отмечая важность гражданской свободы «на началах неприкосновенности личности, свобод слова, совести, собраний и союзов»[5], правые в то же время резко выступали против своих политических оппонентов, придерживавшихся конституционализма.

Своеобразным было отношение и к возникновению в России парламентаризма в виде деятельности Государственной думы. Отрицая фактически Думу как новый полюс власти в российском политическом пространстве, СРН в то же время признавал важность её существования и даже известную необходимость. В частности, один из лидеров СРН Н.Е. Марков заметил, что «можно быть недовольным 3-й, 4-й Думой, 20-й, разгоните их, выберите настоящую, русскую, но, как учреждение, Государственная Дума необходима: без этого России не существовать»[6].

Одним из важнейших программных положений монархистов было признание православия «основою русской жизни», при этом отмечалось

равноправие как старого, так и нового обряда. Черносотенцы предполагали определённые изменения в управлении православной церковью: по их мнению, необходимо было предоставить ей право на самоуправление, фактически подразумевавшее избрание патриарха. Более того, правые считали, что в основе церковной жизни должен был лежать приход как «правоспособная и дееспособная церковно-гражданской община»[7].

Среди наиболее известных лозунгов правых в начале XX в. можно указать такие, как «Россия для русских»[8] и «единство и неделимость России»[9]. Признавая, что «русская народность, как собирательница земли Русской, создавшая великое и могущественное государство, имеет первенствующее значение в государственной жизни», правые определяли значимость народов Российской империи «сообразно степени готовности отдельной народности служить России и русскому народу в достижении общегосударственных задач»[10]. Отдельно отмечалась враждебность русскому народу представителей таких национальностей, как «финляндцы, поляки, латыши, армяне»[11]. Связано это было с тем, что, по мнению черносотенцев, вышеуказанные народы активно участвуют в революционном движении, а следовательно, являются неблагонадёжными в принципе.

Характерно, что, по мнению черносотенцев, особую «непримиримую ненависть к России и ко всему русскому»[12] испытывают евреи, а следовательно, необходимо было принятие законов, которые смогли бы «защитить» русский народ. Предлагались такие меры, как введение ограничений на получение образования евреями, занятия определенных должностей; восстановление в полном объёме черты оседлости с правом дать местным органам власти возможность запрещать проживание евреям на своей территории.

Принимая всё вышеизложенное, правые считали, что еврейский вопрос можно было решить с помощью переселения евреев на территорию Палестины, а следовательно, в интересах России содействовать данному процессу, а также созданию независимого еврейского государства[13].

Важнейшим вопросом в начале XX в. был аграрный. Соответственно для черносотенцев, претендовавших на всесословный характер, было крайне принципиальным сформировать такую аграрную программу, которая удовлетворила бы и крестьян, и прежде всего помещиков. Поэтому, выступая за расширение «крестьянского землевладения», черносотенцы отмечали, что «всякая собственность, в том числе и земельная, должна быть неприкосновенна»[14].

По мнению черносотенцев, крестьяне могли надеяться на справедливое решение земельного вопроса только на основе царских распоря-

жений и манифестов, а соответственно – только царь и может помочь крестьянам, и поэтому им следует не участвовать в любых аграрных волнениях, но надеяться на царскую волю[15].

В то же время программные документы правых предполагали ряд мер, которые должны были бы улучшить положение крестьян. В частности, черносотенцы предлагали передать крестьянам на выгодных для них условиях все государственные сельскохозяйственные земли. Однако учитывая, что таковых в Европейской части России было в целом немного, данное предложение скорее будет уместно рассматривать как часть политики, направленной на организацию переселения крестьян в Азиатскую часть Российской империи. Помимо этого, предлагалась организация государственной помощи крестьянам не только для переезда, но и для устройства хозяйства на новом месте.

Важной составляющей аграрной программы правых была проблема собственности, в частности черносотенцы предлагали ввести мораторий на продажу земельных владений крестьян представителям других сословий. Также предлагалось ввести право собственности на те земельные участки в составе общины, на которых в течение последних 24-х лет не проводился передел, что фактически отменяло коллективную собственность общины и вводило личную. Черносотенцы, поддерживая П.А. Столыпина, указывали, что необходимо предоставить крестьянам право выхода из общины с землёй, в то же время разрешив общине выкупать земельные участки выходящих из её состава членов.

Избирательная программа правых, и Союза русского народа в частности, в области социально-экономической политики, прежде всего, строилась на принципах протекционизма и увеличения влияния государства в экономической жизни государства и общества. Предлагался комплекс мер для сокращения зависимости от иностранных субъектов хозяйствования как в промышленности и торговле, так и финансовой системы. В частности, черносотенцы требовали ограничить влияние иностранных контрагентов на экономическую жизнь страны, а также большего вмешательства государства в экономическую жизнь страны. Правые выступали против введённого в 1895–1897 гг. золотого монометаллизма, который по их мнению, привел к тому, что Россия попала в зависимость от мирового капитала и потеряла возможность контролировать собственную финансовую политику.

Однако в целом правые видели основу развития России не в промышленности как таковой, а в сельском хозяйстве и соответственно считали, что, прежде всего, должны быть приняты меры по развитию сельского хозяйства[16].

Можно отметить, что политические представления черносотенцев определялись, прежде всего, безусловным признанием необходимости самодержавной власти императора. Самодержавие рассматривалось ими как единственно допустимая форма государственного устройства России, способная обеспечить мир и спокойствие на территории империи, обеспечить наилучшие условия для экономического, политического, культурного развития русского народа. Неоднозначным было отношение правых и к Манифесту 17 октября. Отвергая любые возможные ограничения царской власти, они признавали известную необходимость гражданской свободы, а также существования Государственной думы как законосовещательного органа с некоторыми контролирующими функциями. Роль Думы, по мнению черносотенцев, должна была бы сводиться к «помощи царю» путём «правильных советов», а также надзору за бюрократией, чтобы министры и чиновники правильно исполняли царскую волю. Правые считали православие основой культурного фундамента российского государства, и соответственно оно должно, как и русский язык, служить, прежде всего, объединению различных частей империи в единое целое. Признавая необходимость изменения положения рабочих и крестьян, черносотенцы в то же время считали, что возможные реформы должны проводиться непосредственно царским правительством постепенно, с учётом мнения владельцев предприятий и помещиков.

Таким образом, выступая за самодержавие, за неизменность политического режима в Российской империи, правые в то же время считали, что он должен подвергнуться определённой модернизации.

---

[1] Избирательная программа для выборов в Государственную Думу, объединившихся «Русского собрания», «Союза русского народа» и их единомышленников // Правые партии: документы и материалы, 1905–1917 гг.: в 2 т. М.: Росспен, 1998. Т. 1. Правые партии 1905–1910 гг. С. 278.

[2] Избирательная программа (в связи с выборами в Государственную Думу), принятая I Всероссийским съездом уполномоченных отделов СРН и обязательная для всех отделов // Правые партии: документы и материалы, 1905-1917 гг.: в 2 т. М.: Росспен, 1998. Т. 1. Правые партии 1905–1910 гг. С. 190.

[3] Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. 1905. Отделение I. СПб., 1908. С. 754.

[4] Избирательная программа (в связи с выборами в Государственную Думу), принятая I Всероссийским съездом уполномоченных отделов СРН и обязательная для всех отделов // Правые партии: документы и материалы, 1905–1917 гг.: в 2 т. М.: Росспен, 1998. Т. 1. Правые партии 1905–1910 гг. С. 190.

[5] Обращение Союза русского народа // Правые партии: документы и материалы, 1905–1917 гг.: в 2 т. М.: Росспен, 1998. Т. 1. Правые партии 1905–1910 гг. С. 80.

[6] Информация Русского Собрания в газете «Земщина» // Правые партии: в 2 т. / редкол. Ю.И. Кирьянов М., 1998. Т. 2. Правые партии 1911–1917 гг. С. 35.

[7] Платформа Союза русского народа по выборам в I Государственную Думу // Правые партии: документы и материалы, 1905–1917 гг.: в 2 т. М.: Росспен, 1998. Т. 1. Правые партии 1905–1910 гг. С. 161.
[8] Листовка Союза русского народа. К русскому народу! // Правые партии: документы и материалы, 1905–1917 гг.: в 2 т. М.: Росспен, 1998. Т. 1. Правые партии 1905–1910 гг. С. 169.
[9] Избирательная программа (в связи с выборами в Государственную Думу), принятая I Всероссийским съездом уполномоченных отделов СРН и обязательная для всех отделов // Правые партии: документы и материалы, 1905–1917 гг.: в 2 т. М.: Росспен, 1998. Т. 1. Правые партии 1905–1910 гг. С. 191.
[10] Избирательная программа для выборов в Государственную Думу, объединившихся «Русского собрания», «Союза русского народа» и их единомышленников // Правые партии: документы и материалы, 1905–1917 гг.: в 2 т. М.: Росспен, 1998. Т. 1. Правые партии 1905–1910 гг. С. 278.
[11] Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. 1905. Отделение I. СПб., 1908. С. 761.
[12] Избирательная программа (в связи с выборами в Государственную Думу), принятая I Всероссийским съездом уполномоченных отделов СРН и обязательная для всех отделов // Правые партии: документы и материалы, 1905–1917 гг.: в 2 т. М.: Росспен, 1998. Т. 1. Правые партии 1905–1910 гг. С. 191.
[13] Там же. С. 192-193.
[14] Там же. С. 193.
[15] Листовка Союза русского народа. К русскому народу! // Правые партии: документы и материалы, 1905–1917 гг.: в 2 т. М.: Росспен, 1998 Т. 1. Правые партии 1905–1910 гг. С. 169.
[16] Избирательная программа для выборов в Государственную Думу, объединившихся «Русского собрания», «Союза русского народа» и их единомышленников // Правые партии: документы и материалы, 1905–1917 гг.: в 2 т. М.: Росспен, 1998 Т. 1. Правые партии 1905–1910 гг. С. 279.

В.А. Саблин

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ НАЛОГ В СЕВЕРНОЙ ДЕРЕВНЕ в 1921/22 г.

Начало новой экономической политики, как известно, связано с вынужденным отказом большевиков от политики форсированного «водворения социализма» и переходом к более взвешенной системе взаимоотношений с крестьянским хозяйством. Важнейшим элементом новой экономической политики стал продовольственный налог, введенный на основе решений X съезда РКП(б), принятых 15 марта 1921 г. В последующие годы налог претерпевал определенную эволюцию от изначальных форм земельной ренты в сторону подоходного обложения хозяйствующих субъектов, оставаясь одним из основных инструментов аграрной

политики государства. Отечественная историография данного вопроса ориентировалась, как правило, на анализ именно этой составляющей налоговой системы страны 1920-х гг.[1]

В статье исследуется порядок введения и реализации продналога в деревне Европейского Севера России в 1921/22 г.

Постановление ВЦИК РСФСР от 21 марта 1921 г. «О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом» положило начало целой серии декретов о введении в стране натуральных налогов. 28 марта 1921 г. было опубликовано постановление СНК о натуральном налоге на хлеб, 21 апреля – «на картофель и масляничные семена», затем были изданы декреты о натуральных налогах на молочные продукты, 10 мая – на льняное и пеньковое волокно, 11 мая – на шерсть и табак, 12 мая – на сено, 31 мая – на мясо, 3 июня – на продукты пчеловодства и т. д. Решение о последнем натуральном налоге – на домашнюю птицу – было принято 15 сентября 1921 г.

Общий подход к системе налоговых изъятий исходил из положения, что «налог должен быть меньше налагавшегося до сих пор путем разверстки обложения». Раскладочный принцип заменялся окладным, то есть налог носил всеобщий характер (обложению подвергались все без исключения крестьянские хозяйства, включая бедноту, а также колхозы и совхозы). Точный размер натуральных налогов с каждого хозяйствующего субъекта устанавливался «по урожайности в данной местности». В силу этого размер налога можно было исчислить ближе к осени, только по созревании хлебов. Директивно вводилось 11 разрядов урожайности (от 25 до 75 пуд. с десятины)[2]. В Архангельской губернии были предусмотрены следующие разряды урожайности: Архангельский уезд – 11 разряд, Мезенский – 9, Онежский – 7, Печорский – 11, Пинежский – 9, Холмогорский – 6, Шенкурский – 4, Усть-Вашский – 9. Вводимые поуездные разряды урожайности не подлежали пересмотру. В телеграмме Совнаркома в адрес Архангельского губисполкома особо подчеркивалось, что уменьшение разрядов недопустимо и что сумма поступившего по налогу количества хлеба должна быть не менее цифры, получаемой от перемножения приведенной средней уездной ставки на общую площадь пашни уезда[3]. Однако повышение разрядов урожайности не возбранялось. Так, к примеру, власти Северо-Двинской губернии повысили разряд урожайности для всех волостей Никольского уезда[4].

Предполагалось учитывать наличие скота и численность семьи. Следует особо подчеркнуть, что отменялась круговая ответственность за выполнение налога.

Для исчисления размеров других натуральных налогов учитывались площади сенокосов, пашни, наличие крупного и мелкого скота, овец, численность едоков и др. Яркой иллюстрацией этому могут служить плановые показатели натуральных налогов 1921/22 г. по Северо-Двинской губернии, см. таблицу 1.

Таблица 1

Плановые показатели натурального налога в Северо-Двинской губернии в 1921/22 г.

Налог на хлеб, картофель и масличные семена			
Единицы учета и обложения	Назначено к уплате		
	продукты	всего	в т.ч. для местных нужд
358076,8 дес. пашни; 612225 едоков	Ржаных единиц	965689 пуд. 7 ф.	122733 пуд.
	Ржи	406879 пуд. 28 ф.	62492 пуд. 20 ф.
	Пшеницы	9770 пуд. 14 ф.	2262 пуд.
	Овса	5355274 пуд. 28 ф.	66611 пуд.
	Картофеля	136608 пуд. 32 ф.	14652 пуд.
	Масличных семян	23623 пуд. 5 ф.	2411 пуд. 30 ф.
	Ячменя	50664 пуд. 34 ф.	3355 пуд. 20 ф.
	Клевера	15 пуд. 15 ф.	–
	Гороху	359 пуд.	–
Налог на яйца			
358076,8 дес. пашни	Яйца	724094 шт.	
Налог на сено			
53772,8 дес. заливных лугов; 312023,1 дес. незаливных лугов	Сена	1551174 пуд.	
	Соломы	21069 пуд.	
Налог на молочные продукты			
112308 домохозяйств с 175997 коровами. В т.ч. с 1 коровой – 60066 хозяйств, с 2 – 38650, с 3 – 11030, с 4 – 1793, с 5 – 724, с 6 – 45 хозяйств	Молочные продукты	20419 пуд. 20,5 ф.	
Налог на мясо			
179257 голов крупного рогатого скота старше 2 лет; 108230 взрослых овец; 7793 свиньи старше 9 месяцев	Говядины	31368 пуд. 19 ф.	
	Баранины	6761 пуд. 35 ф.	
	Свинины	2959 пуд. 20 ф.	
Налог на шерсть			
108073 овцы	Шерсти грубой весенней стрижки	1364 пуд. 11 ф.	
	Шерсти осенней стрижки	1008 пуд. 26 ф.	
	Поярка	338 пуд. 32 ф.	

Источник: ВОАНПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 916. Л. 10–16, 38.

Излишки, оставшиеся в хозяйстве после исполнения налога, могли свободно реализовываться на рынке[5]. Правда, об излишках в хозяйстве северного крестьянина, по крайней мере до 1923 г., можно говорить с большой долей условности. По мнению заведующего сельхозчастью Вологодского губернского финансового отдела (губфинотдела) Тетевина, высказанному им на губернском финансовом совещании 4 июня 1923 г., излишки «нельзя было в годы 21-й и 22-й крестьянину считать свободными, так как они были для него абсолютны лишь по отбытии повинности продналога и тотчас же становились относительными излишками, как только речь шла о погашении денежных государственных и местных налогов и сборов»[6].

Крестьяне в целом довольно сдержанно отнеслись к переходу от изъятия всех излишков в хозяйстве к определенной их части. При этом мало изменилось упрочившееся за годы Гражданской войны негативное отношение к вмешательству государства в экономику крестьянской семьи. «Налог это хорошо, а скрыть земельку, показать, если можно, лишнего едока, заменить рожь овсом, сдать похуже – это еще лучше. Вот психология мужика, дающая в отдельных районах 15% скрытия площадей, или столь же значительный процент погибших посевов и порчи продуктов. Общая формулировка на этот вопрос, поэтому, такова: отношение сочувственное, но буржуазно собственническое», – констатировалось в отчете Вологодского губернского экономического совещания (губэкосо), направленном в адрес Совнаркома РСФСР[7].

О массовом сокрытии от учета посевных площадей говорилось и на 3 Всекарельском съезде Советов. По мнению Карельского облисполкома, причинами тому являлись «несознательность самих граждан старающихся не платить налог, но и укрыть объекты обложения; неработоспособность и малограмотность наших волсоветов и сельсоветов, отказывающихся вовсе от этой работы, почему вся тяжесть, как и выявления объектов обложения, так и составления списков налогоплательщиков и сбор самого налога ложится всецело на налогинспектуру»[8].

«Замена разверстки налогом в общем крестьянином была встречена не сочувственно, ввиду превышения налогом разверстки», – отмечалось Северо-Двинским губэкосо в октябре 1921 г.[9]

Налоговая кампания 1921/22 г. проходила довольно напряженно. Следует учесть, что решение о смене налоговой политики застало местные продовольственные органы врасплох. Предстояло изменить всю систему взаимоотношений продовольственных органов с населением.

При этом никто не отменял плановые задания по продовольственной разверстке.

В Архангельской губернии власти начали с того, что реорганизовали и расширили продовольственный аппарат. В уезды были посланы уполномоченные по сбору налога и инструкторы уездных отделов управления для фактического участия в сборе продналога. По признанию заместителя председателя губисполкома И.В. Богового, «на местах все было мобилизовано для подготовки к продналоговой кампании (в некоторых уездах для составления списков плательщиков было мобилизовано все учительство, и дело, в конце концов, правда, с большим опозданием, удалось двинуть)»[10].

В свою очередь Архангельский губком РКП(б) в июле 1921 г. направил в деревню 40 коммунистов. По его указанию на местах стали создаваться заготовительные конторы. В деревню выехали все инструкторы уездных отделов управления для фактического участия в сборе продналога и разъяснения смысла продовольственной политики. С этой же целью в августе 1921 г. по решению губисполкома в уезды было направлено 60 сотрудников различных учреждений[11].

Вологодский губпродком до мая 1921 г. форсированно завершал продразверстку и взыскивал недоимки предшествующих лет. Одновременно с этим распределялись поступившие в январе 1921 г. продразверсточные наряды на 50 тыс. пуд. масла и 1,5 млн шт. яиц. Яичная разверстка проводилась по принципу подесятинного обложения – 4-6 шт. яиц на десятину. К 1 мая 1921 г. поступление продуктов по разверстке 1920/21 г. характеризовалось следующими показателями: зернофуража – 1665018 пуд., льносемени – 26502 пуд., яровых семян – 681978 пуд., картофеля – 396500 пуд., сена – 973485 пуд., соломы – 129118 пуд., яиц – 435396 шт. и т.д. По большинству продуктов разверстка не была выполнена[12].

Многочисленность вводимых налогов (среди них по степени тяжести следует выделить продовольственный налог и временный налог на молочные продукты), сокращение из-за засухи 1921 г. завоза в северные губернии хлеба и других продуктов из центра страны, отсутствие у продовольственного аппарата опыта налоговых заготовок и ряд других причин неизбежно сохраняли за налоговой кампанией 1921/22 г. характер продовольственной разверстки.

В Вологодской губернии в последний год продразверстки из крестьянских хозяйств принудительно изымалось 35 видов продуктов, в продналоговую кампанию 1921/22 г. значительно меньше – всего 12[13]. Тем не менее,

властям всех северных губерний не удалось полностью справиться с плановыми заданиями по налогу. Показательны в этом контексте итоговые данные по Архангельской губернии. Особенно низкими оказались результаты по сбору сенного и мясного налогов, см. таблицу 2.

Таблица 2

Размеры поступления продовольственного налога в Архангельской губернии на 1 декабря 1921 г. (%)

Уезды	Виды налогов									
	Хлебный		Яичный		Молочный (масляный)		Мясной		Сенной	
	Оклад (пуд.)	% выполнения	Оклад (тыс. штук)	% выполнения	Оклад (пуд.)	% выполнения	Оклад (пуд.)	% выполнения	Оклад (пуд.)	% выполнения
Архангельский	4779,2	69,0	129,3	73,0	19525,5	100,0	6767,4	16,0	16455,5	39,0
Холмогорский	11734,2	90,0	253,7	100,0	22948,5	100,0	6788,4	18,0	16067,9	65,0
Шенкурский	14775,8	93,0	688,7	100,0	29076,0	100,0	15576,6	52,0	27969,3	25,0
Пинежский	15456,2	88,0	180,5	100,0	11835,0	75,0	6968,1	54,0	12832,3	43,0
Мезенский	7673,3	49,0	101,6	100,0	15733,5	59,0	7391,7	47,0	14280,7	0,3
Онежский	9410,8	90,0	176,1	100,0	14034,0	75,0	9100,5	13,0	16937,6	0,3
Печорский	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	100,0	Нет свед.	94,0	Нет свед.	81,0	Нет свед.	Нет свед.
По губернии (на 1 января 1922 г.)	68829,1	97,0	1529,9	100,0	113152,5	98,0	52592,7	75,0	104498,3	83,0

Источник: Архангельская область в период восстановления народного хозяйства 1921–1925 гг. Архангельск, 1980. С. 70–71; Архангельский губэкосо. Отчет СНК и СТО (с 1-го апреля по 1-е октября 1922 г.) Архангельск, 1923. С. 131.

Крайне низкими показателями выполнения натуральных налогов отличались также Карельская Трудовая Коммуна и Олонецкая губерния, см. таблицу 3.

Таблица 3

Размеры поступления продовольственного налога в Олонецкой губернии и Карельской Трудовой Коммуне на 1 мая 1922 г. (%)

Административные единицы	Виды налогов											
	Хлебный в переводе на рожь		Яичный		Молочный (масляный)		Мясной		Сенной		Налог на шерсть	
	Оклад (тыс. пуд.)	% выполнения	Оклад (тыс. штук)	% выполнения	Оклад (тыс. пуд.)	% выполнения	Оклад (тыс. пуд.)	% выполнения	Оклад (тыс. пуд.)	% выполнения	Оклад (тыс. пуд.)	% выполнения
Олонецкая	116,5	90,4	139,6	123,0	4,7	76,6	13,3	85,6	405,8	56,0	0,7	85,0
Каркоммуна	53,5	87,7	43,6	75,4	2,9	65,5	6,4	76,6	218,2	52,8	0,5	40,0
Всего	170,0	89,5	183,2	109,9	7,6	72,4	19,7	82,7	624,0	54,9	1,2	66,7

Источник: Хозяйственный обзор Северо-Западной области за 1921–1922 год. (С 1-го октября 1921 года по 1-е октября 1922 года). Второй отчет Северо-Западного Областного Экономического Совещания Совету Труда и Обороны. Пг., 1923. С. 267.

Налоговые обязательства населения Карелии к концу налогового года так и не были исполнены. Хлебный налог в Карельской Трудовой Коммуне был выполнен лишь на 90%, мясной на 67%, масляный на 76%, сенной на 61%, яичный на 80%, налог на шерсть на 62%[14].

В Вологодской губернии было заготовлено 689638 пуд. хлеба, 10113 пуд. крупы и хлебопродуктов, 960417 пуд. зернофуража, 682152 пуд. яровых семян, 30760 пуд. растительного (льняного) масла, 982001 пуд. сена, 131188 пуд. соломы, 477196 пуд. картофеля и других овощей, 17154 пуд. мяса, 7685 пуд. молока, 184443 пуд. животного масла[15].

При этом следует иметь в виду, что помимо натуральных изъятий по продразверстке и продналогу прямые налоги и повинности, уплаченные за это время деревней, включали в себя трудгужналог, единовременный общегражданский денежный налог, временный налог на молочные продукты, местные денежные налоги и сборы, промысловый налог, косвенные налоги и таможенные пошлины. Не считая эмиссии, сельское население страны отдало по налогам за 1921/22 г. 8,9% всей своей продукции. Для сравнения укажем, что в 1913 г. взимаемый с крестьянства доход составлял 8,2%.

При кажущейся небольшой разнице изъятий налоговое бремя ложилось на ослабленное войной хозяйство (абсолютные размеры дохода от сельского хозяйства на душу населения в стране сократились с 94,5 рубля в 1913 г. до 66 рублей в 1921/22 г.)[16], что в условиях недорода хлебов 1921 г. и хозяйственной разрухи создавало значительные проблемы для крестьянства, см. таблицу 4.

Таблица 4

Налоговое обложение сельского хозяйства СССР в 1921/22 г.

Доля районов СССР в общей сумме с/х налога в 1921/22 г.								
Показатели	Районы							
	Потребляющий	Производящий	Юго-Восток	Киргизская Респ.	Сибирь	Итого по РСФСР	Украина	Итого по СССР
Стоимость продналога по ценам 1913 г. (тыс. руб.)	51546,4	80759,2	31792,8	6458,4	40558,4	211115,2	55464,0	266579,2
Стоимость временного молочного налога по ценам 1913 г. (тыс. руб.)	3252,0	1656,0	240,0	300,0	1896,0	7344,0	-	7344,0
Итого (тыс. руб.)	54798,4	82415,2	32032,8	6758,4	42454,4	218459,2	55464,0	273923,0
Процентное значение района в общей сумме поступлений	20,0	30,1	11,6	2,4	15,7	79,8	20,2	100,0
Стоимость налога 1921/22 г. к общей валовой продукции сельского хозяйства (%)								
Стоимость продналога	6,4	7,6	14,4	4,2	11,0	8,1	5,2	7,3
Стоимость временного молочного налога	0,4	0,1	0,1	0,1	0,5	0,2	-	-
Всего	6,8	7,7	14,5	4,3	11,5	8,3	5,2	7,5
Размер налога на едока (руб. в довоенных ценах)	2,5	2,3	Нет свед.	1,7	5,3	-	2,4	-

Продолжение таблицы 4

Доля районов СССР в общей сумме с/х налога в 1921/22 г.								
Показатели	Районы							
	Потреб-треб-ляю-щий	Произ-водя-щий	Юго-Восток	Кир-гизская Респ.	Сибирь	Итого по РСФСР	Украи-на	Итого по СССР
Размер налога на хозяйство (руб. в довоенных ценах)	11,7	12,5	Нет свед.	8,4	30,3	-	13,9	-
Стоимость трудгужналога 1921/22 г. к общей валовой продукции сельского хозяйства (%)								
Стоимость налога по ценам 1913 г. (тыс. руб.)	17471,4	6492,6	-	-	10354		4978	39296
Стоимость налога (%)	2,2	0,6	-	-	2,9		0,3	-
Размер налога на едока (руб. в довоенных ценах)	0,80	0,29	-	-	1,30		0,32	0,58
Размер налога на хозяйство (руб. в довоенных ценах)	3,70	1,54	-	-	7,22		1,14	2,93
Доля районов в выполнении налога (%)	44,8	16,6	-	-	27,0		12,7	100,0
Общегражданский налог с момента введения по 1-е октября 1922 г.								
Стоимость налога в золотых индексовых руб. Конъюнктурного института	999,05	835,81	155,03	22,26	282,2	2294,35	1219,0	3513,35
% к общей с/х продукции	0,12	0,08	0,07	0,07	0,08	0,07	0,12	0,10
Доля районов в выполнении налога (%)	28,5	23,8	4,4	0,6	8,0	65,3	34,7	100,0

Окончание таблицы 4

Доля районов СССР в общей сумме с/х налога в 1921/22 г.								
Показатели	Районы							
	Потреб-треб-ляю-щий	Произ-водя-щий	Юго-Восток	Кир-гизская Респ.	Си-бирь	Итого по РСФСР	Украи-на	Итого по СССР
Местные налоги								
Стоимость налогов в золотых до-военных рублях (тыс. руб.)	309,44	167,37	13,3	1,3	0,4	491,8	21,94	513,75
% к общей с/х продук-ции	0,04	0,02	0,01	0,001	0,0001	0,0014	0,02	0,017
Итоговые показатели								
% валовой продукции с/х получ. натураль-ными нало-гами	8,7	8,3	14,5	4,3	14,4	10,0	5,7	8,9
% валовой продукции с/х получ. денежными прямыми налогами	0,43	0,26	0,22	0,05	0,21	0,23	0,17	0,315

Источник: Народное и государственное хозяйство Союза Советских Социалистических Республик к середине 1922-23 г. М., 1923. С. 83–87.

Примечание: Стоимость продналога исчислена путем перевода натурального поступления налога в ржаные единицы по эквивалентам, принятым Наркомпродом, а затем ржаная единица оценена по средней довоенной российской цене в 80 коп. за пуд. Оценка трудгужналога произведена по нормам Госплана (1,16 руб. за гуждень и 0,30 руб. за день работы взрослого мужчины), что приблизительно соответствовало довоенной всероссийской средней рыночной оплате труда.

Учитывая то, что валовой сбор зерна в Вологодской губернии исчислялся в 1921 г. в 14162810 условных ржаных единиц, а изъятый из крестьянских хозяйств налог равнялся 2081506 ржаным единицам[17], (по другим данным, размер налога определялся в 1900000 ржаных единиц[18]), соотношение объема хлебозаготовок и валового сбора зерна в губернии по нашим подсчетам составляло весьма ощутимую долю в 14,7%.

В Северо-Двинской губернии натуральные налоги 1921/22 г. оценивались в сумму 1313000 руб., что составляло довольно высокий процент – 7,41% от облагаемого (условно-чистого) дохода[19].

В Северо-Западной области размер продовольственного налога составлял в среднем 9,0% от чистого сбора продовольственных и кормовых хлебов и картофеля, см. таблицу 5.

Таблица 5

Хлебный баланс и продналог в Северо-Западной области в 1921/22 г.

Губернии	Чистый сбор продовольственных и кормовых хлебов и картофеля в переводе на рожь (тыс. пуд.)	Размер продналога, фактически внесенный хлебом (тыс. пуд.)		Остаток для продовольствия населения и прокорма скота (тыс. пуд.)	Приходится на 1 душу сельского населения (пуд.)	
		абс.	% от чистого сбора		Чистого сбора	За вычетом продналога
Петроградская	8121,1	583,1	7,2	7538,0	9,8	9,1
Псковская	11108,2	1210,1	10,9	9898,0	9,7	8,6
Новгородская	9923,1	421,7	4,2	9501,4	12,5	11,9
Череповецкая	4921,9	941,5	19,1	3980,4	8,3	6,6
Карельская трудовая коммуна	1477,4	32,9	2,2	1444,5	7,4	7,2
Всего по области	35551,7	3189,3	9,0	32362,3	10,0	9,0

Источник: Хозяйственный обзор Северо-Западной области за 1921–22 хозяйственный год. Пг. 1923. С. 36–37.

Продналог значительно снижал хлебный баланс области, вынуждая население прибегать к дополнительным закупкам продовольствия.

В итоге все вышесказанное свидетельствовало об обременительности налога для северной деревни. Власти вынуждены были прибегать к применению силы, чтобы заставить плательщика налогов исполнять налоговые задания. Как подчеркивали налоговые органы Северо-Двинской губернии, «лишь под нажимом сдает он <крестьянин> продукты, но случаи репрессии – ареста и пени – редки. Особых мер к сокрытию продуктов население не предпринимает»[20]. В Никольском уезде Северо-Двинской губернии было арестовано 4073 должника по налогу, наложены пени на 821 дворохозяина, предано суду 7287 дворохозяев[21].

В Вологодской губернии по сведениям губэкосо отмечалось, что середняцкие хозяйства в массе своей сдавали налог добровольно без нажима. Последний применялся «к хозяйствам в экономическом отношении отсталым, маломощным и, кроме того, к типу более зажиточных хозяйств кулацкого типа»[22]. По материалам отчетов Карельского земельного управления о выполнении продналога в 1921 г. было арестовано в административном порядке 9 человек. «В пяти волостях была воспрещена

свободная продажа хлеба и масла впредь до выполнения налога». Военный продотряд высылался на две недели в Самбатунское общество Неккульской волости Олонецкого уезда «с целью понуждения налогоплательщиков»[23].

В Олонецкой губернии, судя по докладу председателя Олонецкого Губревтрибунала Шкивидорова, с 1 декабря 1921 г. по 1 февраля 1922 г. по продналоговым делам было привлечено к ответственности (большей частью условно): в Вытегорском уезде – 615 чел., осуждено – 536, в Лодейнопольском – 576, осуждено – 478, в Повенецком – 576, осуждено – 443, в Пудожском – 191, осуждено – 190, в г. Вытегре – 35, осуждено – 32 чел. Как отмечалось в докладе, «работа налоговых секций трибунала быстро продвинула дело сбора продналога и оказала большую услугу продорганам в смысле быстрого выполнения столь важного государственного задания»[24].

Гораздо откровеннее о социальной напряженности и об открытом недовольстве крестьян продовольственным налогом и различного рода натуральными повинностями сообщалось в информационных сводках ВЧК[25]. Чтоб избежать конфликта с деревней в следующую налоговую кампанию властям предстояло изменить формы и методы изъятия налога.

---

[1] Залесский М.Я. Налоговая политика советского государства в деревне. М., 1940; Пискотин М. И. Налоги с сельского населения в СССР. Правовые вопросы. М., 1957; Данилов В.П. Советская налоговая политика в доколхозной деревне // Октябрь и советское крестьянство 1917–1927 гг. М., 1977. С. 164 –191 и др.

[2] Решение было принято Совнаркомом РСФСР 21 июля 1921 г.

[3] Архангельская область в период восстановления народного хозяйства 1921–1925 гг. Архангельск, 1980. С. 72.

[4] Второй отчет Совету труда и обороны С.-Двинского губернского экономического совещания за период с 1 октября 1921 г. по 1 апреля 1922 г. Великий Устюг. С. 109.

[5] Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1921. № 26. Ст. 147.

[6] Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 552. Л. 3.

[7] Вологодское губернское экономическое совещание. Отчет Совету народных комиссаров и СТО с 1 июля 1921 г. по 1-е октября 1921 г. Вологда, 1921. С. 151.

[8] Доклады Карельского областного исполнительного комитета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов к 3 Всекарельскому съезду Советов. Петрозаводск, 1922. С. 52, 56.

[9] Отчет Северо-Двинского губэкономсовещания на 1 октября 1921 г. Великий Устюг, 1921. С. 9.

[10] См. доклад заместителя председателя губисполкома И.В. Богового на V губернской конференции РКП(б) о работе фракции РКП(б) губисполкома по проведению продналоговой кампании в губернии // Архангельская область в период восстановления народного хозяйства 1921–1925 гг. Архангельск, 1980. С. 70–71.

[11] Архангельская область в период восстановления народного хозяйства … С. 72.
[12] За три года. Отчет о деятельности Вологодского губисполкома и его отделов к VII губернскому съезду Советов. 20 июня 1921 г. Кн. 8. Отчет по губпродкому. Вологда 1921. С. 34–36.
[13] Отчеты о деятельности Вологодского губисполкома и его отделов IX съезду Советов РК и КД (декабрь 1922 года). Вологда, 1922. С. 12.
[14] Доклады Карельского областного исполнительного комитета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов к 3 Всекарельскому съезду Советов. … С. 49.
[15] ГАВО. Ф.5. Оп. 1. Д. 748. Л. 8-8 об.
[16] Народное и государственное хозяйство Союза Советских Социалистических Республик к середине 1922-23 года. М., 1923. С. 90.
[17] Отчеты о деятельности Вологодского губисполкома и его отделов IX съезду Советов … С. 118–119.
[18] Вологодский архив новейшей политической истории (далее – ВОАНПИ). Ф. 1853. Оп. 5. Д. 14. Л. 183.
[19] Два года работы Северо-Двинского губернского исполнительного комитета с 1 апреля 1927 г. по 16 марта 1929 г. Великий Устюг, 1929. С. 88; Отчет Северо-Двинского губисполкома (18 февраля 1926–21 марта 1927 г.). Великий Устюг, 1927. С. 81, 82; ВОАНПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1815. Л. 49.
[20] Отчет Северо-Двинского губэкономсовещания на 1 октября 1921 г. … С. 9.
[21] Второй отчет Совету труда и обороны С.-Двинского губернского экономического совещания за период с 1 октября 1921 г. по 1 апреля 1922 г. Великий Устюг. С. 111.
[22] Вологодское губернское экономическое совещание. Отчет СНК и СТО с 1 октября 1921 по 1 апреля 1922 г. Вологда, 1922. С. 67.
[23] Доклады Карельского областного исполнительного комитета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов к 3 Всекарельскому съезду Советов. … С. 49.
[24] Карельский государственный архив новейшей истории. Ф. 4. Оп. 1. Д. 293. Л. 11 об.
[25] См: ВЧК-ОГПУ о политических настроениях северного крестьянства. 1921–1927 годы … С. 17–27.

В.С. Жукова

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ КРЕСТЬЯН ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х гг. (НА МАТЕРИАЛАХ ДНЕВНИКА П.Г. АНАНЬИНА)

В последнее время в исторической науке заметно вырос интерес к проблемам истории повседневности. Концепция истории повседневности предполагает поиск новых, мало вовлеченных либо не введенных в научный оборот исторических источников. К таким источникам относятся дневники и воспоминания крестьян. Повседневность – целостный жизненный мир, предстающий в функционировании общества как «естественное», самоочевидное условие человеческой жизнедеятельности. Исследования повседневности подразумевают подход к миру человека и самой его жизни как к ценности. Из этого следует, что рассматривать

крестьянскую жизнь мы будем в обычных житейских ситуациях, причем дневники позволяют нам увидеть личное отношение крестьян к тому, что происходит вокруг них.

В своих дневниках крестьяне много внимания уделяют каждодневным заботам в сфере хозяйственно-бытовой деятельности. Они тщательно фиксируют выполняемые виды работ и все, что происходит в собственном хозяйстве. Иногда выходят за пределы своего хозяйства, фиксируют важные события в жизни своего населенного пункта или даже страны в целом.

Рассмотрим повседневную жизнь сельского населения Европейского Севера России на материалах дневника Павла Тимофеевича Ананьина, который проживал в деревне Красная Сельга Заонежья (ныне Медвежьегорский район Республики Карелии). Данная рукопись была обнаружена в 1971 г. доцентом Карельской государственной педагогической академии В.П. Ершовым, им же была выполнена расшифровка записей. В настоящее время дневник находится в фондах музея-заповедника «Кижи»[1].

Дом крестьянина П.Т. Ананьина в настоящий момент входит в состав архитектурной экспозиции музея-заповедника «Кижи». Дом был перевезен в Кижи из деревни Красная Сельга. Расположен он в центральной части острова на восточном его берегу в кижской деревне Ямка. Сразу видно, что дом принадлежал очень зажиточной семье. Главный фасад дома искусно и богато оформлен. Сам дом большой и стоил немалых денег. Вход в дом представляет из себя резное крыльцо с козырьком, над которым возвышается большой балкон. Крыльцо и балкон мастер оформил в едином стиле: с одинаковыми резными столбами, ажурными балясинами и подзорами. Наличники окон дома Ананьева отделаны накладными деталями в форме кистей, которые не так часто встречаются в Заонежье. Сарай дома Ананьева построен с традиционным съездом, или взвозом, по которому в него спокойно въезжали подводы. В сарае наверху (на «повети») хранили сено, солому, нехитрый хозяйственный инвентарь. Большую часть нижнего этажа занимали хлев и конюшня. С южной стороны есть еще один вход, сразу на второй этаж, куда ведет довольно крутая лестница.

Текст дневника П.Т. Ананьева опубликован в 14 выпуске Кижского вестника в Петрозаводске в 2013 г. и был подготовлен к публикации В.П. Ершовым и И.В. Мельниковым[2]. Данный дневник относится к 1930-м гг. (записи велись с 1932 по 1936 гг.). Автор записей грамотный человек, хотя мы не знаем, где и когда он получил образование. Неоднократно мы видим из дневниковых записей, что Ананьин читает газеты, в

числе расходных статей есть траты на покупку газеты «Заонежская правда» (ноябрь–декабрь 1933 г. расход составил 1 руб. 29 коп.). Записи П.Т. Ананьина чаще всего не выходят за круг интересов своей семьи, носят лаконичный характер. Иногда автор дневника констатирует смену председателя или появление какого-либо нового должностного лица в деревне. Схема ведения дневника стандартная: это указание дня недели, далее дата по старому и новому стилям. Описание автор делает в следующем порядке: сначала, что делал сам, затем сын и его жена, а затем хозяйка. Текст дневника на Л. 74–104 представляет из себя другой тип материала, на них представлена статистическая информация о денежных расходах и доходах от сдачи в наем помещений, о получении из колхоза продуктов, кормов и денег, также содержатся сведения о даче денег в долг и о возврате долгов[3]. Иногда содержатся сведения и цены на некоторые виды товаров. Сведений об образовании членов семьи и возрасте не встречается. Есть записи, содержащие сведения о погоде.

Крестьянская повседневность в 1906–1931 гг. была описана ранее на материалах дневника А.А. Замараева и И. Г. Глотова[4], также рассматривалась трудовая повседневность крестьян Европейского Севера России в годы Первой мировой войны[5], и описывались традиционные праздники в крестьянской среде[6]. В данной статье рассмотрим повседневную жизнь крестьян Заонежья в первой половине 1930-х гг. на материалах дневника П.Т. Ананьина.

Структура распределения рабочего времени включает в себя следующие компоненты: полеводство, луговодство, огородничество, скотоводство, промыслы и время, затраченное на ведение домашнего хозяйства. Кроме этого по дневниковым записям мы можем проследить некоторую сезонность крестьянского труда, не только связанную с земледелием, но в других направлениях.

В дневнике П.Т. Ананьина большую долю занимают записи о ведении собственного хозяйства. Если провести количественный анализ сведений о занятиях П.Т. Ананьина, то на первое место выйдет его занятие бондарным делом, встречается огромное количество упоминаний различных терминов, связанных с данным видом занятий: «Я начал делать посуду. Склал один ушат. Я делал посуду – щаники. Был дома, опиливал ушат»[7]. «Я тесал доски». В сентябре 1933 г. есть следующие записи: «Был дома, укладывал в ушаты дна», «Был дома, набил на ушат обручи»[8]. В январе 1934 г.: «Я склал два ушата», «Был дома. Склал стоянку», «Склал квасник», «Я зашывал коробку и делал посуду»[9]. Занятие бондарным делом приносило хозяйству П.Т. Ананьина деньги. Так, в запи-

сях 1934 г. (апрель) видим следующее: «Продали посуду не всю на 267 руб., денег привезли 215 руб., 52 руб., купили хлеба»[10].

Следующим по популярности занятием в семье П.Т. Ананьина была рыбная ловля. Это не случайно, если мы взглянем на карту Заонежья, где была расположена деревня Красная Сельга, то увидим, что данная местность была очень богата природными водоемами. В дневниковых записях довольно часто встречаются сведения о рыболовстве: «Были спущать верши в Койбозеро, спустили 12 шт.», «Митька и Марья ходили похожать верши, никого не достали». 29 апреля 1933 г. «Я ходил к Койбозеру. Но озеро снова замерзло. Похожать верши нельзя, лед, а потом промежки». «Был на озери, на Тютезери. Сачил. Достал рыбы 18 фунтов. Я был на озери, на Койбозери, сачил, достал около 10 штук, окуньков. Я был на озери, на Мижеозери. Сачил, достал рыбы на варку и на рыбник»[11]. Таким образом, мы видим, что рыбной ловлей в семье занимались сам П.Т. Ананьин, его сын и жена сына Марья. Довольно большую долю в пищевом рационе данной семьи занимает рыба.

Кроме этого П.Т. Ананьин описывает и другие свои занятия: ремонтирует разные вещи в своем хозяйстве, например сани, изгородь, крыльцо, дровни, сак, катанки, сети, верши[12]. Из этого мы можем сделать вывод о том, что П.Т. Ананьин был хорошим, рачительным, бережливым хозяином.

Большое внимание крестьянин уделяет работе в лесном хозяйстве. Этим видом деятельности в большей мере занимается сын Митька (работает на лесозаготовках, смолокурке, подсочке). В дневнике можно прочесть большое многообразие различных видов работ, таких как ходили на подрывку (подрывали пни для получения смолы), проверял и убирал банки (сбор смолы в специальные банки). «Митька ушол на подточку оберать банок», «Митька был вершыны корзать» (рубил сучья)[13].

Митя, его жена Марья и хозяйка выполняют разнообразные виды работ в колхозе, такие как пашут, боронуют, косят. «Митька пахал рожь». «Марья боронует». «Митька переаривал овес», «Митька в колхози заперал огороду», «Марья возила навоз на рассадники. Хозяйка валила под лен», Марья и хозяйка бороновали и гладили репу. «Митька конюхом и по очереди», «Хозяйка была конюхом взамен Митьки», «хозяйка ездила за глиной»[14].

Довольно часто на страницах дневника отмечается работа Мити и Марьи (его жены) по ремонту дороги. Так, например, 19 ноября 1932 г. «Митька был на дороги, на мосту», «Митя и Марья на дороги поправлять почтовую», «Митя и Марья пришли с дороги» и т.д. Кроме этого Дмитрий

умеет плотничать, починять обувь, изгородь, подковывать лошадь. «Митька тоже дома починял крышу на байны с Марьей»[15].

Семья состояла в колхозе, но хозяин в своем дневнике ни разу не пишет о том, что он ходил на собрания[16]. Из дневниковых записей мы понимаем, что ходить на собрания – обязанность сына Мити.

Женскому труду П.Т. Ананьин уделяет меньше внимания. Часто это описание сводится к следующему: «Хозяйка дома кое-что»[17]. Имя жены Ананьина в основном тексте дневника не встречается, но оно называется во второй части, содержащей статистическую информацию в связи с перечнем доходов. Ее зовут Апполинария Ивановна, и ее имя встречается в перечне доходов семьи «зароботки» октябрь, ноябрь, декабрь 1934 г. по 55 руб. месяц, январь, февраль, март 1934 г. – по 71 руб. Всего 378 руб.[18] Из дневника мы узнаем, что хозяйка трудится уборщицей в райлесхозе и приносит в свое хозяйство реальные деньги, что было очень важно для крестьянских хозяйств того времени. Также она выполняет всю домашнюю работу: мытье полов, стен, потолков. Так, в 1932 г. есть следующая запись: «27 октября Хозяйка начала мыть избу. 28 октября Хозяйка мыла потолок. Октября 31 Хозяйка мыла сени. 2 ноября хозяйка мыла и стирала». Она «топит байну», ткет («Хозяйка навивала стаф. Хозяйка ткала»), ухаживает за скотиной, готовит еду («Хозяйка терла муку»)[19]. Кроме этого она была занята на сельскохозяйственных работах в колхозе и в своем хозяйстве. «Хозяйка чесала лен». В июне–июле 1933 г. «Бабы лен пололи. Бабы косили и грабили». Хозяйка загребала картошку[20]. 11 ноября 1932 г. «Хозяйка молотила овин в колхозе ржаные обивки». 12 ноября «Хозяйка молотила в колхози рожь». 14 ноября молотила овес. Хозяйка весь день сушила и убирала сено свое под горой. Горох колхозный «бабы жали горох». В сентябре 1933 г. «Бабы в колхози убирали картошку». «Марья оберала картошку в колхози. Хозяйка копала свою картошку»[21].

В дневнике также встречается описание заготовки членами семьи П.Т. Ананьина грибов и ягод. Так, в августе 1933 г. «Митька был с обеда за волнухами, Марья была по ягоды», «Хозяйка ходила по ягоды», «Митька и бабы ходили за волнухами на продажу», «Хозяйка дома чистила ягоды», «Бабы были по клюкву»[22].

Таким образом, со страниц дневника заонежского бондаря П.Т. Ананьина мы узнаем о жизни северной деревни в непростой период её существования – коллективизации сельского хозяйства. Со страниц дневника мы узнаем о разнообразном и интенсивном крестьянском труде. Так же дневниковые записи позволяют нам увидеть экономико-бытовые условия существования крестьянского хозяйства в период коллективизации.

[1] Ершов В.П. О дневнике заонежского бондаря // Кижский вестник. Петрозаводск, 2013. Вып. 14. С. 4.
[2] Жукова В.С. Трудовая повседневность в годы Первой мировой войны по материалам дневников и воспоминаний крестьян Европейского Севера России // Рябининские чтения 2015: материалы VII конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера (г. Петрозаводск, сентябрь 2015 г.). Петрозаводск, 2015. С. 17–149.
[3] Текст дневника П.Т. Ананьина // Кижский вестник. Петрозаводск, 2013. Вып. 14. С. 106–145.
[4] Жукова В.С. Трудовая повседневность в крестьянских дневниках Европейского Севера России первой трети XX века // Повседневность в российской провинции XIX–XX вв.: материалы Всероссийской научной конференции (г. Пермь, 5–6 ноября 2013 г.). В 2 ч. Ч. I. Пермь, 2013. С. 157–161.
[5] Жукова В.С. Трудовая повседневность в годы Первой мировой войны по материалам дневников и воспоминаний крестьян Европейского Севера России // Рябининские чтения 2015: материалы VII конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера (г. Петрозаводск, сентябрь 2015 г.). Петрозаводск, 2015. С. 41–43.
[6] Жукова В.С. Религия и суеверия в повседневной жизни крестьян Европейского Севера России в первой трети XX в. (по материалам дневников и воспоминаний) // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XV Международной научной конференции (г. Иваново, 23–24 марта 2016 г.). В 2 ч. Ч. II. Иваново, 2016. С. 357–363.
[7] Текст дневника… С. 25, 26, 30, 31, 36, 44.
[8] Там же. С. 44, 45.
[9] Там же. С. 54, 62, 63.
[10] Там же. С. 58.
[11] Там же. С. 32, 33, 39, 37, 40.
[12] Там же. С. 24, 28, 32, 38.
[13] Там же. С. 19, 37.
[14] Там же. С. 19, 34, 35, 36.
[15] Там же. С. 22, 37, 38.
[16] Там же. С. 31, 33, 36.
[17] Там же. С. 18, 22, 24, 25, 27.
[18] Там же. С. 120.
[19] Там же. С. 19, 20, 29.
[20] Там же. С. 19, 38.
[21] Там же. С. 21, 43, 45.
[22] Там же. С. 42, 43, 44, 45.

В.А. Гайкин

ИСТОРИЯ ВЕКА ЧЕРЕЗ БИОГРАФИЮ ДОМА

Этот двухэтажный деревянный особняк в лесном пригороде Владивостока (станция «Санаторная») разрушается, брошенный на произвол судьбы, как старый больной бомж, за плечами которого жизнь, наполненная событиями, населенная яркими персонажами, сыгравшими в прямом и переносном смыслах значительные роли в мировой культурной и политической жизни. Дом построен приморским олигархом Борисом Бринером и использовался в качестве дачи. Его отец Жюль Бринер (выходец из Швейцарии) в 1902 г. продал царскому правительству лесную концессию в верховьях пограничной реки Ялу, что было использовано Японией в качестве одного из поводов для развязывания войны против России (1904–1905 гг.) [1].

Рис. 1. Бывшая дача Бринеров на станции Санаторная

Борис Бринер, «владелец заводов, портов, пароходов» (в частности дальнегорских рудников), успел побыть министром Дальневосточной Республики. Его империя была национализирована советским государством. И семья сочла за благо в 1931 г. эмигрировать в Харбин[2].

Дом помнит озорного мальчугана Юлия (Юла), который стал любимцем зрителей послевоенного кинематографа, всемирно известным актером Юлом Бриннером, американским Робин Гудом из знаменитого вестерна «Великолепная семерка», за чьими подвигами на экране с замиранием сердца следили миллионы советских людей в 1960-е гг.

Особняк пережил революционные потрясения, и в 1930-е годы всемогущий НКВД устроил здесь спецшколу[3]. Её посещал замнаркома НКВД Люшков (самый высокопоставленный перебежчик) перед тем, как «уйти» в Японию в 1938 г. Информация, которую он передал, была бесценна: дислокация советских войск, военные шифры, информация о группе Зорге и т. д. Японцы застрелили Люшкова 19 августа 1945 г., после вступления советских войск в Маньчжурию[4].

В 1942 г. в этом «учебном заведении» осваивал тонкости диверсионно-разведывательной работы молодой корейский партизан Ким Сон Чжу, в 1946 г. ставший известным всему миру как Ким Ир Сен – лидер Северной Кореи. Впервые я узнал об этом в конце 1970-х гг., работая над диссертацией о борьбе корейцев за независимость (в том числе партизанской борьбе Ким Ир Сена), наткнувшись в «Ленинке» на серьёзный японский источник, согласно которому в 1942 г. Ким Ир Сена видели (японские агенты) в районе станции Санаторной[5]. Я посмеялся над этим вымыслом. Ведь шпионская сеть к этому времени была ликвидирована (в то время я верил в эти сказки). Кроме того, Ким Ир Сен в начале 1940-х гг. был всего-навсего командиром партизанского отряда в Маньчжурии[6]. И найти средней руки партизанского лидера на бескрайних просторах СССР было гораздо сложнее, чем пресловутую иголку в стоге сена.

Каково же было мое удивление, когда в автобиографии Ким Ир Сена, вышедшей в конце 1980-х годов, я прочитал, что в 1942 г. будущий президент Северной Кореи действительно обучался в советской спецшколе, находившейся в этом месте[7]. Какой многочисленной, разветвленной, имеющей устойчивую связь с Японией должна была быть японская разведсеть на территории СССР (в годы войны!), чтобы моментально идентифицировать корейского партизана, появившегося на короткое время на маленькой железнодорожной станции в лесном пригороде Владивостока! Имеет право на существование и другое объяснение столь быстрой фиксации японской разведкой появления Ким Ир Сена на «Санаторной» – «наводка» Люшкова, обладавшего феноменальной памятью, несколько месяцев диктовавшего японцам по 40 страниц в день. Информацию, которую он «сбросил» японским спецслужбам, можно смело назвать «большой энциклопедией НКВД» (и не только).

Как место, связанное с жизнью великого вождя корейского народа, дом мог бы стать Меккой для северокорейских туристов, свято чтящих все, что имеет отношение к первому президенту КНДР. Директор Восточной школы Павел Спивак вспоминает: «В первые годы моего дирек-

торства Восточной школы был случай, когда на Санаторной останавливался на несколько часов спецпоезд уже нового лидера Северной Кореи Ким Чен Ира. Санаторная была совместно окутана братскими спецслужбами, а у меня в памяти – серьезные восточные мужчины из-за забора почтительно фотографируют Восточную школу»[8].

В «эпоху застоя» особняк был служебной дачей одного из руководителей Приморского края. После того как Россия «обрела независимость», дом почувствовал, что развязка не за горами. Правда, в 1990-х гг. в этом здании успешно функционировала Восточная школа, где владивостокские дети получали уроки истории зарубежного Дальнего Востока, древней и загадочной культуры. Директор Восточной школы Павел Спивак однажды случайно наткнулся в подвале на человеческие останки. Кем был этот незнакомец? Невольным свидетелем тайн семьи Бриннеров? «Человеком в железной маске», убитым сотрудником НКВД? Сохранив в тайне страшную находку, Павел Спивак снова закопал истлевшие останки[9]. Кому сейчас интересны жуткие тайны XX века. Тем, кто сегодня «у руля», стала не нужна и сама Восточная школа, которую выбросили из бринеровского особняка.

Старый дом, переживший революции и войны, тихо умирает в мирное время, как лишний свидетель эпохи великих потрясений, разглядывая пустыми глазницами выбитых окон быстро меняющийся пленэр.

---

[1] Романов Б.А. Витте и концессия на р. Ялу / Б.А. Романов // Сборник статей по русской истории, посвящённый С.Ф. Платонову. Петроград, 1922. С. 431.

[2] Бабцева И.И. Из истории семьи Бринеров (по материалам фондов Музея) / И.И. Бабцева // Янковские чтения. Материалы конференций 1992, 1994, 1996 гг. Приморский государственный объединённый музей им. В.К. Арсеньева, Владивосток: Фаркон, 1996. С. 60.

[3] Спивак П. От разведшколы до восточной школы / П. Спивак // Правда Приморья. 2008. № 28.

[4] Наумов Л. Борьба в руководстве НКВД в 1936-1938 гг. / Л. Наумов. М., 2006. С. 92.

[5] Токко гайдзи гэппо (Бюллетень внешней разведки). Токио, 1944 (ноябрь). (яп. яз.). С. 76-78.

[6] Тиан гайкё гаппо (Краткое ежемесячное обозрение общественного порядка). Б.м., 1940. гектограф (яп. яз.).

[7] Ким Ир сен. В водовороте века / Ким Ир сен. Пхеньян: изд-во лит. на иностр. яз., 1993. Т. 3. С. 325.

[8] Спивак П. О сколько тайн и странных совпадений таишь ты Санаторная… / П. Спивак // Арсеньевские вести. 2008. 23 июля.

[9] Завадская М. Хунхузы, чиновники и восточная школа / М. Завадская // Арсеньевские вести. 2007. 12 декабря.

А.Е. Ухов

ПРОБЛЕМА ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ИДЕОЛОГИЙ САМОДЕРЖАВИЯ И КОММУНИЗМА: СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД

Отправной точкой в рассмотрении обозначенной в названии проблемы будет исторический факт о быстрой, если не сказать стремительной, перемене в массовом сознании населения России после 25 октября 1917 года. Почему те, кто вчера пел «Боже, царя храни!», кричал теперь «Долой самодержавие!»?

Как нам представляется, ответ на обозначенную выше проблему может находиться в проблеме преемственности двух, на первый взгляд, различных типов власти: самодержавной (дворянско-монархической) и большевистской (советской).

Новая марксистско-ленинская идеология, а также «культ личности» Сталина, когда идея самодержца-вождя, «отца Отечества», заменив собой самодержца-монарха, прочно вошла в массовое сознание тоталитарной России. При этом широко использовались механизмы «символической политики».

Самодержавие и социализм (коммунизм) являются теми или иными политическими формами (идеологиями или «наименованиями целей»), которые могут играть роль символов «для убеждения больших масс людей поверить в то, чем является государство»[1]. Такая «символизация», по мнению Д.Г. Смирнова, может приводить к «мифологизации» истории, «двусмысленности при опрокидывании символов “с историей” в новую политическую реальность», что может привести к «возмущению поверхности “политического моря”: они вызывают отторжение у большинства адресатов внутри социума, ибо вступают в противоречие с исходными смыслами»[2]. Поскольку в такой ситуации сами имена утрачивают какой-либо смысл, отыскание научной истины требует абстрагирования от подобных «естественных установок» и обратиться к философской методологии.

Для обоснования тезиса о преемственности власти самодержавия и большевизма как историко-политических конструкций, во многом утопических и искусственных (то есть не отвечающих ценностям демократии), мы используем идеологически нейтральный системный подход А.И. Уемова[3].

Принимая обозначенный тезис за концепт, нам необходимо выявить структурные элементы. Таковыми могут выступить аргументы, обосно-

вывающие тезис. В качестве субстрата можно рассматривать конкретные исторические факты и оценки.

Для прямого обоснования, согласно принципу системности и правилам логики, необходимо рассмотреть ряд аргументов наиболее авторитетных исторических исследователей по всем важнейшим направлениям общественной жизни:

1. В политической сфере необходимо отметить формальную близость (при содержательном отличии) идеологической составляющей крайних правых и левых политических сил на рубеже XIX–XX вв. Для монархистов было характерно «неприятие либеральной и, в несколько меньшей степени, социалистической теории и практики»[4], что даже сближало их в оппозиционности с левыми.

Самодержавие – это симбиоз двух политических групп, монархии и дворянства, само понятие появилось в ситуации массовых репрессий Ивана Грозного, сам термин был призван оправдать неограниченную власть монарха (ответственность лишь перед Богом). В результате самодержавие стало «традицией» – главным оплотом нового, дворянско-помещичьего, феодального государства. Когда же объективно пришло время перемен, изменения производительных сил, самодержавно-дворянское государство оказалось серьезнейшим препятствием, всячески тормозящим общественное развитие.

По словам Г.Н. Оботуровой, «абсолютизированная идеология, превращающаяся в идеологический миф-утопию, порождает “протестное поле культуры”, идеологическую борьбу, обусловливая дальнейшее развитие»[5]. Эта борьба выражалась, например, в отступлениях и противоречиях с программой Маркса. Новая власть представлялась крестьянству «почти всесильной и функционально нерасчлененной, персонифицированной в образе партийных вождей и надсословной», вне идеи «наивного монархизма», вместе с тем, «государственная власть в Советском Союзе соответствовала каноническому образу власти в крестьянских представлениях», что являлось «в политическом отношении социальной опорой сталинизма»[6].

Принято считать, что советское общество строилось в соответствии с идеями К. Маркса и В.И. Ленина. Однако этот стереотип, перешедший из советской историографии, не соответствует фактам. «История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов»[7], – писал К. Маркс в своем «Манифесте коммунистической партии». Известно, то Маркс, в силу неразвитости капиталистических отношений, не рассматривал Россию в качестве подходящего объекта для воплощения идей коммунизма. И историческая действительность опровергла его теорию.

Несмотря на это, решившись на революцию в аграрной стране, Ленин вынужден был исказить идеи Маркса и воспользоваться теми же национальными «традициями», которые так яростно им критиковались. Преемник В. Ленина И. Сталин, по словам В. Катасонова, также «забывал о догматах марксизма-ленинизма», например, «вопреки догмату о необходимости мировой революции он сформулировал тезис о возможности победы социализма в отдельно взятой стране».

Можно привести пример исследуемого нами сходства, когда в решении вопроса о земле Ленин прибегал к использованию идей Ж.Б. Прудона и В. Чернова, апеллировавших к национальной традиции общинности.

Социализм, по Прудону – «славянская община», когда земля принадлежит всей общине, а право пользования отдельными земельными участками – каждому члену общины. По словам Прудона, «распространить славянскую форму владения было бы большим шагом вперед в цивилизации»[8]. Эти же идеи проводил идеолог социалистов-революционеров В. Чернов в своей программе «социализации земли», которую и «позаимствовал» В. Ленин – лидер большевиков. Черновское содержание программы социализации земли сводилось к упразднению частной поземельной собственности и обращению земли в «общенародное достояние» и «общественное распоряжение». …Важная роль отводилась «демократической организованной общине»[9].

В России, таким образом, стала выстраиваться новая социальная структура, которая не уничтожала, но в общих чертах (то есть по форме) воспроизводила старую, дореволюционную. По социальной структуре (форме) советское государство обнаруживало все больше сходств с дореволюционной Россией.

1. Идеология: православие – коммунизм; верховная власть: царь – генеральный секретарь («вождь») партии; аристократия: дворяне – партноменклатура.

Исследователи отечественной истории (особенно консервативно-монархической направленности) зачастую обнаруживают различия между западноевропейской и российской монархиями, утверждая, что российская монархия это не форма правления, а способ управления, при котором личность растворяется в массе, а монарх «выше государства, но он не есть государство»[10]. Таким образом, это утверждение Л. Тихомирова почти что воспроизводит идею тоталитарного государства, возникшего с приходом к власти И. Сталина.

Исследуемое нами сходство находит свое подтверждение и в так называемом «культе личности»: возвеличивании фигуры «вождя» –

И.В. Сталина, которое имело свою историческую аналогию в фигуре Ивана IV Грозного. Позднее Сталин будет сравнивать себя также с русскими императорами.

В сформировавшемся советском обществе (особенно при И. Сталине) все меньше было сходств с идеалами классического коммунизма К. Маркса. Каждый последующий этап «пути к светлому будущему», к коммунистическому обществу в условиях развития бюрократической прослойки, новой элиты советского общества все больше отдалял от утопических идей классиков диалектического материализма. Напротив, советское общество (по меньшей мере по своей форме) все больше приближалось к своему «антиподу» из прошлого – к самодержавию.

Нужно признать, что основанная на идеях триединства «самодержавия – православия – народности», политическая система России никогда не имела прочных традиций демократии. Модель властеотношений России представляла собой жесткую авторитарную «вертикаль власти», которая управлялась одним лицом, которое окружали многочисленные зависимые от него и, как правило, коррумпированные помощники.

2. В экономическом плане, перед лицом модернизации XX века, века науки, в условиях отсталой аграрной экономики и отсутствия единой программы, как самодержавие, так и большевики использовали инструменты и методы, во многом сходные между собой.

По мнению М. Воейкова, в России образца 1914 г. царили полуфеодальные экономические порядки, поскольку «нормального буржуазного (капиталистического) общества к тому времени в России просто не было»[11]. Большевистская власть вынуждена была реанимировать многие идеи как «капитализма», так и «самодержавия».

Сама идея коллективизации с упованиями на революционный энтузиазм и «пролетарское внеэкономическое принуждение», а также «общинный» характер колхозов нигде у классиков марксизма не упоминается. «Сталинская политика в области индустриализации и коллективизации не только не соответствовала основным принципам марксизма, но и противоречила интересам борьбы за мировую революцию, отталкивала пролетариат европейских стран от Коминтерна, от опыта первой социалистической страны»[12]. Об этом упоминает и В. Катасонов: «сталинская экономика противоречит марксизму»[13].

Преемственность наблюдается и в терминологии современных исследований. Например, «государственный феодализм», который имел место в СССР 1930–1950-х гг. и сочетавший в себе «становление раннего госкапитализма» с «широким применением государственно-феодальных мето-

дов эксплуатации»[14], такие как отработочная, натурально-продуктовая и денежная повинности (что фактически было тождественно крепостному праву, о чем говорили сами крестьяне, расшифровывая аббревиатуру ВКП(б) как «второе крепостное право»).

Главным аргументом апологетов сталинского экономического чуда является утверждение, что И.В. Сталин «оставил в наследство мощнейшую экономику, которая по большинству показателей занимала первое место в Европе и второе в мире (после США)»[15]. При этом не учитывается цена, которую пришлось заплатить населению сталинской России, экономика носила мобилизационный характер, то есть все «плюсы» достигались за счет ограбления собственного населения, ухудшения условий его жизни, бытовой неустроенности (тогда как благосостояние населения стран Запада и США улучшалось).

Иными словами, приоритетом сталинской модели (тоталитарной) были «Высшие цели», внешнеполитические, а не гуманистические. В этом сталинизм также был «единодушен» с самодержавием: по мнению А.Б. Зубова, «главное, в чем заинтересован монарх, так это в том, чтобы передать страну по наследству, и ради этой главной цели он, если необходимо, будет действовать в ущерб интересам граждан»[16], примером чему в России и послужили события 1917 года.

3. В социальной сфере самодержавие и советское государство объединяло одно – полунищенское и униженное существование простого народа, прежде всего, земледельцев – самого многочисленного социального слоя и в николаевской России, и в СССР. Русский крестьянин во все времена стремился бежать из деревни, дать своим детям образование и послать в город. Это обусловлено не только неудовлетворительными природно-климатическими условиями для ведения земледелия на большей территории России, но и уничижительным отношением властей и аристократии (в советское время место аристократии заняла партноменклатура) к «человеку из народа». По словам А.В. Островского, в начале XX в, несмотря на то, что Россию изображали «благополучной страной, которая не только полностью обеспечивала хлебом себя, но и кормила Европу»[17], на самом деле главную роль на рынке играли не зажиточные крестьяне или крупные землевладельцы, как в Западной Европе или Соединенных Штатах, а «средние и беднейшие крестьяне», товарность которых имела «вынужденный характер», а связанное с рынком производство в «большинстве губерний являлось убыточным»[18].

Репрессивная национальная политика и самодержавия, и советской власти также обнаруживала «единодушие». Например, по данным

С.Л. Фирсова[19], при Александре III было издано 65 законов, направленных против евреев, а при Николае II – еще 50. В СССР в 1941–1944 гг. происходили массовые депортации народов (немцев, калмыков, чеченцев и др.) в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. (как «социально опасных элементов», высланных из областей, объявленных на военном положении) «с лишением их исторической родины, иначе называемое этнической чисткой, однозначно входит в разряд гуманитарных преступлений»[20].

В целом в обеих идеологиях обнаруживается одна общая тенденция: во главу угла ставились интересы не человека и личности, но всегда – государства и общества. Человеческое достоинство, его права и интересы отходили на второй план. Такая «восточная» феодальная модель власти, утверждавшаяся со времен Ивана Грозного и пришедшая в свой апогей во времена «золотого века российского дворянства» Екатерины II, стала образцом и для построения власти в СССР при Сталине. Напротив, в обществах Западной Европы и США «Идея социального государства как способа разрешения социальных противоречий явилась одной из центральных в развитии западноевропейской либерально-демократической мысли»[21].

4. Самое большое сходство между самодержавием и большевизмом существовало в сфере культуры. Сущность радикальных и стремительных перемен в массовом сознании раскрывается словами В. Розанова, который в революционной ситуации 1917 г. усматривал Апокалипсис: «Апокалипсис требует, зовет и велит новую религию. Вот его суть»[22]. Эта религия вскоре проявила себя в попытках рецепции христианских (и православных) идей на идеологической почве социализма (речь идет о программе «богостроительства» наркома просвещения Луначарского, на основе православного христианства предусматривающей создание «новой религии»). Выдвигая отвергаемый Лениным тезис, что христианская религия «демократична», так как выросла из борьбы бедных и угнетенных против богатых, Луначарский предусматривал воплощение «царства божьего», но не в трансцендентном смысле, а имманентно, конкретно в форме построения социализма в действительности. При этом одной из главных идей должна быть марксистская идея о примате «человечески-коллективного, видового, над человечески-индивидуальным»[23].

Если Ленин рассматривал религию однозначно негативно, как «род духовной сивухи, в которой рабы капитала топят свой человеческий образ»[24], то Сталин еще в большей мере осознал «конкурентные» качества церкви в России, поэтому относился к ней с большей осторожностью, сумев использовать церковь для укрепления собственной власти в критические периоды истории.

В связи с этим возможным ответом на поставленный Розановым вопрос: «христианство вдруг все позабыли в один момент. …Но что же такое, что случилось?»[25] – может быть его собственное меткое замечание: «Просто как православным человеком русский никогда не живал»[26]. Апокалипсис, о котором с тревогой сообщал Розанов был, скорее, радикальной трансформацией форм Старого порядка, его старые формы быстро приобрели новое содержание, хорошо знакомое широким массам населения (бывших, по большей части, крестьянами).

В последнее время в науке и культуре, в целом, появляется тенденция идеализировать фигуру и заслуги Сталина. Не станет ли это прецедентом для трансформации российского государства по пути жесткой авторитарной власти одного (вождя, монарха и т.п.) и отхода от принципов демократии?

---

[1] Edelman, Murray J. The symbolic uses of politics. Urbana: University of *Illinois* Press, 1976. P. 2

[2] Смирнов Д.Г. Символическая политика: теоретические и методологические аспекты // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 2 (16). С. 13.

[3] Истина в классической и неклассической эпистемологии: системный подход: монография / А.Е. Ухов. Вологда-Молочное: ФГБОУ ВО Вологодская ГМХА, 2017. 123 с.

[4] Тяпин И.Н. Философско-исторические идеи российского политического консерватизма XIX начала XX в.: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.03 / Тяпин Игорь Никифорович. СПб., 2009. С. 4.

[5] Оботурова Г.Н. Миф в структуре познания и деятельности. Вологда: Русь, 2000. С. 245.

[6] Кедров Н.Г. Политическое сознание крестьянства русского севера в 1930-е годы: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Кедров Николай Геннадьевич. Санкт-Петербург, 2010. С. 21-22.

[7] Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 4. М.: Политиздат, 1955. С. 424.

[8] Прудон Ж.Б. Что такое собственность? М.: Республика, 1998. С. 187.

[9] Исхакова О.А. Виктор Михайлович Чернов // Чернов В.М. Избранное. М.: Россиская политичекая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 27.

[10] Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни / отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 64.

[11] Воейков М.И. Российская экономика 100 лет назад или о причинах русской революции 1917 года // Альтернативы. 2014. № 4. С. 96.

[12] Абрамович, И.Л. Воспоминания и взгляды / И. Л. Абрамович. М.: КРУК-Престиж, 2004. Кн. 2: Взгляды. 2004. С. 52.

[13] Катасонов В.Ю. Экономика Сталина / отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. С. 38.

[14] Безнин М.А, Димони Т.М. Социальные классы в российской колхозно-совхозной деревне 1930–1980-х гг. // Социологические исследования. 2011. № 11. С. 91.

[15] Катасонов В.Ю. Экономика Сталина / отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. С. 8.

[16] Зубов А.Б. Органические преимущества демократии // Полис. 2013. № 2. С. 48.

[17] Островский А.В. Зерновое производство в Европейской России в конце XIX – начале XX в. СПб: [б.и.], 2013. С. 3.
[18] Там же. С. 2.
[19] Фирсов С.Л. Николай II: пленник самодержавия. М.: Молодая гвардия, 2010. 526 с.
[20] Земсков В.Н. Масштаб политических репрессий в СССР (правда и домыслы) // Труды Института российской истории РАН. 2012. № 10. С. 315.
[21] Оботурова Н.С. Трансформация марксистской теории государства в современной европейской социально-гуманитарной мысли // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2013. № 4. С. 90.
[22] Розанов В.В. Уединенное. Опавшие листья. Апокалипсис нашего времени. Статьи о русских писателях. М.: СЛОВО/SLOVO, 2001. С. 453.
[23] Луначарский А. В. От Спинозы до Маркса: очерки по истории философии как миросозерцания / А. В. Луначарский. М.: Новая Москва, 1925. С. 116.
[24] Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1969. Т. 12. С. 143.
[25] Розанов В.В. Уединенное. Опавшие листья. Апокалипсис нашего времени. Статьи о русских писателях. М.: СЛОВО/SLOVO, 2001. С. 453.
[26] Там же. С. 448.

Л.С. Панов

ВОЛОГОДСКОЕ БЮРО КРАЕВЕДЕНИЯ (1930–1933 гг.)

Новые тенденции краеведческого движения выразились в ходе состоявшейся в конце марта 1930 г. IV (ставшей последней) Всероссийской краеведческой конференции, на которой были поставлены задачи массовости краеведческого движения и участия краеведов в социалистическом строительстве. Сеть краеведческих организаций подлежала перестройке: региональные общества краеведения подлежали упразднению, на их месте должны были быть созданы краеведческие ячейки на фабриках, заводах, в колхозах, учреждениях, вузах, школах. Руководство их деятельностью предстояло осуществлять районным, городским, окружным, областным и краевым бюро краеведения. Таким образом, связывалась общественная инициатива, которая была движущей силой деятельности краеведческих обществ, уступая место усиливавшемуся диктату сверху. Менялось и содержание работы: на первый план выходило обязательное участие краеведов в поисках полезных ископаемых, сборе сведений о колхозах и заводах. Юридической основой ликвидации краеведческих обществ стало Постановление СНК РСФСР от 30 марта 1930 г. «О мерах по развитию краеведного дела»[1].

В октябре 1930 г., после потери Вологдой статуса губернского, а затем и окружного центра, было образовано Вологодское городское организационное бюро краеведения, избран его временный президиум во главе с заместителем председателя Вологодского горсовета А.И. Стениловским и организатором краеведческой работы Е.М. Федосеевым[2]. На состоявшемся затем общем собрании краеведов г. Вологды президиуму было поручено создать краеведческие кружки при промышленных предприятиях, кооперативных организациях и учреждениях народного образования, а также образовать при оргбюро естественно-историческую, промышленно-экономическую и культурно-историческую секции. На этом этапе оргбюро должно было вести работу и в Вологодском районе[3].

Бюрократический способ создания новой организации оставил отпечаток и на ее деятельности. Были утверждены план проведения в декабре 1930 г. краеведческой пятидневки и бланки отчетов о работе отдельных организаций по выполнению этого плана, разосланные затем по учреждениям и организациям. С целью ознакомления рабочих, служащих и учащихся с задачами и методами советского краеведения в Доме Революции и в только что образованном в Вологде Северном краевом педагогическом институте были проведены краеведческие вечера. При пединституте был организован краеведческий кружок. Кружки были организованы также при колхозном техникуме, кожевенном заводе «Труд», рабфаке, Прилуцкой опорной школе, медицинском и водном техникумах, землеустроительном тресте, Госмузее, Кувшиновской лечебнице. Велись переговоры об их организации и при некоторых других местных учреждениях и предприятиях[4]. В «Красном Севере» 9 и 12 декабря были опубликованы статьи Е.М. Федосеева: «Изучайте свой край, свое производство» и «Организуем массовое краеведческое движение в деревне».

Если в 1920-е гг. ассигнования на организацию краеведческой работы поступали из Главнауки, то теперь источником средств на зарплату сотрудникам, на хозяйственные и научные цели стали исключительно местные средства, ассигновавшиеся горсоветом. Некоторое дополнение им составляли поступления от членских взносов, продажи изданий и случайные поступления[5]. В городском оргбюро состояло несколько оплачиваемых работников: инструктор, делопроизводитель-счетовод, рассыльная, а также заведующий метеорологической станцией при бюро старый краевед В.Я. Масленников. Бюро приняло от Вологодского окружного краеведческого общества все имущество и задолженность (вскоре погашенную) за печатание изданий общества в 1930 г.[6]

Президиум оргбюро сделал попытку включиться в общественную жизнь Вологды. С этой целью им был составлен наказ вологодским из-

бирателям в связи с перевыборами городского совета. Были созданы первые секции. Итоги организационной работы были подведены в конце февраля 1931 г. на 1-й вологодской городской краеведческой конференции, где 10 созданных к тому времени краеведческих ячеек были представлены 41 делегатом с правом решающего и 12 – совещательного голоса. Единогласно была принята резолюция, характеризовавшая краеведческую работу как необходимую в условиях социалистического строительства[7]. Доклад о работе оргбюро был утвержден, намечалось в дальнейшем продолжать работу по расширению сети краеведческих ячеек за счет, главным образом, рабочих, крестьян и учащихся. Ячейки должны были изучать в первую очередь промышленные предприятия города, производство и развитие колхозного движения в пригородном районе. Признавалось необходимым привлечение краеведческих методов в работе школ, установление связи с планирующими органами, хозяйственными и научными организациями[8]. Конференция постановила организовать городское бюро краеведения, в которое были выбраны 15 членов и 5 кандидатов. После некоторых проволочек оно собралось 11 апреля 1931 г. и избрало президиум, председателем которого стал Р.М. Восконян (председатель городской плановой комиссии), заместителем председателя – П.П. Филин (заведующий городским отделом народного образования). Фактическим организатором краеведческого движения в Вологде был Е.М. Федосеев, бывший с 1928 г. действительным членом Вологодского общества изучения Северного края, председателем секции естественных производительных сил, уполномоченным Главнауки по охране памятников природы, председателем межведомственной комиссии Вологодской губернии, а затем округа[9].

Е.М. Федосеев представил план работ городского бюро на 1931 г., к конкретизации которого было предположено привлечь секции и отдельных краеведов. В структуре бюро теперь насчитывалось четыре секции: естественно-производительных сил, сельскохозяйственная, культурно-бытовая и промышленно-транспортная (организация последней была отложена)[10]. 8 мая 1931 г. бюро направило в секции перечень вопросов, подлежащих разработке, и предложило составить подробные планы обследования, порекомендовав пригласить к составлению планов хозяйственные организации и членов ячеек. Сельскохозяйственная секция наметила в качестве первоочередных задач обследование садово-огородного хозяйства в городе, сбор материалов по растительности, почвам и климату, обследование и устройство пастбищ, лугов, кормовой базы животноводства, организацию огородничества, плодового и ягодного хозяйства в районе, содействие Госмузею в переустройстве его работ в соответствии

с требованиями современного краеведения. Культурно-бытовая секция наметила разработку конкретных программ по краеведению для педагогических техникумов, исследование вопроса о наиболее выгодном и целесообразном в санитарно-гигиеническом отношении направлении дальнейшего роста города, составление путеводителя по городу Вологде в области культурно-бытовой, изучение путей и форм нового быта, их внедрение в жизнь колхозов, вовлечение работников педагогического института в работу секции. Секция естественно-производительных сил предположила для себя обследование зеленых насаждений города, вопросы торфодобывания, выделки гнутой мебели, лесное хозяйство, потребности города в древесине, охотничье и рыбное хозяйство, изыскание всякого рода полезных ископаемых, собирание материала по растительности, почвам, климату с целью составления соответствующих карт, геоботаническое обследование Вологодской низины, изучение вопросов, связанных с ведением пригородного хозяйства. Таким образом, направление работы всех секций носило производственный характер. Президиумом горбюро планы их работы были одобрены и дополнены[11].

Выполняя решения, сельскохозяйственная секция нашла необходимым перепланировать коренным образом сельскохозяйственный отдел музея, который должен был «ярко отразить преимущества социалистического сектора сельского хозяйства, для контраста подчеркивая недостатки единоличного хозяйства». Однако в последующий период времени музей это решение выполнить не успел. Секция естественно-производительных сил успела уделить основное внимание изучению охотничье-рыболовных угодий Вологодской низменности, включая озера Молотовское и Коровье. С 15 по 20 июля 1931 г. было проведено их исследование и собран большой материал. Секция признала необходимым принятие мер по устранению заболоченности озер, поддержанию проточности воды в них, правильной постановке рыбного хозяйства. По левому берегу нижнего течения реки Вологды было предложено устроить заказник[12]. Другое направление работы секции выразилось в организации ее председателем Н.Л. Соколовым кружка юных краеведов-натуралистов при зоосаде Госмузея.

В центре внимания культурно-исторической секции бюро была организация краеведческой работы школ и школьных работников. Этот вопрос был включен в программу очередных курсов работников опорных школ, работавших в Вологде в июле 1931 г., на которых от имени секции выступил с докладом Е.М. Федосеев. При школах создавались краеведческие ячейки, в составе которых вели работу юные краеведы. Их дея-

тельности изначально придавался чрезвычайно политизированный характер, в основу ставилось изучение хода классовой борьбы и осуществление политики коммунистической партии, внимание обращалось в первую очередь на соотношение классовых сил в районе, на формы классовой борьбы, на ликвидацию кулачества как класса на основе сплошной коллективизации. Должна была изучаться также индустриализация района[13].

Историческое краеведение сводилось к изучению революционного прошлого района, религиозных и антирелигиозных движений, суеверий и борьбы с ними. Определенное место отводилось изучению фольклора. Важнейшим направлением в школьном краеведении инструктивное письмо Северного краевого бюро называло оборонную работу. Юные краеведы должны были изучать физико-географическую среду, знать расположение дорог, рек и лесов и многое другое, вплоть до мест для посадки самолетов. Главными формами работы по изучению своего района были определены организация школьных экскурсий и разведочных работ, собирание коллекций, лабораторная обработка материалов, моделирование, составление альбомов, вычерчивание карт, таблиц, диаграмм и планов. Работа должна была быть согласована с районными плановыми комиссиями и местными музеями[14].

Городское бюро краеведения руководило также работой состоявшей при нем метеорологической станции. Составлявшиеся им прогнозы погоды сообщались городскому и районному земельным отделам, радиоузлу, климатическому уголку музея, пригородному хозяйству и другим организациям. Бюллетени о погоде текущего дня и ожидаемой на следующий день выставлялись в витрине на видном месте в центре города. На станции проводились школьные экскурсии. Точность прогнозов оценивалась весьма высоко (до 95 %), несмотря на то, что на работе станции неблагоприятно сказывалось отсутствие многих необходимых приборов[15].

Реорганизация структуры краеведческого движения на местах позволила провести подобное мероприятие и на краевом уровне. С этой целью в марте 1932 г. в Архангельске была созвана краеведческая конференция Северного края с участием Е.М. Федосеева, выступившего с докладом о состоянии краеведческой организации в Вологде. Было избрано Северное краевое бюро краеведения, от Вологды его членами стали Е.М. Федосеев и А.А. Волягин. Вскоре Е.М. Федосеев был делегирован в Архангельск на конференцию по изучению производительных сил Северного края, где сделал доклад о лесах его южной части, в то время как представлявший вологодский госмузей Н.Л. Соколов выступил с докладом о птицах Севера[16].

На протяжении 1932 г. президиум бюро постоянно пытался активизировать свою работу. Из секций, однако, фактически вела работу только секция естественно-производительных сил. Осуществлялось руководство геологоразведочными работами на основе заключенного договора с Центральным бюро краеведения. К краеведческой работе стремились привлечь школьных учителей, учащихся, инженерно-технических работников, комсомольцев. С этой целью 7 июля 1932 г. было созвано многолюдное городское собрание инженерно-технических работников, на котором Е.М. Федосеев сделал доклад о сущности советского краеведения. Собрание вынесло постановление в поддержку краеведческой работы, охарактеризованной как один из деятельных факторов выполнения 2-й пятилетки[17], однако существенного перелома в ход работы не внесло.

В июле 1932 г. экспедиция при участии членов городского бюро краеведения и 7 членов кружка юных натуралистов в трех лодках совершила экспедицию по реке Вологде от города до затона Векса и далее, средства на организацию которой поступили от музея и от горбюро краеведения. Участники экспедиции занимались исследованием полезных ископаемых и обследовали организованный к тому времени заказник Вологодского товарищества Охотсоюза, изучали вопросы колхозного рыболовства. Были собраны материалы по флористике, гербарий из 300 экземпляров. В устье реки Вологды участники экспедиции исследовали различные виды глины и известняк[18]. Важным направлением помощи краеведения в социалистическом строительстве считались поиск и способствование внедрению в производство местных строительных материалов. Инженер Д.А. Скаржинский сделал доклад в секции естественно-производительных сил о возможности использования глинит-цементов в районе города Вологды[19]. Осенью 1932 г. на основании инструктивного письма ЦБК в Вологде была образована комиссия содействия геологоразведочной работе[20]. 17 ноября были прочитаны доклад Н.Л. Соколова о работе экспедиции по изучению естественно-производительных сил бассейна реки Сухоны и доклад И.С. Кирпичникова о проведенной под его руководством геологоразведочной работе со студентами Вологодского пединститута летом 1932 г. в устьях рек Юга и Лузы. В конце декабря был решен вопрос об открытии в Вологде двухнедельных геологоразведочных курсов на 40 человек, издании по этому вопросу инструкционного письма учительскому персоналу. Секция также вела работу по исследованию состава воды в р. Золотухе[21], изучению направлений ветров в Вологде[22].

Аналогичная работа продолжалась и в следующем, 1933 г. Так, совещание краеведов 14 октября 1933 г. решало вопрос об изыскании из-

вести и строительных материалов, а также о пропаганде использования торфа в сельском хозяйстве и промышленности на основании договора между Центральным бюро краеведения и начальником управления торфа народного комиссариата земледелия РСФСР. В план исполнения городского бюро краеведения на лето 1934 г. была поставлена задача выяснить в пределах Вологодского района местоположение туфовых известняков, пригодных для известкования почв с целью употребления их на местах. Была признана необходимость заключать особые хозяйственные договоры между хозяйственными органами и городским бюро краеведения[23].

Однако задача придания краеведческой работе массового характера так и не была достигнута. Даже после краевой краеведческой конференции к десяти краеведческим ячейкам города добавились только две новые: при кузнечном цехе завода «Северный коммунар» и кооперативно-промышленной артели «Венстул». В общей сложности в двенадцати ячейках числилось 350 членов, но лишь немногие из них вели работу, в то время как большинство ячеек бездействовало. Настоящая краеведческая работа велась только в ячейке при Госмузее, в которую фактически трансформировалось Вологодское окружное общество краеведения. Попытки городского бюро активизировать работу остальных ячеек не привели к успеху. Не удалось провести собрания в ячейках для обсуждения их работы и организационных вопросов. В созванном в марте 1932 г. собрании членов бюро ячеек приняли участие лишь представители двух техникумов и кожевенного завода «Труд», которым были даны руководящие указания и литература[24]. Анализируя причины бездействия ячеек, президиум бюро находил их в текучести кадров, перемещениях, командировках, неопытности, незнании самой работы, отсутствии руководства, помещений для собраний и в ряде других причин[25].

Недолгий опыт существования Вологодского городского бюро краеведения показал малую жизнеспособность возглавлявшейся им структуры краеведческих ячеек. План привлечения к краеведческой работе «широких масс трудящихся» оказался неосуществимым. Эти обстоятельства призывали вспомнить более успешный опыт работы Общества изучения Северного края и подталкивали как общественность, так и власти к его возрождению.

---

[1] Филимонов С. Б. Краеведение и документальные памятники. М., 1989. С. 19.
[2] ВГИАХМЗ. Сектор письменных источников. Ф. 157. Оп. 3. Д. 20. Л. 1.
[3] Там же.
[4] Там же. Л. 1 об, 6.
[5] Там же. Л. 1 об.

[6] ВГИАХМЗ. Сектор письменных источников. Ф. 157. Оп. 3. Д. 20. Л. 2.
[7] Там же. Л. 6.
[8] Там же. Л. 7.
[9] Там же. Л. 4 и 4 об.
[10] Там же. Л. 7–8.
[11] Там же. Л. 8–9.
[12] Там же. Л. 10–11.
[13] Там же. Д. 23. Л. 19.
[14] Там же. Л. 20.
[15] Там же. Л. 12–13.
[16] Там же. Л.16.
[17] Там же. Л. 19.
[18] Там же. Д. 23. Л. 21.
[19] Там же. Л. 23.
[20] Там же. Л. 24.
[21] Там же. Л. 25.
[22] Там же. Л. 26.
[23] Там же. Д. 21. Л. 1.
[24] Там же. Д. 20. Л. 16.
[25] Там же. Л. 16–17.

Ю.А. Перебинос

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ КАРЬЕРЫ В РЕГИОНАЛЬНОМ ПАРТИЙНО-СОВЕТСКОМ АППАРАТЕ в 1930-е годы (на материалах Европейского Севера России)

В центре внимания данной публикации находятся проблемы вовлеченности женщин в региональную власть в 1930-е гг. на Европейском Севере России, их продвижения по карьерной лестнице в аппаратах партийных и советских органов управления. Следует подчеркнуть, что исследователи политической системы современной России проявляют высокий интерес к теме участия женщин в осуществлении государственной власти. В этой связи изучение опыта Советского государства представляется весьма актуальным. Между тем в высших органах власти за всю историю советского периода исследователи насчитали всего семь женщин, причем только две входили в состав Политбюро[1]. В местных органах Советского государства доля женщин была больше. Однако еще в 1920-е гг. даже в местных партийно-советских аппаратах женщин было всего 2-3%[2].

Массовое проникновение женщин в региональные партийные комитеты и исполкомы Советов началось на рубеже 1920–1930-х гг. В усло-

виях реализации курса на ускоренное строительство социализма в СССР высшая власть рассматривала женщин как важный кадровый резерв. В Постановлении ЦК ВКП(б) от 15 июня 1929 г. «Об очередных задачах партии по работе среди работниц и крестьянок» особо указывалось на более активное продвижение женщин на руководящую работу[3]. При этом Л.М. Каганович отмечал, что «женщину пора уже начать выдвигать не как женщину, а как работника, полноправного, выросшего, развившегося»[4].

Следует обратить внимание и на объективные предпосылки увеличения доли женщин во властном аппарате. Так, по данным на начало 1934 г. женщины составляли 52,7% в структуре населения Северного края[5]; по материалам переписи 1939 г. – 51,7% населения Архангельской области и 54% Вологодской области[6]. В целом по РСФСР в 1939 г. женщины составляли большую часть трудоспособного населения[7]. Кроме того, в предвоенное десятилетие были достигнуты успехи в развитии социальной инфраструктуры, позволившей женщинам высвободить время для участия в общественном производстве и управлении. В итоге под воздействием целенаправленной политики государства и в условиях действия объективных факторов в 1930-е гг. показатели вовлеченности женщин в региональные аппараты партийных комитетов и исполкомов Советов значительно увеличились. Причем их присутствие наблюдалось в органах местной власти всех уровней – от края (области) до села.

В 1930-е гг. меньше всего женщин работало в аппарате краевых (областных) партийных комитетов и исполкомов Советов. При этом их представительство в областных исполкомах Советов на Русском Севере достигло своего максимума к началу 1941 г. В частности, в Архангельском облисполкоме работало восемь женщин, что составляло 19,5% сотрудников, занимающих ответственные должности в данном учреждении[8]. В Вологодском облисполкоме количество женщин было несколько меньше – всего пять человек, или 12,2% руководителей[9]. В краевом (областном) аппарате комитетов ВКП(б) численность женщин даже в 1930-е гг. оставалась незначительной. Так, в первом составе Северного краевого комитета ВКП(б) в 1929 г. из 29 человек, занимавших ответственные должности, была лишь одна женщина[10]. По мере расширения функционала партийных комитетов, увеличения их штатов количество женщин несколько возросло. Например, к концу 1939 г. в Вологодском областном комитете ВКП(б) из шестидесяти шести человек руководящие функции выполняли десять женщин, т.е. 15% работников[11].

В районном и городском звене органов власти представительство женщин в 1930-е гг. было значительно больше. Так, в районных испол-

комах и горсоветах Северного края женщины занимали 9,3% ответственных должностей в 1931 г., 12,6% – в 1933 г.; 18,6% – в 1934 г.[12] К началу 1941 г. они составляли 21–22% среди сотрудников районных советских органов власти Архангельской и Вологодской областей[13]. В 1933 г. в сорока пяти районных комитетах ВКП(б) Северного края женщины занимали 23,4% руководящих должностей[14].

Особенно поощрялось центральной властью привлечение женщин в сельские Советы. Причем доля женщин-председателей сельсоветов, как правило, увеличивалась после очередных выборов. Так, в Северном крае по итогам выборов 1930–1931 гг. они составляли 4,9%, после выборов 1934 г. – 10,9%[15]. Перед началом Великой Отечественной войны представительство слабого пола в низовом звене власти достигло максимума за все предвоенное десятилетие: в сельсоветах Архангельской области они занимали 22,5%, Вологодской области – 18% должностей секретарей и председателей[16].

Анализ статистических сведений о половом составе партийно-советского аппарата Европейского Севера России указывает на то, что в конце 1920-х – 1930-е гг. фактически определились «женские» должности, на которые женщины назначались чаще, чем на другие. К ним, в частности, относились посты заведующих женскими отделами в парткомах и отделами народного образования и здравоохранения в исполкомах Советов. К примеру, в 1929 г. в должности заведующей отделом по работе среди работниц и крестьянок Северного крайкома была утверждена Наталья Ивановна Когинова, которая после ликвидации женотделов в 1930 г. перешла на работу в Северный крайисполком на должность заведующей отделом народного образования. На этом посту она проработала до апреля 1932 г., когда была откомандирована в распоряжение ЦК ВКП(б). Заметим также, что Когинова была единственной женщиной, входившей в течение 1929–1931 гг. в состав высшего регионального политического органа – бюро Севкрайкома ВКП(б)[17]. В 1930 г. «товарищ Шевкова» была заменена «товарищем Швечковой» в должности заведующей отделом народного образования Вологодского округа[18]. В 1939 г. половина районных здравотделов Вологодской области возглавлялась женщинами, среди руководителей районных и городских отделов народного образования они составляли 22%[19]. В частности, Вологодский гороно возглавляла А.П. Рожина[20]. В Архангельской области накануне войны женщины также занимали более чем половину должностей заведующих районными здравотделами[21].

«Женской» можно считать и должность инструктора в краевых (областных), районных и городских аппаратах парткомов и исполкомов Со-

ветов. Так, в 1936 г. 20% инструкторов Севкрайкома и Коми обкома ВКП(б) являлись женщинами[22]. В середине 1930-х гг. именно в районном инструкторском корпусе наблюдался самый высокий процент женщин: 28,3% от всех занимающих эти должности в 1933 г.; 44,4% – в 1934 г.; 10,2% – в 1936 г., 14,3% – в 1937 г.[23]

В то же время, наоборот, некоторые должности были недоступны для женщин. К примеру, посты секретарей и председателей исполкомов Советов краевого или областного уровня на Европейском Севере России занимали исключительно мужчины[24]. Крайне редко женщины занимали должности секретарей партийных комитетов, председателей исполкомов Советов на уровне района или города. Так, среди председателей РИКов Северного края в 1930–1936 гг. доля женщин составляла от 2 до 3,6%; процент женщин-председателей горсоветов был несколько выше – 5,5%[25]. К началу 1941 г. женщины возглавляли 7,7% РИКов Архангельской и 4,6% РИКов Вологодской областей[26]. Например, в 1938 г. Нюксенский райисполком возглавила А.И. Бусырева[27].

Во второй половине 1930-х гг. женщины появились и среди секретарей районных комитетов ВКП(б). В результате выборов в руководящие партийные органы 1938 г. в целом по СССР доля женщин-секретарей райкомов и горкомов составила 5,5%; в Архангельской области – 10,4%; в Вологодской – 4,8%[28]. Причем на весь секретарский корпус обеих областей приходилась всего одна женщина – первый секретарь: Устьянский райком возглавила Е.Н. Минюхина[29]. Среди секретарей райкомов Вологодской парторганизации к апрелю 1939 г. было две женщины, занимавшие должности вторых секретарей (Губкина, Рогачева), и пять женщин, находящихся на посту третьего секретаря (Нестерова, Игнатьева, Фролова, Сивкова, Егорова)[30].

Скорее исключением, чем правилом, являлась женщина на посту заведующего отделом парткома или исполкома Советов края (области). В частности, по состоянию на 4 ноября 1937 г. из восьми отделов Архангельского обкома ВКП(б) всего лишь один – отдел школ – возглавлялся женщиной – Н.В. Полетаевой[31]. В 1937 г. среди завотделами Архангельского облисполкома женщин не было, лишь А.Н. Помелова исполняла обязанности заведующей сектором кадров[32]. В предвоенный год женщины появились на должностях глав отраслевых отделов в облисполкомах: в Архангельской и Вологодской областях насчитывалось по три женщины – завотделами[33].

Итак, в предвоенное десятилетие на фоне форсированного строительства социализма в СССР женщины все более активно продвигались в

региональный партийно-советский аппарат, занимая в нем заметную долю руководящих должностей. Вместе с тем, и в 1930-е гг. наблюдалась гендерная ассиметрия в органах власти. Гендерный дисбаланс был особенно очевиден в верхних эшелонах региональной власти – на краевом (областном) уровне. Преодолевая социальные стереотипы и делая карьеру в публичной сфере, женщины наталкивались на «стеклянный потолок», негласно ограничивающий их продвижение по служебной лестнице. Лишь только некоторые из представительниц слабого пола добивались довольно высокого положения в иерархии региональной власти.

---

[1] Светлакова В. П. Особенности женского политического лидерства в России: история и перспективы // Омский научный вестник. 2009. № 6 (82). С. 86.

[2] Малахов Р. А. Провинциальное чиновничество Европейского Севера России 1918-1920-х годов (на материалах Архангельской и Вологодской губерний) : дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Вологда, 1999. С. 92.

[3] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). 9-е изд. В 15 т. Т. 4. М., 1984. С. 516, 520-522.

[4] Цит. по: Горылев А.И., Кокорева Ю.В. Участие женщин в реализации государственной власти: историко-правовой аспект // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2007. № 6. С. 209.

[5] Рассчитано по: Статистический сборник по Северному краю за 1929–1933 гг. Архангельск, 1934. С.9.

[6] Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. Россия. СПб., 1999. С. 20-21.

[7] Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. М., 2002. С. 101-102.

[8] Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 2063. Оп. 1. Т. 1. Д. 1308г. Л. 6–7.

[9] Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 1300. Оп. 1. Д. 319. Л. 1.

[10] Гос. арх. Архангельской области. Отдел документов социально-политической истории (ГААО ОДСПИ). Ф. 290. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–2.

[11] Вологодский областной архив новейшей политической истории (ВОАНПИ). Ф. 2522. Оп 2. Д. 131. Л. 3.

[12] ГААО. Ф. 621. Оп. 1. Д. 519. Л. 50–50 об.; Д. 653. Л. 3.

[13] Там же. Ф. 2063. Оп. 1. Т. 1. Д. 1308 г. Л. 6–7; ГАВО. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 319. Л. 1.

[14] ГААО ОДСПИ. Ф. 290. Оп. 1. Д. 1295. Л. 112.

[15] Бондаренко С. Я., Малахов Р. А., Перебинос Ю. А. Провинциальное чиновничество на Европейском Севере России в 1918 начале 1950-х годов. Вологда: «Книжное наследие», 2009. С. 99.

[16] ГААО. Ф. 2063. Оп. 1. Т. 1. Д. 1308г. Л. 6–7; ГАВО. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 319. Л. 1.

[17] ГААО ОДСПИ. Ф. 290. Оп.1. Д. 11. Л. 2; Д. 351. Л. 5; Д. 924. Л. 49–50; Д. 1179. Л. 112об.

[18] ГАВО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 79. Л. 321.

[19] ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 2. Д. 131. Л. 3.

[20] ГАВО. Ф. 366. Оп. 2. Д. 137. Л. 4.

[21] ГААО ОДСПИ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 814. Л. 18.

[22] ГААО ОДСПИ. Ф. 290. Оп. 2. Д. 1104. Л. 33-35.
[23] ГААО. Ф. 621. Оп. 1. Д. 519. Л. 50–50 об.; Д. 653. Л. 3.
[24] Перебинос Ю.А. Провинциальное чиновничество Европейского Севера России 1930-х годов: дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Вологда, 2000. С. 256–259.
[25] Бондаренко С. Я., Малахов Р. А., Перебинос Ю. А. Указ. соч. С. 97.
[26] ГААО. Ф. 2063. Оп. 1. Т. 1. Д. 1308г. Л. 6–7; ГАВО. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 319. Л. 1.
[27] ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 2. Д. 139. Л. 3.
[28]РГАСПИ (Рос. гос. арх. социально-политической истории). Ф. 17. Оп. 120. Д. 320. Л. 24; ГААО ОДСПИ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 401. Л. 2–40 об.; ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 1. Д. 96. Л. 11-28.
[29] ГААО ОДСПИ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 401. Л. 2-40 об.
[30] ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 2. Д. 131. Л. 104-105.
[31] ГААО ОДСПИ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 130. Л. 1-2.
[32] ГААО. Ф. 2063. Оп. 4. Д. 1. Л. 42 об.–47.
[33] ГАВО. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 319. Л. 1; ГААО. Ф. 2063. Оп. 1. Т. 1. Д. 1308г. Л. 6–7.

О.В. Ильина

РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ СЕМЬИ И БРАКА в СССР в 1920–1940-е гг.

В советском законодательстве правовое регулирование семейно-брачных отношений прошло несколько этапов. Первый этап был связан с либерализацией семейно-брачных отношений и разрушением традиционного влияния церкви в вопросах заключения брака и отношений между супругами. Нововведения нашли отражение в декретах 1917–1918 гг., а также в Кодексах 1918 и 1926 гг.

В частности, в Декрете «О гражданском браке, о детях и о введении книг актов гражданского состояния» от 18 декабря 1917 г. законным признавался только светский брак, а церковный брак, исконно существовавший в России, объявлялся лишь частным делом брачующихся[1]. Все метрические книги, находившиеся в ведении духовных учреждений, передавались во вновь созданные отделы ЗАГС. Упрощалась процедура вступления в брак: после подачи заявления и подписки об отсутствии у партнеров препятствий к заключению брака в книгу вносилась запись о регистрации брака, который вступал в законную силу, а молодожены получали на руки копию свидетельства о браке. Таким образом, процедура вступления в брак принимала будничный характер в отличие от венчания, которое проводилось в виде обряда с идеей того, что браки заключаются на небесах и имеют некую крепость и нерушимость. В то же вре-

мя гражданская процедура развода упрощалась, особенно при отсутствии общих детей и при согласии обеих сторон.

Кодекс о браке, семье и опеке 1926 г. приравнял к зарегистрированным бракам фактические брачные отношения, не санкционированные в ЗАГСе, а также уравнивал права детей, рожденных в браке и вне его[2]. Эти нововведения значительно усложняли соблюдение принципа единобрачия и требовали дальнейшего совершенствования норм семейного права.

Таким образом, второй этап в развитии семейно-брачных отношений был связан с усилением контроля государства над личной жизнью граждан, в стране был провозглашен курс на укрепление семьи и брака. Это нашло отражение в законодательстве 1930-х гг.

В Постановлении ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. речь шла о материальной помощи роженицам и многодетным семьям, о расширении сети родильных домов, детских садов и яслей[3]. Законодательный акт вводил полный запрет на производство абортов и уголовное наказание для его нарушителей, вплоть до заключения в тюрьму (до 2 лет). Подобные операции разрешались только по медицинским показаниям. Усложнялся бракоразводный процесс: в суде требовалось присутствие обоих супругов, вводилась плата за оформление развода, которая повышалась с каждым последующим разводом (50 руб. – первый развод, 150 руб. – второй развод и 300 руб. – третий и последующие разводы). В паспорт ставилась отметка о расторжении брака. На суде решался вопрос о том, с кем останутся дети и устанавливались размеры алиментов, которые действуют в современном семейном законодательстве.

Таким образом, законодательные меры 1930-х гг. были направлены в первую очередь на повышение рождаемости и укрепление семьи как основной ячейки социалистического общества.

Многие положительные сдвиги в естественном движении населения 1930-х гг. были прерваны Великой Отечественной войной. Огромные людские потери и резко упавшая рождаемость, в условиях деформации половозрастного состава, потребовали от государства внесения радикальных поправок в существующие правовые акты, регулировавшие семейно-брачные отношения.

Еще в 1941 г. был введен налог на холостяков, одиноких и бездетных граждан, который распространялся на мужчин от 20 до 50 лет и бездетных замужних женщин от 20 до 45 лет и составлял 6% от зарплаты названных лиц[4]. Несмотря на непопулярность налога, он просуществовал до распада СССР и был отменен только в 1992 г.

В ходе войны был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г.[5] В этом указе шла речь об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, об усилении охраны материнства и детства и о других положениях, направленных на увеличение рождаемости в стране. Данный правовой документ на несколько десятилетий определил основные направления демографической политики государства. В нем утверждалось, что отныне только зарегистрированный брак порождал права и обязанности супругов по закону, поэтому лицам, которые фактически состояли в браке, настоятельно рекомендовалось оформить свои отношения в органах ЗАГС с указанием срока фактической совместной жизни. В паспорте ставилась отметка о семейном положении.

Усложнялась процедура развода, которая производилась только в судебном порядке и включала в себя две стадии. Сначала в народном суде принимались меры к примирению супругов, и если примирения не происходило, то дело поступало в вышестоящий суд, который и рассматривал круг вопросов, связанных с разводом: собственно развод супругов, определение того, с кем останутся дети, каков будет раздел имущества и, по желанию разводящихся, решение о присвоении добрачных фамилий. При подаче заявления о расторжении брака взыскивалась государственная пошлина, на руки выдавалось свидетельство, а в паспорт ставилась отметка о разводе.

Указ 1944 г. увеличивал государственное пособие многодетным и одиноким матерям, которое выдавалось уже при рождении третьего ребенка, а не седьмого, как это было ранее (при этом учитывались дети, погибшие на войне). В 1947 г. специальным Указом были определены размеры пособий многодетным и одиноким матерям[6].

Одинокая мать в условиях сложной жизненной ситуации могла поместить своего ребенка в детское учреждение на полное государственное обеспечение и в любое время забрать его обратно, но на период нахождения ребенка в детском доме ей пособие не выплачивалось.

Указ 1944 г. увеличивал отпуск по беременности и родам с 63 до 77 календарных дней с правом присоединить к нему очередной отпуск.

Таким образом, принятие Указа 1944 г. показывало, что государство вставало на защиту семьи в ее традиционных формах и подробно регламентировало все стороны ее жизни и деятельности. В то же время многие нормы семейного права в 1920–1940-е гг. носили декларативный характер и противоречили реалиям времени. Так, выполнение положений Постановления 1936 г. и Указа 1944 г. было затруднено в сельской

местности, где практически отсутствовала сеть родильных домов, и роженицам приходилось десятки, а то и сотни километров добираться до районного центра, чтобы получить акушерскую помощь при родах.

В большинстве колхозов не было постоянных детских садов, только на время летних интенсивных сельскохозяйственных работ создавались детские площадки, не соответствующие материально-техническим и санитарно-гигиеническим нормам по уходу, содержанию и воспитанию детей.

По закону во время войны беременные женщины освобождались от сверхурочных работ и получали дополнительные продовольственные пайки, но эти нормы не действовали в деревне, так как для колхозниц определялся минимум трудодней на период военного времени, выполнение которого являлось обязательным, да и доход семьи изменялся в зависимости от выработанных трудодней. Кроме этого, в условиях чрезвычайного военного времени трудоспособное население подлежало мобилизации на производство, строительство, заготовку топлива и другие работы, от которых освобождались беременные, а также женщины, имеющие грудных детей и детей до 8 лет, но только при условии отсутствия других членов семьи, обеспечивающих уход за ними. Многие меры чрезвычайного характера продолжали действовать и после войны.

Болезненным для женщин было Постановление 1936 г. о запрещении абортов, так как низкая культура граждан в вопросах регулирования рождаемости могла привести к нежелательной беременности, а угроза уголовного наказания способствовала распространению нелегальных форм ее прерывания. Это в свою очередь вело к неквалифицированному аборту и, как следствие, к инвалидности, бесплодию или смерти женщины. Только в 1955 г. запрет на аборт был отменен, и женщина получила право выбора в вопросе деторождения[7].

В целом, несмотря на подробное правовое регулирование семейно-брачных отношений в 1920–1940-е гг., демографические процессы в стране вступали в новую фазу развития: формируется тип воспроизводства, предполагающий сознательное ограничение рождаемости и числа детей в семье. Показатели брачности из-за половозрастной деформации сокращаются, а уровень разводимости повышается, преодолев препятствия Указа 1944 г.

---

[1] Декреты Советской власти. Том I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М., 1957. С. 247-249.

[2] Кодекс законов о браке, семье и опеке // Собрание кодексов РСФСР. М., 1927. С. 630-647.

[3] Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР. М., 1949. С. 40-41.
[4] Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. июль 1956 г. М., 1956. С. 335-336.
[5] Ведомости Верховного Совета СССР. 1944. № 37. С. 1.
[6] Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. июль 1956 г. М., 1956. С. 389-390.
[7] Указ от 23 ноября 1955 г. «Об отмене запрещения абортов» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1955. № 22. Ст. 425.

Л.В. Изюмова

УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ ВЕРХУШКА КОЛХОЗОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ В 1930–1960-х гг.: ЧИСЛЕННОСТЬ, СОСТАВ, СОЦИАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Численность председателей – управленческой верхушки колхозов – напрямую зависела от числа коллективных хозяйств и соответственно изменялась по мере роста или сокращения числа последних. На протяжении 1930-х гг. происходил рост числа колхозов в связи с массовой коллективизацией и численность председательского корпуса стремительно росла. Так, по данным годовых отчетов колхозов в 1930 г. в Северном крае имелось 599 колхозов, в 1932 г. – 1474[1]. В 1939 г. в Архангельской области численность председателей колхозов составила 2165 человек, в Вологодской области – 5813 человек, в Карело-Финской АССР – 865, в Коми АССР – 703[2]. Сокращение числа колхозов происходит уже в годы Великой Отечественной войны. Так, по данным за 1945 г. председательский корпус составил в Архангельской области 1771 человек, в Вологодской – 5158, в Карелии – 802, в Коми АССР – 671 человек[3]. На рубеже 1940–1950-х гг. проводилось укрупнение колхозов, в результате которого численность председателей заметно сократилась. Так, в 1953 г. в Архангельской области численность председателей колхозов составила 749 человек, в Вологодской области – 1343, в Коми АССР – 332, в Карелии – 77 человек[4]; в 1958 г. соответственно 768, 1433, 302 и 80 человек[5]. Незначительный рост численности управленческой верхушки на Европейском Севере можно объяснить процессами разукрупнения колхозов, которые последовали за проведением часто непродуманного и необоснованного объединения мелких колхозов. В 1950-х гг. начался также процесс массового преобразования колхозов в совхозы, который продолжился и в 1960-е гг. Особенно активно совхозизация происходила

на территории Карелии, в результате в 1960-х гг. в этой республике практически все колхозы были преобразованы в совхозы.

В 1950–1960-х гг. на Европейском Севере России процесс сокращения числа колхозов происходил более активными темпами, чем в среднем по РСФСР. Так, за десять лет, с 1958 по 1968 гг., численность колхозов сократилась в Архангельской области более чем в 6 раз, в Вологодской – в 4 раза, в Коми – в 12 раз, в среднем по РСФСР – в 2,3 раза[6]. В целом можно констатировать, что в колхозах работал многочисленный корпус председателей, численность которых была особенно значительна в период 1930–1940-х гг.

В 1930–1940-х гг. подавляющее большинство председателей колхозов были выходцами из крестьян. Посланные в деревню на рубеже 1920–1930-х гг. рабочие-двадцатипятитысячники, часть из которых возглавили созданные колхозы, не определили социальный облик колхозного руководства. В этот период председатели в основном выбирались из сельской среды и к моменту избрания проходили типичный карьерный путь: многие из них имели опыт работы бригадирами, заведующими животноводческими фермами, председателями сельсоветов и др. В 1930–1940-х гг. председатели колхозов могли довольно быстро продвинуться по карьерной лестнице, получить новое, более почетное назначение. Например, заведующий районным земельным отделом Вашкинского района Вологодской области Хрулев так описывал свой карьерный путь (1938 г.): «Я пришел на работу в райзо с низовой работы, т. е. работал одни год бригадиром, председателем колхоза два года и впоследствии два года председателем сельсовета…»[7].

В начале 1950-х гг. пополнение председательского корпуса стало происходить за счет рабочих и служащих, как правило, представителей городского или районного актива, через выдвижение их на руководящую работу в сельском хозяйстве[8]. Далеко не всегда подобные назначения положительно отражались на развитии колхозов, так как многие из вновь избранных (эта процедура была скорее назначением) председателей плохо знали сельское хозяйство. С середины 1950-х гг. колхозная верхушка стала формироваться из среды сельскохозяйственных специалистов, во многом этому способствовало перемещение специалистов МТС в колхозы. В 1960-е гг. процесс воспроизводства председателей колхозов за счет специалистов сельского хозяйства стал устойчивым и непрерывным[9].

На протяжении 1930–1950-х гг. образовательный уровень председателей колхозов оставался крайне низким. Так, в 1940 г. в Архангельской области имели среднее или неполное среднее образование 4% от общего числа председателей, в Вологодской области соответственно – 3,9%, в

Коми АССР – 6,5%, в целом по колхозам РСФСР этот показатель составил 5,7%[10]. Основная масса руководителей колхозов зачастую не имела образования даже в объеме начальной школы. Ситуация усугублялась тем, что состав председателей колхозов часто менялся. Например, в предвоенные годы в колхозах Архангельской области работали до одного года в 1939 г. 46,6% общего числа председателей колхозов, в 1940 г. – 37,2%; в Вологодской области соответственно 50,5% и 37,1%, в Коми АССР – 44,7% и 41,8%, в среднем по колхозам РСФСР этот показатель составил соответственно 50,4% и 43,1%[11].

Частая смена председателей колхозов объяснялась разными факторами. Многие председатели колхозов были недовольны условиями работы и оплатой труда и отказывались от руководства. Однако большая часть председателей отстранялась от должности или решением общего собрания колхозников, или решением районных властей с формулировкой «не справился с работой».

После окончания Великой Отечественной войны многие женщины-председатели были отстранены от должности и заменены мужчинами, демобилизованными из рядов Советской армии. В Вологодской области, например, на 1 ноября 1947 г. 25,8% от общего числа председателей колхозов были бывшие военные, демобилизованные из армии после 1 июля 1945 г.[12]. Отметим, что в предвоенные годы удельный вес женщин в составе председателей колхозов был незначительным: в 1939 г. в Архангельской области этот показатель составил 2,1%, в Вологодской области – 3,7%, в Коми АССР – 0,9%, в Карело-Финской ССР – 12,1%, в среднем по РСФСР – 3,1%[13]. В условиях Великой Отечественной войны в связи с мобилизацией в действующую армию мужчин на многие руководящие должности выдвигались женщины. Это наблюдалось и в колхозах: в 1944 г. удельный вес женщин в составе председателей колхозов составил в Архангельской области 10,6%, в Вологодской области – 19,4%, в Коми АССР – 18,6%, в Карело-Финской ССР – 26,3%, в среднем по РСФСР – 14,9%[14]. С окончанием войны происходило сокращение удельного веса женщин в составе председателей колхозов: по данным на 1 января 1946 г. этот показатель составил в Архангельской области 8,4%, в Вологодской области – 16,5%, в Коми АССР – 15%, в Карело-Финской ССР – 25,9%, в среднем по РСФСР – 10,4%[15]. К концу изучаемого периода удельный вес женщин среди председательского корпуса был незначительным, в Вологодской области, например, на 1 января 1970 г. этот показатель сократился до 1%[16].

Частая смена председателей колхозов наблюдалась и в послевоенные годы, нередко она была вызвана решением районных властей. При-

чем партийные и советские органы признавали, что частая сменяемость колхозной верхушки во многих случаях негативно отражалась не только на производственном процессе, но и создавала нездоровую обстановку внутри колхозного социума.

Вопрос о качественном улучшении состава руководящих кадров колхозов был поставлен в 1950-х гг. Правительство рекомендовало выдвигать на должности председателей колхозов специалистов сельского хозяйства и опытных практиков из числа советско-партийного актива. Так, в 1957 г. среди председателей-тридцатитысячников удельный вес лиц с высшим и средним специальным образованием составил в Архангельской области 38,6%, в Вологодской области – 30,4%, в Карельской АССР – 39,5%, в Коми АССР – 48,2%. Также следует отметить высокий удельный вес коммунистов среди этой категории председателей колхозов: в Архангельской области данный показатель составил 88,8%, в Вологодской – 95,5%, в Карельской АССР – 74,1%, в Коми АССР – 90,6% от числа тридцатитысячников. В то же время следует подчеркнуть, что и удельный вес «практиков» оставался высоким, он составил среди председателей-тридцатитысячников в Архангельской области 61,4%, в Вологодской области – 69,6%, Коми АССР – 51,8%, Карелии – 60,5%[17].

Анализ статистических материалов позволяет охарактеризовать социальный облик колхозного руководителя к началу 1970-х гг. Как правило, в должности председателей колхозов работали мужчины молодого и среднего возраста. Например, по данным на 1 января 1970 г. в Вологодской области удельный вес председателей колхозов в возрасте до 50 лет составил 87%. Большинство колхозных руководителей имели среднее специальное или высшее образование (в Вологодской области этот показатель составил 59%) и стаж работы от 3-х и более 5 лет (в Вологодской области соответственно 66,6%).

Таким образом, в развитии корпуса председателей колхозов следует выделить два этапа. Первый приходится на период 1930-х – начало 1950-х гг. и характеризуется относительно низким образовательным уровнем колхозной верхушки и нестабильностью ее состава. В рамках этого периода воспроизводство корпуса председателей колхозов происходило преимущественно из крестьянской среды. Второй этап начинается с 1950-х гг. и отличается тем, что в составе председателей колхозов возрастает удельный вес сельскохозяйственных специалистов, а также представителей городских слоев. В рамках этого этапа совершенствовалась система подготовки и комплектования колхозной верхушки и соответственно повышался ее качественный состав.

[1] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 16. Д. 158. Л. 3.
[2] ГАРФ. Ф. А-310. Оп. 1. Д. 3428. Л. 77.
[3] Там же. Д. 3480. Л. 131.
[4] Там же. Д. 7054. Л. 6, 15, 29.
[5] Там же. Д. 7101. Л. 10, 26, 48, 54.
[6] ГАРФ. Ф. А-310. Оп. 1. Д. 6915. Л. 203; Основные экономические показатели по производству и оплате труда колхозов РСФСР за 1961–1968 гг. Ч. 1. Москва, 1969. С. 1.
[7] ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 1. Д. 245. Л. 55.
[8] Изюмова Л.В. Председатели колхозов «выдвиженцы» 1950-х гг. и отношение к ним в колхозном социуме (по материалам Европейского Севера России) // Проблемы российской и региональной истории XIX–XX веков: сборник научных статей. Вологда: ВоГУ, 2016. С. 66-75.
[9] Безнин М. А., Димони Т. М. Протобуржуазия в сельском хозяйстве России 1930–1980-х годов (новый подход к социальной истории российской деревни). Вологда, 2008. С. 14.
[10] ГАРФ. Ф. А-310. Оп. 1. Д. 3436. Л. 39.
[11] Там же. Д. 3428. Л. 77, 78; Д. 3436. Л. 39.
[12] ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 11. Д. 63. Л. 31.
[13] ГАРФ. Ф. А-310. Оп. 1. Д. 3436. Л. 39.
[14] Там же. Д. 3472. Л. 83, 85, 86.
[15] Там же. Д. 3480. Л. 131, 134.
[16] ГАВО. Ф. 1705. Оп. 25. Д. 835. Л. 1
[17] ГАРФ. А-310. Оп. 1. Д. 7095. Л. 22, 27.

А.Л. Кузьминых

ИНТЕРНИРОВАННЫЕ НЕМЦЫ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ СССР (1945–1948 гг.)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект 18-09-00554 «Органы внутренних дел в контексте взаимоотношений власти и общества России в XX веке (на материалах Европейского Севера)»

История интернирования немецкого населения в СССР – одна из драматичных и малоизученных страниц истории Второй мировой войны. Наиболее многочисленной категорией интернированных были гражданские немцы, вывезенные по постановлениям Государственного комитета обороны СССР № 7161сс от 16 декабря 1944 г. и № 7467сс от 3 февраля 1945 г. из Германии, Румынии, Венгрии, Чехословакии, Болгарии и Югославии на работы в Советский Союз. Численность интернированных немецких граждан составила, по подсчетам наиболее авторитетного специалиста по данному вопросу П.М. Поляна, 271 672 чел.[1] Процедура интернирования включала учет немецкого населения, его сосредоточение на сборных пунктах и перевозку в СССР для использования в промышленности[2]. Основная масса интернированных немцев была сконцентрирована в угледобывающих и металлургических областях Украинской ССР[3].

Относительно небольшой контингент интернированных немцев (около 12 тыс. чел.) был размещен на Европейском Севере СССР (Архангельская, Вологодская, Мурманская области, Карело-Финская ССР и Коми АССР) на базе исправительно-трудовых лагерей и лагерей военнопленных[4]. Так, в апреле 1945 г. интернированных немцев принял Северо-Двинский лагерь № 224 (г. Вельск, Архангельская область). 16 и 19 апреля в лагерь прибыли два эшелона из г. Швибуса (Восточная Германия). Прибывшие 3053 чел., в том числе 1968 мужчин и 1085 женщин, находились в крайне неудовлетворительном физическом состоянии. Во время транспортировки в вагонах были скученность и антисанитарные условия, отсутствовала медицинская помощь, не выдавалась питьевая вода, в результате чего люди умирали от болезней и жажды. Большинство из них прибыли на север в летней одежде и обуви, а в момент выгрузки, как отмечается в документах, «снег еще не начинал таять»[5]. Закономерным итогом стала высокая смертность: с 16 апреля по 10 июня 1945 г. умерли 398 интернированных (13 %)[6]. Главной причиной смертности являлись дистрофия и воспаление легких (65,4 % летальных исходов)[7].

На 1 мая 1945 г. 2905 интернированных немцев были размещены в 9 лагерных подразделениях (6 рабочих колоннах, 2 лазаретах и пересыльном пункте). В колонне № 16 (ст. Коноша) находилось 209 женщин, № 17 (ст. Сенгос) – 377 мужчин, № 21 (ст. Кизема) – 343 мужчины, № 24 (ст. Сенгос) – 353 женщины и 124 мужчины, № 25 (ст. Ломоватка) – 292 мужчины и 116 женщин, № 50 (ст. Вельск) – 249 женщин, на пересыльном пункте и центральном лазарете (ст. Шангалы) – 477 мужчин и 54 женщины, в лазарете № 3 (ст. Сенгос) – 311 чел. (без указания пола)[8].

В июне 1945 г. в ходе проверки лагеря № 224 были выявлены серьезные недостатки в содержании интернированных. В докладной записке на имя начальника Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР М.С. Кривенко заместитель начальника Управления НКВД по Архангельской области подполковник госбезопасности Быков и заместитель начальника отдела по делам военнопленных и интернированных УНКВД майор госбезопасности Зимин писали: «Несмотря на наши требования в части создания в лагере НКВД № 224 надлежащих бытовых условий для контингента интернированных, их трудоиспользования и соблюдения всех медико-санитарных правил – положение не улучшается… Севдвинлаг выделил для интернированных самые худшие и запущенные бараки, ремонт и оборудование которых по настоящему не организованы. Постельными принадлежностями интернированные не обеспечены и вынуждены размещаться на голых нарах.

Начальник общего снабжения Кондарев лагподразделениям и лазаретам для интернированных отпускает худшие продукты питания и вещдовольствие. Необеспеченность постельными принадлежностями и обмундированием Севдвинлаг объясняет запрещением со стороны ГУЛАГа НКВД СССР. Питание для контингента как в лаготделениях, так и в лазаретах однообразное. Мясо, овощи, сухофрукты, жиры животные и диеткрупы отсутствуют»[9]. Таким образом, положение интернированных немцев, особенно в вопросах размещения и материально-бытовых условий, было хуже не только военнопленных, но и заключенных ГУЛАГа.

К началу 1946 г. контингент 224-го лагеря был либо репатриирован, либо переведен в Соломбальский лагерь № 211 (г. Архангельск) и спецгоспиталь № 2515 (г. Няндома). Кроме того, 592 чел. были переданы в рабочий батальон № 1096 (ст. Вельск Северо-Печорской железной дороги)[10]. В мае 1946 г. для интернированных немцев было организовано лагерное отделение при Чекаминском совхозе Управления МВД по Архангельской области[11].

Дислокация рабочих батальонов интернированных на Европейском Севере СССР в 1946–1947 гг. отражена в таблице 1.

Таблица 1

Дислокация отдельных рабочих батальонов интернированных на Европейском Севере СССР в 1946–1947 гг.[12]

Место дислокации	Ведомственная подчиненность	Номер ОРБ	Численность интернированных	
			на 01.02.46	на 01.03.47
Архангельская область				
г. Вельск	Главное управление лагерей железнодорожного строительства МВД, Вельский ремонтно-механический завод	1096	586	–
Карело-Финская ССР				
Беломорстрой	МВД СССР	1093	609	–
Коми АССР				
Севжелдорлаг	МВД СССР	1097	480	
Устьвымлаг	МВД СССР	1098	877	734
Мурманская область				
г. Кандалакша, строительство «Нивагэс»	Министерство электростанций	1106	273	243

Данные таблицы демонстрируют тенденцию сокращения ОРБ и их контингента, что являлось следствием поэтапной репатриации, т.е. возвращения интернированных на родину. Если в феврале 1946 г. в регионе находилось 5 ОРБ с 2825 интернированными, то в марте 1947 г. – 2 ОРБ

с 977 интернированными. Таким образом, количество ОРБ уменьшилось в 2,5 раза, а численность интернированных – в 2,9 раза.

Рассмотрим более подробно деятельность рабочих батальонов на примере ОРБ № 1097 и 1098 (Коми АССР). ОРБ № 1097 и 1098 были организованы на основании приказа НКВД СССР № 001025 от 8 сентября 1945 г. на базе бывших лагерей военнопленных № 225 и 229. Первый из них находился в подчинении Северного железнодорожного исправительно-трудового лагеря, второй – в подчинении Усть-Вымского ИТЛ. На 1 мая 1946 г. в ОРБ № 1097 содержалось 475 интернированных, которые размещались в рабочих колоннах Севжелдорлага от ст. Котлас до ст. Ираёль СПЖД на расстоянии свыше 500 километров; в ОРБ № 1098 – 868 интернированных и 433 военнопленных в лагерном пункте № 20 Устьвымлага на ст. Княжпогост СПЖД[13].

На 1 июля 1946 г. в ОРБ № 1097 и № 1098 числилось 1336 чел., в том числе 299 мужчин (22,4 %) и 1037 женщин (77,6 %), вывезенных в СССР из Восточной Пруссии. Среди них было 1286 подданных Германии (96,3 %), 47 граждан СССР (3,5 %), два подданных Польши (0,1 %) и одно лицо без гражданства (0,1 %). Возрастной состав интернированных выглядел следующим образом: до 20 лет – 510 чел. (38,2 %), от 21 до 25 – 323 (24,2 %), от 26 до 30 – 125 (9,3 %), от 31 до 35 – 131 (9,8 %), от 36 до 40 – 111 (8,3 %), от 41 до 45 – 75 (5,6 %), от 46 и выше – 61 (4,6 %)[14]. Таким образом, основная масса интернированных была представлена молодыми немками, имевшими германское подданство («рейхсдойче»).

На 1 июля 1946 г. умерли 2452 интернированных, в том числе в пути следования – 515, после прибытия – 1937 чел. Динамика смертности интернированных в ОРБ № 1097 и 1098 отражена в табл. 2.

Таблица 2

Динамика смертности интернированных немцев в ОРБ № 1097 и 1098 в марте 1945 г. – июне 1946 г.[15]

Месяц	Всего умерших	в том числе:	
		мужчин	женщин
Март 1945 г.	169	104	65
Апрель 1945 г.	771	311	460
Май 1945 г.	498	143	355
Июнь 1945 г.	233	66	167
Июль 1945 г.	135	47	88
Август 1945 г.	68	24	44
Сентябрь 1945 г.	27	5	22
Октябрь 1945 г.	19	7	12
Ноябрь 1945 г.	2	1	1
Декабрь 1945 г.	3	–	3
Январь 1946 г.	4	2	2

Окончание табл. 2

Месяц	Всего умерших	в том числе:	
		Мужчин	Женщин
Февраль 1946 г.	2	–	2
Март 1946 г.	2	–	2
Апрель 1946 г.	1	1	–
Май 1946 г.	2	1	1
Июнь 1946 г.	1	1	–
Итого	1937	713	1224

Данные таблицы свидетельствуют, что максимальные показатели смертности пришлись на первые месяцы после прибытия интернированных. Это было обусловлено сложной акклиматизацией и неудовлетворительными условиями размещения и жизнеобеспечения.

Согласно приказам НКВД № 00414 от 29 апреля 1945 г. и № 0156 от 14 июня 1945 г. на интернированных распространялись распоряжения и директивы по вопросам содержания и трудового использования военнопленных. При этом интернированных надлежало размещать изолировано от военнопленных и заключенных[16]. Распорядок дня интернированных (на примере колонны № 24 лагеря № 224) выглядел следующим образом: подъем – 5.00; завтрак – 5.30–6.30; развод – 6.30–7.00; работа – 7.00–12.00; обед – 12.00–13.00; работа – 13.00–17.00; поверка – 17.00; отбой – 21.00[17]. Таким образом, продолжительность рабочего дня составляла девять часов, культурного досуга не предусматривалось.

Продовольственное снабжение интернированных в соответствии с приказом НКВД № 0156 от 14 июня 1945 г. осуществлялось наравне с военнопленными. Исключением являлись беременные женщины, которые питались по норме № 4[18] приказа Наркомата обороны № 312 от 22 сентября 1941 г. с дополнительной выдачей 400 г молока. Существовала норма снабжения детей интернированных (до 12 лет). Она включала 300 г хлеба, 60 г крупы, 50 г мяса и рыбы, 10 г сала, 10 г растительных жиров, 20 г сахара, 400 г овощей, 13 г соли, от 0,25 до 0,5 г молока[19]. Таким образом, ГУПВИ учитывало половые и возрастные особенности при организации питания контингента. Однако сложно сказать, насколько данные приказы выполнялись на практике.

На Европейском Севере интернированные трудились на строительстве железных дорог, каналов, электростанций, лесозаготовках, в сельском хозяйстве и в других отраслях народного хозяйства. К примеру, контингент ОРБ № 1097 использовался на кирпичном заводе Сольвычегодского стройучастка и совхозе «Иоссер», ОРБ № 1098 – на Княжпого-

стском лесозаводе. В ОРБ № 1098 на 1 июля 1946 г. физическое состояние контингента выглядело следующим образом: годные к тяжелому физическому труду – 22 (2,6 %), к среднему – 452 (53,0 %), к легкому – 299 (35,1 %), инвалиды – 33 (3,9 %), коечные больные – 47 (5,5 %)[20]. Фактически лишь половина интернированных была пригодна к тяжелому и среднему физическому труду, остальные нуждались в восстановлении и лечении. О низкой производительности труда интернированных свидетельствуют отчетные документы ГУПВИ, согласно которым к началу 1947 г. из 151 рабочего батальона 108 (71,5 %) были нерентабельными[21]. Следовательно, использование труда интернированных было убыточным для государства.

Интернированные немцы тяжело переносили северный климат. В докладе о санитарно-бытовом состоянии лагеря № 224 за апрель 1945 г. отмечалось: «Прибывший спецконтингент совершенно не приспособлен для жизни в условиях Севера, где климат суровый, резко меняется по несколько раз в день. Кроме того, люди одеты и обуты исключительно в летнее обмундирование и обувь. Несмотря на то, что в жилых бараках почти круглосуточно производится топка печей, и температура воздуха держится не ниже 18° по Цельсию, все же они не отходят от печей и заявляют, что они замерзают»[22].

В спецгоспитале № 2515 (г. Няндома) с сентября 1945 г. по март 1946 г. прошли лечение 308 военнопленных и интернированных. По диагнозам заболеваний они делились следующим образом: алиментарная дистрофия – 208 чел. (67,5 %), туберкулез – 14 (5,8 %), плеврит – 18 (5,8 %), болезни сердца – 10 (3,2 %), болезни печени и почек – 4 (1,3 %), сыпной тиф – 1 (0,3 %), ревматизм – 1 (0,3 %), хирургические заболевания – 10 (3,2 %), прочие болезни – 38 (12,3 %)[23]. Таким образом, основными причинами смертности были голод, тяжелый труд, непривычный климат и плохие материально-бытовые условия.

Согласно данным централизованного учета кладбищ военнопленных и интернированных НКВД-МВД, на территории Европейского Севера умер и погребен 3541 интернированный, в том числе в Мурманской области – 1085 чел., Коми АССР – 964 чел., Архангельской области – 651 чел., Карело-Финской ССР – 617 чел., в Вологодской области – 224 чел. К сожалению, эти данные неполные, так как далеко не на всех умерших оформлялись акты о смерти и погребении.

В целом, по подсчетам П.М. Поляна, в СССР в 1945–1949 гг. из 271 672 интернированных немцев умерли 66 456 чел. (24,5 %), т.е. каждый четвертый. Наибольшая смертность наблюдалась среди немцев, ин-

тернированных в СССР с территории Германии (группа «Б»): из 66 152 чел. умерли от голода и болезней 25 719 чел. (38,9 %). Это объяснялось длительным содержанием арестованных в тюрьмах перед отправкой в СССР, неудовлетворительной организацией транспортировки, размещения и снабжения, а также половозрастным составом контингента, значительная часть которого была представлена женщинами и несовершеннолетними[24]. Документальные свидетельства, приведенные в настоящей статье, уточняют и конкретизируют общую картину, наглядно демонстрируя трагизм судеб интернированных немцев в СССР.

---

[1] Полян П.М. Не по своей воле… История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. С. 234.

[2] Сталинские депортации. 1928–1953 / сост. П.Л. Поболь, П.М. Полян. М., 2005. С. 584–585.

[3] Полян П.М. Не по своей воле… С. 218.

[4] Истории пребывания интернированных немцев на территории Европейского Севера СССР посвящен ряд публикаций: Чухин И.И. Интернированная юность. История 517-го лагеря интернированных немок НКВД СССР. Москва–Петрозаводск, 1995. 63 с.; Кузьминых А.Л., Старостин С.И., Сычев А.Б. «Теперь я прибыл на край света…» Т. 1: Из истории учреждений для содержания иностранных военнопленных и интернированных Вологодской области (1939–1949): очерки и документы. Вологда, 2009. 504 с.; Т. 2: Иностранные военнопленные и интернированные, умершие в Вологодской области в 1943–1949 гг. Вологда, 2009. 440 с.

[5] Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 8/п. Оп. 5. Д. 2. Л. 13, 40.

[6] Рассчитано по данным: РГВА. Ф. 8/п. Оп. 5. Д. 2. Л. 37.

[7] Рассчитано по данным: РГВА. Ф. 8/п. Оп. 5. Д. 2. Л. 6.

[8] Рассчитано по данным: РГВА. Ф. 8/п. Оп. 5. Д. 2. Л. 5.

[9] Цит. по: РГВА. Ф. 8/п. Оп. 5. Д. 2. Л. 62–63.

[10] Архив Управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Архангельской области (далее – Архив УМВД России по АО). Ф. 50. Д. 24. Т. 2. Л. 1–3.

[11] Там же. Ф. 3. Д. 62. Л. 179 – 181; Д. 75. Л. 107.

[12] Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД–МВД СССР. 1941–1952: отчетно-информационные документы и материалы. Т. 4 / сост. М.М. Загорулько, К.К. Миронова, Л.А. Пылова и др.; под ред. М.М. Загорулько. Волгоград, 2004. С. 637–639.

[13] РГВА. Ф. 515/п. Оп. 1. Д. 4. Л. 249.

[14] Рассчитано по данным: РГВА. Ф. 515/п. Оп. 1. Д. 4. Л. 245, 247.

[15] Рассчитано по данным: РГВА. Ф. 515/п. Оп. 1. Д. 4. Л. 245 об., 247 об.

[16] Архив УМВД России по ВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 463. Л. 205–205 об.; Д. 467. Л. 209–210.

[17] РГВА. Ф. 8/п. Оп. 5. Д. 2. Л. 63.

[18] Данная норма включала 600–700 г хлеба, 100 г крупы, 10 г макарон, 75 г мяса, 100 г рыбы, 20 г сала, 20 г растительного масла, 25 г сахара, 30 г соли, 1 г чая, 920 г картофеля и овощей, 6 г томат-пасты, а также специи. См.: Веремеев Ю. Нормы питания красноармейцев в 1941 году. URL: http://army.armor.kiev.ua/hist/paek-krasn-nko.shtml (дата обращения: 12.11.2017).

[19] Русский архив: Великая Отечественная. Иностранные военнопленные Второй мировой войны в СССР / под ред. В.А. Золотарева. Т. 24 (13–1): нормативные документы. М., 1996. С. 197–198.
[20] Рассчитано по данным: РГВА. Ф. 515/п. Оп. 1. Д. 4. Л. 247 об.
[21] РГВА. Ф. 1/п. Оп. 23а. Д. 1. Л. 45.
[22] Цит. по: РГВА. Ф. 8/п. Оп. 5. Д. 2. Л. 16.
[23] Государственный архив Архангельской области. Ф. 1932. Оп. 3. Д. 236. Л. 15.
[24] Полян П.М. Не по своей воле… С. 234.

Ю.В. Щекотова

ОРГАНИЗАЦИЯ ЛЕЧЕБНОЙ РАБОТЫ В ГОСПИТАЛЯХ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Масштабы боевых действий во время Великой Отечественной войны были огромны, большой поток раненых солдат и офицеров Красной армии, больного гражданского и эвакуированного населения потребовал быстрого развертывания широкой сети госпиталей в стране. С самого начала войны стали появляться эвакогоспитали. Эвакогоспиталь – это временное лечебное учреждение, которое формировалось в военное время в зависимости от потребностей действующей армии.

Уже с июля 1941 г. Вологодская область, расположенная на северо-восточной железнодорожной магистрали, приобрела важное значение в лечебно-эвакуационном обеспечении войск фронтов Северо-Западного направления и стала одной из важнейших госпитальных баз тыла страны.

В этой статье на примере деятельности некоторых эвакогоспиталей Вологодской области мы рассмотрим основные особенности лечебной деятельности.

В своем развитии лечебно-восстановительная деятельность эвакогоспиталей прошла несколько этапов, на формирование которых повлияли обстановка на фронте, материальные ресурсы региона, действия органов власти и санитарного управления военных округов.

К началу войны в армии были пересмотрены основные положения военно-медицинской доктрины. Её стержнем стала система этапного лечения раненых и больных с их последующей эвакуацией в тыл. Госпитальные базы (совокупность госпиталей со средствами их обеспечения и обслуживания, объединенных едиными задачами и руководством[1]) представляли один из основных элементов медицинской эвакуации, а точнее – её конечную стадию для тех раненых больных, лечение которых не

могло быть завершено в госпиталях действующей армии (армейских или фронтовых учреждениях). Здесь (в Вологодских госпитальных базах) раненые и больные войны проходили лечение до полного выздоровления и возвращения в строй. Если бойцы в связи с тяжестью ранения подлежали увольнению, то в госпитальных базах они находились до восстановления максимума трудоспособности, и для них была организована медицинская реабилитация.

Важнейшими компонентами процесса организации медицинской помощи в годы войны являлись: 1) эвакуация в тыл по назначению; 2) преемственность в лечении на всех этапах; 3) создание специализированных госпиталей; 4) единство гражданской и военной медицины; 5) непрерывность и своевременность оказания медицинской помощи; 6) научное руководство лечением раненых и больных на фронте и в тылу на всех этапах; 7) четкая организация сортировки раненых и больных; 8) единая методика лечения; 9) внедрение и использование новейших методов лечения, создание новых средств и аппаратов.

Основной задачей тыловых госпиталей стало специализированное лечение раненых больных на основе всестороннего обследования. Специализация самих госпиталей оставалась неизменной на протяжении 1941–1945 гг. А вот специализированное лечение, как одно из важнейших составных частей лечебно-эвакуационной системы, претерпело за военные годы значительные изменения. Был сделан качественный скачок в развитии этапного лечения раненых и больных с эвакуацией по назначению[2].

Специализация госпиталей Вологодчины проходила по локализации ранений: поражение центральной и периферической нервной системы (черепа, головного и спинного мозга, нервных узлов), ранения челюстей, лица, мочеполовых органов, ранения легких и т.д. Созданы были госпитали и для обычных соматических заболеваний. В самих госпиталях также осуществлялась сортировка больных по типу аналогичных поражений. При такой системе врачи быстро приобретали необходимый опыт и могли с наилучшими результатами оказывать помощь больным.

Всех раненых солдат, прибывающих с фронта, необходимо было после проведения санитарной обработки распределить в зависимости от вида, характера, тяжести ранений и заболеваний по госпиталям и отделениям, решить вопрос о дальнейшей эвакуации в более глубокий тыл. Эти функции возлагались на сортировочные эвакуационные госпитали (далее СЭГ). Кроме этого они отвечали за разгрузку военно-санитарных поездов, перевозку раненых после сортировки до госпиталей, а также за

сбор и погрузку в военно-санитарные поезда раненых и больных военнослужащих, отправляемых далее в тыл. Необходимо было, чтобы СЭГ располагался в непосредственной близости к железной дороге. В г. Вологде таким сортировочный госпиталем стал СЭГ № 1165, созданный 14 августа 1941 г., а в Череповце СЭГ № 1599, сформированный 3 июля 1941 г.

В первое время в госпитали направлялись раненые любого профиля в зависимости от наличия в них специалистов. Например, в ЭГ № 1825 направлялись раненые с повреждением черепа, что объяснялось наличием в госпитале невропатолога и отоларингологов. И поэтому именно здесь, еще до начала профилирования госпиталей была создана первая нейрохирургическая ячейка. С учетом этого руководство распределительного эвакуационного пункта-95 (далее РЭП-95) распределяло прибывших специалистов, так в ЭГ № 1825 была направлена эвакуированная из Ленинграда сотрудница нейрохирургического института – доктор Лесницкая[3]. Черепное отделение госпиталя быстро расширилось и смогло охватывать большой контингент людей с ранениями периферической нервной системы и впоследствии превратилось в мощное нейрохирургическое отделение вместимостью до 300 коек. Кроме этого, в госпиталь поступали раненые с повреждениями крупных суставов, обморожениями и обширными ранениями мягких тканей. К лету 1942 г. в госпитале № 1825 осуществлялось лечение уже по нескольким специализациям: нейрохирургия – 250 коек, челюстно-лицевое отделение – 150 коек, урологическое – 80 коек, ЛОР – 30 коек[4], кроме этого здесь лечили раненых с повреждениями суставов, мягких тканей и т.п.

В эвакогоспитале № 3739 первоначально было развернуто 450 коек, в составе 4-х хирургических медицинских отделений. К апрелю 1942 г. число мест достигало 800. Из приведенной ниже таблицы видно развитие специализации госпиталя в период с июля 1941 по апрель 1942 г.

Таблица 1

Число развернутых коек в ЭГ № 3739 и их спецификация с июля 1941 по апрель 1942 г.

Специфика	Хирургические койки	Венерологические койки	Туберкулезные койки
июль	450	-	-
август	500	-	-
сентябрь	450	50	-
октябрь	550	50	-
ноябрь	550	50	-
декабрь	430	120	50

Окончание табл. 1

Специфика	хирургические койки	венерологические койки	туберкулезные койки
январь	525	150	50
февраль	660	150	50
март	660	150	50
апрель	420	120	50

Источник: ЦАМО. Ф. 3739. Оп. 18819. Д. 1. Л. 4.

Мы видим, что с первого дня основания госпиталя койки были полностью хирургического профиля, но уже с сентября ситуация изменилась и появляются койки для лечения больных венерическими заболеваниями, с декабря – больных туберкулезом. Дальнейшая специализация госпиталя с апреля 1942 г. проходила уже внутри хирургического отделения, что иллюстрирует следующая таблица.

Таблица 2

Спецификация хирургических коек ЭГ № 3739

№	Область ранения	Количество коек
1	Брюшная полость и неотложная хирургия	20
2	Переломы бедра	50
3	Травмы крупных суставов	50
4	Переломы длинных трубчатых костей	70
5	Легкораненые	150
6	Травмы кистей и пальцев	50
7	Отморожения	30

Источник: ЦАМО. Ф. 3739. Оп. 18819. Д. 1. Л. 5.

Из таблицы видно, что большинство коек было предназначено для легкораненых, следующими по численности идут койки для больных с различными переломами костей.

Специализация госпиталя № 5091 показана в таблице 3.

Таблица 3

Число развернутых коек и их спецификация в госпитале № 3739 с 1942 по 1944 годы

Год	Всего лечилось	Перелом труб. костей	Ранение мягких тканей	Ожоги	Прочие
1942	849	95	733	8	13
1943	3036	1677	936	16	407
1944	2091	1389	651	30	21
Итого	5976	3161	2320	54	441

Источник: ЦАМО. Ф. 5091. Оп. 1. Д. 1. Л. 38.

Из таблицы видно, что в 1942 г. в основном в нем проходили лечение раненые в мягкие ткани. Это было обусловлено тем, что в учреждении не хватало квалифицированных специалистов и отсутствовал ведущий хирург. В 1943–1944 гг. ситуация с кадрами изменилась: молодые специалисты набрались опыта, и увеличилось число больных с переломами трубчатых костей. Необходимо отметить, что большая часть огнестрельных переломов голени, предплечья и плеча осложнялись остеомиелитами, часто в процесс вовлекались близлежащие суставы и периферические нервы[5].

Таким образом, лечебная деятельность эвакогоспиталей Вологодской области в первую очередь была направлена на оказание специализированной медицинской помощи раненым и больным воинам. Специализация госпиталей и отделений определялась контингентом раненых и больных военнослужащих и не являлась постоянной. Основными специализациями эвакогоспиталей области являлись терапевтическая и хирургическая.

---

[1] Очерки истории советской военной медицины / под ред. Д.Д. Кувшинского и А.С. Георгиевского. Л.: Издательство Медицина, 1968. С. 173.
[2] Бурденко Н.Н. Современная фаза военной хирургии (организация специализированной помощи раненым) / Н.Н. Бурденко // Госпитальное дело. 1942. № 1. С.7-11.
[3] Центральный архив Министерства обороны (далее ЦАМО). Ф. 1825. Оп. 678616. Д. 7. Л. 16.
[4] ЦАМО. Ф. 1825 . Оп. 678616. Д. 7. Л. 174.
[5] ЦАМО. Ф. 5091. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.

С.Г. Карпов

УЧАСТИЕ ПРОФСОЮЗОВ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ В ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-х – 1960-х гг.

Успешное преодоление послевоенных трудностей и высокие темпы развития экономики в 1950-е гг. породили у советского руководства уверенность в возможности дальнейшего рывка вперед. XXI съезд КПСС констатировал, что социализм в СССР одержал полную и окончательную победу и страна вступила в период развёрнутого строительства коммунизма. На XXII съезде КПСС задача построения коммунизма была переведена в практическую плоскость. Семилетний план развития народного хозяйства СССР на 1959–1965 гг. рассматривался как решающий этап в создании материально-технической базы коммунизма. При этом Н.С. Хрущёв и его ок-

ружение модернизацию страны в новых исторических условиях, по сути дела, сузили до задачи ускоренного развития народного хозяйства, которая получила выражение в лозунге «Догнать и перегнать Америку».

Продолжив курс на экстенсивное развитие экономики, руководство страны проигнорировало тот факт, что научно-техническая революция требовала глубоких структурных преобразований в экономике страны, создания новых отраслей знаний и производств, а также более квалифицированного, инициативного и самостоятельного работника. По-прежнему приоритет отдавался тяжёлой индустрии, а технический прогресс ограничивался отдельными отраслями промышленности и предприятиями ВПК. Не принесла желаемых результатов и попытка заменить вертикальное отраслевое управление экономикой горизонтально-территориальным.

В этих условиях советское руководство сделало ставку на активизацию общественных механизмов решения экономических проблем. Одним из таких механизмов являлось социалистическое соревнование как испытанный метод мобилизации работников на выполнение производственных планов. Роль организатора соревнования, как и ранее, возлагалась на профсоюзные организации. С 1961 по 1965 гг. число соревнующихся в области увеличилось с 228,1 тыс. до 278,5 тыс. человек, из них более 144 тыс. участвовало в движении за коммунистическое отношение к труду. Отличительной чертой соревнования в годы семилетки стало усиление внимания к качественным показателям. Большую известность в стране приобрели почины ивановской ткачихи Ю. Вечоровой, предложившей организовать соревнование за скорейшее освоение производительности нового оборудования, машиностроителей Саратова, ставших инициаторами движения за повышение качества продукции, коллектива московского завода «Манометр», обязавшегося повысить надёжность и долговечность выпускаемых им приборов[1]. В Вологодской области наибольшую поддержку получил почин Ю. Вечоровой. Уже в 1963 г. 180 работниц Вологодского льнокомбината, поддержав почин ивановской ткачихи, достигли производительности труда, запланированной на конец семилетки[2].

Важная роль в поиске резервов производства отводилась движению изобретателей и рационализаторов. 17 января 1958 г. Президиум ВЦСПС принял постановление о создании Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов (ВОИР). Вскоре при Вологодском областном Совете профсоюзов на предприятиях, в учреждениях, совхозах, транспортных организациях было организовано свыше 150 оргбюро общества изобретателей и рационализаторов, началось создание первичных организаций общества. Стимулируя движение новаторов, Президиум Верховного Со-

вета РСФСР в 1961 г. принял Указ об учреждении почётных званий «Заслуженный изобретатель РСФСР» и «Заслуженный рационализатор РСФСР». Государство выделяло крупные средства на материальное поощрение технического творчества: на эти цели с мая 1959 г. по 1965 г. было израсходовано 567 млн руб.[3]

В Вологодской области движение изобретателей и рационализаторов также развивалось довольно активно. На предприятиях области насчитывалось около 5 тыс. рационализаторов и изобретателей. В 1957 г. они внесли 8462 предложения, из которых 5583 были внедрены в производство. Экономия от внедрения этих предложений превысила 27 млн руб. Эти достижения стали результатом кропотливой работы тех профсоюзных организаций, которые окружили людей передовой технической мысли вниманием и заботой. Они наладили обмен опытом, издавались бюллетени технической информации, проводили конференции и целевые экскурсии на родственные предприятия[4].

В то же время в области имелось немало промышленных предприятий и строек, где профсоюзные организации не оказывали должной поддержки новаторам производства, плохо контролировали расходование средств, выделяемых на рационализаторские цели. Для улучшения работы с рационализаторами областной Совет профсоюзов рекомендовал на каждом предприятии создать первичные организации научно-технического общества, регулярно проводить «дни новатора», выставки, экскурсии, встречи новаторов по профессиям, издавать листовки и брошюры, организовывать лекции по вопросам конкретной экономики и новой техники.

В целях дальнейшего развития технического творчества профсоюзы проводили смотры-конкурсы изобретательской и рационализаторской работы на предприятиях, стройках и транспорте области. Эти мероприятия способствовали активизации работы с рационализаторами во многих трудовых коллективах. Например, на Сокольском ЦБК администрация и завком оперативно довели условия смотра-конкурса 1958 г. до всех подразделений предприятия. Были разработаны положения о социалистическом соревновании за звание «Лучший цех комбината по рационализации» и «Лучший рационализатор», принято обязательство за счёт внедренных рационализаторских предложений внести в Фонд мира 2 млн 300 тыс. руб. В ходе конкурса было создано свыше 150 новых первичных организаций общества изобретателей и рационализаторов, в которые вступило более 1300 человек[5].

Для привлечения рабочих, инженеров и служащих к техническому творчеству использовались различные формы и методы. В начале 1960-х гг. многие трудовые коллективы области включились в соревнование за создание рационализаторского фонда имени Семилетки. Конкретные обязательства по рационализаторской деятельности приняли не только коллективы предприятий, но и отдельные труженики. В Вологодской области свыше 450 рационализаторов имели личные обязательства. Мастер коксохимического цеха С.Т. Яцков наметил внести в фонд семилетки 50 тыс. руб., механик коксовых печей П.Г. Курбацкий – 150 тыс. руб.[6] Всего же за 1959–1965 гг. новаторы области обязались получить не менее 30 млн руб. экономии от внедрения технических новшеств[7].

Характерной особенностью технического творчества в исследуемый период явилось развитие его коллективных форм, эффективность которых была в несколько раз выше индивидуальных. На предприятиях региона общественные формы технического творчества получили довольно широкое распространение. В Вологодской области за 1962–1965 гг. количество общественных конструкторских бюро (ОКБ) увеличилось с 23 до 40. Активно работало ОКБ листопрокатного цеха Череповецкого металлургического завода, в состав которого входило 20 человек: конструктор Б.А. Мараев, начальник технического отдела Ю.С. Чижов, рабочие Г.П. Коровкин, И.А. Афанасьев и другие. Оно помогало рационализаторам оформить предложение, изготовить чертёж, внедрить новшество в производство. Листопрокатный цех являлся одним из лучших на заводе по рационализации, а его ОКБ в 1963–1964 гг. признавалось лучшим по Ленинградскому совнархозу[8].

Эффективность рационализаторской деятельности во многом зависела от инженерной поддержки. Важную роль в решении этой задачи играли инженерные научно-технические общества. Постановлением ЦК КПСС «О научных инженерно-технических обществах» (1954 г.) они были реорганизованы в массовые научно-технические общества (НТО) по отраслям производства, а руководство ими возложено на ВЦСПС. В 1959 г. состоялся Всесоюзный съезд НТО, который главным направлением деятельности организаций общества определил развитие творческой инициативы и активности научной и инженерно-технической интеллигенции, передовиков и новаторов производства. Важное место в работе НТО занимали вопросы применения в народном хозяйстве автоматики, телемеханики, вычислительной техники, научной организации труда и управления производством.

В годы семилетки в Вологодской области действовало 190 первичных организаций НТО в 9 отраслях промышленности, строительства, городского хозяйства и автотранспорта, которые объединяли 6340 инженерно-технических работников и новаторов-рабочих. Организациями НТО только за первое полугодие было проведено свыше 400 конференций и совещаний по актуальным техническим вопросам, 197 семинаров, курсов и школ передового опыта. 11 первичных организаций НТО приняли на себя функции производственно-технических советов предприятий и играли активную роль в решении задач по выполнению государственных планов и модернизации производства.

В повышении эффективности работы изобретателей и рационализаторов большую роль сыграло появление и других общественных форм привлечения работников к управлению производством. В 1960 г. на предприятиях и стройках области действовало 56 общественных бюро экономического анализа (ОБЭА), четыре общественных бюро технической информации (ОБТИ) и более 120 комплексных творческих бригад. На ряде предприятий они оказывали существенную помощь рационализаторам и изобретателям в разработке и внедрении их предложений.

Так на Вологодском льнокомбинате в состав ОБЭА входило 27 человек – новаторы производства, экономисты, технологи, профсоюзные активисты. Председателем бюро являлась мастер прядильного цеха А.Н. Феофанова. В рамках общезаводского ОБЭА было создано семь групп экономического анализа. Каждая группа имела свой план работы, согласованный с общим планом ОБЭА. Члены бюро организовали проверку использования рабочего времени рабочими основных производств, загруженности вспомогательных рабочих, потерь пряжи из-за брака и т. д. Результаты проверок обсуждались на рабочих и профсоюзных собраниях, разрабатывались мероприятия по изысканию резервов производства. В частности, члены ОБЭА доказали, что в ткацком производстве реально увеличить норму обслуживания с 12 до 24 станков[9].

С 1 июня по 1 августа 1962 г. областной Совет профсоюзов и Вологодский совнархоз провели очередной смотр по выявлению и мобилизации имеющихся резервов, в котором активно участвовали общественные творческие организации. В ходе смотра было принято для внедрения 2265 предложений, в т. ч. 420 – по повышению эффективности действующего оборудования, 581 – по внедрению новой техники и технологий, 213 – по экономии сырья и материалов, 422 – по улучшению организации труда, 149 – по улучшению качества продукции, 480 – по оздоровлению труда и снижению травматизма. Часть этих предложений была реализована уже в ходе смотра[10].

В 1950-е гг. в управлении производством усилилась роль постоянно действующих производственных совещаний. В 1958 г. на предприятиях и стройках области было создано 643 ПДПС, их них 303 общезаводских и 340 цеховых. В составе ПДПС насчитывалось более 30 тыс. рабочих и ИТР. Профсоюзные организации предприятий Вологодской области осуществляли контроль за деятельностью ПДПС, обобщали положительный опыт, помогали преодолеть недостатки в работе. В феврале 1958 г. президиум облсовпрофа рассмотрел вопрос «О работе ПДПС на Сухонском ЦБК и в тресте “Череповецметаллургстрой”». Президиум отметил, что производственные совещания созданы во всех цехах и строительных участках, среди членов ПДПС много передовиков производства. Все ПДПС имели квартальные планы работы, перед совещанием президиумы проводили подготовительную работу, создавали бригады из числа участников ПДПС, разрабатывали конкретные предложения[11].

В 1962 г. на предприятиях области действовало 311 заводских и 336 цеховых ПДПС, в которых работали соответственно 15227 и 11912 человек[12]. Особое внимание профсоюзы уделяли обучению производственного актива. Так, Вологодский областной Совет профсоюзов в апреле 1962 г. организовал семинар председателей ПДПС. Участники семинара прослушали лекции о перспективах развития промышленности области, обменялись опытом, обсудили меры по улучшению работы производственных совещаний, приняли участие в заседании ПДПС завода «Северный коммунар» с последующим анализом его работы[13]. Такая учёба обогащала её участников опытом, помогала найти новые формы работы, повысить результативность деятельности ПДПС.

Таким образом, в условиях экстенсивной и жёстко централизованной экономики деятельность профсоюзов по мобилизации масс через организацию соревнования и развитие общественных механизмов управления производством являлась одним из методов поиска резервов, экономии ресурсов, совершенствования организации труда, внедрения научно-технических новинок. Кардинально изменить ситуацию в экономике эта деятельность не могла, но до определенного времени помогала решению производственно-экономических задач, как в отдельных регионах, так и в масштабах всей страны.

---

[1] История социалистического соревнования в СССР. М., 1980. С. 153-156.

[2] Государственный архив Вологодской области (далее ГАВО). Ф. 4771. Оп. 2. Д. 665. Л. 70.

[3] Алексеев Г.М. Движение изобретателей и рационализаторов в СССР. 1917–1977. М., 1977. С. 145.

[4] Красный Север. 1958. 11 марта.

[5] Красный Север. 1958. 25 июня.
[6] ГАВО. Ф. 4883. Оп. 1. Д. 65. Л. 5-6.
[7] Там же. Д. 50. Л. 89.
[8] Коммунист. 1965. 13 июля.
[9] Вологодский архив новейшей политической истории (далее ВОАНПИ). Ф. 9805. Оп. 2. Д. 582. Л. 112-113.
[10] Там же. Л.115.
[11] Там же. Оп. 1. Д. 322. Л. 123.
[12] Там же. Оп. 2. Д. 593. Л. 17.
[13] ГАВО. Ф. 4771. Оп. 2. Д. 582. Л. 62-63.

И.В. Шорохова

РОЛЬ ПЕТРОЗАВОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОНОМИКИ КАРЕЛИИ КВАЛИФИЦИРОВАННЫМИ КАДРАМИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-х гг.

Быстрое восстановление Карелии после Великой Отечественной войны, дальнейшее динамичное развитие республики и появление новых отраслей производства в крае требовали увеличения числа высококвалифицированных молодых специалистов и создания новых современных программ их обучения. Целевая профессиональная подготовка молодежи Карелии в вузах Москвы, Ленинграда и других городов СССР, а также распределение столичных выпускников на работу в республику не решали проблемы нехватки квалифицированных специалистов и неравномерности пополнения ими разных отраслей производства края.

В 1950-е гг. в Карелии работало два высших учебных заведения: Петрозаводский университет и Петрозаводский педагогический институт с двумя отделениями – историко-филологическим и естественно-математическим. В условиях острого дефицита кадров во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. перед Петрозаводским университетом встала задача открытия новых специальностей и факультетов. Так появились специализации «Машины и механизмы лесной промышленности», «Лесное хозяйство», «Промышленное и гражданское строительство» и медицинский факультет[1].

Особенно остро в Карелии в конце 1950-х гг. ощущалась нехватка медицинских работников. С открытием в октябре 1960 г. медицинского факультета Петрозаводского университета началась подготовка 150 студентов-медиков (125 по специальности «Лечебное дело» и 25 по «Педиатрии»)[2]. Опыт работы в больницах Карелии, Мурманской, Ленинградской, Вологодской и Архангельской областей позволил студентам быст-

ро включиться в образовательный процесс и активно участвовать в подготовке обучающих экспонатов и пособий для будущих наборов студентов на медицинский факультет[3].

Главной задачей Петрозаводского университета во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. было укрепление связи обучения с практическими потребностями хозяйства и промышленного производства Карелии. Так, диплом выпускника ЛИФа Н. Риехкалайнена «Комплексная механизация и автоматизация лесоперевалочной биржи “Петушки” Шуйской сплавной конторы» был рассмотрен в Управлении лесной промышленности Карелии и лег в основу реконструкции этого предприятия[4]. Студент А. Лихачев разработал новый метод строительства лесовозных усов зимнего действия[5].

Преподаватели вуза обеспечивали дальнейшее профессиональное сопровождение выпускников. Они после окончания вуза могли обратиться за помощью, советом, рекомендацией к своим университетским наставникам[6]. Работодатели присылали в вуз благодарственные письма за высококачественную подготовку специалистов. Так, старший инженер отдела кадров Главкареллеса Е. Пименов высоко оценил работу первых выпускников ЛИФа, начавших трудовую деятельность в республике в 1956 г. Выпускник факультета А. Неклюдов, став главным инженером Ведлозерского леспромхоза, сумел «быстро наладить бесперебойность работы» предприятия и «повысил на нем производительность труда»[7].

Важным направлением профессионального становления студентов университета стало привлечение их к научно-исследовательской работе. В конце 1950-х гг. в Петрозаводском университете сложилась традиция проведения ежегодных студенческих научных конференций[8]. Доклады студентов по итогам экспериментов и научно-практических работ вызывали интерес у специалистов, которые трудились в разных областях производства Карелии. Так, в 1958 г. только на секции геологических наук во время студенческой научной конференции присутствовали работники Карельского филиала АН СССР и Северо-Западного геологического управления[9]. Они проявляли интерес к выступлениям докладчиков, задавали им много вопросов, связанных с практическим использованием студенческих изысканий.

Высокий теоретический и научный уровень докладов студентов Петрозаводского университета, принимавших участие в научных конференциях, позволял им успешно участвовать в студенческих научных мероприятиях в Ленинграде, Киеве, Тарту[10].

С 1958 г. в связи с законом «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» особое

внимание было уделено педагогической практике студентов в школах республики. В начале 1960-х гг. студенты Петрозаводского университета стали выезжать в Ленинград, Мурманскую область и даже в Венгрию[11]. Так, по итогам практики в г. Мончегорске Мурманской области студентка Н. Карачева написала дипломную работу, в которой сравнивала методические приемы и достижения в работе учителей Петрозаводска и Мончегорска[12].

С начала 1960-х гг. педагогическая практика студентов Петрозаводского университета стала носить стажерский характер. За учителем-практикантом закреплялся один класс, в котором он вел уроки, внеклассные мероприятия и являлся для его учеников классным руководителем[13]. Такой способ подготовки учителей был признан успешным и получил в дальнейшем широкое распространение.

В конце 1950-х гг. в Петрозаводском университете серьезное развитие получили вечерняя и заочная формы обучения[14]. В 1956 г. на лесоинженерном факультете было открыто вечернее отделение для рабочих и служащих Онежского тракторного завода[15]. В 1962 г. открылся общетехнический факультет (ОТФ). В него входило четыре потока: механический, строительный, энергетический и технический. Факультет осуществлял подготовку по вечерней и заочной формам обучения почти по 50 специальностям в течение трех лет. Затем студентов переводили на другие инженерные специальности университета и других технических вузов страны[16].

Важно отметить, что в конце 1950-х – начале 1960-х гг. в фонд университетской библиотеки ежегодно поступало свыше 20 тысяч новых книг, пособий и справочной литературы[17]. Это позволяло студентам получать актуальные знания по многим отраслям науки. Студенты и преподаватели университета были в курсе последних научных разработок того времени[18]. Также в помощь студентам и преподавателям университета в 1960 г. был открыт новый справочно-библиографический отдел, облегчивший поиск необходимой литературы[19].

Положительно повлияло на образовательный процесс в университете и открытие вычислительного центра с самыми современными ЭВМ (с точностью до 9 знаков и скоростью в 30 арифметических действий в секунду), а также станции наблюдения за движением искусственных спутников Земли[20].

Петрозаводский университет в 1960 г. выпустил 315 молодых специалистов[21]. В результате сложных структурных изменений 1950-х гг. в университете сложилась система многопрофильной подготовки кадров по 13 специальностям, возрос ежегодный выпуск специалистов по ним. Общая же численность студентов на всех формах обучения в Петроза-

водском университете увеличилась в 1960 г. до 2617 человек (для сравнения: в 1950 г. в вузе насчитывалось 810 студентов). За 1960-е гг. в вузе открылось 15 новых кафедр. Большинство из них начали работать в 1962–1964 гг.[22]

Во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. Петрозаводский университет представлял собой живую, активно развивавшуюся образовательную площадку. Это позволило качественно улучшить процесс подготовки высококвалифицированных и востребованных специалистов. Стремление Петрозаводского государственного университета обеспечить в образовательном процессе тесную связь подготовки специалистов с решением конкретных практических задач было успешно реализовано уже во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. В результате серьёзной работы по совершенствованию и модернизации образовательного процесса в Петрозаводском университете и появлению новых специальностей профессиональной подготовки студентов к середине 1960-х гг. вуз занял важное место в системе подготовки различных специалистов для Карелии, Мурманской и Ленинградской областей.

---

[1] Петрозаводскому государственному университету 50 лет: [1940–1950] / под ред. М. И. Шумилова, И. П. Покровской. Петрозаводск: Карелия, 1990. С. 38-41.
[2] Петрозаводский университет. 1960. 13 мая.
[3] Там же. 23 декабря.
[4] Там же. 1958. 26 июня.
[5] Там же. 1960. 8 июля.
[6] Там же. 1958. 3 сентября.
[7] Там же. 1957. 28 марта.
[8] Шорохова И. В. Петрозаводский государственный университет в конце 1950-х – первой половине 1960-х гг. (по материалам газеты «Петрозаводский университет») // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2015. № 5 (150). С. 31.
[9] Петрозаводский университет. 1958. 24 апреля.
[10] Там же. 1957. 3 мая.
[11] Там же. 1963. 31 мая.
[12] Там же.
[13] Там же. 1963. 5 декабря.
[14] Там же. 1958. 3 сентября.
[15] Страницы истории Петрозаводского государственного университета, 1940–2000 / сост.-ред. М. И. Шумилов, И. П. Покровская. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. С. 78.
[16] Там же. С. 79.
[17] Петрозаводский университет. 1960. 9 сентября.
[18] Там же. 1957. 9 мая.
[19] Там же. 1960. 9 сентября.
[20] Там же. 1957. 24 января.
[21] Там же. 1960. 8 июля.
[22] Петрозаводскому государственному университету… С. 40, 59.

Е.Ю. Баконов

ПРАВОВОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОТОБУРЖУАЗИИ В ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ в 1930–1950-е гг.

Важными характеристиками сельскохозяйственной протобуржуазии, в частности председателей колхозов, являлось их правовое и экономическое положение. Надо сказать, что изучением этих характеристик занимались представители вологодской аграрной школы: М.А. Безнин, Т.М. Димони и Л.В. Изюмова. В исследованиях ими использовался общесоюзный и российский материал, рассматривался также и Европейский Север России. Два раздела своего фундаментального труда «Аграрный строй России 1930–1980-х годов» М.А. Безнин и Т.М. Димони посвятили правовому и экономическому статусу руководителей коллективных хозяйств. Они пришли к выводу, что реальный правовой статус председателей колхозов отличался от того, что было закреплено законодательно. По их мнению, это выражалось в реализуемом объеме властных полномочий[1]. Экономическое положение, как считают авторы этой работы, определялось местом сельскохозяйственной протобуржуазии в отношениях собственности[2].

В своей монографии «Стратификация колхозной деревни в 1930–1960-е гг. (по материалам Европейского Севера России)» Л.В. Изюмова также уделила внимание вопросу о правовом и экономическом положении сельскохозяйственной протобуржуазии. Проанализировав правовой статус данной социальной категории, она пришла к выводу о двух периодах в развитии статусного положения и о том, что сельскохозяйственная протобуржуазия первой из колхозного социума получила доступ к социальным гарантиям государства[3]. Экономическое положение, по ее мнению, отличалось тем, что именно они имели наибольшую возможность в распоряжении и пользовании общественной собственностью[4].

Однако правовой статус и экономическое положение сельскохозяйственной протобуржуазии, в частности председателей колхозов в Вологодской области в 1930–1950-е гг., остались малоизученными. Поэтому целью данной работы является восполнение образовавшегося пробела. Новизна исследования заключается в выявлении новых свидетельств о правовом и экономическом статусе этой социальной группы советской колхозной деревни.

Рассмотрим правовое положение руководителей коллективных хозяйств. Для этого обратимся к Примерному уставу сельскохозяйственной артели, принятому Вторым всесоюзным съездом колхозников-ударников в 1935 г. В нем говорится следующее: «Для повседневного руководства работой артели и ее бригад, а также для повседневной проверки выполнения решений правления, общее собрание артели избирает председателя артели, являющегося вместе с тем председателем правления. Председатель обязывается собирать правление не реже 2 раз в месяц для обсуждения текущих дел и принятия соответствующих решений. В помощь председателю правление избирает заместителя председателя из числа членов правления по представлению председателя. Заместитель председателя во всей своей работе подчиняется указаниям председателя»[5].

Конечно, объем прав руководителей колхозов со временем увеличивался. Но стоит сказать, что они часто выходили за формально очерченные рамки. Газета «Красная Шола» от 21 мая 1939 г. сообщала: «Председатель колхоза «Каменник» Городищенского сельсовета Спиричев взял в свои руки функции нотариального стола, незаконно заверил договор о продаже дома стоимостью 900 рублей»[6]. В той же газете, но уже 10 января 1941 г. мы читаем статью, авторами которой, очевидно, были рядовые колхозники: «Руководители колхоза “Лихачево” Зубовского сельсовета, совсем забыли, что колхозники, выбирая их, дали наказ лучше руководить колхозом, честно относиться к общественному добру. О чем говорят факты? Сейчас, когда колхозом производится рыбная ловля, председатель колхоза Костозеров М.К. и счетовод Костозеров Н.И. самовольно производят продажу этой рыбы. По правилу, прежде чем продавать рыбу надо было ее взвесить совместно с кладовщиком. Но Костозеровы не хотят этого делать. Они делают так: съездят на озеро и наложат воз рыбы и едут продавать в Шольский завод, откуда возвращаются в полночь. Колхозники не знают, на какую сумму продано рыбы. Приходиться довериться на добрую совесть Костозеровых. Эти действия наших правленцев идут в разрез уставу сельскохозяйственной артели»[7].

Пользуясь своими правами, руководители порой пускали на самотек всю работу в сельскохозяйственной артели. Очень часто председатели колхоза являлись дезорганизаторами деятельности в колхозе. Пьянство, непродуманные действия руководителей, падение трудовой дисциплины среди рядовых колхозников – все это сказывалось на работе коллективного хозяйства. Ярким тому подтверждением являются многочисленные публикации в периодической печати. В статье газеты «Красная Шола» в 1941 г. председатель исполкома Коневского сельсовета Шольского рай-

она Овчинников писал: «Председатель колхоза “Великое Село” Коневского сельсовета Богданов занимается систематической пьянкой, забыл все колхозные дела. Колхозники остаются без руководства и на работу наряда не получают. Все привело к тому, что обработка льноволокна и разработка семенников клевера не начата. Государственные поставки по сдаче льноволокна и клеверных семян не выполнены. За такое безобразное руководство Богданов должен отвечать»[8].

Интересно описывается на страницах периодической печати начала 1940-х гг. деятельность председателя колхоза «Марково» Куйского сельсовета Шольского района Зайцева Г.: «Председатель колхоза своим нерадивым отношением к делу разлагает трудовую дисциплину. Он сам является первым нарушителем дисциплины. Часто бывают такие факты, когда Зайцев подряд прогуливает по 2-3 дня. Руководство колхозом спущено на самотек, кто как хочет, так и работает. В колхозе на весенний сев сена не было оставлено ни одного килограмма. Это результат того, что зимой Зайцев разбазаривал колхозное сено; он продавал сено цыганам за разные уздечки и чересседельники, давал 1-2 пуда за штуку. Во время весеннего сева, когда начали пахать поле, где в прошлом году был посажен картофель, то оказалось много неубранного картофеля. Сбор его можно было организовать во время вспашки и использовать его для общественного скота, но Зайцев этого не сделал. Картофель с нашего поля собирали члены колхоза “Партизан” и не колхозники. На весеннем севе рабочий день не уплотнен. На работу колхозники выходят в 9-10 часов утра и кончают в 6-7 вечера. А сам Зайцев занялся рыбной ловлей для себя»[9]. Интересно, как колхозники описали отношение председателя к себе: «Отношение Зайцева с членами колхоза очень грубое. Все руководство поставлено только на приказах. В колхозе много актива, но председатель не привлекает актива к разрешению хозяйственных вопросов, не советуется с передовыми колхозниками, как лучше провести ту или другую работу, к голосу массы не прислушивается. Часто нарядов членам колхоза не дает, поручает это дело счетоводу Соколову, а сам спит в рабочее время и предупреждает, чтобы они его не тревожили до обеда»[10].

Иногда председатель, считая себя специалистом в колхозном деле, начинал делать то, что впоследствии приводило к негативным результатам. Примером этому является деятельность председателя Маслихичева, который в 1940 г. руководил колхозом «Лундозеро» Мартыновского сельсовета Шольского района: «Прежде всего, строго запретил колхозницам околачивать головки у льна, а приказал замочить его вместе с головками. “Сразу бьем двух зайцев, – говорит он, – эдак быстрее и

легче”». Колхозники, конечно, были против этого «изобретения», но не смели противиться председателю. И вот неоколоченный лен был свезен в озеро на мочку. Но председатель не ограничился этим. Колхозники узнали, что он завез на овин ячмень, а чтобы было «полегче» вовсе не стал его молотить. Ячмень был сырой и, пролежавши на овине, порядочно времени сгнил[11].

Перейдем к рассмотрению экономического положения протобуржуазии, которое, наряду с правовым, являлось важнейшей характеристикой класса.

Основным проявлением экономической стороны председательской работы следует считать осуществление реализации прав собственности представителями председательского корпуса в отношении колхозного имущества.

Наглядным примером является факт «разбазаривания колхозных земель» в 1939 г. председателем колхоза «Удаж» И.П. Агаповым, который разрешил колхозникам и единоличникам косить сено на колхозных лугах для их личных коров. В результате незаконно было скошено более 700 пудов сена[12]. Похожий факт был выявлен на страницах газеты «Белозерский колхозник» 1950-х гг.: «26 августа 1952 г. на заседании исполкома райсовета рассмотрен вопрос о разбазаривании общественных сенокосов в колхозе имени Сталина Глушковского сельсовета. В решении райисполком отметил, что правление и председатель колхоза т. Чмутов И.П., встав на путь нарушения закона о колхозном землепользовании, разбазарили 32 гектара общественных сенокосов… Решением исполкома члену исполкома райсовета т. Чмутову объявлен строгий выговор и решено на ближайшей сессии райсовета довести до сведения депутатов о нарушении Устава сельхозартели депутатом райсовета Чмутовым и решить вопрос о возможности оставления его членом исполкома райсовета. Накошенное и увезенное сено предложено т. Чмутову обобществить и зачислить в кормовой фонд колхоза…»[13].

К этому же аспекту деятельности можно отнести расхищение и небрежное отношение к имуществу сельскохозяйственной артели (колхоза).

В статье о деятельности председателя колхоза «Верховье» Зубовского сельсовета, опубликованной в номере районной газеты «Красная Шола» от 13 февраля 1940 г., в частности говорится, что осенью 1939 г. председатель хозяйства Г.Я. Быков заключил сделку с пожилым цыганом. Суть сделки заключалась в продаже 4 колхозных лошадей за 310 рублей. Но у цыгана денег с собой не было, и он оставил в залог тарантас, а его самого в сельхозартели больше не видели»[14].

Показательным является поступок председателя колхоза «Юрино» Васильева, который безжалостно гонял одну из лучших колхозных лошадей по кличке «Эксторн», и в результате этого она пала[15].

Интересный случай произошел в 1942 г. в колхозе «Смолино» Зубовского сельсовета Шольского района, когда его руководитель Параничев разворовывал семенной материал. В статье «Вор в роли председателя колхоза» говорится, что 15 мая, получив для посева семена пшеницы, он присвоил 91 килограмм себе, заявив, что эти семена он рассеял на поле. Тогда же, отмечается в публикации, он украл 10 килограммов картофеля. После составления акта работниками районного земельного отдела для передачи дела в прокуратуру председатель колхоза вновь украл 90 килограммов семенного картофеля и 10 килограммов пшеницы. В итоге на общем собрании он был снят со своего поста. На этом же собрании колхозники также решили скинуть 15 % начисленных ему трудодней и за воровство привлечь к суду[16].

Важно отметить, что не только земля, скот и семенной материал становились объектом внимания руководителей колхозов, но и постройки. В газете «Красная Шола» от 27 апреля 1941 г. зафиксирован поступок председателя колхоза «Никольское» Кемского сельсовета Харламова: «Он вместо подготовки к севу занялся… разбазариванием старых общественных колхозных построек, выдает их по трудодням. Некоторые из этих построек можно было бы использовать для стоянки скота и на другие цели. Колхозникам он заявил: “Не нужно вам больше ездить в лес за дровами, распилим общественные постройки вот и будут дрова”. Честные колхозники не согласились выполнять его распоряжения»[17].

Кроме колхозного имущества, внимание председателей артели привлекали денежные средства.

В газете «Красная Шола» от 11 февраля 1941 г. сообщается: «...председатель колхоза “Никольское” Кемского сельсовета Харламов Василий Васильевич 12 декабря 1940 г. снял деньги со счета капиталовложений на производственные нужды колхоза, а фактически израсходовал их на следующие цели: раздал колхозникам по трудодням 744 рубля, уплатил подоходный налог 539 рублей и купил вина для праздника на 354 рубля. В тоже время у колхоза “Никольское” за 1938–1939 гг. имеется недовнесенных средств на счет неделимого фонда 5989 рублей…»[18]. В результате исполком райсовета передал дело в прокуратуру для привлечения этого руководителя к уголовной ответственности за расхищение колхозной собственности[19].

Еще одним примером является поступок бывшего председателя колхоза «Малые Краснова» Тимонинского сельсовета Белозерского района

П.В. Казанцева и счетовода Свечушкина. Казанцев в течение 1945–1946 гг. составлял документы и таким образом получил из кассы 6420 рублей. Председатель колхоза позаимствовал в ОРСе судоремонтных мастерских 562 кг муки и зерна и присвоил. Вина счетовода Свечушкина, по мнению автора публикации, а именно прокурора района, заключается в том, что тот знал о махинации, проводил документы и вместе с председателем колхоза пьянствовал. В результате народный суд приговорил председателя артели к трем годам лишения свободы, а счетовод получил один год исправительно-трудовых работ, и при этом с него высчитывали 25 % от заработка[20].

К экономическим моментам можно отнести также подписку руководителей хозяйств на займы в годы Великой Отечественной войны. Об этом говорится на страницах районной газеты «Белозерский колхозник» в номере от 5 июня 1943 г.:

«Вершинин Н.К. – предколхоза “Чуриново” Кожинского сельсовета подписался на заем на 20 тысяч рублей;

Чмутов И.П. – предколхоза “Авангард” Глушковского сельсовета подписался на заем на 10 тыс. рублей и оплатил подписку полностью;

Кулаков К.А. – предколхоза “Верегонец” Глушковского сельсовета подписался на заем на 10 тысяч рублей;

Коробов Иван Гаврилович – предколхоза “Фокино” Тимонинского сельсовета на заем оформил подписку на 10 тысяч рублей»[21].

Показателен также еще один факт: «Председатель колхоза “Новый путь” Кубено-Озерского района А.Ф. Перяева внесла на строительство танков 25000 рублей, председатель колхоза “Новая жизнь” Белозерского района Н.А. Корешкова – 5000 рублей»[22].

Важной частью экономической жизни представителей сельскохозяйственной протобуржуазии было их участие во Всесоюзных сельскохозяйственных выставках. В 1954 г. Главный комитет Всесоюзной сельскохозяйственной выставки утвердил участников Выставки 1954 г. по Вологодской области:

- Кундин Иван Алексеевич, председатель колхоза «Красное знамя» Вологодского района, – утвержден участником выставки по показателям колхоза. Награжден Большой золотой медалью и премирован мотоциклом[23];

- Плеханова Августа Евгеньевна, председатель колхоза «Союз» Вологодского района, – утверждена участницей Выставки по показателям колхоза. Награждена Малой золотой медалью и премирована наручными часами[24];

- Фролов Алексей Петрович, председатель колхоза им. Сталина Череповецкого района – утвержден участником Выставки по показателям колхоза. Награжден Малой золотой медалью[25].

Важно отметить, что заслуги некоторых председателей по выведению своих колхозов в число экономически сильных по Вологодской области были замечены. В частности они удостаивались почетных званий и наград. В 1948 г. звания Герой Социалистического Труда были удостоены председатель колхоза «Моряк» Череповецкого района Климов Иван Семенович, в 1949 г. – председатель колхоза «Ударник» Грязовецкого района Ольга Васильевна Зязина, в 1950 г. – председатель колхоза «Красный борок» Сокольского района Калин Николай Григорьевич[26].

Перейдем к выводам. Анализируя правовое положение представителей сельскохозяйственной протобуржуазии, стоит сказать, что, имея постоянно увеличивающийся объем прав, руководители хозяйств нарушали их формальную сторону. Они брали на себя функции других органов, нарушали трудовую дисциплину, так как часто пьянствовали, иногда совершали прогулы. Немаловажную роль сыграло и отношение к колхозникам, которое в большинстве случаев было грубым.

Говоря об экономических правах сельскохозяйственной протобуржуазии, в частности председателей колхозов, мы делаем вывод о том, что в большинстве случаев они сводились к реализации прав собственности: «разбазариванию колхозных земель», небрежному отношению к колхозному имуществу, расхищению денежных средств. Важно отметить, что наряду с этими проявлениями имелись и положительные моменты, которые выражались в участии руководителей хозяйств в подписке на займы, участии во Всесоюзных сельскохозяйственных выставках и присвоении звания Герой Социалистического Труда.

---

[1] Безнин М.А. Аграрный строй России 1930–1980-х годов / М.А. Безнин, Т.М. Димони. Москва: Ленанд, 2014. С. 227.
[2] Там же. С. 241.
[3] Изюмова Л.В. Стратификация колхозной деревни в 1930–1960-е гг. (по материалам Европейского Севера России) / Л.В. Изюмова. Вологда, 2010. С. 38–39.
[4] Там же. С. 48.
[5] История колхозного права: сборник законодательных материалов СССР и РСФСР, 1917–1958 гг. Т. 1. 1917–1936 гг. / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, юрид. фак. Москва: Госюриздат, 1959. С. 433
[6] Фадеева. Взялся не за свое дело / Фадеева // Красная Шола. 1939. 21 мая.
[7] Тимова. О рыбе и правленцах / Тимова, Кулев // Красная Шола. 1941. 10 января.
[8] Овчинников. Пьяница у руководства колхозом / Овчинников // Красная Шола. 1941. 13 февраля.

[9] Колхозники. Нерадивый руководитель колхоза / Колхозники // Красная Шола. 1941. 11 июня.
[10] Там же.
[11] Смирнов. Маслихичев «изобретает» / Смирнов // Красная Шола. 1940. 2 октября.
[12] Свистунов. К суду за разбазаривание колхозных земель / Свистунов // Красная Шола. 1939. 23 сентября.
[13] О разбазаривании сенокосов в колхозе имени Сталина // Белозерский колхозник. 1952. 31 августа.
[14] Круглов Ф. За один тарантас 4 лошади / Ф. Круглов // Красная Шола. 1940. 13 февраля.
[15] Аникин. Убыток отнести за счет виновника / Аникин // Красная Шола. 1941. 9 мая.
[16] К.н. Вор в роли председателя колхоза / К.н. // Красная Шола. 1942. 4 июня.
[17] Мар. А. Незаконные действия предколхоза / А. Мар // Красная Шола. 1941. 27 апреля.
[18] В Райисполкоме // Красная Шола. 1941. 11 февраля.
[19] Там же.
[20] Точин Н. Расхитители наказаны / Н. Точин // Белозерский колхозник. 1947. 17 апреля.
[21] Передовики займовской подписки // Белозерский колхозник. 1943. 5 июня.
[22] Малков В.М. Голоса сурового времени: Дорогами героев: документы, письма с фронта и на фронт, дневники, воспоминания, 1941–1945 гг. / В.М. Малков // Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во. 1982. С. 185–186.
[23] Николаева Т.К. Участники Всесоюзной сельскохозяйственной выставки 1954 г. по Вологодской области: [Список / Вологодское областное управление сельского хозяйства; составители: Т.К. Николаева, Л.И. Хивина]. Вологда: Книжное издательство, 1955. С. 14.
[24] Там же. С. 18.
[25] Там же. С. 68.
[26] Гвардейцы труда: очерки о вологжанах Героях Социалистического Труда. Сев.-Зап. кн. изд-во, 1974. С. 5, 6.

Е.С. Шабарова

ГАРМОННОЕ ДЕЛО В КИРИЛЛОВСКОМ РАЙОНЕ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ в 1930–1960-е гг.

Гармонь – любимый инструмент русского народа, без нее не обходился ни один праздник. Свои корни первая русская гармоника берет из Тулы, где единичные образцы изготовляли с начала XIX в. в своей домашней мастерской братья Шкунаевы, а вслед за ними, примерно с 1820 г., производством занимался оружейник Тимофей Воронцов на своей самоварной фабрике. Дальнейшее развитие гармонный промысел получил после открытия Иваном Сизовым гармонной мастерской, в ко-

торой было организовано массовое производство этого инструмента. После организации тульского производства гармоник началось их быстрое распространение по всей стране.

В Кирилловском уезде Новгородской губернии гармонный промысел появился в 1850-х гг. Начало гармонному делу в Кирилловском уезде положил мастер Иван Разин, который впервые увидел гармонику малого размера в 7 клавишей, находясь на земляных работах на р. Шексне. Называлась гармошка «черепанка», т.к. была сделана в Череповецком уезде. В 1917 г. образовалась артель, способствовавшая развитию гармонного промысла в Кирилловском уезде. Затем в округе образовались другие артели, такие как «Северная Лира», «Красная Нива», «Баян», которые обеспечивали работой надомников и занимались изготовлением кирилловских хромок, набиравших популярность в России[1].

В конце 1920-х гг. государство берет под контроль производство гармоней. Для этого предполагалось ввести на всех гармонных фабриках и артелях страны единый технологический процесс, унифицировать основные виды выпускаемых музыкальных инструментов. Спустя некоторое время они были отвергнуты местными музыкантами, а мастера продолжали создавать свои собственные, уникальные музыкальные инструменты, используя технологии, которые были выработаны предками. В 1930-е гг. происходит расширение производства, и перед руководителями артели встает вопрос об увеличении профессиональных кадров. С этой целью в 1934 г. профессионально-техническое училище в селе Никольский Торжок Кирилловского района реорганизовали в профтехшколу промысловой кооперации. Учить профессии будущих гармонщиков были направлены мастера гармонного дела из артели «Севкустарь». Самым опытным преподавателем был 63-летний А.М. Панов, заведующий мастерскими.

Гармонный промысел стал играть ключевую роль в развитии Кирилловского района. В середине 1930-х гг. артель насчитывала 356 человек. В 1934 г. выпуск хромок составил 1208 шт., в 1935 г. их производство выросло на 44,5 % и достигло 1850 шт. Однако производственный план, установленный артелью, был выполнен в 1935 г. лишь на 74,8 %. Главными причинами невыполнения плана являлись недостаток сырья (алюминия, латуни, проволоки) и низкая производительность труда. Поэтому основными задачами, стоявшими перед правлением артели в середине 1930-х гг., были: наладить поставки сырья и внедрить разделение труда при производстве инструментов[2].

В апреле 1936 г. все артели Кирилловского района объединились в одну – артель «Севкустарь», которая вошла в систему Ленинградского областного радиомузсоюза, а с образованием Вологодской области в 1937 г. – Вологодского областного культпромсоюза. Каждый артельщик, помимо основной работы на гармонном производстве, трудился в колхозе. Помимо этого у артели было своё подсобное хозяйство, столовые, общежития, детские учреждения (ясли) и клуб.

Местом, где сконцентрировалось основное производство, стало село Благовещенье. В нем были размещены: центральный склад материалов, склад готовых изделий и полуфабрикатов, электростанция, кузница, слесарная мастерская, общежитие, сапожная мастерская, мельница, столовая. Корпусной, настроечный, деревообделочный цеха, голосовые цеха № 1 и № 2, цеха меховщиков, сборщиков, отделки гармоний, насечки напильников находились в главном здании отделения «Благовещенье». В других отделениях артели «Севкустарь» размещались цеха: меховщиков, деревообделки и сборки, голосовой, корпусный, цех чистки планок, склад и столовая.

Увеличение количества выпускаемой продукции сдерживалось отсутствием рабочего помещения, в которое можно было установить новое оборудование и хранить готовую продукцию. Тогда, по инициативе правления, в 1937 г. здание церкви Благовещенья Пресвятой Богородицы, которая находится в селе Благовещенье, было передано во владение артели «Севкустарь». На протяжении двух лет (до 1939 г.) проходила реконструкция здания церкви.

В 1940 г. производство музыкальных инструментов достигло 2087 баянов и 2335 гармоней, но эти показатели были ниже плановых. В начале года на общем собрании артели было принято решение отработать выходной день, а однодневный заработок перечислить в фонд приобретения подарков для Красной армии, борющейся с белофиннами, – гармошки собственного производства. С 22 февраля по 1 мая рабочие артели выходили на сверхурочную работу до восьми часов вечера при условии обеспечения их чаем и хлебом. К сожалению, эта мера не помогла выполнить задачи артели на 100 %, и к концу первого полугодия 1940 г. производственный план был выполнен на 50 %. На общем собрании членов артели работа предприятия была признана неудовлетворительной. Причинами плохой работы предприятия были названы: недостаток рабочей силы, низкая квалификация мастеров, которые не выполняли нормы выработки, слабая трудовая дисциплина среди некоторых членов артели[3].

В период Великой Отечественной войны артель продолжала работу, хотя большинство мужчин ушли на фронт. Если в 1940 г. насчитывалось 417 членов артели, то в 1942 г. – 179, в 1943 г. – 198. В годы войны многие мужские профессии были освоены женщинами, девушками и подростками[4].

В послевоенные годы старые мастера вернулись с фронта и вновь приступили к своей работе. Конечно, рабочих рук все равно не хватало, и было принято решение готовить новые кадры в течение трех месяцев. Большое количество новых работников обучалось в Николоторжской профтехшколе. В 1946 г. звания мастеров удостоили 50 человек. К 1946 г. в артели трудились уже 327 человек. Выпуск гармонной продукции по разным сортам гармоник к довоенному уровню был выполнен на 121,4 %.

На протяжении 1947 г. наблюдалась такая негативная тенденция, как отток рабочей силы из артели. Прежде всего, это было связано с ограничением обеспечения работников хлебными карточками в количестве 200 штук в год; это вынуждало артельщиков уходить в колхозы или на другие предприятия[5].

В 1948–1949 гг. обстановка нормализуется. Это время максимального расцвета централизованного гармонного промысла. Кроме выпуска основной продукции, артель на данном этапе расширила ассортимент товаров для быта.

Продукция артели «Севкустарь» распространялась на большую территорию РСФСР. Помимо этого, музыкальные изделия кирилловских мастеров поставлялись и в другие союзные республики, например в Литовскую ССР – Каунасский универмаг. Задача, которая была сформулирована основателями артели, «распространить свое производство по всему СССР» в 1950-е гг. была воплощена в жизнь.

Руководство артели было заинтересовано в повышении образовательного уровня работников. В 1951 г. приказом Управления промысловой кооперации при совете Министров РСФСР и Министерства просвещения РСФСР правление артели «Севкустарь» обязало всех девушек и юношей, которые работали в артели, но не имели семилетнего образования, закончить классы при местной школе. По инициативе руководства члены артели отчислили в фонд всеобуча Волокославинской средней школы 4000 рублей. Работники артели, прошедшие обучение в Николоторжской профтехшколе, освобождались от обязательного обучения[6].

С сентября 1953 г. артель была переименована в «Северную мелодию», а в 1955 г. в «Благовещенскую гармонную фабрику» и передана в ведение Управления Главмузинструмент Министерства местной промышленности РСФСР. В это время был приостановлен выпуск кирил-

ловских хромок 21×12 , стали широко внедряться унифицированные части гармоней и баянов, голосовые планки, заменившие те самые неповторимые кирилловские. Негативно сказался этот процесс и на качестве гармоней, стали экономить на производстве корпусов, заменяя массив ольхи дешевой и удобной в обработке фанерой. Все это в конечном счете привело к утрате высочайшего качества и звука, ценившегося на всей территории СССР.

Несмотря на увеличение численности работников, в середине 1950-х гг. в артели работали 808 человек, из них непосредственно на производстве – 709, производственный план 1956 г. не был выполнен. Причины этого заключались, прежде всего, в том, что подводили смежники. Московская баянная фабрика им. Красной Армии не поставила нужного количества полуфабрикатов левой механики; несвоевременно поступало в необходимом объеме сырье и материалы; голосовые планки с калужской фабрики «Аккорд» привозили в некомплекте[7]. В результате план по выпуску музыкальных инструментов в 1956 г. был выполнен на 70 %.

Со временем улучшались условия труда для работников фабрики. Так, в октябре 1957 г. был переведен на односменную работу меховой цех из-за предоставленных ему дополнительно производственных площадей. Были завершены работы по строительству водонапорной башни, дизельной станции и навеса в сушилке. Распоряжением Вологодского совнархоза № 366 от 12 мая 1960 г. «Благовещенская гармонная фабрика» была переименована в «Кирилловскую фабрику баянов»[8]. В 1961 г. была пущена в эксплуатацию пульверизационная камера для нитропокрытий: это нововведение должно было снизить процесс брака по внешней отделке. В январе 1961 г. приказом начальника Вологодского областного управления инспекции по качеству товаров на фабрике был введен строгий контроль приема продукции. В апреле 1961 г. режим контроля был снят, но в декабре того же года вновь возвращен. Причинами введения режима контроля стали частные жалобы покупателей на дефекты инструментов, производившихся фабрикой[9].

За 9 месяцев 1962 г. персонал артели был сокращен до 635 человек, из которых 597 являлись производственным персоналом. В 1962 г. артель работала весьма успешно, годовой производственный план за девять месяцев был выполнен на 89,4 %. К сожалению, дальнейшему выполнению плана помешал пожар, случившийся 27 октября 1962 г.[10]

Таким образом, в 1930-е – начале 1960-х гг. наблюдался расцвет гармонного производства, который способствовал развитию Кирилловского района. Однако со временем спрос на гармонии упал, на складе скопилось большое количество готовой продукции. Кризисное состояние

гармонного производства усугубил пожар. Решение вышестоящего руководства не восстанавливать главное здание фабрики после пожара поставило точку в истории гармонного промысла в Кирилловском районе.

---

[1] Кузьмичёва, О.Г. Волокославинская гармонь: история и современность [Электронный ресурс] / О.Г. Кузьмичёва. Режим доступа: http://www.kirmuseum.ru/issue/article.php?ID=196835.
[2] ОПИ КБИАХМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 112. Л. 14.
[3] ГАВО. Ф. 5045. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
[4] ОПИ КБИАХМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 112. Л. 82.
[5] ГАВО. Ф. 5045. Оп. 1. Д. 4. Л. 30-32.
[6] АОАКР. Ф. 5045. Оп. 1. Д. 105. Л. 107.
[7] ГАВО. Ф. 5045. Оп. 1. Д. 72. Л. 83.
[8] ГАВО. Ф. 5045. Оп. 1. Д. 81. Л. 69-70.
[9] ГАВО. Ф. 5045. Оп. 1. Д. 106. Л. 90.
[10] ГАВО. Ф. 5045. Оп. 1. Д. 116. Л. 117-120.

А.С. Столетова

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ КНИГОИЗДАНИЯ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ в 1950–1960-е гг. (на примере Архангельской и Вологодской областей)

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ, проект МК-2952.2018.6 «Писательская среда Русского Севера в контексте советской действительности середины – второй половины XX в.: проявления уровней общественного самосознания»

Проблема развития советского книгоиздания на современном этапе развития общества представляет большой научный интерес, в особенности в условиях понимания значения роли книги в культурной жизни и концепции развития государства.

В течение 1950–1960-х гг. система управления инфраструктурой чтения не раз перестраивалась. Руководило процессом книгоиздания Министерство культуры СССР, в его составе было образовано Главное управление издательств, полиграфии, книжной торговли. В структуре Министерства культуры РСФСР были выделены Главное управление издательств и полиграфической промышленности, Главное управление книжной торговли[1]. В 1963 г. указом Президиума Верховного Совета СССР был создан Государственный комитет Совета министров СССР по

печати, который должен был обеспечивать правильное определение тиражей книг, организовывать пропаганду и рекламу печатной продукции, следить за соблюдением издательского профиля и т.д. Было сокращено число центральных издательств, укрупнены областные издательства, что способствовало монополизации и усилению контроля за их работой[2]. Так, в 1964 г. в Архангельске было основано Северо-Западное книжное издательство, имевшее в своей структуре Вологодское отделение.

Власть на местах, регулирующая процессы книгоиздания и книгораспространения, была представлена обкомами, горкомами, райкомами партии, а в них отделами пропаганды и агитации, секторами культпросветработы, а также исполкомами областных, городских и районных Советов депутатов трудящихся и в них отделами культурно-просветительной работы. Основную роль в регулировании книгоиздания в местных облисполкомах играли Управление по печати и Управление культуры[3].

Производство и распространение книги рассматривались в СССР как дело партийное и государственное. Система надзора за печатью и художественным творчеством в разное время была воплощена в деятельности Главлита, Главполиграфиздата, Главиздата, Главкниготорга, Госкомпечати и др. В целом же развитие книготорговли и печатной продукции курировали Политбюро ЦК КПСС, Секретариат и Отдел культуры ЦК КПСС, Министерства культуры СССР и РСФСР, а также ЦК ВЛКСМ. Контроль за изданием литературы на местном уровне осуществляли обком партии, обком ВЛКСМ, облисполком, обллит в соответствии с распоряжениями Главлита, приказами Главного управления по охране государственных тайн в печати при Совете министров СССР, Министерства Просвещения РСФСР и др. Проверка книжных фондов велась по спискам Всесоюзной книжной палаты[4].

Таким образом, в СССР над государственными органами стояли органы партийные, был сформирован разветвленный аппарат идеологического контроля, координирующий вопросы идейного и художественного уровня литературных произведений. 18 августа 1966 г. при Совете министров СССР было создано Главное управление по охране государственных тайн в печати. В 1967 г., в соответствии с постановлением Политбюро ЦК КПСС, в структуре КГБ было образовано пятое управление по «борьбе с идеологической диверсией» и др.[5]

Как отмечали А.А. Говоров и Т.Г. Куприянова, целый ряд постановлений ЦК КПСС – «О мерах по улучшению издательской деятельности и устранению недостатков в книжной торговле» (1964), «О серьезных недостатках в организации книжной торговли в сельской местности»

(1967), «О мерах по дальнейшему развитию советской детской литературы» (1969), «О повышении рентабельности книгоиздательского дела» (1970), «О повышении роли библиотек в коммунистическом воспитании трудящихся и научно-техническом прогрессе» (1970) и др. – не смог обеспечить соответствие предложения книжной продукции огромному спросу на нее[6].

Политика коммунистической партии была направлена на опережающее развитие периодической печати как средства идеологического воздействия. Если тиражи книжной продукции в 1971 г. по сравнению с 1950 г. увеличились в 2,4 раза, то тиражи газет и журналов – в 17,5 раза. Тем не менее, на территории РСФСР к 1965 г. работало 103 книжных издательства, в 1966 г. издано 46277 названий книг и журналов общим тиражом 983509000 экземпляров. Если в 1913 г. на 100 человек населения выпускалось 62 книги, то в 1965 г. – 796 книг[7]. Политика государства в области книгоиздания была направлена на производство в первую очередь массовой (особенно художественной) литературы. Библиотековед В. Стельмах отмечает первостепенное издание пропагандистской общественно-политической литературы и советской литературной классики, тот же процесс отражают архивные материалы и статистические сборники[8].

В управлении полиграфиздата при Совете министров СССР уже в 1950 г. обращалось внимание на необходимость роста выпуска произведений местных писателей[9]. В 1935 г. в Архангельске было организовано отделение Союза писателей РСФСР, в 1961 г. была основана вологодская писательская организация, с 1965 г. функционировал межобластной журнал «Север». Здесь был создан локальный литературный центр, сосредоточился писательский анклав Русского Севера, соответственно выпуск художественной литературы являлся приоритетной отраслью книгоиздания.

На страницах журнала «Север» в разные годы появлялись произведения А. Романова, Ф. Абрамова, О. Фокиной, Н. Рубцова, В. Коротаева, С. Викулова, В. Дементьева, К. Коничева и др. А.Я. Яшин и В.И. Белов стали авторами в некотором роде сенсационных и провокационных произведений о русской деревне, шедших вразрез с официальной идеологией. Это спровоцировало развертывание серии обличительных конференций и кампаний в прессе. «Организованность» мнения о сочинениях писателей была для многих очевидной[10]. В воспоминаниях А.П. Пшеничникова находим сведения о восприятии повести А.Я. Яшина «Вологодская свадьба»: «В течение двух месяцев читали очерк во многих деревнях, а разговаривали о нем везде, где собирались по два-три человека. В марте (видимо 1963 г.) я видел декабрьскую книжку “Нового мира”

1962 г. и поразился ее зачитанностью. Довести книгу до такого состояния могли руки, которые перевернули каждый листок тысячи раз»[11].

В начале 1966 г. в первом номере журнала «Север» была опубликована повесть В. Белова «Привычное дело», ставшая ярким примером русской «деревенской прозы», «корневой вещью», как отмечал А. Романов[12]. В мае 1966 г. ЦК КПСС провел в Москве семинар секретарей по пропаганде, где выступил председатель Госкомитета по делам издательств, полиграфии и книжной торговли А.Н. Михайлов. Произведение В.И. Белова было раскритиковано за идейную порочность и антипартийность. В конце лета 1966 г. на очередном пленуме Карельского обкома КПСС министр культуры Л. Колмовский резко высказался о «вредной» публикации в «Севере». Однако произведение заинтересовало читающую публику. Газета «Правда» 3 марта 1967 г. опубликовала статью литературоведа Ф. Кузнецова, в которой о повести В. Белова говорилось как о новом и значительном явлении советской литературы. По мнению К. Гнетнева, произведение помогло редактору журнала Д.Я. Гусарову найти формы работы и методы ведения издания в условиях цензуры. После «Привычного дела» о писателе В. Белове и петрозаводском журнале узнала вся пишущая и читающая страна[13]. А. Яшин в письме В. Белову в 1966 г. писал: «Отец, тебя читают в библиотеке ЦДЛ (Центральный Дом Литераторов), – как мне сообщили, журнал “Север” с Беловым спрашивает чуть ли не каждый второй посетитель»[14].

Начальник Вологодского областного управления культуры А.Н. Голубева в 1960 г. отмечала, что публиковались в московских и ленинградских издательствах и широко распространялись книги К. Коничева, С. Викулова, А. Романова, В. Гарновского, В. Малкова и др.[15] В конце 1960-х гг. директор Северо-Западного книжного издательства Б.С. Пономарев обращался к членам Союза писателей с «социальным заказом» на книги о рабочем классе[16]. За 1967–1968 гг. вологжане выпустили более полутора десятков книг, постепенно расширялись тираж и география их распространения. Тот же процесс наблюдался в деятельности членов Архангельского Союза писателей. Так, в 1965 г. 75-тысячным тиражом была издана книга Е. Коковина «Детство в Соломбале»[17].

В заключение отметим, что в 1950–1960-е гг. на Европейском Севере происходит оформление качественно новой инфраструктуры чтения. Рост сети библиотек, расширение книготорговой базы, образование издательства и межобластного журнала – следствия появления крупного литературного союза, деятельность которого усилила процессы роста книгоиздания и книгораспространения в регионе и за его пределами.

[1] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 10, 11. С. 1–3, 5, 6; Постановление Совета Министров РСФСР от 25 апреля 1953 г. № 425 «О структуре и штатах центрального аппарата Министерства культуры РСФСР и его местных органов» // СПС КонсультантПлюс. URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=23717 (дата обращения: 24.10.2017).

[2] Ройхель И.М., Фельдман Е.И. Даты, факты, цифры // Книжная торговля: Исследования и материалы. М.: Книга, 1975. С. 211.

[3] ГАВО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 3. Л. 2–6.

[4] Столетова А.С. Инфраструктура чтения на Европейском Севере России в 1950–1960-е гг. (на материалах Архангельской и Вологодской областей): дис. … канд. ист. наук. Иваново, 2015.

[5] Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР. 1917–1991. М.: РОССПЭН, 2002. С. 315, 327.

[6] История книги / под ред. Говорова А.А., Куприяновой Т.Г. URL: http://www.hi-edu.ru/e-books/HB/22-3.htm (дата обращения: 26.10.2017).

[7] Книжная торговля. 1967. № 7; История книги / под ред. Говорова А.А., Куприяновой Т.Г. URL: http://www.hi-edu.ru/e-books/HB/22-3.htm (дата обращения: 26.10.2017).

[8] Дубин А. Валерия Стельмах: «Отношение к книге сильно изменилось» [Интервью с библиотечным работником, библиотековедом, социологом В. Стельмах] // Уроки истории. XX век. URL: http://urokiistorii.ru/article/51818 (дата обращения: 30.10.2017); ГАВО. Ф. 4795. Оп. 1. Д. 171. Л. 42; РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 10. Д. 9. Л. 15–23; Печать СССР в 1955 г.: Статистические материалы. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1956. С. 3–14; 60–63; Печать СССР в 1965 г.: Статистические материалы. М.: Книга, 1966. С. 5–19; Печать в 1969 г.: Статистические материалы. М.: Книга, 1970. С. 5–29; Советская печать в период между XX и XXII съездами КПСС: Статистические материалы. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1961. С. 41–44.

[9] ГАВО. Ф. 4692. Оп. 1. Д. 11. Л. 30.

[10] Берсенев А. Нет, не прав Яшин! // Красный Север. 1963. 26 января. С. 4; Вы смотрите через темные очки, товарищ Яшин // Красный Север. 1963. 1 февраля. С. 4.

[11] Пшеничников А.П. Приезжайте в Кожаево. Никольск: Редакция газеты «Авангард», 2003. С. 44–46.

[12] Романов А. Народные корни литературы: из истории Вологодской писательской организации // Литературная Вологда. Вологда: Книжное наследие, 2007. С. 479.

[13] Гнетнев К. Дмитрий Гусаров. Раненый ангел // Север. 2012. № 7–8. С. 138–143.

[14] ГАВО. Ф. 5134. Оп. 1. Д. 368.

[15] Кибардина А. Живите творчески быстрее // Красный Север. 1960. 11 февраля. С. 2.

[16] ГААО. Ф. 741. Оп. 1. Д. 208. Л. 35, 36; РГАЛИ. Ф. 2938. Оп. 2. Д. 953. Л. 6.

[17] Пономарев Б. Книги архангельских и вологодских писателей // Красный Север. 1966. 5 января. С. 4; Задумкин Н. Высокое назначение // Красный Север. 1969. 30 января. С. 4.

Л.А. Коновалова

ДОХОДЫ КОЛХОЗОВ СЕВЕРО-ЗАПАДА РСФСР ОТ ПРОДАЖ НА КОЛХОЗНОМ РЫНКЕ В СЕРЕДИНЕ 1960-х гг.

Колхозный рынок в СССР являлся одной из сфер товарно-денежных отношений. Согласно примерному Уставу сельскохозяйственной артели 1935 г., колхозы могли реализовывать часть производимой сельскохозяйственной продукции по собственному усмотрению, в том числе на колхозном рынке.

Такие каналы отчуждения сельскохозяйственных продуктов, как продажа колхозами части своей товарной продукции потребителям на рынке, продажа потребительской кооперацией продовольственных товаров, закупленных и принятых на комиссию по ценам согласно договоренности, и внутриколхозная торговля (продажа колхозами сельскохозяйственных продуктов непосредственно своим колхозникам), рядом советских исследователей признавались как различные формы колхозного рынка[1]. Существенные отличия этих форм отметил исследователь Н.А. Кравченко. По его мнению, внутриколхозная торговля не может быть названа рыночной торговлей, так как, во-первых, колхозы продавали продукцию только своим колхозникам. Во-вторых, сельхозартели продавали продукцию потребителю исходя из потребительских нужд членов артели (зачастую даже не продавали, а выписывали в счет оплаты труда). В-третьих, эта продажа осуществлялась по льготным ценам, устанавливаемым самими колхозами, и уровень этих цен, как правило, значительно ниже уровня государственных цен. Продажа потребительской кооперацией продовольственных товаров, закупленных и принятых на комиссию по ценам согласно договоренности, также не может быть отнесена к колхозному рынку, так как она характеризовалась тем, что обороты продажи и цены реализации устанавливались и регулировались в плановом порядке[2]. В данном исследовании под колхозной торговлей мы будем понимать непосредственную продажу продукции сельхозартелями на рынках по ценам, складывавшимся под влиянием закона спроса и предложения.

Продажа определенной части товарной продукции на колхозном рынке являлась для колхозов дополнительным стимулом к увеличению производства. Это было связано с уровнем рыночных цен на основные сельскохозяйственные продукты, который был значительно выше уровня заготовительных и закупочных цен. Так, например, до осени 1953 г. цены колхозного рынка на масло животное были выше заготовительных в

среднем в 10 раз и закупочных в 3–3,5 раза, примерно в 6–8 раз были выше по сравнению с заготовительными цены на мясо и мясопродукты[3]. Такой разрыв между ценами колхозного рынка и государственными заготовительными и закупочными ценами вызывал заинтересованность у колхозов участвовать в рыночной торговле своими продуктами и превращал их в важнейший источник поступления сельскохозяйственных продуктов на этот рынок.

Участие колхозов в рыночной торговле до 1953 г. давало им возможность получать большие денежные средства. Так, в 1952 г. доля денежных поступлений от продажи колхозами сельскохозяйственной продукции на колхозном рынке составила 34,1% всех денежных доходов колхозов[4].

После сентябрьского Пленума ЦК КПСС 1953 г. были осуществлены важные мероприятия по усилению материальной заинтересованности колхозов и колхозников в увеличении производства сельскохозяйственной продукции и продажи ее государству. Главным содержанием этих мероприятий были значительное повышение заготовительных и закупочных цен на зерно, овощи, картофель и продукцию животноводства при понижении норм обязательных поставок. Понижение норм обязательных поставок позволило колхозам большую часть своей товарной продукции продавать государству по более высоким закупочным ценам. В связи с этим после 1953 г. значительно уменьшилась доля колхозов в общей продаже сельскохозяйственных продуктов на колхозном рынке.

Замедление темпов роста сельскохозяйственного производства в период 1959–1964 гг. привело к сокращению излишков сельскохозяйственных продуктов после выполнения плана продажи их государству. Так, доля государственной и кооперативной торговли в общем объеме товарооборота в 1964 г. составляла 72,5%, в продаже продовольственных товаров – 95%, доля колхозной торговли соответственно – 3,2% и 5%[5].

После 1958 г. доля колхозов в общем объеме продажи важнейших сельскохозяйственных продуктов значительно снизилась. Удельный вес продажи сельскохозяйственных продуктов колхозами в общей продаже на городских колхозных рынках сократился с 1958 по 1963 год по продуктам растениеводства на 63,5%, по продуктам животноводства – на 31,3%, по скоту – на 35,5%[6]. Напротив, в 1964 г. наблюдалось увеличение объема реализации сельскохозяйственной продукции колхозами на колхозном рынке по сравнению с 1963 годом. Это зависело от ряда факторов. Во-первых, с 1960 г. наблюдался рост цен на рынке, который продолжался до второй половины 1964 г.[7] Во-вторых, увеличилось произ-

водство ряда сельскохозяйственных продуктов в колхозах. Так, например, производство зерна в стране в 1964 г. по отношению к 1963 г. увеличилось на 41,4%, картофеля – на 30,3%, овощей – на 28,4%[8]. Такое увеличение производства сельхозпродукции позволило колхозам не только выполнять план продажи государству, но и иметь излишки, которые они могли реализовывать на колхозном рынке.

Рассмотрим доходы колхозов Северо-Запада РСФСР от продаж растениеводческой и животноводческой продукции на колхозном рынке в середине 1960-х гг. на основе статистических сведений ЦСУ РСФСР о денежных доходах колхозов и их распределении по экономическим районам, краям, областям за 1964 г. Данные источники разрабатывались по материалам годовых отчетов колхозов и отложились в фонде А-374 «Государственный комитет по статистике» Государственного архива Российской Федерации.

Денежные доходы колхозов формировались за счет продаж сельскохозяйственной продукции кооперативным организациям, потребителям на колхозном рынке, колхозникам в счет денежной оплаты труда и в порядке государственных закупок.

Таблица 1

Денежные доходы колхозов РСФСР от продажи продукции растениеводства в 1964 г. (в руб.)

Крупные экономические районы, области, АССР	Источники поступления средств от продажи продукции растениеводства				Итого от растениеводства
	Госзаготовителям в счет плана госзакупок	Кооперативным и другим организациям помимо продажи в счет плана госзакупок	На колхозном рынке	Колхозникам в счет денежной оплаты труда	
РСФСР	3533480	171760	233315	213913	4152468
Северо-Западный район	98906	1803	1811	3039	105559
Архангельская область	3198	132	193	257	3780
Вологодская область	27387	422	339	968	29182
Ленинград	-	-	-	-	-
Ленинградская область	3212	290	311	313	4126
Мурманская область	-	-	-	-	-

Окончание табл. 1

Крупные экономические районы, области, АССР	Источники поступления средств от продажи продукции растениеводства				Итого от растениеводства
	Госзаготовителям в счет плана госзакупок	Кооперативным и другим организациям помимо продажи в счет плана госзакупок	На колхозном рынке	Колхозникам в счет денежной оплаты труда	
Новгородская область	21733	312	345	245	22635
Псковская область	42554	553	571	1097	44775
Карельская АССР	-	-	-	-	-
Коми АССР	822	28	52	159	1061

Составлено по: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 35. Д. 1118. Л. 1.

Из таблицы 1 видно, что в 1964 г. наибольшую долю в доходах колхозов РСФСР от реализации продукции растениеводства составляют денежные средства от продажи в счет плана государственных закупок – 85%. Вторым по значимости источником поступления доходов был колхозный рынок – 6%. Доходы от внутриколхозной торговли составили 5%, от продаж потребительской кооперации – 4%.

Для колхозов Северо-Западного экономического района РСФСР сложились иные пропорции поступления средств от продаж продукции растениеводства. Вторым по значимости источником доходов после реализации продуктов в счет плана государственных закупок (94%) являлись доходы от внутриколхозной торговли – 3%. Выручка от продаж на колхозном рынке и кооперативным организациям давала в сумме 3% всех доходов.

Доходы колхозов областей и республик Северо-Западного экономического района зависели от объемов произведенной продукции растениеводства. Производительность определялась распределением сельскохозяйственных угодий, а также плодородием почв. Так, на 1 ноября 1964 г. в пользовании сельскохозяйственных предприятий и хозяйств Псковской области находилось 2019 тыс. га, из них под пашню было определено 1026 тыс. га, посевные площади составляли 892 тыс. га. В Вологодской области эти же показатели составляли соответственно 2195, 868, 775 тыс. га, в Новгородской – 1207, 551, 481 тыс. га, в Архангельской – 1010, 312, 284 тыс. га, в Ленинградской – 835, 356, 350 тыс. га, в Коми АССР – 464,

96, 90 тыс. га[9]. Различным было и число сельскохозяйственных артелей по областям и автономным республикам Северо-Запада РСФСР. В 1964 г. число всех колхозов Северо-Западного района составляло 1593 (включая рыболовецкие), из них на территории Псковской области находилось 487 колхозов, Вологодской – 377, Новгородской – 300, Архангельской – 198, Коми АССР – 100, Ленинградской области – 95[10]. Сложившиеся условия повлияли на размеры доходов колхозов от реализации продукции растениеводства. Так, наибольшую выручку от продаж данного вида продукции получали колхозы Псковской области (42,4% от общего дохода колхозов Северо-Запада РСФСР). Вырученные денежные средства сельскохозяйственных артелей Вологодской области составили 27,6%, Новгородской области – 21,4%, Ленинградской – 3,9%, Архангельской – 3,5%, Коми АССР – 1% (см. табл. 1). В порядке колхозной торговли продукцию растениеводства сельхозартели реализовывали не только на рынках своей области, но и за ее пределами. Так, на рынки Ленинграда картофель завозился из шести областей и республик. Из Ленинградской области было завезено 60% всего картофеля, из Псковской области – 19%. Овощи на колхозные рынки Ленинграда завозили из 29 областей и республик. Из Ленинградской области поступало только 27% всего количества проданных овощей, из Псковской области – 20%[11].

Рассмотрим доходы колхозов Северо-Запада РСФСР от продаж продукции животноводства и скота на колхозном рынке в середине 1960-х гг.

Таблица 2

Денежные доходы колхозов РСФСР от продажи продукции животноводства и скота в 1964 г. (в руб.)

Крупные экономические районы, области, АССР	Источники поступления средств от продажи продукции животноводства и скота					Итого от реализации продукции животноводства и скота
	Госзаготовителям в счет плана госзакупок	Кооперативным и другим организациям помимо продажи в счет плана госзакупок	На колхозном рынке	Колхозникам в счет денежной оплаты труда	Прочие доходы от животноводства	
РСФСР	2586185	50688	122913	75773	10531	2846090
Северо-Западный район	154088	3606	6057	4460	556	168767
Архангельская область	20489	719	734	637	53	22632

Окончание табл. 2

Крупные экономические районы, области, АССР	Источники поступления средств от продажи продукции животноводства и скота					Итого от реализации продукции животноводства и скота
	Госзаготовителям в счет плана госзакупок	Кооперативным и другим организациям помимо продажи в счет плана госзакупок	На колхозном рынке	Колхозникам в счет денежной оплаты труда	Прочие доходы от животноводства	
Вологодская область	46369	944	1701	1525	126	50665
Ленинград	-	-	-	-	-	-
Ленинградская область	10062	629	868	515	23	12097
Мурманская область	-	-	-	-	-	-
Новгородская область	25316	331	800	533	240	27220
Псковская область	42372	879	1607	871	91	45820
Карельская АССР	-	-	-	-	-	-
Коми АССР	9481	104	347	379	23	10334

Составлено и рассчитано по: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 35. Д. 1118. Л. 3.

Ведущим каналом реализации продукции животноводства, как и в случае с продукцией растениеводства, являлись продажи госзаготовителям в счет плана государственных закупок. Они составляли 91% в общих доходах колхозов РСФСР от продаж продукции животноводства и скота. Доходы от торговли на колхозном рынке составили 4%, от реализации продукции колхозникам в счет денежной оплаты труда – 3%, от продаж кооперативным организациям – 2%. Таким образом, колхозная торговля была вторым по значению источником поступления денежных средств в бюджеты сельскохозяйственных артелей РСФСР.

В доходах сельхозартелей Северо-Запада РСФСР от реализации продукции животноводства колхозный рынок также был вторым по значению среди источников поступления средств. Так, доходы от колхозной

торговли были на 36% выше поступлений от продаж в счет денежной оплаты труда и на 68% выше поступлений от продаж кооперативным организациям. Это было связано с ценами на продукцию животноводства в государственной, кооперативной и колхозной торговле. В 1964 г. цены колхозного рынка в целом были в 1,7 раза выше государственных розничных цен, цены на мясо в 1964 г. на 53% были выше государственных[12]. На всем протяжении 1964 года цены на скот возрастали. Начиная с декабря 1964 года в торговле скотом произошли существенные изменения: резко возросла продажа, и продолжали повышаться цены. В декабре 1964 г. по сравнению с декабрем 1963 г. продажа скота на колхозных рынках крупных городов увеличилась на 38%, в январе 1965 г. по сравнению с январем 1964 г. – на 85%, в феврале – на 94%[13].

Показатели производства основных продуктов животноводства существенно влияли на доходы колхозов по областям и республикам Северо-Запада РСФСР. В 1964 г. в колхозах Архангельской области мяса всех видов было произведено 8,4 тыс. тонн, молока – 106,7 тыс. тонн, яиц – 3,5 млн шт. В Вологодской области соответственно – 18,3 тыс. тонн, 253,7 тыс. тонн, 4,7 млн шт.; в Ленинградской области – 3,5 тыс. тонн, 56,7 тыс. тонн, 7,4 млн шт.; в Новгородской области – 10,0 тыс. тонн, 128 тыс. тонн, 6,1 млн шт.; в Псковской области – 15,3 тыс. тонн, 217,0 тыс. тонн, 11,1 млн шт.; в Коми АССР – 3,3 тыс. тонн, 35,3 тыс. тонн, 0,3 млн шт.[14]. Наибольшие доходы от реализации продукции животноводства получали колхозы Вологодской области, далее следовали Псковская, Новгородская, Архангельская, Ленинградская области и Коми АССР (см. табл. 2). Доходы сельхозартелей Архангельской области от реализации продукции животноводства и скота на колхозном рынке составляли 3% от всех продаж данного вида продукции колхозами области, в Вологодской области – 3%, в Ленинградской области – 7%, в Новгородской области – 3%, в Псковской области – 4%, в Коми АССР – 3%.

В условиях развития государственной и кооперативной торговли уменьшалась роль колхозного рынка в формировании денежных доходов колхозов. В 1964 г. доля денежных поступлений от торговли сельскохозяйственной продукцией на рынке составила 5% всех денежных поступлений сельхозартелей РСФСР[15].

Таблица 3

Денежные доходы колхозов Северо-Западного района РСФСР в 1964 г. от продаж сельскохозяйственной продукции на колхозном рынке (в руб.)

Крупные экономические районы, области, АССР	Денежные доходы от продаж продукции растениеводства на колхозном рынке	Денежные доходы от продаж продукции животноводства и скота на колхозном рынке	Всего денежных доходов
РСФСР	233315	122913	7504173
Северо-Западный район	1811	6057	310361
Архангельская область	193	734	30533
Вологодская область	339	1701	90738
Ленинградская область	311	868	24165
Новгородская область	345	800	54860
Псковская область	571	1607	95637
Коми АССР	52	347	14428

Составлено и рассчитано по: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 35. Д. 1118. Л. 7.

Из таблицы 3 следует, что в 1964 г. доходы колхозов Архангельской области от реализации продукции растениеводства, животноводства и скота в порядке колхозной торговли составили 3%, Вологодской – 2%, Ленинградской – 5%, Новгородской – 2%, Псковской области – 2%, Коми АССР – 3%. Таким образом, колхозный рынок играл более значимую роль как источник поступления средств в тех областях, где городское население превышало сельское. На 1 января 1965 г. городское население Архангельской области составляло 66%, Коми АССР – 64%, Ленинградской области – 58%. Доля сельского населения была выше в Псковской, Вологодской и Новгородской областях, составляла соответственно – 64, 57 и 53%[16]. На доходы сельхозартелей Северо-Запада также влияли цены, которые складывались на колхозных рынках областей и республик.

Даже в условиях сокращения объемов товарооборота колхозная торговля продолжала играть существенную роль в хозяйстве страны, являясь дополнительным каналом снабжения городского населения продуктами питания и источником денежных доходов колхозов.

---

[1] Линийчук, Я.У. Колхозный рынок в СССР и его значение в период развернутого строительства коммунизма [Текст] : дис. … д-ра экон. наук / Линийчук Я.У. Киев, 1962; Морозов, В.А. Трудодень, деньги и торговля на селе [Текст]: / В.А. Морозов. Москва: Экономика, 1965. 319 с.

[2] Кравченко, Н.А. Колхозный рынок как специфическая сфера товарно-денежных отношений при социализме [Текст] : дис. … канд. экон. наук / Кравченко Н.А. Москва, 1970. С. 4–5.

[3] Макарова, М. О колхозном рынке в СССР [Текст] / М. Макарова // Вопросы экономики. 1957. № 2. С. 50.
[4] Народное хозяйство СССР в 1960 году: статистический ежегодник / ЦСУ СССР. Москва: Госстатиздат, 1961. С. 496.
[5] Народное хозяйство РСФСР в 1964 году: статистический ежегодник / ЦСУ РСФСР. Москва: Статистика, 1965. С. 398.
[6] Советская торговля: статистический ежегодник / ЦСУ СССР. Москва: Госстатиздат, 1964. С. 278.
[7] Безнин, М.А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье 1950-1965 гг. : учеб. пособие / М.А. Безнин. Москва; Вологда, 1991. С. 159.
[8] Народное хозяйство СССР в 1965 году: статистический ежегодник / ЦСУ СССР. Москва: Госстатиздат, 1966. С. 262-263.
[9] Народное хозяйство РСФСР в 1964 году: статистический ежегодник / ЦСУ РСФСР. Москва: Статистика, 1965. С. 168-169, 180-181.
[10] Морозов, В.А. Трудодень, деньги и торговля на селе… С. 288.
[11] Привозы основных сельскохозяйственных продуктов на колхозные рынки крупных городов (итоги выборочного обследования): статистическая бюллетень / ЦСУ при Совете Министров СССР. Москва: Главмехсчет, 1970. С. 21.
[12] Колхозный рынок в 1967 году: статистический бюллетень / ЦСУ при Совете Министров СССР. Москва: Главмехсчет, 1965. С. 20.
[13] Колхозный рынок в 1964 году: статистический бюллетень / ЦСУ при Совете Министров СССР. Москва: Главмехсчет, 1965. С. 3.
[14] Народное хозяйство РСФСР в 1964 году… С. 288-289.
[15] Народное хозяйство РСФСР в 1964 году… С. 286.
[16] Народное хозяйство РСФСР в 1964 году… С. 12.

ИСТОРИКИ. ПОКОЛЕНИЯ. ВЗГЛЯДЫ

Материалы Всероссийской научной конференции
(Вологда, 19–21 октября 2017 г.)

Подписано в печать 18.12.2017. Формат 60 х 84/16.
Усл. п. л. 16,25. Тираж 100 экз. Заказ № .

РИО ВоГУ. 160000, г. Вологда, ул. С. Орлова, 6.

Отпечатано: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»
(ФГБУН ВолНЦ РАН)
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Тел.: 59-78-03, e-mail: common@vscc.ac.ru